

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Владения Смоленских Ростислаичей

«Государь» или «господарь» всея Руси?

Вольное казачество и государственная власть

Казачество и конскрипция в 1860–1870-е гг.

Фортосты России на границе с Монголией

*Имел ли П.И. Рачковский отношение
к созданию «Протоколов сионских мудрецов»?*

Советский полпред о последних днях Германской империи

Красный спортивный Интернационал в 1930-е гг.

Главлит и научно-популярная литература в 1960–1970-е гг.

Политика памяти и историческая наука

Обсуждаем книгу

А.Э. Котов

«Царский путь» Михаила Каткова

МОСКВА
ГАУГН-ПРЕСС

5

сентябрь
октябрь
2018

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Г.А. Куманёв, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, С.В. Тютюкин, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина,
С.В. Журавлёв, В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

Смоленские Ростиславичи и их владения по раннему летописанию

Елена Конявская

Rostislavichi of Smolensk and Their Possessions in the Early Chronicle

Elena Konyavskaya

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870001458-1

Смоленские Ростиславичи – сыновья Ростислава Мстиславича, князя смоленского, а затем и киевского – были влиятельным кланом, игравшим заметную роль в политической жизни южнорусских и западнорусских земель середины – второй половины XII в. В летописных текстах об их владениях в Киевской земле сохранилось немало сведений. Нет такого рода данных лишь относительно Святослава Ростиславича (как, впрочем, и сведений о его смоленских владениях), княжившего в Новгороде, а в периоды конфликтов с новгородцами уходившего в Смоленск, где он и был похоронен. О владениях других Ростиславичей материал содержится, в первую очередь, в Ипатьевской летописи, отразившей Киевский свод 1198 г. Она сообщает, что в начале 1161 г. Рюрик Ростиславич шёл на помощь отцу, осаждённому в Белгороде черниговским князем Изяславом Давыдовичем. Сказано, что он «поиде ис Торцьско-го»¹. По-видимому, киевский Торческ Рюрик получил от отца, но, как оказалось, ненадолго – уже в 1162 г. Ростислав Мстиславич заключил мир с Мстиславом Изяславичем и дал ему города, в числе которых назван и «Торьский». В дальнейшем Рюрик взамен получил в Киевской земле Вручий (Овруч), но уже в 1190-х гг. Торческ оказался во владениях его сына Ростислава. Под 1193 г. говорится, что Ростислав Рюрикович после победы над половцами ездил со «славою» в Торческ, а затем к отцу в Овруч². Подобные свидетельства в Ипатьевской, а затем в Лаврентьевской летописи вплоть до 1207 г. встречаются регулярно. Это говорит о том, что Овруч находился в руках Рюрика. Торческ же после его временной передачи Рюриком владимирово-волынскому князю Роману Мстиславичу вернулся к его сыну Ростиславу уже из рук Всеволода Большое Гнездо.

Давыд до своего вокняжения в Смоленске систематически фигурирует в летописании как князь, правивший в киевском Вышгороде, куда он попал по воле отца. Вышгород, с древности имевший княжеский стол, располагался в пределах 20 км от Киева, на Днепре, и был стратегически важным с политической, военной и торговой точек зрения пунктом. В рассказе Ипатьевской летописи о событиях 1169 г. говорится, что в Вышгороде был подожжён двор Радила, тысяцкого князя Давыда³. Надо полагать, что тысяцкий жил там же,

© 2018 г. Е.Л. Конявская

¹ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 517.

² Там же. Стб. 678.

³ Там же. Стб. 534. Как показал В.А. Кучкин, вероятно, вышгородская тысяча была создана отцом Давыда Ростиславом Мстиславичем в период его киевского княжения (с 1160 г.) (см.:

где и его князь. О том, что резиденция Давыда находится в Вышгороде, ясно и из эпизода, имевшего место в 1170 г. В тот год Мстислав Изяславич для изобличения Владимира Мачешича «послаша къ Д(а)в(ы)д(о)ви Вышегороду», чтобы тот прислал свидетеля Василя «на тяжю»⁴. Наконец, можно понять, что неподалеку от Вышгорода произошло нападение на отправившегося на ловы Давыда со стороны черниговского князя Святослава Всеволодовича в 1180 г. Захватив дружину и «товары» этого Ростиславича, черниговский князь двинулся к Вышгороду, желая пленить самого Давыда, но «не обрѣтоша его»⁵. Это означает, что Давыд сохранял за собой Вышгород вплоть до начала своего смоленского княжения.

Под 1164 и 1166 г. о Давыде говорится как о витебском князе⁶. Под 6675 г. читается рассказ о столкновении из-за полоцкого княжения Володаря Глебовича Минского и Всеслава Васильковича, княжившего в то время в Полоцке, при этом сообщается, что Всеслав, чьим союзником был Давыд, бежал в Витебск⁷. Видимо, Витебск не ушёл из-под контроля Ростиславичей и позднее. В 1196 г. Рюрик и Давыд распоряжались Витебском (обещали этот город Ярославу Всеволодовичу Черниговскому). В Витебске сидел зять Давыда (видимо, Всеслав Василькович, женатый на сестре Давыда)⁸: в летописи сказано, что Ярослав послал сыновца «къ Витебскоу на зятя на Д(а)в(ы)да»; затем «винил» Давыда, «аже помогает зяти своему»⁹, при том что полоцкие князья выступали на противной стороне — черниговских Ольговичей.

Мстислав Ростиславич в 1161 г. был посажен отцом в Белгороде. Как Вышгород на северо-востоке, так и Белгород на юго-западе являлись важными стратегическими пунктами Киевской земли¹⁰. Белгородская тысяча возникла раньше вышгородской¹¹. Так же, как в случае с Торческом, Белгород был возвращён Мстиславу Изяславичу в 1162 г., но впоследствии в 1172 г. мы снова обнаруживаем его во владениях Мстислава: Андрей Боголюбский, поссорившись с Ростиславичами, требовал, чтобы они оставили свои киевские владения и шли в Смоленскую землю, причём Мстислав должен уйти «из Бѣлгорода». Между этими годами указаний на киевские владения Мстислава отсутствуют. Так, о местах княжения смоленских Ростиславичей в Киевской земле говорится в перечислении участников похода на Киев 1169 г.: идут «Романъ и-Смоленска», «Рюрикъ изъ Вроучего», «Д(а)в(ы)дъ из Вышегорода, брат его Мъстиславъ»¹². В Лаврентьевской летописи дан несколько иной перечень смоленских участников похода: «Романъ Смолинскый, Д(а)в(ы)дъ Вышегородскый... Рюрикъ с братом съ Мстиславомъ»¹³. В обоих текстах Мстислав назван без места княжения, лишь как брат Давыда или Рюрика. Уже в следующем году в рассказе о походе на Новгород о Мстиславе говорилось иначе, но это касалось его смоленских владений.

Кучкин В.А. Тысяцкие в Киевском княжестве XI–XIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3(65). С. 15).

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 535.

⁵ Там же. Стб. 615

⁶ Там же. Стб. 525.

⁷ Там же. Стб. 526–527.

⁸ См.: *Коняская Е.Л.* Внешнеполитические действия смоленских князей (по летописным данным середины — второй половины XII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2018. С. 152.

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 691, 693.

¹⁰ Владения этими территориями позволяли быстро достигать Киева и, наоборот, уходить туда из Киева при необходимости: так поступали Рюрик и Мстислав в 1173 г., Роман — в 1176 г.

¹¹ См.: *Кучкин В.А.* Тысяцкие в Киевском княжестве... С. 14.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 543.

¹³ Там же. Т. 1. Л., 1926–1928. Стб. 354.

Наконец, стоит вспомнить эпизод, когда братья Ростиславичи (правда, без участия Романа) посадили на киевский стол Рюрика, и Андрей Боголюбский впал в гнев, поскольку не добился от них выдачи Григория Хотовича, которого подозревал в убийстве своего брата князя Глеба Юрьевича¹⁴. Андрей Боголюбский направил к братьям мечника Михна, требуя, чтобы Рюрик шёл в Смоленск к брату Роману. Мстислав, с его точки зрения, заслужил изгнания из «Русской земли», а Давыду приказал сказать: «А ты поиди въ Берладъ, а в Руськой земли не велю ти быти»¹⁵. Имеет ли смысл рассматривать приказ идти в Берладъ как лишение Давыда владений в «Русской земле» с наделением его, тем не менее, далеким и малопрестижным владением? Такая трактовка возможна, поскольку, согласно Ипатьевской летописи, главным ослушником по отношению к «старейшему» князю Андрею Юрьевичу последний называет Мстислава («в тобѣ стоять все, а не велю ти в Руской землѣ быти»)¹⁶. Таким образом, весьма вероятно, указание Андрея Боголюбского идти в Берладъ нужно понимать как серьёзное понижение положения Давыда (княжение в отдалённом малопрестижном месте), но всё же с выделением ему каких-то владений — уже вне Киевской земли. Нельзя исключать, что упоминание Берлады здесь появляется неслучайно — не как произвольно выбранная отдалённая земля, а как воспоминание о связях с Иваном Ростиславичем Берладником отца Ростиславичей Мстислава (к нему на службу переходил князь Иван в 1146 г.). Известно, что впоследствии сына Ивана — Ростислава — «приял» к себе Давыд Ростиславич.

Означает ли это, что Ростиславичи, кроме занимаемого братьями поочередно смоленского стола, не имели владений в Смоленском княжестве, получая их в Киевской земле? Сведений о смоленских владениях Ростиславичей немного. Ясно, что старший из них, Роман, был при отце в самом Смоленске, оставаясь на смоленском столе в периоды киевского княжения Ростислава, а после смерти отца закрепил за собой Смоленское княжение. Одно из первых таких известий — под 6660 г.: «Изяславъ поиде к Новугороду, и ту приде к нему С(вя)тославъ Всеволодичъ и Романъ Ростиславич с(ы)новець ег(о) и Смоленска с полкы своими»¹⁷. Данный текст даёт понять, что у Романа имелись свои полки, а стало быть, и владения, причём смоленские. Роман к этому времени был женат. В подобном же контексте фигурирует и Рюрик. В 1157 г. Изяслав Мстиславич ходил на «Ярославича к Турову и с нимъ иде Ярославъ из Лучьска и Андрѣвичъ Ярополкъ, и Галичьская помочь, и Ростиславич Рюрикъ съ Смолняны, и Володимиръ Мьстиславич»¹⁸. Здесь нет прямых указаний относительно принадлежности полков, но более вероятно, что смоленские силы являлись полками самого Рюрика. В следующем году Рюрик и Роман со смоленскими полками помогли Рогволоду, который боролся за полоцкий стол. Известно также, что после смерти Ростислава Мстиславича Рюрик дал родившемуся у него сыну имя деда (Ростислава) и город Лучин (1172). Очевидно, что сам Рюрик владел этим городом¹⁹.

¹⁴ В Лаврентьевской летописи причиной его гнева на Ростиславичей представлен захват сидевшего в Киеве брата Андрея Всеволода (Там же. Стб. 365).

¹⁵ Там же. Т. 2. Стб. 573.

¹⁶ В Лаврентьевской летописи главным виновником неприемлемых для Андрея Боголюбского действий Ростиславичей представлен Давыд («в то же лѣт(о) непокоршимся Ростиславичемъ князю Андрѣю. и в воли его не ходящи. Паче же Д(а)в(ы)дъ Ростиславичъ, Вышегородскыи князь. здумавъ с братею своею. Приѣхавъ ночи противу свѣту г Киеву. ятъ брата князя Андрея Всеволода и Ростиславича Яропорка и дружину ихъ. В то же лѣт(о) слышавъ князь Андрѣи ята брата своя. Д(а)в(ы)домъ Ростиславичемъ и братею его» (Там же. Т. 1. Стб. 365).

¹⁷ Там же. Т. 2. Стб. 459.

¹⁸ Там же. Стб. 491.

¹⁹ Локализация города до конца не ясна, см.: *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. С. 341 (карта); *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв.

Будучи уже смоленским князем, Роман в 1170-х гг. периодически оказывался на киевском столе. Отправившись в Киев в 1171 г., он передал смоленский стол сыну Ярополку, который там княжил до его возвращения в Смоленск в 1172 г. В следующее киевское княжение (1174) Роман вновь посадил в Смоленске сына, однако в начале 1175 г. смольняне выгнали Ярополка, «а Ростиславича Мстислава введоша Смоленську княжить»²⁰. Но и Мстислав в Смоленске княжил недолго, поскольку во второй половине 1176 г. Роман уступил киевский стол Святославу Всеволодовичу Черниговскому и вернулся в Смоленск.

Можно считать установленным, что основным владением Мстислава Ростиславича в Смоленском княжестве был Торопец. Л.В. Алексеев уверенно утверждал, что когда Ростислав в 1167 г., уже терявший силы, остановился в Торопце, он навещал «своего сына Мстислава»²¹. Тем не менее, учитывая подробность рассказа об этой поездке, где в деталях повествуется о встречах и общении Ростислава с зятем Олегом Новгород-Северским, сыновьями Романом и Святославом, сестрой Рогнедой, представляется маловероятной возможность того, что факт встречи с Мстиславом мог быть проигнорирован летописцем. Ранее под 6675 г. в Новгородской первой летописи сообщается об участии Мстислава в военных действиях против новгородцев, но Торопец нигде не упомянут: «Брат его (Святослава Ростиславича. — *Е.К.*) Романъ и Мъстиславъ пожьгоста Луку»²². О том, что под 1169 г. Мстислав Ростиславич назван братом Давыда (без указания его резиденции), уже говорилось. По-иному выглядит известие 1170 г., когда в поход на Новгород отправились братья Роман и Мстислав вместе с сыном Андрея Юрьевича Боголюбского. О Ростиславичах сказано: «Романъ и Мъстислав съ смольняны и съ торопцяны»²³. Наличие торопецких полков и упоминание двух князей, один из которых, как известно, должен был идти со смольнянами, указывает на то, что Мстислав получил торопецкий стол. Этот стол занимали затем его сын Мстислав Мстиславич и внук Давыд Мстиславич. Тем не менее Торопецкое княжение не имело полной самостоятельности, являясь уделом главного центра княжества — Смоленска, и как удел было тесно связано со столицей.

Принято считать²⁴, что Ростислав в 1164 г. передал два смоленских города Васильев и Красн «Романови, Вячеславлю внуку»²⁵ (т.е. владения передавались хотя и родственнику, но не из династии Ростиславичей, а из династии туровского князя Вячеслава, сына Владимира Мономаха)²⁶. Однако более вероятно, что речь идёт о киевских городах, которые, особенно Васильев, неоднократно упоминались в летописях и других источниках ранее, и именно как киевские города, причём расположенные недалеко друг от друга.

Нельзя не заметить, что относительно владений Ростиславичей в «Русской земле» летописные указания являются прямыми и регулярными, о смоленских

Очерк истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 41 (карта); Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. М., 2006. С. 196–197; Алексеев Л.В. Смоленское княжество // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 767 (карта).

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 598.

²¹ Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси... С. 202.

²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 32.

²³ Там же. С. 33.

²⁴ Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. ... С. 155.

²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 525.

²⁶ Известно об одном сыне Вячеслава Владимировича — Михаиле, умершем в 1129 г. Возможно, Роман — его сын. О наделении городами и территориями самого Вячеслава см.: Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 399–400.

же мы узнаем лишь по косвенным данным. Андрей Боголюбский, разгневавшись на Романа, говорил ему: «Романови, не ходиши в моеи воли съ братьею своею, а поиди с Киева, а Д(а)в(ы)дь ись Вышегорода, а Мьстиславъ из Бѣлагограда, а то вы Смоленскъ, а темь ся подѣлите»²⁷. Казалось бы, слова Андрея Юрьевича были вполне логичными: делите между собой то, что изначально принадлежало вашему отцу. Но сам князь Андрей, когда во Владимирскую землю съехалось большое количество отчичей, их выгнал. Длительную борьбу за главный стол вели черниговские князья, в распрях за власть над Полоцком приходилось участвовать самим Ростиславичам. На этом фоне их нежелание делить княжество на ряд владений выглядит достаточно естественным.

В 1179 г. новгородцы пригласили Мстислава Ростиславича на новгородский стол. Летопись приводит длинную тираду — его ответ на приглашение, из которой ясно, что политические притязания Ростиславичей простирались далеко за пределы Смоленской земли: «Не могу ити изъ ѿ(т)ч(и)ны своеѣ, и со братьею своею розоитися, прилѣжно бо тѣшеться, хотя страдати ѿ *m* всего сердца за ѿ(т)чино свою»²⁸. Понятно, что здесь отчина — не Смоленск или Торопец, а все те киевские земли, которые так или иначе контролируются братьями. Причём братья и «мужи свои» напомнили Мстиславу, что Новгород — это тоже сфера интересов Ростиславичей: «а тамо ци не наша ѿчина?». Их отец Ростислав Мстиславич сажал на новгородский стол сыновей. В 1152/53 г. согласно Ипатьевской летописи, киевский князь Изяслав Мстиславич обратился к нему со словами: «Ты по Б(о)зѣ тамо оу Смоленскѣ и в Новѣгородѣ оу Велицимъ еси, а ты тамо оудержи Гюргя с тѣми, а ко мнѣ пусти с помощью с(ы)на своего Романа»²⁹. В 1159 г. Ростислав послал в помощь Рогволоду смоленские и новгородские полки. Представители Ростислава Мстиславича выдвинули условия прихода его на киевский стол от имени смольнян и новгородцев. В целом новгородский стол в разное время занимал каждый из братьев Ростиславичей.

Ипатьевская летопись передает слова-завещание Мстислава перед кончиной. Он приказал боярину Борису Захарьевичу, служившему еще его отцу, сына Владимира и «съ симъ даю братоу Рюрикови и Д(а)в(ы)дови с волостью на роуцѣ»³⁰. О какой волости идет речь? С 1173 г. Белгород фигурировал как резиденция Рюрика (в 1195 г. в качестве белгородского князя упоминается его сын Ростислав Рюрикович). Казалось бы, то, что в 1175 г. его желали посадить на стол вместо Ярополка смольняне, может свидетельствовать об отсутствии у него в тот момент значимых владений (кроме Торопца). Однако этому противоречит ряд летописных известий. В том же 1173 г., когда военные силы Андрея Боголюбского двинулись на Киев против Ростиславичей, киевская летопись говорит, что Ростиславичи «шлы бяхуть во своѣ городы», причём Мстислава братья «затвориша Вышегородѣ и съ Д(а)в(ы)довымъ полкомъ»³¹. Далее же в рассказе рядом с Мстиславом действует его дружина (Давыдов полк больше не упоминается) — с ней он крепко бился «изъ града», неся потери. В последующем преследовании врагов также фигурируют «мужи» Мстислава. В 1176 г. он пришёл на помощь к братьям «с полкомъ своимъ», после чего они заявили, что готовы хоть завтра дать сражение Святославу Всеволодовичу. Да и приведённые выше слова — ответ новгородцам — означают, что в «Русской земле» какой-то территорией он владел. Можно предположить, что это была часть Вышгородского княжения. Так или иначе, Мстислав Ростиславич настойчиво повторял, что не может разойтись с братьями и, если будет здоров, то не забудет «Роуской земле» (а не Смоленской).

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 569–570.

²⁸ Там же. Стб. 607.

²⁹ Там же. Стб. 459.

³⁰ Там же. Стб. 609.

³¹ Там же. Стб. 576.

Такая приоритетность владений Ростиславичей в «Русской земле» перед смоленскими, проявляющаяся в летописных текстах, отражала, видимо, устремления самих Ростиславичей, однако нельзя не учитывать и иной фактор — по преимуществу «киевские» интересы летописца.

Характерно, что в XIII в. потомки Ростиславичей продолжили их политику — и в стремлении к киевскому столу, и в удержании и приумножении владений в Киевской земле. Смоленский же стол, как и прежде, замещался, видимо, по согласию родственников.

Если проследить замещение смоленского стола после смерти Ростислава Мстиславича, то вырисовывается достаточно чёткая картина. Роман получил Смоленск как старший сын. Каждый раз, уходя на киевское княжение, он оставляет в Смоленске своего старшего сына Ярополка. Едва ли это была с его стороны полноценная передача стола. Скорее всего, Ярополк управлял Смоленском в статусе наместника отца. Именно поэтому в 1175 г. смольняне пытались пригласить Мстислава Ростиславича — они хотели иметь самостоятельного князя. После старшего из Ростиславичей на смоленском столе оказался не следующий по возрасту Рюрик, а Давыд. Но Рюрик в этот момент занял киевский стол, Давыд же появился в Смоленске сразу после смерти Романа по стечению обстоятельств: Рюрик послал его туда за военной помощью. Этот порядок воспроизводился при занятии смоленского стола князьями следующего поколения: после смерти Давыда в столице княжил не его сын, а сын Романа — Мстислав Романович. Затем смоленским князем стал сын следующего Ростиславича, сидевшего на смоленском столе: Мстислав Давыдович³².

Каков был принцип владений Ростиславичей в Смоленской земле? В своё время П.В. Голубовский писал, что уделы братьев, за исключением правившего в Смоленске, представляли собой «лишь волости, доходы от которых шли им на содержание», не являясь «политическими единицами»³³. Эту позицию поддержал А.Е. Пресняков, добавляя, что «рассеяние князей Ростиславичей ведёт постепенно к ослаблению их солидарности и связи со Смоленском», и отмечая «политические разногласия» между братьями³⁴. Однако последовательное упоминание братьев со своими смоленскими полками скорее свидетельствует, что их владения включали и резиденции. Значимые их владения в Киевской земле придавали им независимость, но, как известно из источников, это не помешало Ростиславичам создать мощный родственно-политический союз.

---

³² Хотя о сыне Рюрика Владимире под 1216 г. сказано, что он идёт «съ смольняны» (НПЛ. С. 55), оснований считать, что он княжил в Смоленске, у нас нет (см.: Кучкин В.А. Русь перед 1237 г. Нашествие Батгя. Русь под игом // Александр Невский: государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 69; Гвозденко К.С., Горский А.А. О порядке наследования власти в Древней Руси // Российская история. 2017. № 6. С. 19, примеч. 47).

³³ Голубовский П.В. Указ. соч. С. 277.

³⁴ Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909. С. 122.

«Государь» или «господарь»? Об одном элементе титулатуры правителей Московской Руси

Александр Авдеев

«Gosudar'» or «gospodar'»

About one element of the titulature of the rulers of Moscow Rus

Alexandr Avdeev

(Saint Tikhon's Orthodox University, University of Dmitry Pozharsky,
school «Intellectual», Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870001495-2

Среди современных исследователей нет единства в вопросе, звучал ли входивший в официальную титулатуру главы государства термин «г^рдь» как «господарь» или «государь» («dominus» в латинской надписи на Спаской башне Московского Кремля). При публикации источников этого времени – памятников книжности, дипломатических и частных актов, а также памятников законодательства данный термин традиционно раскрывается как «государь». Не избежали этой участи и строительные надписи: в публикациях гражданским шрифтом, осуществлённых в конце XVIII – начале XXI в., это слово раскрывается как «государь»¹.

Для понимания сущности этого термина необходимо обратиться к историческому опыту Рима и Византии, где мы найдём важные параллели в употреблении термина «dominus». В римской юридической практике он соответствовал греческим терминам «κύριος», «τράννης» или «δεσπότης» и означал собственника имущества, домовладельца, *pater familias*. В эпоху принципата императоры избегали включать этот термин в титулатуру, поскольку он недвусмысленно ассоциировался с ненавидимой римлянами царской властью². В эпоху Поздней Империи титул «dominus et deus natus», очевидно, был введён в императорскую титулатуру Аврелианом в 274 г.³ и окончательно закреплён Диоклетианом. В Византии титул «dominus» в греческом переводе «κύριος» или «δεσπότης» возобновил Юстиниан. Для этого времени В.Е. Вальденберг верно отметил двойственность значения термина «dominus», так как он обслуживал две сферы – частноправовую, обозначая домовладельца, и государственно-политическую, характеризуя положение императора внутри государства и определяя его отношение к подданным⁴.

© 2018 г. А.Г. Авдеев

Статья подготовлена в рамках проекта «Corpus Inscriptionum Rossicorum / Свод русских надписей» при поддержке Фонда развития Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Подробнее о проекте см.: URL://<https://cir.rssda.su>.

Благодарю В.В. Зайцева за ценные консультации по данному вопросу.

¹ Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 года. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 206.

² Парфёнов В.Н. «Владыка и бог» Домициан. Характер императорского культа при последнем Флавии // Труды исторического факультета МГУ. Сер. II: Исторические исследования. Вып. 39: «Боги среди людей». Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М., 2016. С. 690.

³ Watson A. Aurelian and Third Century. L., 1999. P. 188.

⁴ Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века. СПб., 2008. С. 113–114.

Очевидно, по тому же пути шла эволюция термина «господарь» на Руси. Этимологически связанный с глаголом «господаровати» — «быть хозяином»⁵ — изначально он обозначал домовладельца, хозяина. Наиболее раннее его употребление в этом значении зафиксировано в новгородской берестяной грамоте № 247, датируемой серединой 1020-х — серединой 1090-х гг.⁶ Позднее, по мнению А.Л. Хорошкевич, термин «господарь» применялся к холоповладельцу и отражал его практически неограниченные права по отношению к холопам⁷, что также синонимично термину «dominus» в его частнопроводном значении.

По мере роста централизации государства термин «господарь» начал обслуживать государственно-политическую сферу и стал обозначать объём прав главы государства по отношению к подданным. Титул «осподарь всея земли Русской» как обозначение властных полномочий главы великого княжества впервые появился на монетах Дмитрия Шемяки в 1446 г.⁸ Эта же легенда использовалась в начале 1450-х гг. на монетах времени соправительства Василия Тёмного и Ивана III⁹. При этом вряд ли можно согласиться с мнением А. Золтана, который подчёркивает западнорусское происхождение этого термина и понимает его значение как «верховный правитель»¹⁰.

Одновременно термин «господарь» продолжал обслуживать частнопроводную сферу. М. Агоштон привела веские аргументы о бытовании этого термина по крайней мере до 1613 г., причём в двух значениях — как один из постоянных титулов монарха, стоявшего в иерархическом ряду выше короля и герцога, но ниже царя и императора, и в первоначальном значении — «глава семейства», «хозяин». Говоря иначе, на протяжении XI—XV вв. значение этого термина претерпело ту же эволюцию, что и термин «dominus» в Риме и Византии, обусловив двойственность его восприятия. Эту же двойственность отразил и Сигизмунд Герберштейн. В государственно-правовом значении он передавал титул «господарь» как «dominus» — «господин» (ранневерхненем. Her), но, говоря об объёме власти Василия III внутри страны, использовал термин «rincers», который ассоциировал с рабством и тиранией¹¹. Помимо сообщений Герберштейна, иностранные источники XV—XVI вв. убеждают в том, что в основе переводов великокняжеской титулатуры также лежал термин «господарь». Так, по данным, собранным О.В. Кудрявцевым, в дипломатической и частной переписке 1460—1480-х гг., исходящей из герцогства Миланского, титул «господарь» переводился как «dominus» или семантически близкий ему термином «despotus / dispotus». В венецианских официальных документах правителя Руси именовали «dominus», а в договоре 1514 г. между Священной Римской империей и Василием III, составленном и переведённом на немецкий язык в великокняжеской канцелярии, титулу «господарь» соответствует близкий по смыслу термин «Herrscher»¹².

⁵ Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Т. II. М., 1989. С. 366.

⁶ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 239—240. № А1.

⁷ Герб и флаг России X—XX века. М., 1997. С. 114; ср.: Золтан А. *Interslavica*. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М., 2014. С. 58—60.

⁸ Мец Н.Д. Монеты великого княжества Московского (1425—1469) // Нумизматический сборник. Ч. III: Материалы к сводному каталогу. М., 1974. С. 35; Фототаблица 15. № 205—206.

⁹ Зайцев В.В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев, 2006. С. 11.

¹⁰ Золтан А. *Interslavica*... С. 58—60.

¹¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. 1. М., 2008. С. 92, 94—95, 238.

¹² Кудрявцев О.Ф. «Kaysar vnnnd Herscher aller Rewssen»: обращение к русскому государю как к императору в габсбургских документах первой трети XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1(63). С. 45, 49. Никколо Макиавелли термином «dominus» обозначал единовластных правителей, без уточнения объёма их властных полномочий (*Machiavelli N. Il Principe / A cura di Luigi Firpo. Cap. I* (URL: http://www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_4/t324.pdf). Дата обращения: 07.07.17).

Параллельно с термином «господарь» в государственно-политической сфере на Руси употреблялся термин «государь», но юридическая разница между ними не вполне ясна. По мнению М.А. Дьяконова, во второй половине XIV в. эти титулы были во многом синонимичны¹³, и в конце XV в. разница между ними оставалась юридически не вполне определённой, но их смысловые нюансы уже различались в дипломатической переписке. Господарь хотя и был фактически равен государю, однако по достоинству, видимо, стоял ниже. В январе 1493 г. в послании литовских вельмож главе московского внешнеполитического ведомства боярину И.Ю. Патрикееву великий князь литовский Александр Казимирович именовался «государем», а Иван III — «господарем»¹⁴. А.А. Зимин полагал, что «господарем» Иван III стал именовать себя по отношению ко всем землям, вошедшим в состав Русского государства с добавлением «всёя Руси» после 1485 г.¹⁵ Точка зрения М. Агоштон, будто сосуществовавший с титулом «государя» титул «господарь» — это «самостоятельный монархический ранг, что-то вроде выше “великого князя” и “короля”, но ниже “царя”»¹⁶, основана на полном доверии к раскрытию сокращений в публикациях источников конца XV — начала XVI в. А.И. Филюшкин полагает, что «в источниках невозможно найти ни одного прямого или косвенного упоминания объединения в одном контексте словосочетаний *господарь* всех Русских земель и *государь* всёя Руси»: эти термины не сравнивались и не выводились один из другого¹⁷. А. Золтан, напротив, отмечает, что с конца XV в. в источниках наблюдается подтительное написание терминов «господарь» и «господарство», — *гдърь* и *гдърьчтво*, и для их раскрытия как «государь» и «государство» нет оснований, так как в случаях их полного написания преобладает форма *господарь/осподарь* и *господарство/осподарство*¹⁸.

В определении правомерности этих мнений важнейшую роль играют памятники эпитафии. В русской надписи на Спасской башне властные полномочия Ивана III над территориальными единицами определяются как триединый титул — *гдѣра ѿ самодѣржца всеѣ русини ѿ великого князя*. В большом титле в латинской надписи по отношению к территориальной части Иван III выступает как «*magnus dux*», т.е. «великий князь», и лишь в её конце именуется «*totiusq(ue) Raxiæ d(omi)nus*, что могло обозначать единовластного правителя, владыку. Исходя из этого можно уверенно говорить, что титулы «*гдърь*» и «*гдърьчтво*», употреблённые в данной надписи, необходимо раскрывать как «господарь» и «господарство».

Подтверждают это и памятники «малой» эпитафии — монетные легенды и надписи на государственных печатях, где искомый титул пишется полностью — «*господарь*» или «*господарь*». На лицевой стороне большой государственной печати 1497 г. читается титул «*господарь всеѣ руси великии князь*»¹⁹. На малой государственной печати 1497–1504 гг. титул разделён: на оборотной её стороне изображён св. Георгий Победоносец и отмечены властные полномочия главы государства — «*господарь всеѣ руси великии князь*», на лицевой — двуглавый орёл и названия подвластных великому князю территорий²⁰. Однако, как показывают

¹³ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 295.

¹⁴ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 105. № 22.

¹⁵ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI вв. М., 1982. С. 281–282; ср.: Герб и флаг России... С. 114.

¹⁶ Агоштон М. Титул московского государя и информация о нём Сигизмунда Герберштейна // Вестник Волгоградского государственного университета. 2007. Сер. 4. Вып. 2. С. 129.

¹⁷ Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 65.

¹⁸ Золтан А. *Interslavica*... С. 67.

¹⁹ Агоштон М. Великокняжеская печать... С. 70.

²⁰ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД). Ч. 1. М., 1813. С. 333. № 129; С. 347. № 133, 134; С. 348. № 135.

монетные легенды, данная титулатура распределялась по иерархии, зависящей от месторасположения монетного двора. На денгах московского чекана стабильно передавался титул «князь великий», тверского – «господарь всея Руси»²¹. В Новгороде после кратковременного выпуска денег с надписью «князь великий» в конце 1470-х гг. в монетных легендах утвердился титул «осподарь всея Руси»²². В большом титуле, помещённом на вислой печати у жалованной грамоты, данной в июне 1497 г. князьям Фёдору и Ивану Борисовичам Волоцким, Иван III также назван господарем²³.

Итак, в государственно-политической сфере Руси середины XV – начала XVI в. термин «государь» ещё не утвердился и был отличен от термина «великий князь» иерархически, в зависимости от того, выступал ли правитель по отношению к определённой территории как суверен/великий князь, или же как сюзерен/господарь (как в случае с Волоцким княжеством), что было ближе к византийской политической терминологии. Не случайно оговорка новгородских послов, назвавших в 1477 г. великого князя «государем» (господарем?), привела в конечном итоге к ликвидации вечевой республики²⁴.

На малой государственной печати титул Василия III звучит как «господарь всея рѣни великнй князь»²⁵. Тенденция к разграничению титулатуры (и соответственно властных полномочий главы государства) видна в монетных легендах времени его правления. На московских денгах Василий III именуется великим князем или господарем всея Руси; на тверских и новгородских он – «осподарь всея Руси и великий князь», а на денгах открытого в его правление Псковского монетного двора – «Божией милостью царь всея Руси»²⁶. В надписи на колоколе 1518 г. работы мастера Николая Оберакера большое титуло звучит как «благочестивый и христоролюбивый Василий, Божиею милостию Гдрь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Смоленский, и Тверской, и Югорский, и Пермский, и Вяцкий, и Болгарский, и иных»²⁷. В 1523 г. Сигизмунд Герберштейн использовал для передачи большого титула Василия III понятие «dominus», соответствующий, как говорилось выше, термину «господарь», но трактует его уже как «монарх»²⁸. Надпись на шлеме наследника Василия III Ивана Васильевича, датированная 1530–1533 гг., упоминает главу государства как «господаря всея рѣни самодержца»²⁹.

На большой и малой государственных печатях Ивана IV титул «господарь» употреблялся до конца 1570-х гг.³⁰ На серебряных денгах московского чекана 1533–1547 гг. присутствует титул «князь великий»; титул «князь великий и гдрь» единожды встречается на современной им псковской денге. С 1547 г. и вплоть

²¹ Гришин И.В., Храменков А.В. Типы русских монет Ивана III и Василия III с указанием цен. М., 2013. С. 6–15.

²² Зайцев В.В. Русские монеты... С. 46–47.

²³ Герб и флаг России... С. 112–113.

²⁴ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя... С. 295.

²⁵ СГГД, Ч. 1. С. 413, № 148; С. 417, № 150; С. 437, № 158; С. 448, № 160, 161; Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Вып. 1. М., 1880. С. 4–6.

²⁶ Зайцев В.В. Русские монеты... С. 27, 51–52, 116–130; Гришин И.В., Храменков А.В. Типы русских монет... С. 30–41.

²⁷ Кавельмахер В.В., Чернышёв М.Б. Николай Иванович Оберакер – выдающийся немецкий литейщик, артиллерист и архитектор на русской службе в 1510-е – 1530-е годы (к вопросу об авторе «трёх стрельниц» Московского Кремля) // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. XV: Кремлю России. М., 2003. С. 117–118.

²⁸ Герберштейн С. Указ. соч. С. 74.

²⁹ О нём см.: Лаврентьев А.В. Принадлежал ли Ивану Грозному «шлем Ивана Грозного» // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 2. С. 1–21.

³⁰ Снимки древних русских печатей... Вып. 1. С. 7–9, 12, 16.

до конца XVII в. титул на копейках оставался неизменным — «царь и великий князь», на малой же государственной печати 1577 г. и большой государственной печати 1583 г. титул *гдѣ* дан в подтительном написании³¹. На протяжении XVI—XVII вв. на Руси обращались медные полушки с монограммой на реверсе, которая, вопреки мнению их издателя, раскрывается как «господарь»³², что свидетельствует о стабильном употреблении данного титула.

С данными источниками сопоставимы современные им строительные надписи (см. табл.).

Таблица

Отражение титулатуры правителей Московской Руси
в строительных надписях XVI — начала XVII в.

Дата	Титул	Местонахождение надписи
1515 г.	при бѣговѣрномъ великомъ князѣ Василье Ивановиче всеа рѣи	Ярославль. Спасо-Преображенский монастырь, Преображенский собор ³³
1531 г.	при бѣговѣрномъ великомъ князѣ Василье Ивановиче всеа рѣи	Вологодская обл. Ферапонтов монастырь, церковь Благовещения с трапезной палатой ³⁴
1532 г.	при бѣговѣрномъ великомъ князѣ Ивановиче всеа рѣи	Калужская обл., Боровский район, с. Серединское, церковь Благовещения с приделом св. Василия Великого ³⁵
1536/37 г.	при бѣговѣрномъ великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа рѣи	Московская обл. Возмищский Рождества Богородицы и прп. Кирилла Белозерского монастырь, церковь Рождества Богородицы ³⁶

³¹ Клешинов В.Н., Гришин И.В. Каталог русских средневековых монет с правления царя Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533–1617 гг.). М., 1998. С. 15–19, 21.

³² Гайдуков П.Г. Русские полушки XVI–XVII вв. с надписью «государь» (типология и датировка) // Российская археология. 1999. № 3. С. 79–99.

³³ Яганов А.В., Рузаева Е.И. К вопросу об истории Спасского собора Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле // Археология: история и перспективы. 2-я межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль, 2006. С. 384 (гражданским шрифтом, в современной орфографии, с сохранением буквенной цифири, по собственной копии). Чтение в соответствии с камнем моё.

³⁴ Серебрякова М.С. Памятники архитектуры Ферапонтова монастыря по архивным документам XVIII–XX вв. // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. I. Вологда, 1998. 1994. С. 194.

³⁵ Авдеев А.Г., Яганов А.В. Храмовая надпись 1532 года в селе Серединском Боровского района Калужской области // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011. С. 271–272; С. 272–274. Рис. 2–5 (фото).

³⁶ Авдеев А.Г. Эпиграфические памятники конца XV–XVI в. Возмищского монастыря «Пречистой Богородицы честнаго Ея Рождества и святаго преподобнаго отца нашего Кирилла Чюдотворца» // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Материалы научно-практической конференции, посвященной 5-летию обретения святых мощей преподобного Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма — Успенского собора — и 80-летию со дня рождения митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. М., 2008. С. 329. Утрачено.

1537– 1541/42 гг.	при державѣ царя и гс-даря и великаго князя Иоанна Васильевича всея Руси... и совѣрена бысть церковь... при томъ же гс-дарѣ, великомъ князѣ	Вологодская обл., Спасо-Прилуцкий монастырь, церковь Происхождения Честного Креста Господня ³⁷
1541 г.	⁴ при блгвѣрнѣ велико ^м князѣ ⁵ ⁶ Иван ^ѣ Васильевича ^ѣ	Московская обл. Возьмишский Рождества Богородицы и преподобного Кирилла Белозерского монастырь, надвратная церковь прп. Кирилла Белозерского с трапезной ³⁸
1547 г.?	³ при блгвѣрнѣ црѣкѣ <и> велико ^м князѣ ⁴ Иванѣ Васильевича ^ѣ [и] [всѣя Р]ѣ[сии]	Московская обл. Большая Рождества Богородицы Медведева пустынь при с. Рогачёве, собор Рождества Богородицы. Никольский придел ³⁹
1551/52 г.	² при блгвѣрнѣ црѣкѣ ³ [и ве]лико ^м князѣ Иванѣ Васильевича ^ѣ	Коломна. Кремль. Брусенский монастырь, Успенский собор ⁴⁰
1561 г.	¹ при покл ^{ен} ннѣмъ блгчѣтнѣмъ црѣкѣ ² [и] великаго князя Ивана Васильевича всея рѣсн самодержица	Москва. Собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву ⁴¹
1561 г.	покл ^{ен} ннѣмъ блгчѣтнѣмъ христолоубнѣмъ . царя и великаго князя Иоанна Васильевича Владимировича . Москвитинского . Новгородского . царя Казанского . и царя Астраханского . гд ^я Псковского и великаго князя Тверского . Угорского . пермского . вятского . колгарицкого и иныхъ гд ^я земей ливонскихъ . градъ Юрьевъ и иныхъ {{{всѣа россн самодержица<a> :}}	Москва. Кремль. Средняя Золотая палата Государева двора ⁴²
1562/63 г.	¹ въ днѣ блгчѣтнѣмъ и блг ^о мъ ² великаго князя ³ Ивана Васильевича всея рѣсн	Кострома. Богоявленский монастырь, Богоявленский собор ⁴³

³⁷ Степановский И.К. Вологодская старина (Историко-археологический очерк). Вологда, 1890 (гражданским шрифтом). Утрачено.

³⁸ Гириберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. I. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Т. I. С. 29. № 44(б).

³⁹ Яганов А.В. Храмовая надпись в соборе Рождества Богородицы Медведевой пустыни // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 195 (с рисунком); чтение по рисунку моё.

⁴⁰ Орловский С.П. Памятник шатрового зодчества – Церковь Успения в Коломенском Кремле // Коломна и Коломенская земля. История и культура. Коломна, 2009. С. 178, С. 178. Ил. 2 (фото); чтение по фото моё.

⁴¹ Яковлев И. О дате окончания строительства Покровского собора // Ежегодник Государственного исторического музея. 1961. М., 1962. С. 116–117; читаю по собственной аутопсии.

⁴² РГАДА, ф. 1239, оп. 3, л. 69294, л. 2 (копия В.В. Фермора).

⁴³ Зонтиков Н.А. Костромской Анастасино-Богоявленский монастырь // Костромской Богоявленско-Анастасиин монастырь (1426–2001). К 575-летию основания и 10-летию возрождения. Кострома, 2001. С. 12.

1564 г.	1 ³ при блговѣрнѣмъ црѣѣ великомъ князе ⁴ нванѣ великѣмъ і ксеа рѣин	Тверь. Церковь «Белая Троица» ⁴⁴
1564 г.	повелѣніемъ Гс-даря Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Россіи	Переславль-Залесский. Никитский монастырь, собор прп. Никиты, столпника Переславского ⁴⁵
1567 г.	при державе благочестивого и христоролюбивого гс-даря и царя и великого князя Ивана Васильевича самодержца гс-даря царя Великия Россіи	Ярославская обл., Переславский район, с. Елизарово. Никитская церковь. Надпись краской по периметру храма ⁴⁶
1585/86 г.	1 ¹ повелѣніемъ блговѣрнаго и хрѣстолюбнѣа великаго гдѣа црѣа и великаго князя ² дѣеора кванокча ксеа рѣин самодержца	Кострома. Ипатьевский монастырь, Троицкий собор ⁴⁷
1599 г.	1 ¹ повелѣніемъ великаго гдѣа црѣа і великаго князя борна дѣеорокча ксеа рѣин самодержца	Москва. Кремль. Колокольня Ивана Великого ⁴⁸
1603 г.	1 ¹ при ² блговѣрномъ гдѣе црѣи и великомъ князе борне дѣеорокче ксеа рѣин самодержце	Архангельская обл. Троицкий Муезерский монастырь, Никольская церковь ⁴⁹

В строительных надписях великокняжеская и царская титулатура не совпадает с официальной даже на постройках, сооружённых от имени главы государства и играющих важную роль в репрезентации верховной власти (собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, Средняя Золотая палата Государева двора, колокольня Ивана Великого), а также отличается от надписей на печатях и монетных легендах. Титул «гдѣрь» в данных эпиграфических памятниках отсутствует вплоть до 1564 г. В надписях 1560-х гг. титул «гдѣрь» встречается трижды, столько же раз в надписях этого времени употреблён титул «самодержец»⁵⁰: на фризах собора Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, Средней Золотой палаты Государева двора (1561), а также по периметру основного четверика Никитской церкви в селе Елизарове (1567).

Из ряда данных памятников «выпадает» утраченная надпись 1541/42 г. о строительстве храма Происхождения Честных Древ в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре, единственной до 1564 г. с присутствием титула «гс-дарь».

⁴⁴ Погожева Л. Церковь «Белая Троица» в Твери // Святильник. 1914. № 8. С. 37 (как одна надпись), фото между с. 38–39; чтение по фото моё.

⁴⁵ Смирелин А., прот. Надписи, имеющиеся в г. Переяславле-Залесском // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. Т. III. М., 1891. С. 34 (гражданским шрифтом). Утрачено.

⁴⁶ Казакевич Т. С. О двух надписях в Никитской церкви села Елизарова // Труды отдела древнерусской литературы Института русского языка и литературы РАН (Пушкинский Дом). Т. LX. СПб., 2009. С. 558.

⁴⁷ Куколевская Л. С. Ипатьевский монастырь. М., 2003. С. 60, 61 (гражданским шрифтом); читаю по собственной аутопсии.

⁴⁸ Достопамятности Москвы / Изд. К.Я. Тромонин. Тетр. 1–7. М., 1843–1845. С. 55, ил. Чтение в соответствии с надписью моё.

⁴⁹ Шургин И. И. Никольская трапезная церковь на Муезере // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. II. М., 1982. С. 90. Рис. 2 (фото); чтение по фото моё.

⁵⁰ Филошкин А. И. Василий III. М., 2010. С. 52–53; Лаврентьев А. В. Принадлежал ли Ивану Грозному «шлем Ивана Грозного». С. 3.

Постройка, совершённая на средства обители, как и сделанная на ней храмозданная летопись, носили частный характер, но в ней даны два разных титула Ивана Грозного. В формуле о начале строительства (1537) он назван царём, государем и великим князем, что было бы справедливо для времени после 1547 г., когда Иван Грозный принял царский титул, а в формуле об окончании строительства (1541/42) — государем и великим князем, что соответствует титулатуре того времени. Видимо, присутствие царского титула в надписи объясняется теми же причинами, что и его тиражирование в выходных записях на рукописных книгах первой половины XVI в., происходящих из провинциальных обителей, и связан с восприятием великого князя как царя в монастырской среде⁵¹.

Со времени правления Фёдора Ивановича элементы «г^арь» и «самодержец» составляют обязательную часть титулатуры главы государства в надписях. На больших и малых государственных печатях Фёдора Иоанновича титул «господарь» встречается как в полном, так и в подтительном написании. То же самое можно сказать и о печатях Бориса Годунова⁵². На золотом наградном угорском последнего титул «г^оподарь» дан в полном написании⁵³. Литеры «Б/О», встречающиеся на некоторых монетных сериях этого царя, С.И. и И.Л. Розановы убедительно раскрывают как «Борис осподарь»⁵⁴. На печатях Лжедмитрия I титулы «господарь» и «господарство» присутствовали в полном написании, и это, как показал А.В. Лаврентьев, нельзя считать нарушением сложившихся традиций. Полное написание титула «господарь» содержит и малая государственная печать Василия Шуйского (1606)⁵⁵, а также малая печать Лжедмитрия II⁵⁶. Таким образом, нет оснований считать, что на рубеже XVI–XVII вв. в титулатуре русских царей титул «господарь» сменился титулом «государь», и сокращённое написание этого титула, присутствующее в старорусских надписях конца XV — начала XVII в., необходимо раскрывать как «господарь». Позднее это слово видоизменилось в «государь», широкое использование которого фиксируется в источниках только с XVII в. В титулатуру, как справедливо отметила М. Агоштон⁵⁷, он вошёл только с воцарением Михаила Фёдоровича и был вытеснен из исторической памяти уже в XVII в.

---

⁵¹ Усачёв А.С. Некоторые замечания об употреблении царского титула русских государей до 1547 г. (по материалам выходных записей на рукописных книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4(62). С. 110–111.

⁵² Снимки древних русских печатей... Вып. 1. С. 22–29.

⁵³ Спасский И.Г. Русское золото. Сборник избранных статей. СПб., 2013. С. 215. С. 217, 278–281.

⁵⁴ Розанов С.И., Розанов И.Л. О расшифровке букв на престижном лицевом штемпеле «Б-о / М-о» монет Бориса Годунова (К вопросу о чеканке престижных серийных русских монет на рубеже XVI–XVII вв.) // Нумизматический альманах. 2002. № 2. С. 12–17.

⁵⁵ Лаврентьев А.В. Царевич–царь–цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 38, 43–44.

⁵⁶ СГГид. Ч. 2. М., 1819. С. 180.

⁵⁷ Агоштон А. Великокняжеская печать... С. 203–207.

Судебная деятельность Посольского приказа (на материалах второй половины XVII в.)

Андрей Гуськов

**Judicial activity of the *Posolsky Prikaz*
(on the materials of the second half of the 17th century)**

Andrey Guskov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870001531-2

Одной из ключевых особенностей приказной системы Московского государства XVI – начала XVIII в. являлась пластичность и гибкость при решении возникавших проблем, сочетавшаяся с достаточно развитой правовой системой прецедентного типа. В то же время можно говорить о высоком уровне консервативности и традиционализма в работе всех уровней управления (центрального, местного, церковного), во многом обусловленного как институтами средневекового общества и менталитетом человека эпохи, так и эволюционным путём развития государственной системы. Многогранность приказной системы находила отражение в широкой гамме компетенции ведомств, занимавшихся не только прямыми функциями, но и ведавших определёнными территориями и категориями людей, осуществлявших сбор денежных средств и выполнявших судебно-следственные процедуры.

Одной из важнейших прерогатив большинства приказов являлась судебная деятельность. Помимо собственно судебных и судебно-розыскных¹ приказов в функции ряда учреждений входило право суда над подведомственными категориями населения. В частности, в Монастырском приказе судили духовенство, в Казанском дворце – население Среднего и Нижнего Поволжья, в Пушкарском – представителей «пушкарского чина», поэтому глав учреждений XVI–XVII вв. нередко именовали судьями. Именно судебной сфере деятельности одного из приказов посвящена эта статья.

Несмотря на обилие исследований по истории правовой системы Московского государства, судебная практика приказов редко оказывалась в поле зрения учёных. В основе работ исследователей XIX в. лежали исключительно законодательные источники и опубликованные судебно-следственные дела². Крупнейшему специалисту по истории законодательства Московской Руси А.Г. Манькову тоже не удалось серьёзно расширить источниковую базу для

© 2018 г. А.Г. Гуськов

¹ Судные Владимирский, Московский, Дмитровский, Рязанский и Дворцовый приказы, Разбойный, Стрелецкий и некоторые Сыскных дел.

² *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005; *Дмитриев Ф.М.* Сочинения. Т. 1. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1899; *Кавелин К.Д.* Собрание сочинений. Т. 4. Этнография и правоведение. СПб., 1900; *Латкин В.Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1890; *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903.

исследования данного вопроса³. Аналогичная ситуация сохраняется и в работах современных авторов⁴.

В исследованиях о приказных учреждениях интересы учёных сосредоточены на «внешней» истории управленческих структур: создании и функционировании приказов, сфере их деятельности, вкладе в систему государственного управления⁵. Подвергались анализу штаты основных и вспомогательных сотрудников, а многие руководители ведомств удостоивались отдельных биографий⁶. «Внутренняя» деятельность (делопроизводственная практика, финансовое документоведение, ведение архива) приказных служащих стала предметом внимания историков относительно недавно⁷.

Несмотря на огромное число работ, «непрямые» функции приказов (в том числе и непосредственная практика судебной деятельности) лишь изредка являлись предметом специального анализа⁸. Судебные дела использовались многими историками и юристами, но в основном в утилитарных целях⁹. Исключо-

---

³ Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980; Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998.

⁴ Безус Н.Б. Из истории становления процессуального права России (на примере Новгорода XVI–XVII вв.) // История государства и права. 2010. № 5. С. 34–37; Зезюлина Т.А. Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России (1864–1917 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.

⁵ Государственность России. Словарь-справочник в 6 книгах. Кн. 1–4. М., 1996–2001; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997; Зимин А.А. О складывании приказной системы на Руси // Доклады и сообщения института истории Академии наук. Вып. 3. М., 1954. С. 164–176; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV – первой половине XVI века. М., 1961; Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015; Петров К.В. Приказная система управления в России в конце XV–XVII вв. Формирование, эволюция, и нормативно-правовое обеспечение деятельности. СПб., 2005.

⁶ Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011; «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989; Граля И. Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994; Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.

⁷ Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994; Гальцов В.И. Приказный архив XVII века (К вопросу о типологии архивов Российского централизованного государства) // Архивы СССР. История и современность. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1989. С. 30–40; Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2001; Лисейцев Д.В. Приёмы делопроизводственной работы служащих Посольского приказа начала XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. М., 2003. С. 24–51; Шамин С.М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011; Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007; Устинова И.А. Книги патриарших приказов первой половины XVII века как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Воробьёв А.В. Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI – первой половине XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

⁸ В основном в работах о приказах, для которых судебно-следственная деятельность являлась основным функционалом (Князьков С.Е. Судные приказы в конце XVI – 1-й половине XVII в. // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 268–285); Князьков С.Е. Судебно-следственные дела конца XVI–начала XVII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1989; Воробьёв А.В. Делопроизводство Разбойного приказа... С.м. также: Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007.

⁹ Дёмкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в.: Вып. 1–2. М., 1994; Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996; Поздеева И.В., Дадькин А.В., Пушков В.П. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы: исследования и публикации. Кн. 2. М., 2011.

чением стали труды С.Е. Князькова и Л.А. Тимошиной¹⁰, которые не только подвергли источниковедческому анализу данный вид документации, но и показали возможности системного подхода к его практическому использованию в научной работе.

Отсутствием разбора «непрямого» функционала «грешит» и историография Посольского приказа¹¹. По мнению Л.А. Тимошиной, увлечённость «внешнеполитическими задачами» обусловлена не столько отсутствием «интереса к другим... сферам деятельности этого учреждения, сколько современной системой хранения документов», результатом которой стало отсутствие единого упорядоченного комплекса делопроизводства приказа¹². После многочисленных архивных «реформ» и «разборов» архив Посольского приказа оказался раскассирован по нескольким десяткам «фондов» и «фондов-коллекций», среди которых не нашлось места для судебного делопроизводства.

В рамках анализа судебной деятельности Посольского приказа на материалах второй половины XVII в. необходимо отметить значительность источниковой базы по данному периоду. Однако специфика фондообразования РГАДА не позволяет надеяться на возможность полноценного охвата всех судебно-следственных дел, которые велись в Посольском приказе. Сформировать достаточно репрезентативную картину судопроизводства помогают описи и книги «вершенным и невершенным делам», «судным делам», «челобитческим делам»¹³, позволяющие охарактеризовать состав и примерный объём правовой деятельности ведомства. Среди них наибольший интерес представляет «Переписная книга судебных дел, оставшихся после умершего в 1695 г. подьячего Посольского приказа Никифора Венюкова»¹⁴.

На настоящий момент удалось собрать информацию по 229 судебно-следственным событиям конца 1640-х – середины 1690-х гг. (по дате начала иска), включая 185 судных дел, 7 дел по приставным памятям, 9 очных ставок и 28 записей судебных приговоров-решений). Основная масса инициирования разбирательств приходится на 1660–1680-е гг. Суммируя информацию по всем 229 судебным «казусам», можно говорить о завершении дела в 59 случаях, в том числе в 55 официально зафиксировано окончание судебного делопроизводства («дело вершено», или ответчик «выдан взажив головою», или «в том иску истец с ответчиком помирились, и мировая челобитная у дела»). В 17 делах при наличии решения по основному вопросу отмечается либо отсутствие сведений об уплате пошлин, либо неполное погашение долга, или нехватка какого-то документа (например, мировой челобитной или записи о приёме денег). По 118 юридическим претензиям официальный итог на момент записи в книгу оставался неизвестен («Учинили ль розделку, того не ведомо»; «И по тому суд-

¹⁰ Князьков С.Е. Судебно-следственные дела...; Князьков С.Е. К определению границ понятия «судебно-следственное дело» (по материалам приказного делопроизводства) // Мир источниковедения (Сборник в честь Сигурда Отговича Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 67–71; Тимошина Л.А. Судебное дело гостя И.Д. Панкратьева и крестьянина Тотемского уезда Д. Бредина 1687 г. // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 157–269; Тимошина Л.А. Судебно-следственные дела XVII в. в источниковедении // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 238–299; Тимошина Л.А. Столбцы и книги Посольского приказа: к вопросу о соотношении (на примере документов о визитах синаяских монахов в 1682–1683 и 1687–1689 годах) // Каптеревские чтения. Вып. 11. М., 2013. С. 124–161.

¹¹ Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003; Рогожин Н.М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003; Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...» (Русский посольский обычай конца XV – начала XVII вв.). М., 1988.

¹² Тимошина Л.А. Судебно-следственные дела XVII в. в источниковедении // Очерки феодальной России. Вып. 15. С. 242–243.

¹³ РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Посольский приказ), д. 13; ф. 138, оп. 1, д. 9 (1649 г.); д. 1 (1657 г.); д. 9 (1658 г.); д. 8 (1670 г.).

¹⁴ Там же, ф. 137, оп. 1 (Посольский приказ), д. 13, л. 1–205.

ному делу мировых челобитен... у дела нет»; «И то судное дело по нынешней... год не вершено»). Информация по 26 делам оказалась неполной (отсутствует даже фиксация незавершённости). Любопытна ситуация с пятью делами, имеющими по два итога (в процессе судопроизводства возникло удвоение иска в связи с подачей новой претензии): по одному иску дело завершено, по второму — нет.

В ведении Посольского приказа находились все иностранцы (кроме поступавших на военную службу), московские торговые иноземцы, жители ряда слобод (Кадашевской, Мещанской, Огородной), служащие самого внешнеполитического учреждения, насельники подведомственных монастырей и ряд иных категорий поданных московского государя вместе с членами их семей¹⁵. В судебных делах представлены иски представителей всех стран, занимавшихся торговыми операциями в Московском государстве — англичан, голландцев, датчан, гамбургцев, шведов, греков, итальянцев, волошан, сербов, иранцев, черкас, индейцев. В исключительных случаях в судопроизводство принимались дела «неподведомственных» категорий при соответствующем указе вышестоящей инстанции (Боярской думы или государя). Такие казусы могли возникнуть при конфликте интересов судящихся сторон в приказах их юрисдикции¹⁶.

Анализируемые материалы сообщают о 138 лицах, выступавших в качестве истцов (девять коллективных исков), в том числе 88 иностранцев (35 голландцев, 18 греков, семь гамбургцев, пять московских иноземцев, четыре выходца из восточных стран, по три англичанина, шведа и датчина)¹⁷ и 50 российских поданных (14 посадских жителей, 11 приказных служащих, семеро поверенных («человек») дворянства, пятеро купцов, трое стряпчих, двое крестьян). Наибольшую активность проявили голландские торговцы Вахромей Меллер (11 исков), Елисей Борисов сын Клюк (6), Адольф Гутман (4), московский торговый иноземец Иван Еремеев (7), стряпчий нидерландской компании Иван Якимов (5) и английский купец Ульян Паркер (4).

Среди 210 ответчиков преобладали российские жители (146 человек) — посадские люди (105), купцы (20), приказные служащие (11), крестьяне (4), стряпчие (2). Среди 64 ответчиков-иностранцев — греки (15), голландцы (10), московские торговые иноземцы (8), англичане и шведы (по 6), гамбургцы и представители стран Востока (по 4). Некоторые лица судились по двум—трём делам. Согласно исследованиям А.В. Дёмкина, в 1660—1690-х гг. в Московском государстве вели торговые операции 327 голландских купцов, 169 гамбургских, 57 английских, 43 любекских и 40 московских торговых иноземцев¹⁸. Как видно, информация по имеющимся категориям иностранных торговцев в целом соотносится друг с другом. Исключение составляют выходцы из бывших ганзейских городов — Любека и Гамбурга, недостаточная судебная «активность» которых может объясняться спецификой их деловой активности.

Обычно судебное-следственное дело (по гражданским искам в современной классификации) начиналось с подачи исковой челобитной. В ней (с приложением подтверждающих документов — «крепости», «кабалы», заёмного письма) излагалась суть исковой претензии. Если подтверждающих документов не оказывалось, то судопроизводство начиналось просто «по челобитной». Такие случаи были редки: при рассмотрении дела в первую очередь обращалось вни-

¹⁵ Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 38.

¹⁶ РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 13, л. 194, 205.

¹⁷ Национальная принадлежность указана условно. Как писал А.В. Дёмкин, «человек с одной и той же фамилией мог быть показан в источниках поданным разных государств или жителем разных городов (к примеру, Гамбурга и Любека)» (Дёмкин А.В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992. С. 4).

¹⁸ Дёмкин А.В. Западноевропейские купцы... С. 5—6; Дёмкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 26—28.

мание на наличие документального подтверждения позиции как истца, так и ответчика. Обоснованием иска чаще всего (в 101 случае) была кабальная запись. «Память», «заемная память», «заемное письмо» фигурируют в 32 делах. «Подрядная запись» и запись «за непоставленной товар» встречаются 26 раз. 20 дел были направлены против поручителей, а в 16 требовали возмещения «бесчестья» или «бою своего и увечья». Кроме того, мотивировка челобитной могла включать «закладную кабалу», «счётное торговое письмо», требовать наказания «за прием беглых» или компенсации «за провоз недоплатных денег», «за взятое питьё», «работных зажилых денег», «убытков и бессторжицы».

После исковой челобитной при необходимости выдавалась приставная память, которая требовалась для обеспечения обязательного прибытия в суд ответчика. Память составлялась самим истцом и выдавалась приставу, который должен был предьявить её ответчику. В качестве гарантии явки на суд ответчик представлял приставу поручную запись, которую тот сдавал в приказ не позднее следующего дня (если дело происходило в Москве), где на ней ставилась дьяческая помета. Факт получения поруки обязательно фиксировался – «по ответчике к суду в статье собрана поручная запись». Чётко следили и за соблюдением срока явки в суд – 30 дней, игнорирование которого вело к возможному проигрышу судебного дела (сроки и условия установлены «Судными статьями» 11 ноября 1685 г.)¹⁹. Присутствие на судебном разбирательстве отмечалось ставочной челобитной – «истец на срочной день к иску стал и челобитье ставочное записал». Для жителей иных городов допускалась трёхкратная неявка (после первой к ответчику направлялась уже зазывная грамота) в суд, после чего иск решался в пользу истца²⁰.

После явки всех сторон на суд начиналось заседание, на котором зачитывалась исковая челобитная и проводился опрос. Для обозначения места опроса применялась формула «в суде» (например, «ответчик в суде сказал»). От ответчика требовалось обязательное высказывание отношения к иску. Он либо соглашался с существом дела («крепости не лживил», «подряжался и запись на себя дал» – 116 случаев), либо отрицал вину («спорил», «в том иску заперлись», «тое запись лживил», «у гостя... таких денег ста рублей не занимал», «словами своими отбивался и спорил» – 109 случаев). В первом варианте он мог признать лишь часть исковой суммы. Часто ответчик утверждал, что долг он уже отдал полностью либо частично. В доказательство предьявлялась расписка («отпись») – «сказал, что денги плачены и отписи есть». Иногда ответчик по той или иной причине не мог предьявить обещанное свидетельство: «есть у них по той записи уплата, и в той уплате отписи. А отписи не положил». Из 14 обещаний предьявить подтверждающие документы их реальное наличие зафиксировано лишь в восьми случаях (причём одну бумагу судьи приказа не признали – «росписку, какову подал в суде ответчик, велено отставить, для того что та расписка иного счёту, а не того заему»). Многие ответчики утверждали, что долг ими уже уплачен, ссылаясь на честное слово истца и русское авось: «заплатил сполна, а отписи не взял, веря ему, исцу», «уплата была, а отписей в том платеже не имал», «тому письму денги исцу плачены», а «отписей в том платеже не имал, веря ево исцове душе». Апеллировали и к случайным потерям: «все денги на сроки исцу заплатил... были отписи, и те отписи пропали», а также к обстоятельствам неодолимой силы: «была в том уплата, а отписи згорели, и в том есть челобитье сына ево, ответчикова». Обращения к вере «на слово» кажутся наивными, тем более что суд в таких случаях всегда признавал ответчика виновным. И если от крестьян и тягловцев различных слобод ещё можно было ожидать подобной «веры» словам, то в случае голландского купца Франца Ти-

¹⁹ ПСЗ-І. Т. 2. № 1140. С. 659–699.

²⁰ Маньков А.Г. Законодательство и право... С. 169.

мермана это выглядит как попытка игры в «простодушие» с целью отсрочки в выплате долга. В случае признания правомерности расписки дело решалось в пользу ответчика.

При оспаривании иска фиксировались аргументы оппонировавшей стороны: «ответчик крепость в суде спорил, и сказал, что денег не занимал и кабалы исцу не давал»; «ответчик сказал, что он ево, исца, не бивал, толко отталкивал, а серег не отымал»; «он по той кабале денег на срок не заплатил для того, что закладное ево, ответчиково, платье, которое было в тех делах положено, он, истец, износил»; «истец на нем, ответчике, ищет всего на 1 350 рублей напрасно, потому что по ево, ответчикову, челобитью в ево, ответчиков, иск запечатано было толко 2 500 пуд». Процесс словесного предъявления того или иного утверждения заверялся крестоцеловальной клятвой: «И имались в том истец с ответчиком за веру. Ответчик веру взял себе на душу»; «И в том истец с ответчиком верились. И ответчик веру взял себе на душу»; «И в том ответчик веру дал исцу на душу».

При каких-либо финансовых претензиях до завершения дела от ответчика требовали поручных записей доверенных лиц («А собрана по нем была поручная запись к суду. А ручались к суду московской торговой иноземец гость Томас Кельдерман да галанские земли торговые иноземцы Кандратей Канигитер и Григорей Николаев»; «А с суда по ответчиках до вершенья того судного дела ручались»), поскольку существовала опасность, что несостоятельный должник скроется от правосудия. Сбором поручных записей занимались приставы. При записи сведений о поручителях применялась формула «и с суда по ответчике собрана поручная запись. А ручались по нем с того суда» с перечислением статуса (сословной принадлежности), имени, фамилии и отчества поручителей. Их число варьировалось от 2–3 до 10–12 человек и зависело от социального положения ответчика. Если требовались поручители за истца, проводился аналогичный процесс. Статус поручителей соответствовал статусу того, за кого поручались. Если доверенных лиц найти не удавалось, ответчика отдавали под присмотр приставов («по том ответчике поручной записи не собрано для того, что по нем никто не ручался; и отдан он был за пристава»).

После «прения» сторон и предоставления всех доказательств судебная коллегия приказа принимала решение по делу. В кратком виде формула итога выглядела так: «Истец оправлен, а ответчики обинены»; «в том иску истец обинен, а ответчик оправлен». Она дополнялась указанием на взыскание денег с проигравшей стороны с выдачей «выписи» («велено тот иск на ответчике з детми доправить, и выпись на правеж дана»). Размеры взыскания соответствовали доказанной сумме иска с прибавкой судебных пошлин. В случае отказа исцу в удовлетворении претензии или подписании мирового соглашения с него взимались обязательные платежи: «И в том иску истец с ответчиком помирились. И доправлено на исце Костянтине Петрове с приписного ево иску пошлин 64 рубли, да пересуду 7 алтын 2 денги».

Если ответчик признавался виновным, но выплату задерживал, то его при наличии какого-либо имущества ставили на правёж, который обеспечивался приставами. Срок правежа, согласно Соборному уложению, составлял один месяц за каждые 100 руб. При наличии «поруки» обвинённого отпускали из приказа; если же поручиться было некому, то его оставляли в ведении приставов. Несмотря на тяжесть «правежа», находились упорствующие, терпеливо сносившие мучение длительное время. Так, по иску грека Захария Захарьева на греков Илью Дмитриева и Анастаса Сигунтуса «по кабале товарных неотдаточных денег» (на 1 240 руб. с полтиною) виновным признали истца, с которого полагалось взять пошлины. Выпись «на правеж о пошлинах» пристав Иван Башмаков получил 5 марта 1688 г. Размер пошлин составил 124 руб. 5 коп.,

«да пересуд и правого десятка» 22 коп. Однако с 5 марта по 13 ноября 1688 г. «Захарей тех пошлин не уплатил ничего, и на правеже указные дни отстоял»²¹.

Значительные риски несли и поручители: они отвечали в случае несостоятельности должника (или невозможности взыскать с него долг по той или иной причине) как полноценные ответчики — всеми финансами, имуществом и личной свободой. Поэтому поручители после окончания дела старались вернуть обратно свои «поручные записи». Такая возможность появлялась после подписания тяжущимися сторонами мировой челобитной. Выдача «поручной записи» производилась по личной челобитной поручителя («И по их поручникову челобитную та их поручная запись им выдана, а в деле толко один список для ведома»).

Если у ответчика отсутствовала возможность выплатить долг, его отдавали истцу «взажив головою», т.е. отправляли в услужение до полной отработки долга. Аналогично поступали и при неудачном правеже: «За тот иск тех ответчиков по Уложению велено отдать взажив головою... с правежу ничего в тот исцов иск не заплатили». Срок передачи во временное «холопство» зависел от размеров долга. Согласно Соборному уложению, за год должник мужского пола отработывал 5 руб., женщина — 2,5 руб. При передаче «взажив» с истца брали «поручную запись». По отработке долга должника требовалось вернуть в приказ: «Как тот ответчик урочные годы у него выживет, и ему поставить в Посолской приказ».

Судное дело завершалось подписанием итогового документа. В большинстве случаев им являлась мировая челобитная, которую истец или истец с ответчиком вместе должны были обязательно представить в приказ. Так, 12 апреля 1676 г. «истец Больших Лужников тяглец Максимко Иванов с теми поручниками с Федором Щечкою и с Степаном помирились и принесли к делу мировую челобитную». Урегулирование финансовых проблем между участниками процесса называлось «розделкой»²².

Иногда, даже при отсутствии завершающего акта, давалась роспись положенных пошлин со ссылкой на Соборное уложение. Размер пошлины определялся величиной иска и составлял 10% от его суммы. Судебные издержки («с суда, пересуда²³ и правого десятка²⁴») являлись фиксированными — 7 алтын и 2 деньги (22 копейки). Для получения этого долга тоже могли составить выпись («доправить великого государя по Уложению, всего сорок рублей семь алтын две денги. И выпись на правеж в тех пошлинах дана Посолского приказу приставу Ивану Башмакову сентября в 18 день за приписью дьяка Василья Посникова»).

Ответчиками могли выступать наследники или родственники должников (в случае смерти последних). Иск могли взыскать и с братьев, которые в получении займа не участвовали, но жили с покойным вместе, т.е. владели совместным имуществом. 31 января 1672 г. по помете дьяка Якова Поздышева велено деньги доправить на ответчике Микифоре «для того, что они з заимщиком з братом своим жили не в розделке и животами владеют они»²⁵. Иногда ответчик

²¹ РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 13, л. 97–97 об.

²² Там же, л. 5, 116 об.

²³ Под термином «пересуд» применительно к судебным пошлинам во второй половине XVII в., скорее всего, подразумевалась пошлина за сам суд, а не за пересмотр дела, как указано в «Словаре русского языка» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 295). При подведении итогов дела, сразу решённого в пользу ответчика, взяли стандартную пошлину в 10% и обычные 22 копейки «за пересуд и правой десяток», хотя никакого пересуда не было (РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 13, л. 97 об.).

²⁴ Иногда упоминаются лишь сами пошлины (10%) и «пересуд» в 7 алтын 2 деньги, без «правого десятка».

²⁵ РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 13, л. 8 об.

(или его наследники) оплачивал лишь государственные пошлины, продолжая игнорировать основной иск.

Общий срок рассмотрения исковых челобитных зависел от многих обстоятельств и варьировался от 1–4 дней²⁶ до нескольких месяцев. По 18 делам принятие решения произошло в срок меньше месяца; в 12 случаях – от 1 до 2 месяцев, в 24 – от 3 до 6,5 месяцев, в 16 – от 7 месяцев до года, в 6 – от года до четырёх лет, в 4 – более четырёх лет. Два разбирательства длились дольше десятилетия, но в обоих вариантах фигурировали уже другие ответчики. Окончательное завершение дела – исполнение приговора – могло длиться от двух недель до нескольких десятков лет. Самое быстрое финансовое дело заняло 16 дней от подачи иска до приноса мирowych. Самое медленное длилось несколько десятилетий²⁷.

Проведённый анализ позволяет прийти к нескольким выводам о судебной деятельности Посольского приказа. Во-первых, все судебные процедуры проводились в соответствии с писаным правом (Соборным уложением и новоуказными статьями). Однако различные процессуальные тонкости и определение финансовых выплат могли регулироваться обычаем или прецедентом. Во-вторых, с большой долей вероятности можно полагать, что судные дела ведомства находились в ведении одного подьячего. Дела могли начинаться в разных повытьях, но затем обязательно передавались служащему, отвечавшему за данный функционал. В-третьих, осуществление развёрнутого судопроизводства свидетельствует о значительном объёме выполняемых Посольским приказом «непрямых» функций, развитости навыков работы его служащих в разрешении судебных конфликтов. Всё это подтверждает необходимость дальнейшего изучения различных практик, использовавшихся российским внешнеполитическим ведомством в XVII в., выявления их связи с законодательной системой государства. Перспективным представляется анализ потенциала прецедентно-казусной системы правоповедения, отказ от которой произошёл в ходе петровских реформ.

---

²⁶ Судное дело голландского купца Игнатъя Христофорова сына Энебранта на кадашевца Евсевья Родионова сына Курдюкова за «взятое питье за церковное» началось 10 декабря 1687 г.; уже 12 декабря по помете дьяка Ивана Волкова «велено тот иск на нем, ответчике, доправить». Окончательный итог подвели 28 апреля 1693 г., когда «истец принес к тому делу мировую челобитную, что тот ево иск заплагили ему жена того ответчика Ирина Григорьева дочь да сын ево Илья Кордоков» (Там же, л. 21–21 об.).

²⁷ Судное дело жильца Ивана Бухарова (вместо которого стал дьяк Андреян Яковлев) на подьячих Посольского и Малороссийского приказов Григория и Семёна Протопоповых, обвинённых в «воровском» приезде в деревню истага Костромино Дмитровского уезда, избении и ограблении местных крестьян. Дело началось 17 августа 1667 г., к 1695 г. оно так и осталось незавершённым.

Взаимоотношения вольного казачества и Российского государства в XVI – начале XVIII в.: историографические подходы и исторические реалии

Николай Никитин

**Mutual relations of the free Cossacks and the Russian state
in the 16th – early 18th centuries:
historiographical approaches and historical realities**

Nikolay Nikitin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870001532-3

Чтобы понять характер взаимоотношений Донского, Яицкого и Терско-Гребенского «войск» с Российским государством, нужно прежде всего выяснить социальный статус вольного казачества в русском обществе XVI–XVII вв. Вопрос этот не так прост, как может показаться на первый взгляд. Если под сословиями традиционно понимать социальные группы, обладающие определяемыми законом (или обычаем) и передаваемыми по наследству правами и обязанностями, то неизбежен вывод (сделанный мною ещё в 1994 г.), что вольное казачество до конца XVII в. фактически не являлось сословием Русского государства, ибо находилось тогда вне пределов его юрисдикции¹.

И в самом деле. В Москве сношениями с вольными казаками ведал Посольский приказ, и, как вспоминал в 1666 г. служивший там ранее подьячим Григорий Котошихин, когда казачьи депутации приезжали в Москву, им оказывалась честь «как чужеземским нарочитым людям». По словам того же Котошихина, вольные казаки «судятца во всяких делех по своей воле, а не по царскому указу. А кого лучитца им казнити за воровство, или за иные дела, и не за крепкую службу, и тех людей, посадя на площади или на поле, из луков или из пищалей розстреливают сами; так же будучи на Москве или в полках, кто что сворует, царского наказания и казней не бывает, а чинят они меж собою сами ж». Но, пожалуй, наиболее полно правовой иммунитет вольных казаков проявлялся в их неподсудности московским властям за преступления, совершённые до приобретения казачьего статуса. Как писал Котошихин, преступники, «быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а лучитца им с чем-нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакова ни в чем не бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед свобождаютца»².

Принцип «С Дона выдачи нет!» являлся незыблемым и определяющим во взаимоотношениях Москвы и вольных казаков до начала XVIII в. Он был хорошо известен в Русском государстве и не мог не броситься в глаза сторонним

© 2018 г. Н.И. Никитин

¹ *Никитин Н.И.* Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесословных и внеклассовых социальных слоёв // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Международная конференция – Чтения памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1994. С. 3–4.

² *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 159.

наблюдателям. Английский дипломат Чарльз Уитворт (1675–1725), считавший, что «управление казаков – разновидность военной демократии», писал: «Казаки пользуются очень большими привилегиями, одна из самых значительных состояла в том, что всякий крестьянин или невольник, оказавшийся в их стране, получал свободу и не мог быть востребован своим хозяином или правительством московитов»³. Кроме того, вольные казаки, по крайней мере до середины XVII в., придерживались мнения о добровольном характере своей службы «великому государю» и считали себя вправе свободно «отъезжать» с неё⁴. А главное, в основном своде законов Московского государства – Соборном уложении 1649 г. – все статьи «о казаках» относятся лишь к представителям служилого, «городового» казачества, и нет ни одной статьи о казачестве вольном.

По мнению политолога А.Е. Мохова, «подразумевалось, что Уложение 1649 г. распространялось на всех казаков, проживавших как на территории Российского царства, так и вне его (но периодически нанимавшихся на службу по договору к российским государям)»⁵, однако на каких данных основано такое заключение, остаётся неизвестным. Непонятно также, почему, прекрасно зная все эти особенности взаимоотношений Московского государства с вольным казачеством, некоторые видные историки – А.П. Пронштейн, Н.А. Мининков, А.Л. Станиславский, В.Д. Назаров – считали возможным говорить о вольных казаках XVII в. как о «сословии» («особом сословии»), не предлагая при том каких-либо новых (отличных от вышеприведённого) определений этого понятия⁶.

Особую (хоть и небольшую) группу составляют исследователи, задающиеся вопросом: «казаки – сословие или этнос?». Он порой формулируется в самом названии посвящённых казачеству работ и не может не вызывать недоумения. Ведь в первом случае речь идет о *социальной* принадлежности, а во втором – об *этнической*, и их сопоставление подобно сравнению пудов с аршинами. Тем не менее такой вопрос ставится не только дилетантами⁷, но и учёными, в частности доктором исторических наук С.А. Головановой, которая в итоге пространных рассуждений пришла к заключению, что «казачество более соответствует определению этника» (признавая, правда, что это понятие «так и не утвердилось в этнологии») ⁸.

Новые дефиниции и новые трактовки проблем, связанных с изучением социальной структуры Российского государства XVI–XVIII вв., – характерная примета последнего двадцатилетия. Ряд отечественных историков (Б.Н. Миронов, А.Б. Каменский, В.Б. Перхавко и др.) полагают, что до XVIII–XIX вв. сословий в нашей стране не существовало (а были «социальные группы»). Е.Н. Марасинова резонно объясняет их позицию влиянием западноевропейской историографии, усилившимся в годы «активизации научных кон-

³ Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века. М.; Л., 1988. С. 63.

⁴ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 10.

⁵ Мохов А.Е. Казачество и Российское государство. М., 2011. С. 25.

⁶ Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967; Nasarow W. Der Platz der Bauernkriege Russlands in der Geschichte des Klassenkampfes Europas // Die historisch vergleichende Methode in der sowjetischen Mediavistik. М., 1980. S. 175–176; Станиславский А.Л. Гражданская война в России... С. 7, 10–11.

⁷ Никитин В.Ф. Казачество. Нация или сословие? М., 2007.

⁸ Голованова С.А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции. Вторая половина XVI – XIX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2005; Голованова С.А. Этнические и сословные характеристики южнороссийского казачества // Фольклор казачества как неотъемлемая часть северо-кавказского пространства. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2010. С. 74–82.

тактов». Они спровоцировали восприятие западноевропейского образца как эталонного и соответственно привели к известному «европоцентризму» при интерпретации некоторых процессов развития российской государственности и «ориентации на западную модель». Марасинова вместе с тем отмечает, что большинство наших историков в настоящее время всё же признаёт сословный характер российского общества в XVI–XVII вв., как и «приоритет социально-сословных категорий над религиозными и этническими в политике Российского государства»⁹.

К числу таких исследователей принадлежит, например, А.И. Агафонов. Однако относительно казачества его позиция несколько противоречива. С одной стороны, он считает, что «в конце XVI – в первой половине XVII в. правительство, стремясь подчинить себе казачество, признало его особым служилым сословием, которое находилось за пределами государственного и административного управления, вне сферы феодального подчинения и эксплуатации», а с другой стороны, по словам исследователя, «едва ли можно говорить о том, что в XVI–XVII вв. казачество России обладало совокупностью всех сословных признаков или многими из них»¹⁰. «Включение в состав служилых сословий», писал Агафонов, произошло после «приведения казачества к присяге во второй половине XVII в.» (точнее, в 1671 г. – *Н.Н.*), а также в связи с «реорганизацией и укреплением армии и государства в начале XVIII в.». Требуется уточнение и трактовка Агафоновым позиций «большинства советских учёных», которые, по его версии, исходя из определения К. Маркса (в конспекте книги Н.И. Костомарова о Разине), считали, что казачество «было признано правительством в начале XVII в. особым служилым сословием наравне со стрельцами, пушкарями и воротниками»¹¹. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с широко распространённой в нашей литературе практикой объединения под «казачеством» двух сильно различающихся в XVI–XVII вв. по своему положению социальных категорий – казачества *городового*, служившего «по стрелецкому уряду», и казачества *вольного*. Так, тверской историк О.Г. Усенко писал, что донские казаки XVII в. «относились к “служилым людям по прибору”»¹². Фактически не разграничивают вольное и служилое (городовое) казачество И.Ю. Ерохин¹³ и некоторые активисты «казачьего возрождения»¹⁴.

О городском казачестве наша общественность, как правило, знает крайне мало и часто переносит на него свои представления о более известном ему вольном казачестве. Характерный тому пример – произведение известного советского поэта С.С. Наровчатова «Песня про атамана Семёна Дежнёва, славный город Великий Устюг и Русь Заморскую», где типичный представитель городского казачества и его подчинённые выглядят как заурядная ватага вольных казаков¹⁵.

⁹ Марасинова Е.Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 12–14.

¹⁰ Агафонов А.И. Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Материалы конференции. Ростов н/Д, 1995. С. 21, 22.

¹¹ Агафонов А.И. Казачество Российской империи: некоторые историографические и методологические проблемы изучения // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвящённых памяти А.А. Зимина. М., 1990. С. 11, 12.

¹² Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Ч. 2. Тверь, 1995. С. 52, 54.

¹³ Ерохин И.Ю. Казачество и государственность // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 3–4. С. 48–51.

¹⁴ Никитин В.Ф. Казачество. Нация или сословие? С. 9, 133–134.

¹⁵ См.: Наровчатов С. Стихи. М., 1965. С. 228–251. Примечательно, что автор этого произведения закончил перед Великой Отечественной войной Институт истории, философии и литературы.

Разницу между ними не всегда понимают историки, но прекрасно понимали современники, включая иностранцев. По мнению О.Ю. Куца, само выражение «вольные казаки», появившееся в конце XVI в., «возникло в первую очередь для отличия таковых от служилых, городовых казаков»¹⁶. (И не случайно французский наёмник капитан Маржерет в начале XVII в., быстро разобравшись в русских делах, счёл нужным выделить в своих записках из общей массы казаков тех, кого назвал «настоящими казаками»: они, по его словам, «держатся в татарских полях вдоль таких рек, как Волга, Дон, Днепр и другие»)¹⁷. С.К. Сагнаева полагает, что «процесс формирования казачества как сословия, начавшийся в конце XVII – начале XVIII в. в Донском, Яицком, Терском войсках, завершился лишь в XIX в., что нашло отражение в соответствующих документах»¹⁸. С Сагнаевой в этом вопросе можно согласиться полностью, а вот с О.Ю. Куцем – лишь частично. В его монографии говорится, что в XVII в. «донские казаки – пусть формально – принадлежали к русскому обществу», и оспаривается мнение Н.А. Мининкова, который, доказывая нахождение казаков вне государственной юрисдикции, ссылаясь на приведённую выше фразу Г. Котошихина о неподсудности казаков московским властям. Как справедливо полагает Куц, «данную фразу нельзя понимать буквально. Речь здесь идёт, вероятно, только о конфликтах внутри казачьих отрядов. В случаях, когда дело касалось преступления не внутри казачьей группы, а на стороне, провинившиеся казаки попадали под действующие внутри страны нормы».

Это утверждение убедительно подкрепляется конкретными примерами наказаний для действовавших в составе московского войска вольных казаков за грабежи и убийства мирных жителей, а общий вывод исследователя выглядит так: «“Вольное донское казачество” в какой-то степени являлось (впрочем, особой и своеобразной) социальной группой русского общества со своими важными отличительными чертами – правом жить не в границах государства, правом собственного внутреннего управления и суда, а также... правом внешних сношений и самостоятельного ведения боевых действий, кроме того, “правом” приёма беглых... Правда, чёткие политические и социальные рамки донского казачества в XVII в. ещё не устоялись и изменялись в связи с ходом московско-донских отношений, пока этот процесс не завершился в XVIII в. ... В целом сходным было, судя по всему, и положение в XVII в. терско-гребенского и яицкого казачьих сообществ»¹⁹. Полагаю, что отмеченные О.Ю. Куцем «отличительные черты» в положении казачества можно объяснить гораздо проще – *вассальным* характером «московско-донских отношений», где сюзереном, естественно, выступало Московское государство, вассалом – Войско Донское (как и Войско Яицкое или Терское). Сюзерен не вмешивался во внутренние дела вассалов, но имел право жестоко их наказывать за причиняемый ему вред.

Эта мысль не нова. Её высказывал ещё С.И. Тхоржевский в 1923 г. «Донское войско следует считать вассальным государством, находящимся под сюзеренитетом Москвы, – писал он. – Такие отношения возникают при столкновении двух государств различных культур, причём сильнейшее оставляет нетронутым внутренний строй слабейшего и ограничивается подчинением себе его внешних отношений, усиливая свою политическую мощь получением с него дани или военной помощи... Донское войско по своему экономическому развитию стояло ниже Московской Руси и, естественно, могло оказывать ей помощь не данью (оно, напротив, само получало “жалованье”), а преимущественно

¹⁶ См: Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 341–342.

¹⁷ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. М., 2007. С. 151–152.

¹⁸ Сагнаева С.К. Магистеральная культура уральского казачества конца XIX – начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. С. 18.

¹⁹ Куц О.Ю. Донское казачество... С. 344–345, 348, 355–356.

своими военными действиями, как и Запорожское Войско по отношению к Польше и Крымская орда — к Турции. Донское Войско было своеобразным государством-войском, обязанным служить Московскому государству в делах военных и, отчасти, внешней политики, но совершенно самостоятельным в делах внутренних»²⁰. Здесь, на мой взгляд, всё верно, кроме, конечно, уподобления Войска Донского государству, но это уже особая тема, требующая отдельного рассмотрения²¹.

Мнение о вассальном характере зависимости Дона в XVII в. от Москвы широко представлено и в современной литературе. Его, в частности, высказывали Н.А. Мининков, считающий, что после 1671 г. эти отношения уже приняли характер подданства, и авторы коллективного труда «Казачий Дон: очерки истории», полагающие, что в 1671–1721 гг. «развитие отношений России и Дона... можно охарактеризовать как состояние колониальной автономии», когда «Войско Донское фактически входит в состав Российского государства, но пока сохраняет своё республиканское устройство и управление с определёнными правоограничениями»²².

Формальная и реальная стороны московско-донских взаимоотношений обычно хорошо различимы. В переписке с Москвой казаки, подобно всем служилым людям Русского государства XVI–XVII вв. (от бояр и воевод до стрельцов и пушкарей) именовали себя «холопами великого государя» (порой даже — «вековыми» или «природными холопами»), а территорию, на которой проживали, называли «государевой вотчиной». При этом они считали свою службу «государю» сугубо добровольной, могли убить царского посланника, если тот прибывал на Дон с «неподобающими», по мнению казаков, предложениями и требованиями, открыто грозили Москве свою «реку покинуть впусте», если им не будет прислано жалованье и т.д., что демонстрирует во многом формальный характер их «служилого» статуса²³.

Общие оценки правительственной политики по отношению к вольному казачеству в современной историографии неоднозначны. Наиболее распространённая к настоящему времени точка зрения представлена в капитальной монографии Н.А. Мининкова «Донское казачество в эпоху Позднего Средневековья». Касаясь значения «царских отпусков» для Дона, её автор пишет, что «государево жалованье» помогало казакам выжить, когда у них не было возможности предпринять походы «за зипунами», и рассматривает это жалованье не только как плату за выполнение казаками определённых поручений Москвы и одну из форм экономической и политической поддержки казачества, но и как способ и средство ограничения разбойного образа жизни казаков. А.И. Агафонов в рецензии на монографию Мининкова развивает эту мысль и считает необходимым учитывать и другую роль «отпусков»: «Благодаря царскому жалованью правительство формировало у казачества представления о зависимом, служебном характере отношений между Московским государством и войском Донским, которые с начала XVIII в. воспринимались как естественные и “издревле” существовавшие»²⁴.

²⁰ *Тхоржевский С.* Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Сб. 3. Пг.; М., 1923. С. 27–28.

²¹ О комплексе связанных с этой темой вопросов см.: *Никитин Н.И.* О социальной природе казачьих сообществ XVI–XVII веков // Исторические записки. Вып. 16(134). М., 2016. С. 172–215.

²² *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху Позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998; *Мининков Н.А.* Враги или злодеи? // Родина. 2004. № 5. С. 72; *Казачий Дон: Очерки истории.* Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 84.

²³ См.: *Тхоржевский С.* Указ. соч. С. 27; *Кур О.Ю.* Донское казачество... С. 343–344.

²⁴ *Агафонов А.И.* [Рец. на:] Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998 // Донской временник. 2002. Ростов н/Д, 2002 (URL.: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m20/0/art/asp?art_id=400).

Следует признать, что несмотря на все осложнения во взаимоотношениях Москвы и вольного казачества в XVII – начале XVIII в., которые порой приобретали крайне острые формы, правительственная политика по его интеграции в классово-сословную структуру российского общества увенчалась полным успехом. Как замечает М.А. Рыблова, «метрополия» и казачьи сообщества составили «единую систему», и не случайно «идея служения родине» стала «ключевой в казачьем фольклоре»²⁵. В.В. Трепавлов обратил внимание на то, что «гордые, самолюбивые донские казаки относились к Руси иначе, чем к другим своим соседям – Турции, Крыму или Ногайской Орде. Свои действия по предотвращению татарских набегов на южное российское пограничье они расценивали как щит против “нехристей”, держание “Божьей дороги”»²⁶.

Сложнее была позиция запорожцев, которые не раз вступали в союзные отношения с Крымским ханством (главным образом для противодействия Речи Посполитой) и нередко объединялись с татарами даже для нападений на приграничные русские земли. При этом, как подчёркивает Б.Н. Флоря, в казацко-татарских отношениях превалировала конфронтационная сторона: «Это был стихийный, но именно поэтому особенно прочный антагонизм двух сил, каждая из которых стремилась утвердиться на одних и тех же территориях Дикого поля», а «остроте антагонизма способствовало убеждение казаков, широко отразившееся в источниках конца XVI – первой половины XVII века, что, нападая на татар и отражая их нападения, они выполняют важное дело защиты христианского мира от “неверных”»²⁷.

На отношения вольного казачества с турецко-татарским миром в современной литературе существуют и иные взгляды. Краснодарский историк Д.В. Сень полагает, что в XVII – начале XVIII в. казакам, по большому счёту, было всё равно, кому служить; привязанность казаков к Москве как духовному центру была слабой. Исследователь высказал мнение о «равностатусности» в их глазах русского царя и турецкого султана. Более того, после церковного раскола вольное казачество разочаровалось в Московском государстве, и статус Крымского ханства и Османской империи стал в массовом сознании казаков даже более предпочтительным²⁸. Столь радикальный пересмотр установившихся в историографии взглядов на отношение вольных казаков к Москве не нашёл поддержки. Краснодарские историки И.Ю. Васильев и А.И. Зудин подвергли концепцию Сени критике, отметив недоказанность основных её положений. По их мнению, «многие выводы монографии Д.В. Сени выглядят неубедительно и имеют ярко выраженную политическую ангажированность»²⁹.

Некоторые активисты «казачьего возрождения» идут в оценке характера взаимоотношений вольного казачества и Российского государства ещё дальше, усматривая в сотрудничестве с российской властью лишь отрицательные для казаков последствия. Утверждается, например, что Россия отобрала у Войска Донского море, коим оно привыкло владеть «сотни лет», а также лучшие земли и превратила его территорию в свою колонию³⁰. Сочинения самодельных «казачьих историков», концептуально восходящие к казачьей эмигрантской ли-

²⁵ Рыблова М.А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. С. 24.

²⁶ Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 409.

²⁷ Флоря Б.Н. Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995. С. 51, 55.

²⁸ Сень Д.В. «У какого царя живем, тому и служим...» // Родина. 2004. № 5. С. 73–76; Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – XVIII в.). Ростов н/Д, 2009.

²⁹ Васильев И.Ю., Зудин А.И. К вопросу о «многовекторности» развития раннего казачества на Северо-Западном Кавказе // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 6. Краснодар, 2011. С. 31.

³⁰ Вареник В.И. Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1996. С. 56; Алмазов Б.А. Мы казачьего рода. Хельсинки, 2008. С. 481.

тературе 1920–1950-х гг., порой проникнуты откровенной неприязнью к России, которая изображается ими как извечный враг казачества, «поработивший» его благодаря своему коварству и запредельной жестокости³¹.

Авторы подобных утверждений не хотят видеть очевидного — взаимовыгодности «российско-казацких» отношений и совсем не принимают в расчёт то, что России приходилось не только помогать казакам вооружением, боеприпасами и продовольствием, но и напрямую спасать их от физического уничтожения. После самовольного (без санкции Москвы) захвата казаками турецкой крепости Азов (1637) и знаменитого «Азовского осадного сиденья» (1641) Войско Донское оказалось обескровлено, его численность сократилась с 10 (накануне «сиденья») до 5 (а по некоторым данным до 4) тыс. человек³². Особенно сильный удар был нанесён донцам в 1643 г., когда турецко-татарское войско, мстя за азовский позор, разгромило их главные силы на Монастырском острове. Там погиб цвет донского казачества, около 2 тыс. женщин и детей попали в плен, а вражеские набеги на донские селения всё продолжались³³. Как сообщали казаки в апреле 1644 г. в Москву, они «людьми на Дону в конец оскудели в... бусурманские... приходы, и в осады, и во многие большие битвы, люд у нас стал повыбит весь, а малым нам людом без твоей государевой помощи без ратных людей противо их бусурманских больших приходов стоять будет не уметь... и в конец будет погибнуть»³⁴.

Московское правительство хоть и отказалось включить Азов в состав России, но помощь казакам оказало большую. В 1646–1648 гг., когда донцам, по их собственному признанию, из-за усилившегося нажима турок и татар «жить стало не под силу» и возникла реальная угроза захвата турками всего Нижнего Дона, туда были направлены воинские отряды (около 10 тыс. человек), специально сформированные для «донской службы» в южнорусских уездах, вооружённые и снаряжённые за счёт «государевой казны». Были сняты практически все ограничения и препоны для жителей южнорусских уездов, желавших отправиться на Дон. Эти беспрецедентные шаги наглядно показали, насколько московское правительство было заинтересовано в сохранении вольного казачества на Дону. Бытует мнение, что попытка искусственно увеличить его численность не удалась³⁵. Полностью с ним нельзя согласиться. Из 10 тыс. отправленных на Дон ратников впоследствии там осталось около 2 тыс., что при численности уцелевших после Азова казаков в 4–5 тыс. человек было совсем не мало.

В отношении других казачьих регионов о «пагубной» для судеб казачества политике Российского государства пишется в последнее время тоже много, в том числе и серьёзными историками. В фундаментальном исследовании С.А. Козлова «Кавказ в судьбах казачества» (вышедшей двумя изданиями) красной нитью проходит мысль о том, что Россия втянула терских и гребенских казаков в бесконечные столкновения с горцами. По мнению историка, до XVIII в. между казаками и горцами царили «взаимоотношения на принципах добрососедства, сотрудничества и взаимной выгоды», а если и происходили конфликты, то для их урегулирования существовали «многовековые традиции разрешения споров», что и было нарушено Россией³⁶.

³¹ Никитин В.Ф. Казачество. Нашия или сословие? С. 131, 241, 407, 409.

³² Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 82; Куц О.Ю. Донское казачество... С. 263.

³³ Селищев Н.Ю. Казаки и Россия. М., 1992. С. 52.

³⁴ Цит. по: Пушкарёв С.Г. Донское казачество и Московское государство в XVII в. // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 115.

³⁵ Дружинин В.Г. Попытки московского правительства увеличить число казаков на Дону в середине XVII века. СПб., 1911. С. 3–8; Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху Позднего Средневековья (до 1671 г.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1995. С. 17.

³⁶ Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). Изд. 2. СПб., 2002. С. 124, 130, 147–149.

Такая «демонизация» российской политики на Кавказе плохо согласуется со многими материалами, приводимыми в самой монографии: Козлов не всегда учитывает объективную закономерность и историческую обусловленность разыгравшихся на Северном Кавказе событий и реалий эпохи в целом, отступая от принципов историзма. Даже опираясь только на факты, приведённые в книге, можно заметить, что война между казаками и горцами, несмотря на всевозможные «куначества» и «аталычества», длилась, то затихая, то разгораясь, практически с XVI в., также, впрочем, как и война между самими горцами. И те «дружественные отношения» между казаками и северокавказскими народами, о которых раньше так часто писали историки, конечно же, не только не были постоянными, но в общем и в целом не выходили за рамки отношений между самими горскими племенами с обычным для эпохи военной демократии чередованием войны и мира, союзов с одними группировками против других и т.д. Скорее всего, уже с XVII в. казаки Терека воспринимались соседями просто как один из своих же кавказских народов, с существованием и интересами которого приходилось считаться. Сохранять же «патриархальный» характер (с «многовековыми традициями разрешения споров») эти отношения могли лишь до поры до времени — пока Северный Кавказ не стал ареной ожесточённого соперничества между соседними державами и пока у самих северокавказских народов не зашёл достаточно далеко процесс складывания собственных (раннефеодальных) государств, который, как и везде, сопровождался повышенной военной активностью и экспансией на соседние, в том числе казачьи, земли³⁷. В XVIII в. отчётливо наблюдается и то, и другое. У казачества Терека оставалось два пути: либо быть с Россией, либо с её врагами.

По последнему пути, как известно, пошли так называемые некрасовцы — большая группа донских казаков (около 2 тыс. семей), возглавляемых атаманом Игнатом Некрасовым, которые после разгрома Булавинского восстания в 1708 г. ушли на подвластную Османской империи Кубань. В дальнейшем численность некрасовцев возрастала за счёт новых беглецов, и все они стали послушным орудием в руках Турции и Крыма. Турки и татары не вмешивались во внутренние дела некрасовской общины, но жестоко пресекали попытки казаков покинуть её в ответ на неоднократные предложения российских властей получить прощение и вернуться на прежние места обитания. Вместе с кубанскими татарами некрасовцы совершали опустошительные набеги на саратовские, царьцынские, пензенские, симбирские, нижегородские, воронежские земли, а также на территорию Войска Донского. Эти акции сопровождалось сожжением селений, массовыми убийствами мирных жителей или их угоном для продажи в рабство, причём на родном Дону некрасовцы зверствовали не меньше, чем на других территориях.

Советской историографии была свойственна идеализация некрасовцев. Их представляли как непримиримых борцов с самодержавием, набеги на русские земли рассматривали как проявления «классовой борьбы», а в качестве жертв этих набегов упоминали лишь помещиков да «домовитых» казаков³⁸. Такой подход противоречил как элементарной логике (вряд ли турецкое самодержавие было лучше российского), так и конкретно-историческому материалу, давно введённому в научный оборот и в последнее время вновь ставшему доступным для массового читателя³⁹. После смерти в 1737 г. Игната Некрасова активность его последователей снизилась, но открытые (военные) и скрытые (шпионаж) действия некрасовцев против России продолжались до потери Тур-

³⁷ Россия и Кавказ: 400 лет войны? М., 1998. С. 36.

³⁸ *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России... С. 276–277.

³⁹ *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринодар, 1910. С. 603–610; *Селищев Н.Ю.* Казаки и Россия. С. 123–127; *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества... С. 162–174; *Шамбаров В.Е.* Казачество: путь воинов Христовых. М., 2009. С. 255–256.

цией Северного Кавказа в конце XVIII в. Судьба изменников складывалась трагично. При эвакуации с Кубани много детей и женщин погибло. Часть некрасовцев ушла в горы и впоследствии растворилась среди «черкесов», а переселившееся к туркам большинство продолжало служить султану уже непосредственно в составе его войск.

Вопреки мнению Д.В. Сеня, склонного к идеализации положения некрасовцев на чужбине, Турция не стала для них ни «обетованной землей», ни родным домом. И.Ю. Васильев и А.И. Зудин обратили внимание на то, что в неплохо изученном фольклоре некрасовцев не встречается «ни одного примера позитивного образа мусульманского государства, его правителя и народа»⁴⁰. Замкнутые старообрядческие общины некрасовцев с течением времени всё труднее вписывались в реалии новой жизни на чужбине, и численность «игнат-казаков» неуклонно сокращалась. Эпидемии, бытовые лишения, обострение межнациональных и межконфессиональных отношений, ассимиляционная политика турецких властей после революции 1918–1923 гг. — всё это вынудило некрасовцев в конце концов покинуть Турцию. Большинство вернулось в Россию. Этот «исход» начался в первые десятилетия XIX в., а завершился в основном в начале 1960-х гг. Многие некрасовцы уехали в Америку и рассеялись по свету⁴¹. Что же касается обстоятельств, побудивших И. Некрасова уйти со своим войском на Кубань, то они требуют не только детального, но прежде всего объективного анализа, на который далеко не всегда оказываются способны даже профессиональные историки, захлёстываемые, порой, вполне понятными эмоциями.

Восстанию Булавина предшествовал долгий период массового бегства населения (главным образом крестьянского) на Дон из «коренных» областей страны. Люди уходили «в казаки» группами по 100, 200, 300, 500 и более человек, причём с жёнами и детьми, поднимаясь целыми деревнями и сёлами. Вследствие этого многие из соседних с Войском Донским уездов «запустились», население «верховых» казачьих «городков» увеличилось в 10–20 раз, и в верховьях Дона, по Хопру, Медведице, Иловле, Бузулуку и Северскому Донцу возникло много новых «городков»⁴². С началом войны за Балтику и в ходе петровских преобразований, требовавших всё больше солдат, работных людей и налогоплательщиков, массовая утечка «живой силы» стала для российского правительства неприемлемой. Вопрос о ликвидации старинного казачьего права не выдавать беглых и о ещё большем сужении казачьей автономии был предпрещён, тем более что после укрепления к этому времени позиций России на Юге возможностей проводить по отношению к казакам более жёсткую политику у правительства прибавилось. В 1707 г. последовал царский указ о выдворении с Дона и возвращении на прежние места жительства всех, кто поселился у казаков после 1695 г. Экспедиция на Дон кн. Ю. Долгорукова с целью розыска беглых и последовавшее затем подавление Булавинского восстания осуществлялись с непомерной (пусть и преувеличиваемой в некоторых работах) жестокостью, привело к огромным, неоправданным с любой точки зрения

⁴⁰ *Васильев И.Ю., Зудин А.И.* К вопросу о «многовекторности» развития... С. 26–27.

⁴¹ Казачий словарь-справочник / Сост. Г.В. Губарев и А.И. Скрылов. Т. 2. Калифорния, 1968. С. 209–212; *Люшин И.* Мы пошли к своему языку... // Вокруг света. 1980. № 11; *Смирнов И.В.* Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. № 8. С. 97–107; Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003. С. 224, 226; *Власкина Т.Ю.* «Вернулись казаки до своего языка»: реэмиграция 1962 г. в устной традиции казаков-некрасовцев // Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского. Материалы конференции. Краснодар, 2010. С. 154–158.

⁴² *Соловьёв С.М.* Сочинения. Кн. VIII. М., 1993. С. 170–171; *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М., 1996. С. 317–318; *Пушкарёв С.Г.* Донское казачество... С. 117–118; *Подъяльская Е.П.* Известия о роде Булавиных // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С. 69; *Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 139.

жертвам⁴³. Тем не менее неправомерно считать карательную акцию российских властей «подлинным погромом», «геноцидом» казачества или первым в нашей истории «расказачиванием» (по аналогии с «расказачиванием» 1919 г.), как это делают некоторые историки, писатели и публицисты⁴⁴. Правительство Петра не ставило своей целью ни физическое уничтожение донского казачества, ни ликвидацию его служилого статуса в качестве Войска Донского, как это предписывалось директивами большевистского правительства 1919–1920 гг.⁴⁵

Действия российских властей на Дону в 1707–1709 гг. диктовались сугубо прагматическими соображениями и были исторически обусловленными. Сложно себе представить поступательное развитие нашей страны в XVIII в. без укрепления роли государства в её жизни, но оно, государство, в XVIII в. уже не могло мириться ни с массовой потерей людей из-за бегства в казачьи области, ни с помехами, чинимыми его дипломатии самовольными действиями казаков на южных границах, ни с самим существованием на своей территории сообществ, живущих грабежами и разбоями. Да и сами казаки в силу новых исторических реалий уже не могли рассчитывать на то, чтобы «кормиться зипуном», и после подавления Булавинского восстания всерьёз взялись, наконец, за соху.

Казачья автономия с тех пор была сильно урезана, как и права Войскового круга, превратившегося вскоре в чисто декоративный орган, лишь своим названием напоминавший казакам об утраченном праве самим избирать войсковых атаманов. Но на низовом уровне (в станицах и хуторах) казачье самоуправление сохранилось вплоть до начала XX в. В таком направлении социальное устройство казачества менялось и само собой, демонстрируя тем самым объективный процесс классообразования. Казачья старшина с середины XVII в. приобретала в «войске» всё больший авторитет и вес и всё больше прав в ущерб прерогативам Круга, но, по словам С.М. Маркедонова, «если узурпация власти Круга старшиной носила эволюционный характер, то меры Петра I были революционным потрясением для казачества»⁴⁶.

Как отмечал М.Т. Беляевский, российский правительство вовсе не собиралось ликвидировать казачество. «Может показаться странным, — писал он, — что в условиях распространения крепостничества на новые территории казачество не только сохранилось, но и становилось полупривилегированным служилым сословием, которое не платило подушной подати и пользовалось рядом прав и привилегий, в том числе и правом самоуправления, впрочем, ограниченным и строго контролируемым Военной коллегией и другими органами государственной власти. Казачество было нужно абсолютизму. Являясь иррегулярным войском, оно не требовало таких расходов на содержание, как регулярная армия, и играло существенную роль в составе кавалерийских войск русской армии»⁴⁷.

Некоторые казачьи идеологи, живописуя невзгоды, обрушившиеся на казаков со стороны Российского государства в XVIII в., не приемлют определения

---

⁴³ Подьяпольская Е.П. Известия о роде Булавиных. С. 69–70; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России... С. 276, 280; Буганов В.И. Указ. соч. С. 122, 147–148.

⁴⁴ Смирнов И. Век нынешний и век минувший. Диптих к большому переименованию // Знание—сила. 1990. № 12. С. 10; Казачий Дон... Ч. 1. С. 86; Никитин В.Ф. Казачество. Нация или сословие? С. 241, 408; Шишов А.В. Казачьи атаманы. М., 2008. С. 91; Алмазов Б.А. Мы казачьего рода. С. 493.

⁴⁵ Ср.: Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России... С. 286; Казаки России. Кн. 2. Донское казачество в Гражданской войне. Сборник документов. 1918–1919 гг. Ч. 1. М., 1993. С. 264–277; Казаки // Шпион. Альманах писательского и журналистского расследования. 1994. № 1. С. 38–44; Генис В.Л. Расказачивание в Советской России // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 42–55; Грут В. Истребить поголовно // Родина. 2004. № 5. С. 95–97.

⁴⁶ Маркедонов С.М. Казачий круг как политический институт // Полис. Политические исследования. 1996. № 1. С. 152.

⁴⁷ Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М., 1987. С. 36.

казачества как привилегированного (и даже полупривилегированного) сословия. Вот что пишет по этому поводу Б.А. Алмазов: «Несмотря на утверждение, что казаки – сословие привилегированное – как же! подати деньгами не платят (зато платят кровью!), – было оно фактически одно из самых обездоленных в Российской империи. Хуже крепостных крестьян»⁴⁸. Похоже, уважаемый писатель имеет весьма смутное представление о положении крепостных крестьян в России (которое в XVIII в. уже мало чем отличалось от рабского) и, кроме того, видимо, убеждён, что никто, кроме казаков, не проливал кровь за Отечество – ни дворяне, ни тем более призванные на военную службу крестьяне... С историческими реалиями больше согласуются слова генерала А.С. Лукомского, председателя Особого совещания при А.И. Деникине: «Трудна была служба казачества, но оно пользовалось таким экономическим благосостоянием и такими льготами, которых не знала ни одна часть прочего населения России»⁴⁹.

Подчинение вольного казачества Российскому государству, бесспорно, происходило с массой «издержек» и «перегибов»; многих из них при более продуманной, более гибкой политике центральной власти можно было бы избежать. Но это был исторически обусловленный и даже необходимый для дальнейшего развития как государства, так и самого казачества процесс.

Российское великодержавие явилось непререкаемым условием выживания страны: это признают сегодня не только отечественные, но и некоторые зарубежные историки⁵⁰, и оно дорого обошлось всему русскому народу, а не только казачеству. Трагические события, произошедшие при ликвидации казачьих вольностей, нуждаются в дополнителем и, главное, беспристрастном исследовании. То, что нам известно об этих событиях на сегодняшний день, заставляет задуматься над вопросом о цене исторического прогресса, о старой, как мир, проблеме соотношения общих и частных интересов, которая давно поднималась в русской литературе. Ещё В.Г. Белинский призывал признать «торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданиям этого частного»⁵¹. А в связи с судьбами казачества ту же мысль повторил в 1928 г. белоэмигрант генерал С.А. Щепихин: «Логика истории неумолима, и она вынуждает к жертвам частного во имя целого»⁵².

Ликвидация казачьих вольностей (как и казачьих своеволий) рано или поздно должна была произойти, под чьим бы патронажем – России или сопредельных стран – ни оказались казачьи территории. Стать привилегированным (пусть даже «полупривилегированным») сословием сильного государства – это был отнюдь не худший вариант эволюции казачьих сообществ, и он с неизбежностью последовал в XVIII в. С тех пор казаки принимали самое широкое и активное участие во всех войнах России, и нельзя не заметить, что именно на имперский период её истории приходятся наиболее яркие страницы в летописи казачьей воинской славы. Это признают и образованные представители современного казачества. Именно «на государственной службе, – подчеркнул в 2010 г. Верховный атаман Союза казаков России П.Ф. Задорожный, – обрели казаки расцвет, духовный взлёт, проявили блеск удали и дерзкой отваги, самоотверженность и верность присяге»⁵³. Остаётся пожелать, чтобы к компетентным мнениям специалистов прислушивались все активисты «казачьего возрождения».

⁴⁸ Алмазов В.А. Мы казачьего рода. С. 481.

⁴⁹ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007.

С. 60.

⁵⁰ Российское государство от истоков до XIX века... С. 26–29, 39.

⁵¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 7. М., 1955. С. 542.

⁵² Щепихин С.А. Несколько мыслей о судьбах казачества // Казачество: Мысли современников...

С. 329.

⁵³ Задорожный П.Ф. Предисловие // Союз казаков России. 1990–2010. М., 2010. С. 3.

Казачество и конскрипция в 1860–1870-е гг.

Алексей Волвенко

Cossacks and konskription, 1860s–1870s

Alexey Volvenko

*(Taganrog Institute named after A.P. Chekhov
(Branch of the Rostov State University of Economics), Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870001564-8

15 января 1862 г., излагая во всеподданнейшем докладе концепцию будущих преобразований в армии, военный министр Д.А. Милютин в разделе, посвящённом иррегулярным войскам, писал о необходимости «уменьшения наряда казачьих частей на службу в мирное время до узаконенной нормальной соразмерности (т.е. трети всего состава)». Вместе с тем данное сокращение войск, объяснявшееся прежде всего финансовыми соображениями, предполагалось осуществить без ущерба для их боевых качеств, важность которых в случае «большой войны» не ставилась под сомнение¹.

Как известно, Александр II в целом одобрил милютинский доклад, в том числе и ту его часть, которая касалась казачества. Тогда же в отдельном комитете при Управлении иррегулярных войск² Военного министерства были подготовлены «Соображения о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках»³. В них рекомендовалось «ограничить численность военного сословия определённой нормой, с тем чтобы избыток казачьего населения был освобождён от обязательной службы... и, оставаясь в числе граждан своего края, мог свободно обратиться к другим занятиям». Кроме того, следовало предоставить всем желающим право свободного выхода из войска и сословия, разрешить продажу войсковой земли как неслужащим казакам, которые, соответственно, лишались паевого земельного довольствия и облагались податями, так и иногородним⁴.

При этом в «Соображениях» анализировались четыре действовавшие тогда системы несения казачьей службы – Донская, Кубанская (Черноморская), Терская (Кавказская линейная), Уральская – и отмечалось, что каждая из них может быть приспособлена к новым требованиям Военного министерства. Вместе с тем рассматривались и другие формы отбывания воинской повинности. Так, прусский опыт предполагал отбывание обязательной службы всем мужским населением и образование нескольких разрядов ландвера для тех, кто, отслужив, зачислялся в запас, но оставался военнообязанным. Этот порядок признавался весьма похожим на существовавший в казачьих войсках. Однако

© 2018 г. А.А. Волвенко

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-01-50018.

¹ Столетие Военного министерства 1802–1902. Исторический очерк развития военного управления в России. Т. 1. СПб., 1902. Приложения. С. 167–171. По сведениям Военного министерства, содержание казачьих частей в мирное время стоило государству 8–9,5 млн руб. ежегодно.

² Управление иррегулярных войск, организованное в 1857 г., в 1867 г. было переименовано в Главное управление иррегулярных войск, а в 1879 г. – в Главное управление казачьих войск.

³ ОР РГБ, ф. 169, к. 23, л. 20.

⁴ Там же, л. 1–4.

более предпочтительным, по мнению авторов «Соображений», являлась конскрипция — установление постоянной нормы новобранцев (конскриптов), которые ежегодно набирались по жребию из числа молодых людей, достигших призывного возраста, как это делалось во Франции. Те, кто, пройдя жеребьёвку, не подлежал призыву под знамёна, навсегда освобождались от несения воинской повинности, а призванные имели право выставлять вместо себя «охотников», т.е. тех, кто добровольно соглашался заменить их и соответствовал армейским требованиям. Как отмечалось в «Соображениях», это позволяло казакам «избрать род жизни сообразно своим способностям и наклонностям» и гарантировало, что «в казачьих войсках не будут образовываться ни наследственные сословия, ни особая военная каста». Но тут же признавалось, что «местные комитеты вернее могут судить, какая система более удобна для каждого казачьего войска»⁵. Эти «комитеты» были созданы ещё в 1860 г. для кодификации действующих законов и положений, но после назначения министром Милютина их задачи и компетенция заметно расширились. Им предстояло рассмотреть и разосланные в середине 1862 г. «Соображения».

Обсуждение «Соображений» в разных войсках протекало с разной степенью открытости и интенсивности. Если, к примеру, на Дону они вызвали резкое неприятие (в том числе и у наказного атамана гр. П.Х. Граббе) и по сути были проигнорированы⁶, то в Оренбурге их, напротив, полностью поддержали. Характеризуя окружавшие его настроения, начальник артиллерии Оренбургского края И.П. Лобысевич ещё в 1861 г. писал: «Надо отдать полную справедливость оренбургскому обществу, что оно глубоко проникнуто идеей эмансипации и совершенно чуждо сословных подразделений»⁷.

В состав местного комитета, формально возглавлявшегося генерал-губернатором А.П. Безаком, входил наказной атаман Оренбургского казачьего войска гр. И.А. Толстой, а также члены войскового правления, среди которых выделялся своим профессионализмом чиновник для особых поручений П.Г. Чернев (впоследствии помощник начальника Главного управления иррегулярных войск). По словам Чернева, происходившего из коренных оренбургских казаков, «комитет старался дать как можно более гласности своим действиям... при неимении местной газеты». Для этого повсюду рассылались приглашения с просьбой сообщать комитету замечания, касающиеся существующих законов и правил, и «таким образом, в разработке предложений... принимало в некоторой мере участие почти всё войско». Для обсуждения же вопроса о порядке комплектования строевых частей в комитет были вызваны «опытные по службе и хозяйству штаб и обер-офицеры, которые среди казаков живут». В итоге после прений большинством голосов была избрана «жеребьевая система как более правильная и сообразная с положением войска»⁸.

Высказавшись за отмену принципа поголовного несения казаками воинской повинности, комитет полагал, что для поддержания штатной численности строевых частей необходимо 24 тыс. человек, а поскольку на службе тогда находилось 34 тыс. казаков, то 10 тыс. из них следовало отправить в отставку «без спроса желания, обложив за каждый не дослуженный год платой по 7 руб. в пользу войска». Новый набор планировалось осуществлять ежегодно из достигших 19-летнего возраста, причём те, кто по жребию навсегда освобождал

⁵ Там же, л. 4 об.—7.

⁶ Волвенко А.А. Донские атаманы эпохи «Великих реформ» (1860–1870-е гг.) // Русская старина. 2017. № 8(1). С. 39.

⁷ Лобысевич И.П. Оренбург // Военный сборник. 1861. № 1. С. 215.

⁸ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 86–88. Краткую характеристику проекта оренбургского комитета см.: Годовава Е.В. Реформаторская политика Оренбургских губернаторов в отношении Оренбургского казачьего войска (1798–1865 гг.) // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 3(69). С. 64.

ся от воинской повинности, получали, как и служащие, положенный надел в 30 десятин, но платили за него по 10 коп. за десятину в год и наравне с государственными крестьянами облагались казёнными, войсковыми и общественными податями и сборами⁹. Одновременно комитет проектировал сократить численность оренбургских казаков со 108 до 75 тыс., «предоставив излишку населения свободный выход из войскового сословия»¹⁰. При этом, согласно проекту, все вышедшие из казачьей общины лишались прав на земельный надел и пользование «выгодами» в станичных юртовых владениях, хотя и могли продолжать проживать в станицах как представители «посторонних сословий», арендовать или приобретать землю в собственность, но с «отбыванием всех государственных и земских повинностей денежных и натуральных, не исключая и рекрутских»¹¹.

По-видимому, проект составлялся в комитете с учётом позиции Безака, если не под его непосредственным влиянием. «Оренбургское казачье войско, — отмечал генерал-губернатор в отчёте за 1862 г., — создано путём историческим и силою правительственных распоряжений. Существование его в финансовом отношении убыточно для казны¹²; в военном оно не отвечает ожиданиям правительства, потому что оренбургские казаки только по имени казаки, в действительности же они — простые поселяне, не имеют решительно воинского духа и большей частью с отвращением смотрят на всё относящееся к воинской службе как отвлекающее их от домашних занятий. Тем не менее они не против казачества, а скорее за него по причине лёгкости службы, огромного поземельного надела, изъятия от рекрутства и всяких податей. Чтобы выйти из такого невыгодного положения, в каком находится ныне Оренбургский край... представляется два средства: или обратить Оренбургское казачье войско в податное состояние, или образовать из зауральских уездов новую губернию под ведением военного губернатора, который заведовал бы и оренбургскими казаками. В этом последнем случае казаки, управляясь общим для губернии учреждением, мало-помалу сольются и сблизятся с гражданским населением и постепенно подготовятся к обращению в податное сословие»¹³.

⁹ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 28–31 об. В число денежных повинностей казака, освобождённого от обязательной службы, входили войсковая подесащинная поземельная пошлина (3 руб.), государственная подушная подать (1 руб.), повинности государственные (1 руб. 18 коп.), губернские (13 коп.), а также общий сбор $56\frac{3}{4}$ коп. Всего они составляли 5 руб. $87\frac{3}{4}$ коп. в год.

¹⁰ Там же, л. 29 об. По данным А.И. Кортунова, численность оренбургского казачества увеличилась в 1800–1850 гг. почти в 8 раз — с 21,3 до 166,6 тыс. человек (*Кортунов А.И.* Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII–XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2004. С. 158). Новыми казаками становились, как правило, отставные солдаты, казённые крестьяне, татары, башкиры, мешеряки, калмыки и др.

¹¹ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 33 об.–34.

¹² В небольшой публикации в журнале «Экономист» в начале 1862 г. утверждалось, что «государство употребляет ежегодно на пособие оренбургскому казачьему войску более полумиллиона рублей серебром. Не получая с казаков подати подушной, государство теряет около 106 тыс. рублей; не получая подати оброчной — за надел землёю, государство лишается, по размеру, узаконенному для оренбургской губернии, около 800 тыс. рублей. Следовательно, содержание оренбургского казачьего войска стоит государству более 1 400 000 руб. серебром. Ежегодно, не принимая даже в расчёт 3-х миллионов десятин свободной за наделом земли, которая, оставаясь непродушной, составляет мёртвый капитал, недоступный для частной предприимчивости. При самой низкой цене эта земля стоит не менее 20–30 млн руб.; приносит же доход войску в виде оброчных статей с небольшим 800 тыс. руб. в год. Как ни велики эти жертвы, но они ничтожны сравнительно с вредом, в промышленном отношении, парализующим материальные силы народа» (Механическое заведение и промышленность в Оренбурге // *Экономист.* 1862. Кн. 1–3. Январь. С. 5–9). В том же году данная статья была перепечатана в № 18 «Оренбургских губернских ведомостей». Критический разбор статьи см.: *Оренбургский казак.* Правда об Оренбургском казачьем войске // *Военный сборник.* 1862. № 9. С. 103–122.

¹³ Отчёты губернаторов Оренбургской губернии. Сборник документов. Оренбург, 2016. С. 255.

В начале 1863 г. проект оренбургского комитета вместе с особым мнением генерал-губернатора поступил в Военное министерство. Замечания Безака не носили принципиального характера. В целом он отметил, что «казачья община в сфере гражданского населения в том виде, как она предполагается комитетом, была бы только переходною формой устройства Оренбургского войска к гражданскому быту, к которому оно, как не принадлежащее к родовому казачеству, а созданное правительством искусственно, может быть без больших затруднений направлено». Вместе с тем применение конскрипционной системы казалось ему целесообразным не только в Оренбурге, но и «на отдельных пределах государства, соседственных с неблагоустроенными народами». В специальном докладе Управления иррегулярных войск о деятельности оренбургского комитета констатировалось, что «проект в экономическом отношении... представляет все выгоды и находится в «тесной связи с другим проектом Безака, в котором предполагается разделить Оренбургскую губернию на 2 части: собственно Оренбургскую и Уфимскую»¹⁴.

Внимательно ознакомившись с этими документами, Милютин усмотрел главный недостаток проекта в «требовании новых обязанностей от населения без соответственного уменьшения нынешних», в частности в желании обложить исключаемых из войска казаков налогами и привлечь их к исполнению рекрутской повинности. В связи с этим, полагал министр, «можно опасаться, что войско не найдёт такую перемену выгодною для себя и встретит это преобразование с неудовольствием... а в отношении к этой вооружённой части населения более всего надобно наблюдать осторожность»¹⁵. Милютин выступил против введения какой-либо «переходной формы устройства»: «Это соображение должно быть устранено, — решительно заявлял он, возражая против соответствующих замечаний Безака. — Будущность отдалённая нам неизвестна; теперь уже устраивая заново войско, мы должны иметь в виду все условия войска, как будто оно должно было бы навсегда оставаться войском. Если же казаки будут знать, что настоящий военный их быт есть только временное состояние, то они, конечно, не будут хорошими казаками». Кроме того, глава военного ведомства указал на необходимость при определении численности служилых казаков «принять за основание всего расчёта уменьшенный срок службы, который должен быть одинаков с тем сроком, какой будет установлен в войске Донском»¹⁶.

Вместе с тем переработку проекта и введение конскрипционной системы в Оренбургском войске было решено отложить до окончания задуманного Безаком преобразования края — исключения из состава генерал-губернаторства Самарской губ. и разделения оставшейся территории на Уфимскую и Оренбургскую губернии с передачей в 1865 г. гражданского управления от казачьих властей в общие губернские учреждения¹⁷. Казачьи полки тем временем активно участвовали в подавлении польского восстания 1863 г. Однако на смотре в Петербурге, по пути в Северо-Западный край, они, по свидетельству военного министра, «произвели впечатление не совсем выгодное: жалкие лошадёнки, люди почти не обучены, плохо одеты». Как вспоминал Дмитрий Алексеевич, «смотр эти выказали наглядно упадок строевого состояния донских и оренбургских казаков» и «в особенности прикособно было видеть плохое их вооружение»¹⁸. В условиях, когда сохранялась угроза начала большой европейской

¹⁴ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 37–37 об.

¹⁵ Там же, л. 39 об.–40.

¹⁶ Там же, л. 46–46 об. 8 сентября 1863 г. полевая служба донских казаков была сокращена с 25 до 15 лет, а внутренняя — с 12 до 7 лет (ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 2. СПб., 1866. С. 12–13).

¹⁷ *Абрамовский А.И., Кобзов В.С.* Управление и воинская повинность Оренбургского казачества во II пол. XIX — нач. XX вв. Челябинск, 1997. С. 5.

¹⁸ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 376.

войны, всё это вызывало тревогу. Считались в Военном министерстве и с тем, что не все казачьи кодификационные комитеты успели закончить работу в установленный срок, а на Дону реформаторские планы вызвали острую критику со стороны «казакоманов», которая, в свою очередь, породила слухи о донском сепаратизме¹⁹ и привлекла пристальное внимание жандармов и руководства III отделения Собственной е.и.в. канцелярии²⁰. В этой обстановке нельзя уже было ожидать от депутатов донского комитета создания некоего образца для других войск, который корректировался бы затем в соответствии с их спецификой, как это делалось в 1840-х – начале 1860-х гг. на основе «Положения об управлении Донского войска» 1835 г.

В начале 1865 г. переведённого в Киев Безака сменил в Оренбурге его племянник – генерал от кавалерии Н.А. Крыжановский. Как говорилось в его отчёте за первый год управления краем (с февраля 1865 г. по март 1866 г.), новый генерал-губернатор «строго руководствовался монаршими повелениями... чтобы при передаче казаков в гражданское управление, с одной стороны, не препятствовать естественному их объединению с бытом и правами общих всей империи сословий, а с другой – не уничтожая, а напротив того, укрепляя в них способность быть храбрыми воинами, не заставить правительство заменять казачье войско регулярными полками»²¹. Действительно, на полях одного из отчётов Безака, в котором предлагалось обратить оренбургских казаков в податное сословие, Александр II написал: «В этом я не вижу никакой выгоды, ибо свободных регулярных войск у нас нет и придётся формировать новые, на что я решительно не согласен». Правда, в том же докладе Безаку разрешалось передать в правительственные инстанции соответствующий проект, но с непременным условием, касавшимся казачьих земель: «Можно, если не нужно будет занять их регулярными войсками». Впрочем, и Крыжановский исходил из того, что «передача гражданского управления оренбургских казаков в общие губернские учреждения составляет только начало полного преобразования оренбургского казачества в общее свободное сельское сословие». Но поскольку признавалось, что проведение в крае рекрутских наборов «не выгодно для правительства как в экономическом, так и в политическом отношениях», Крыжановский в специальном дополнении к доработанному проекту предлагал военному министру «сколь можно менее изменять основные правила отбывания службы казаками, но только... удлинить срок действительной службы, и наряд на службу производить конскрипцией и наймом»²².

К этому времени в Управлении иррегулярных войск, проанализировав поступившие материалы, окончательно убедились в том, что местные казачьи комитеты не справились с поставленной перед ними задачей. Наиболее жёсткой критике со стороны как Военного министерства, так и других ведомств под-

¹⁹ В 1864 г. на страницах катковского «Русского вестника» была опубликована статья полковника П.А. Кузьмина «Об условиях владения землями в Войске Донском». Её содержание возмутило часть казачьего общества и вызвало переписку между наказным атаманом и военным министром. В одном из писем (ОР РГБ, ф. 169, к. 62, д. 33, л. 1–1 об.) гр. Граббе настаивал на удалении с Дона Кузьмина, позволившего себе заподозрить казаков в сепаратизме и, говоря о местных дворянах, поставившего «оскорбительный» вопрос о том, «почему же не освобождены они от обязательной службы, весьма близкой к крепостному состоянию, от которого избавлены и крестьяне» (*Кузьмин П.А.* Об условиях владения землями в войске Донском // *Русский вестник.* 1864. № 49, 50 (цитата – № 50. С. 254)). Подробнее см.: *Волвенко А.А.* Казакоманство. Донской случай (1860-е гг.) // *Русская старина.* 2015. № 1(13). С. 19–37.

²⁰ ОР РГБ, ф. 169, к. 62, д. 32, л. 29–32. Летом 1863 г. в Новочеркасске получили сведения о возможном появлении «возмутительных прокламаций и агентов враждебных России партий», а также предписание «наблюдать за прибывающими лицами, в особенности иностранного происхождения» (Государственный архив Ростовской области, ф. 46, оп. 1, д. 682, л. 5–5 об.).

²¹ Отчёты губернаторов Оренбургской губернии... С. 314.

²² РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 106–106 об.

верглись пожелания донской элиты: «Новочеркасский комитет, — вспоминал Милютин, — представил проект, проникнутый духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве. Такой проект очевидно показал, что вести столь важное дело на местах в среде самого казачества было невозможно без общего руководства центральной власти»²³.

В октябре 1865 г. в Петербурге при Управлении иррегулярных войск был открыт Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений (точнее, организована его канцелярия). Однако рассмотрение инициатив Крыжановского в министерстве могло затянуться, прежде всего из-за намеченного им увеличения срока казачьей службы: генерал-губернатор планировал довести его до 17 лет, включая 8 лет в строевых частях. Милютину вновь пришлось писать о недопустимости изменения сроков службы, установленных в Донском войске, и их распространении в ближайшем будущем на другие войска. В первой половине лета 1866 г. начальник Управления иррегулярных войск Н.И. Карлгоф всё же убедил генерал-губернатора согласиться с мнением министерства²⁴. Тогда же было решено по просьбе Крыжановского ускорить введение конскрипционной системы в Оренбургском войске, «не ожидая разработки новых положений для прочих казачьих войск», и вызвать Черневу для корректировки местных предложений в столице и сокращения переписки²⁵. Уже к началу 1867 г. в проект были внесены все необходимые изменения. Согласно сделанным тогда же расчётам, «исходя из установленной нормы численности войска, из вступающих ежегодно в 19-летний возраст 2 тыс. малолетков... могут быть освобождены от служб только 15%, это около 300 человек. В 22-летний период число освобождённых, если даже положить по 300 чел[овек] ежегодно, дошло бы до 6 600 чел[овек], но если взять 2% прирост в год, оно будет, по меньшей мере, вдвое больше». Как отмечал Карлгоф, «население Оренбургского казачьего войска слишком велико для исполнения тех служебных обязанностей, которые на него возложены»²⁶. При этом в возглавляемом им Управлении ещё в июне 1866 г. полагали, что конскрипционная система, «совершенно изменяя существующий в казачьих войсках порядок наряда казаков на службу, может быть введена едва ли не в одном Оренбургском войске, как вследствие произведённых в нём преобразований, которым могут не подвергнуться другие войска, так и потому, что Оренбургское войско, образованное в недавнее время искусственным путём... скорее и легче других казачьих войск способно слиться с прочим сельским населением»²⁷.

В начале 1865 г., желая разобраться «в тратах правительства на содержание казачьих войск сравнительно с регулярными», в Управлении поручили сделать такой расчёт для Оренбургского войска чиновнику для особых поручений при Карлгофе Н.И. Краснову, известному своими статистическими исследованиями положения на Дону²⁸. 9 января 1867 г. в докладе, посвящённом проекту

²³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 184–185.

²⁴ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 44, л. 15, 38 об.—41 об.

²⁵ Там же, л. 31.

²⁶ Там же, д. 21, л. 137 об.—138.

²⁷ Там же, д. 44, л. 31 об.—32.

²⁸ Там же, оп. 10, д. 290, л. 114. Подробнее о его деятельности см.: *Перетьяко А.Ю.* Н.И. Краснов и его «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» // Русский архив. 2016. № 4(14). С. 301–320; *Перетьяко А.Ю.* О значении «Соображений о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями» Н.И. Краснова в творчестве автора и общественно-политической жизни Дона 1860 гг. // История и историки в контексте времени. 2017. № 1(15). С. 4–22.

Крыжановского, Карлгоф упомянул и о записке Краснова, вероятно, уже представленной Милютину, и об «огромных потерях», которые, по мнению её автора, государство несло от казачьих частей²⁹. Со своей стороны, Карлгоф был убеждён в «несвоевременности» упразднения оренбургского казачества из-за «неблагоприятного впечатления, которое оно произвело бы на прочие казачьи войска», и заботился лишь о том, чтобы «по возможности уменьшить невыгоды для государства от настоящего положения Оренбургского войска, при котором оно, пользуясь большими льготами и привилегиями, отслуживает их весьма недостаточно и, не принося государственной казне никаких доходов, само требует от неё значительных пособий на содержание своей администрации, при чём и выставляет войско не довольно удовлетворительного качества»³⁰. Собственно конскрипция и рассматривалась прежде всего как средство сокращения издержек.

В марте 1867 г. Милютин одобрил переработанный проект Крыжановского, внеся в него небольшие уточнения. После этого его быстро провели через законодательные инстанции и уже 1 июля Александр II утвердил «Положение о военном составе Оренбургского казачьего войска, сроках службы строевых частей и о способах их комплектования»³¹. В нём, в частности, регулировался порядок зачисления «малолетков» в казаки и отчисления в отставку «излишних», определялись повинности тех, кто освобождался жребием от обязательной службы, и проч. Термин «конскрипция» при этом не употреблялся, но сам её принцип реализовывался через систему жеребьёвки³². «Общий военный состав, — говорилось в «Положении», — сообразно современным потребностей, назначается по числу трёх смен в 27 000 нижних чинов, коих, как определённую норму, войско имеет всегда в полном комплекте» (ст. 2). Из них комплектовались 9 пеших батальонов, 15 конных полков и конно-артиллерийская бригада из трёх батарей (ст. 3). Треть их находилась «на постоянной службе» (ст. 4–6), сменяясь через 2,5 года, но за каждым казаком сохранялось право отслужить свою очередь за один раз (ст. 7). Общий срок «полевой службы» составлял 15 лет (ст. 49–50). Согласно ст. 8, «по избытку войскового народонаселения противу действительной потребности для содержания определённого нормою числа служащих чинов, комплектование военного состава производится жеребьевым порядком из всего принадлежащего к войсковому сословию населения». Жеребьёвке подлежали «все дети мужского пола, не имеющие особых прав по происхождению». Лица, освобождённые после неё от обязательной службы, оставались в войске в качестве «войсковых граждан» и обязаны были платить «денежный сбор по 4 рубля в год в войсковые доходы» (по представлению местных властей и с разрешения Военного совета его размер мог меняться) (ст. 52–53). За ними сохранялось, наравне с казаками, право на пользование земельным наделом. Войсковые граждане и их дети как участвующие в жеребьёвке освобождались от рекрутского набора, но несли «совместно с прочими поселянами» все войсковые, земские и станичные повинности, как натуральные, так и денежные (ст. 54–57). Кроме того, с них взимался особый сбор (56³/₄ коп. в год) «в общественные станичные суммы» (ст. 55)³³.

²⁹ РГВИА, ф. 330, оп. 1, д. 21, л. 139.

³⁰ Там же, л. 140.

³¹ Там же, л. 133–134.

³² Первоначально в проекте оренбургского комитета «норма» составляла 24 тыс. нижних чинов, её увеличение объяснялось сокращением сроков службы. Впрочем, вскоре выяснилось, что «расчёты численности войскового населения были слишком преувеличены» и войско оказалось не в силах содержать в постоянной готовности 27 тыс. человек, тем более при увеличении количества конных частей» (Столетие Военного министерства... Т. 11. Ч. 3. СПб., 1907. С. 355).

³³ ПСЗ-II. Т. 47. СПб., 1871. № 44787. С. 1113–1118.

Вопреки изначальному скепсису Управления иррегулярных войск, принципы, заложенные в Оренбургском положении 1867 г., всё же удалось применить и в других казачьих войсках. Большинство их депутатов, прибывших в столицу в ноябре 1866 г. для участия в работе Временного комитета, по свидетельству Карлгофа, в первые же дни продемонстрировали готовность на «широкие уступки для уничтожения казачьей замкнутости»³⁴. В начале 1867 г. Управление внесло на рассмотрение Временного комитета проект Оренбургского положения. Одновременно отдельной группой депутатов был подготовлен проект общего для всех казачьих войск закона о воинской повинности на основе конскрипции. После заседания Карлгоф сообщил Милютину, что большинство депутатов, за исключением донских и уральских, высказались за оренбургскую систему³⁵. Представители Дона продолжали настаивать на том, что при изменении существующего порядка «все выгоды будут на стороне освобождённых от военной повинности войсковых граждан, в ущерб их собратий, обречённых на постоянную военную службу». Кроме того, они были уверены в том, что жеребьевая система, приближая казаков «к общему податному сословию империи, может быть состоянием только временным, переходным и с самого введения её в действие разделит казачье население на два враждебных лагеря»³⁶. Как утверждал Карлгоф, упорствовали они из «опасения подвергнуться негодованию своих войсковых обывателей»³⁷. Уральские депутаты на заседании «вообще отмалчивались», поскольку, как полагал Карлгоф, в случае реализации оренбургского проекта на Урале «перевернётся вверх дном весь общественный порядок»³⁸. Объяснялось это тем, что в Уральском войске, с его глубокими старообрядческими традициями, издавна существовала оригинальная система комплектования, основанная на принципе «наёмки»³⁹. И даже не отмена, а только вписывание «наёмки» в новый порядок службы согласно «Положению о воинской повинности Уральского казачьего войска» вызвало в 1874 г. среди уральцев волнения⁴⁰.

В мае 1867 г. подготовленный депутатами Временного комитета проект был разослан в казачьи войска для обсуждения и редакционных поправок, учитывающих местную специфику⁴¹. Вскоре последовало введение новых положений о воинской повинности в Кубанском и Терском (1870), Сибирском (1871), Астраханском и Забайкальском казачьих войсках (1872)⁴². От Оренбургского «образца» они отличались численностью военного состава, размером денежных повинностей освобождаемых от службы казаков, сроками выплат и т.п., а также используемой терминологией. В частности, название «войсковые граждане» было заменено выражением «неслужилые казаки».

Однако действовали эти положения недолго. В 1874–1875 гг. появились «Положение о военной службе Донского войска» и «Устав о воинской повинности Донского казачьего войска»⁴³. В уставе, утверждённом 17 апреля 1875 г.,

³⁴ ОР РГБ, ф. 169, к. 23, д. 19, л. 9–12 об.

³⁵ Там же, л. 15–16 об.

³⁶ Столетие Военного министерства... Т. 11. Ч. 1. СПб., 1902. С. 471–472.

³⁷ ОР РГБ, ф. 169, к. 23, д. 19, л. 16 об.

³⁸ Там же, л. 15 об.

³⁹ Подробнее см.: В.Д. Наёмка, способ отбывания служебной повинности уральскими казаками // Военный сборник. 1865. № 2. С. 307–350.

⁴⁰ Кольчев С.В. Предпосылки волнений в Уральском казачьем войске в 1874 году // Телескоп. Научный альманах. Вып. 11. Самара, 2005. С. 54–61.

⁴¹ Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое 25-летие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.). Т. 3. СПб., 1879. С. 250.

⁴² ПСЗ-II. Т. 45. Отд. 2. СПб., 1874. № 48607. С. 148–159; Т. 46. Отд. 2. СПб., 1874. № 49995. С. 343–348; Т. 47. Отд. 1. СПб., 1875. № 50706. С. 430–436, № 50822. С. 603–611.

⁴³ ПСЗ-II. Т. 49. СПб., 1876. № 53943. С. 283–298; Т. 50. Отд. 1. СПб., 1877. № 54588. С. 397–405.

провозглашалось, что «мужское население Донского казачьего войска как издавна призванное всецело к священной обязанности защищать престол и отечество подлежит, без различия состояний, воинской повинности» (ст. 1), причём «денежный выкуп... и замена охотником не допускается» (ст. 2). Вместе с тем предусматривалось, что «казаки строевого разряда состоят на действительной службе или на льготе» (ст. 10), в зависимости от номера казака в «очередном списке» станицы (чем фактически заменялась жеребьёвка)⁴⁴ и размера ежегодного набора, определяемого военным министром (ст. 68–77).

Уже в 1876 г. донской устав с небольшими изменениями был распространён на Оренбургское войско, в 1877 г. его адаптировали для Забайкалья, в 1880–1881 гг. ввели в Сибири и Астрахани. На Кубани и на Тереке зачисление в неслужилые казаки прекратилось в 1876 г., а новое положение о военной службе последовало в 1882 г. Таким образом, жеребьёвка в регионах проводилась не более девяти лет (дольше всего – в Оренбургском, Сибирском и Астраханском войсках). По данным М.П. Хорошхина, к началу 1880 г. в Кубанском войске неслужилых числилось 17 990 человек (34% от всех казаков полевого разряда), в Терском – 1 766 (13%), в Астраханском – 812 (28%), в Оренбургском – 2 117 (7%), в Сибирском – 2 403 (23%), в Забайкальском – 4 935 человек (29%)⁴⁵.

Основная масса казачества без сопротивления приняла как новый порядок службы, так и его отмену. По крайней мере, каких-либо экстраординарных проявлений недовольства зафиксировано не было. Принципиальное неприятие конскрипция вызывала лишь на Дону. Однако весьма характерна и её критика в статье сибирского казачьего офицера А.П. Нестерова, написанной в 1874 г. и опубликованной в 1876 г. под псевдонимом «Седьминец»⁴⁶. По словам Нестерова, «эта система – есть вопиющая несправедливость» и является «главнейшим ударом» по местному казачеству, хотя он и «не знает, как относятся к ней другие казачьи войска». Особое недовольство у него вызывало законное освобождение от службы и зачисление в категорию войсковых граждан молодых казаков, получивших образование в средних и высших учебных заведениях, имеющих торговые или промысловые свидетельства, а также нанимающих вместо себя «охотников», чем пользовались исключительно «дети казачьих чиновников и богачей». Между тем дополнительные денежные взносы и повинности для них несущественны и «имеют вид косвенного налога в пользу чиновников с беднейшего населения, на которое переносится вся тяжесть 22-х летней службы, отбываемой на собственный счёт, стоимость которой за это время далеко превышает 10-рублёвый взнос с богатых, переносимый впоследствии и этот взнос на бедных, в виде надбавки на товар и другие продукты, покупаемые последними у тех же богатых людей»⁴⁷.

Любопытно, что критические замечания Нестерова весьма близки к тому, о чём писал в 1873 г. на страницах ведомственного журнала «Военный сборник» уральский казачий офицер Хорошхин⁴⁸, в конце 1860-х гг. служивший в Оренбургском военном округе, а в 1870 г. получивший назначение в Главный штаб (в 1881 г. он занял должность начальника отдела Главного управления казачьих войск). По мнению Хорошхина, оценка убытков служилого казака была «сделана несколько низко», тогда как они заметно превышают размер денежных повинностей тех, кто освобождался от службы. «Если мы положим

⁴⁴ ПСЗ-П. Т. 50. Отд. 1. № 54588.

⁴⁵ Хорошхин М.П. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 295.

⁴⁶ Седьминец. Реформы в Сибирском казачьем войске // Сборник газеты «Сибирь». Т. 1. СПб., 1876. С. 335–368.

⁴⁷ Там же. С. 341–342.

⁴⁸ Хорошхин М.П. Порядок отбывания воинской повинности казаками // Военный сборник. 1873. № 3. С. 141. См. также: Хорошхин М.П. Казачьи войска... С. 247–248.

годовой заработок казака в 50 р., — говорилось в статье, — то за 5 лет службы, которые казак должен отбыть в один или в два срока, он теряет 250 р.; кроме того, сбор на службу, поддержание в исправности: оружия, снаряжения, одежды потребует около 100 р.; итого затрат на 100 р., да убытков на 250 рублей... Здесь не берутся во внимание те убытки, которые неизбежны, когда человек не уверен в своём, быть может, даже ближайшем будущем. Возьмём теперь положение “неслужилого казака”. Он уже с 19-ти лет знает, что его не потребуют на службу, разве только по особому повелению верховной власти. Затем он платит ежегодно: в Оренбургском войске 4 р., в Сибирском 10 р., в прочих войсках 15 рублей. Эту плату вносят в Оренбургском войске по смерти, а в прочих войсках — в течение 22 лет. Принимая, что средняя продолжительность жизни для 19-тилетнего будет 39 лет, оказывается, что неслужилый казак заплатит всего: в Оренбургском войске 156 р., Сибирском — 220 руб., в прочих 330 руб., но эти суммы вносятся постепенно; если же неслужилый казак пожелал бы внести известную сумму, с тем чтобы проценты с неё равнялись годовой плате, то, рассчитывая по 6% годовых, таковая сумма для оренбургского казака равнялась бы 67 р., для сибирского — 167, для кубанского, терского и забайкальского — 250 рублей». Соответственно, «развитие благосостояния и гражданственности едва ли будет при этих условиях равномерным между всеми обывателями»⁴⁹. Неудивительно, что традиционное для казачества общеобязательное отбывание воинской повинности казалось более предпочтительным.

Между тем в начале 1870-х гг. в Военном министерстве признали необходимость увеличения кавалерийских частей для достижения паритета с европейскими армиями. Пополнить ряды кавалерии было решено за счёт привлечения к службе всего казачьего населения. К тому же введённая в России в 1874 г. всеобщая воинская повинность «не давала поводов к изъятию в этом отношении для казаков, у которых искони общеобязательная воинская повинность составляла основание устройства каждого войска»⁵⁰. Так или иначе, возвращение к принципу поголовного несения службы завершило недолгий период в истории казачества, когда власть, исходя из своих собственных интересов, попыталась увидеть в казаках не только военную силу, но и обыкновенных граждан.

---

⁴⁹ *Хороших М.П.* Порядок отбывания... С. 142–143.

⁵⁰ Исторический очерк деятельности... Т. 5. СПб., 1880. С. 197.

«Нравственный Кавказ» И.П. Корнилова

Александр Котов

«The moral Caucasus» of I.P. Kornilov

Aleksandr Kotov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870001574-9

Иван Петрович Корнилов часто упоминается в исследованиях, посвящённых политике самодержавия в Северо-Западном крае в 1860-е гг. Так, если А.А. Комзолова рассматривает его деятельность в контексте «одной из ярких страниц в истории русской интеллигенции на окраинах» — массового приезда в Литву и Белоруссию «облачённых в чиновничий мундир» «людей умственного труда», изо всех сил, но без особого успеха пытавшихся влиять на непосредственные действия администрации по обрусению западных окраин, то М.Д. Долбилов усматривает во взглядах этого сподвижника М.Н. Муравьёва некий «русачий антиэлитизм», а «Виленский вестник» А.И. Забелина, которому покровительствовал Корнилов, уподобляет «лаборатории ксенофобских эмоций»¹. Между тем даже незамысловатая его «интеллектуальная биография» пока ещё не написана.

Сын сподвижника А.В. Суворова и родственник прославленного севастопольского героя, И.П. Корнилов родился в 1811 г., служил в лейб-гвардии Измайловском полку, сражался в Польше во время подавления восстания 1830–1831 гг., а в начале 1850-х гг. поступил на службу в московскую Межевую канцелярию, где проявил не только широкий кругозор и деловые качества, но и определённые литературные способности. В его статьях и путевых очерках, появлявшихся после многочисленных служебных поездок, изображена значительная часть империи — от Астрахани до Восточной Сибири². Круг же его знакомств (не всегда отражённый в публикациях) затрагивал самые разные социальные страты — от волжских бурлаков до томившихся в Селенгинске Н.А. и М.А. Бестужевых.

Ранние публикации Корнилова, несмотря на обилие статистических сведений, отличались занимательностью, а также — повышенным вниманием к практическим государственным нуждам. Культ «благородного дикаря» Ивану Петровичу был чужд. Описывая жизнь «бродячих звероловов» Восточной Сибири, он характеризовал их «состояние» как «низшую степень общественного

© 2018 г. А.Э. Котов

Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук, проект № МД-5387.2018.6. «Российская консервативная печать 1860-х — 1890-х гг. в борьбе с революционным и национальным радикализмом».

¹ Комзолова А.А. «Положение хуже севастопольского»: Русский интеллигентный чиновник в Северо-Западном крае в 1860-е гг. // Россия и Балтия. Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. Вторая половина XVIII в. — XX в. М., 2004. С. 117–141; Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 486, 497.

² Корнилов И.П. Очерки быта лесных зверопромышленников инородцев Восточной Сибири // Библиотека для чтения. 1851. Т. 108. Отд. 4. С. 1–30; Корнилов И.П. Сибирские белки. М., 1852; Корнилов И.П. Заметки об Астраханской губернии. СПб., 1859; Корнилов И.П. Волжские бурлаки. СПб., 1862.

быта», главной отличительной чертой которой являлось «равнодушие к жизни, доходящее до склонности к самоубийству». Жизнь «бродячих звероловов» чиновник межевого ведомства, в отличие от В.К. Арсеньева, очерчивал в исключительно мрачных тонах: «Драки семейные бывают очень не редки: муж и жена сидят в юрте перед огнём и молча поглядывают друг на друга. Вдруг жена без всякого повода к ссоре, бросается на мужа и начинает его таскать за волосы или бить головнёю, палкою, чем попало. Муж не защищается и смиренно переносит побои. Нежная супруга наконец утомляется и, прекратив занятие, садится на прежнее место; тогда муж в свою очередь и тем же порядком начинает бить жену. Глубокое молчание, царствующее в продолжение этой странной супружеской сцены, нарушается только гулом ударов». После таких наблюдений нельзя было не одобрять «благодетельные действия правительства к рассеянию мрака языческого невежества, к умножению грамотности и полезных сведений и к развитию производительной деятельности». И оставалось лишь дорожить тем, что, неся своё «бремя белых», «англоамериканцы угнетают и истребляют дикарей, а русские обращаются с ними с добродушием, свойственным нашему народу и благодетельное правительство наше печётся о них с отеческою заботливостью»³.

В то же время Корнилов познакомился с М.Н. Муравьёвым, в 1842–1862 г. возглавлявшим Межевой корпус, а в 1850–1856 г. занимавшим пост вице-председателя Императорского Русского географического общества (РГО). Вскоре Иван Петрович перешёл в Министерство народного просвещения, став инспектором казённых училищ Московского учебного округа, а с 1859 г. — помощником попечителя Петербургского учебного округа И.Д. Деянова. В 1864 г. Муравьёв предложил ему занять пост попечителя Виленского учебного округа. Под началом знаменитого «вешателя» и его не менее «реакционного» преемника К.П. фон Кауфмана Корнилов развил бурную деятельность: основал в Вильне отделение РГО, живописную школу, публичную библиотеку и архив, куда активно собирал прежде всего памятники местной древнерусской письменности. Именно в возглавляемую Корниловым Виленскую комиссию для разбора древних актов в 1865 г. поступило знаменитое Туровское Евангелие XI в. Активно содействовал попечитель Виленского округа и организации церковно-приходских братств.

Одной из первых забот попечителя стало намеченное в генерал-губернаторской программе сокращение числа польских учителей в крае. Политически неблагонадёжных увольняли сразу, остальных либо освобождали от должности по выслуге лет, либо переводили в другие города. Однако местное литовское и белорусское крестьянство не могло восполнить образовавшийся дефицит педагогических кадров, и Корнилов обратился за помощью к М.П. Погодину, М.Н. Каткову и И.С. Аксакову, превратив в свои «отделы кадров» как Московский университет, так и наиболее влиятельные тогда газеты «русского направления». «Если бы наше общество лучше умело стоять за свои интересы, — писал он в редакцию “Московских ведомостей”, — то оно не ограничилось одним сочувствием, понимая очень хорошо, что на нашем западе идёт дело не об областных интересах, что Россия тогда только будет сильна и спокойна, когда её западная граница будет крепка и будет в силах стоять за Россию и ограждать собою Восток. Нам нужны люди; мы их ищем со свечою, одних местных деятелей недостаточно... надо умных и энергичных от Москвы людей и других из великорусских губерний в помощь Муравьёву». Чиновник патетически взывал к редактору: «Во имя дорогого для нас Отечества умоляю Вас употребить всё ваше влияние и красноречие, чтобы привлечь сюда на службу в гимназии, прогимназии и дворянские уездные училища русских учителей»⁴. Откликаясь

³ Корнилов И.П. Очерки быта... С. 1–2, 18, 30.

⁴ ОР РНБ, ф. 377, д. 360, л. 5–5 об.

на эти письма и отчасти их пересказывая в своей передовице, Катков убеждал читателей: «Потребность в людях там всё ещё очень большая, и всякий честный и дельный человек принимается там как дорогое приобретение, и всякий такой человек может смело отправляться туда в полной уверенности, что нигде нельзя принести теперь большей пользы добросовестною службой, как в Западном крае в настоящее время. Всякий найдёт себе здесь и службу по нраву, и удовлетворительное положение. Особенно чувствуется здесь потребность в учителях»⁵.

Из приглашённых и местных образованных чиновников вокруг Корнилова сложился целый кружок, в который входили его ближайшие сотрудники – А.В. Рачинский, В.П. Кулин, Н.Н. Новиков, А.И. Забелин и проч. Поскольку они собирались по субботам у окружного инспектора Кулина, недоброжелатели прозвали их «кулинистами» (позднее «кауфманистами»), самого же Корнилова, известного своей мягкостью по отношению к подчинённым, характеризовали как «человека слабого», всецело зависимого от им же вызванных чиновников и журналистов⁶. Пожалуй, наиболее ярким интеллектуалом в этом кругу был историк М.О. Коялович – автор «Лекций по истории Западной России», до сих пор не утративших своей актуальности.

Об эмоциональном настрое тогдашних «русификаторов», откликнувшихся на катковский призыв, можно судить по анонимному письму одного из служащих Радомской губ., напечатанному в «Русском инвалиде» – официальном органе Военного министерства, выходившем под личным наблюдением министра: «Мы, съехавшие со всех концов европейской и азиатской России, прибыли сюда не как *чиновники*, командированные из различных ведомств для пополнения штатного состава ведомства, вновь учреждённого, а как *вольная дружина*, взявшаяся за дело из любви к его основаниям, из сочувствия к тому направлению и духу, в котором оно ведётся. Выделенные обществом из *среды общественной*, а не *чиновников*, мы невольно будем нести на себе отпечаток того, как относится к нашему делу это общество, и потому за его равнодушием, пожалуй, последует и наше охлаждение, а от этого да избавит нас Бог!»⁷. Вместе с тем и сам Корнилов признавал в 1864 г. в письме к Каткову, что на «вызов» Муравьёва в Вильну «вместе с десятками дельных и честных людей явилось много голодных, ищущих, где бы пожить, явилось много неспособных, явились и господа, которые смотрят на поляков не так, как на планаторское угнетающее сословие, но как на особую народность, и считают обязанностью своею примирить две национальности... Вместо того чтобы нравственно привлечь народ к восточным своим братьям, вместо того чтобы заставить его забыть и простить нам его страдания, которые по милости преступного к нему с нашей стороны равнодушия и невнимания он перенёс от поляков, эти господа смотрят на вчерашних палачей народа, как на угнетённых и поддерживают панские претензии, а паны поддразнивают народ, нашёптывая ему: вот ваши москальи»⁸.

В контексте шедшей тогда борьбы между «милютинцами» и «партией «Вести»», а также неприятия значительной частью столичной бюрократии смутно формулируемых славянофильскими публицистами «русских начал», решительность и ревность «вольной дружины» «обрусителей» нередко воспринималась в Петербурге с недоверием. Сказывалась и обыкновенная инертность правительственного аппарата. «Я не знаю, что мне делать; бьюсь как рыба об лёд, а петербургский олимп так же мало заботится о северо-западном учебном деле, как и греческие боги», – жаловался Корнилов в 1864 г. брату (управляю-

⁵ Московские ведомости. 1864. № 54. 7 марта.

⁶ Комзолова А.А. «Положение хуже севастопольского»... С. 125.

⁷ Русский инвалид. 1864. № 195. 3 сентября.

⁸ ОР РНБ, ф. 377, д. 360, л. 4.

щему делами Комитета министров). «Разве можно довольствоваться внешним обузданием зла, — недоумевал он. — Вредное направление, как и в учебных заведениях, так и в массах народных, искореняется только нравственными мерами; внешние же меры наказания или награды служат только вспомогательными. Между тем у нас относительно польского вопроса правительство прибегало только к внешним мерам»⁹. Не случайно, отвечая на сетования Корнилова об административных препятствиях, встреченных при организации в западных губерниях церковных братств, Катков восклицал: «Странная участь русской народности! Русская народность считается у нас господствующею народностью, православная Церковь господствующею Церковью; но малейший признак жизни в русском обществе, малейшая попытка русских людей сгруппироваться для совокупного действия даже против организованной измены и революции, даже для поддержания православия и русской народности против организованной пропаганды, — это кажется нам чем-то странным, чем-то неудобным, даже опасным. Мудрено ли, что при таком взгляде на самих себя мы кажемся себе народом, лишённым духа жизни и действия?»¹⁰.

Недостаток поддержки центра особенно остро ощущался из-за той житейской неустроенности и социальной изоляции, в которой оказывались русские чиновники, прибывавшие на западные окраины. В 1866 г. Корнилов признавался Делянову, занявшему к тому времени пост товарища министра народного просвещения: «Местного русского влиятельного, образованного, представительного и богатого сословия пока ещё нет в здешнем крае. Русское дело держится и ведётся чиновниками, вызванными из внутренних губерний. В этом-то и есть наша слабая сторона. Что такое русский чиновник в Западном крае; имеет ли он семью, старинные связи, поместье в здешнем крае? Ничуть не бывало; это перелётная птица. Мы слетелись отовсюду и здесь заботимся между собою и знакомимся с краем и нашими обязанностями; у всех нас чемоданы наготове; не понравимся — переведут, уволят от службы и след простыл, и другой является на наше место учиться и знакомиться»¹¹. Год спустя оппонент Корнилова, М.Ф. Де-Пуле, защищавший политику следующего, более умеренного, виленского генерал-губернатора гр. Э.Т. Баранова, в ответ на упреки газет «русского направления», писал в «Виленском вестнике» практически то же самое: «В сочувствии мы все здесь нуждаемся... Пора нам перестать играть в “измену” и считать самих себя уже из рук вон простаками. Не радостна и без того, без этих намёков и оскорблений, жизнь “виленского деятеля”, прибывшего сюда с востока. Вильна Капуей может показаться разве обитателям чердачных подвалов. Проститься с этой Капуей — для многих заветная мечта. Борьба всех родов и подозревающие, оскорбительного свойства крики лишь ускоряют осуществление этой мечты; удерживает, даёт устоя, поднимает силы лишь вера... доверие к людям... Нет, Вильна не Капуя, и виленские русские, если только они не успокаиваются на “белоруссизме”, ещё долго будут нуждаться в нравственной поддержке и в сочувствии от русских Москвы, Петербурга, Харькова, Казани — от всего русского востока, где колыбель, корень и рост нашей народности и гражданственности»¹².

Как полагали чиновники Западного края, от наличия подобной поддержки зависели не только результаты их деятельности, но и судьбы России. «Здешний край имеет для нас громадное и не всеми ещё понимаемое значение, — писал Корнилов А.И. Ишимовой в 1865 г. — Он может служить или широким, открытым полем для вторжения в недра России разлагающих начал, или твёрдым

⁹ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Вып. 1. СПб., 1908. С. 104.

¹⁰ Московские ведомости. 1864. № 54. 7 марта.

¹¹ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 261.

¹² Виленский вестник. 1867. № 138.

оплотом для ограждения от них нашего отечества... Здесь своего рода Кавказ нравственный; борьба русских начал против враждебных политических и революционных обществ»¹³.

Причём одной лишь армией одержать победу в данной борьбе, по мнению Ивана Петровича, было невозможно. «Нечего нам вооружаться против полонизма войсками, пушками, полицией тайною и явною, — внушал он в 1867 г. Делянову. — Польская интеллигенция не уступит своего места физической силе; она может уступить только другой интеллигенции, более здоровой и симпатичной и охотнее принимаемой народом. Одни лишь административные да военные меры возбуждают только протест и озлобление и даже усиливают неуважение, вражду и ненависть. Как нарочно, в Северо-Западном крае мы являемся полякам во всей грозе физической силы и во всей немощи нравственной». Тем не менее «Виленский учебный округ, составленный из русских людей, ведёт, конечно, в духовной сфере решительную, открытую, наступательную борьбу против всего того, что враждебно России; он поднимает нравственно здешний русский народ; во всём крае громко и смело раздаётся теперь русская речь, русская песня и расходится русская книга. Белорусс мало-помалу перестаёт быть быдлом, работающим безответно на пана... Русский язык и русская вера перестают называться хлопскими; русского языка не стыдятся как прежде, а польским не шеголяют; полонизм, осаждаемый отвсюду пробуждающимися нравственными силами, видимо ослабевает». Корнилов не сомневался в том, что «русское образование сильнее русского штыка», и «в какие-нибудь четыре года русские школы сделали более для обрусения края и ослабления полонизма, чем войска в десяти лет». «Сравните же, — предлагал он Делянову, — чего стоят государству войска, крепости, военное положение, жандармы, полиция, и решите, что надёжнее, успешнее, дешевле. Учебный округ мог бы действовать вдвое успешнее, если бы к средствам, которыми теперь располагает, добавить сумму, которая теперь расходуется на содержание одного батальона»¹⁴.

О том же Иван Петрович настойчиво твердил своим московским друзьям. «Наука должна явиться во всей грозе на защиту государственных и народных прав, — писал он из Вильны Погодину, — должна разрушить авторитет польской лжи, должна навести страх обличения на поляков, ошеломить их, вывести на Божий свет истину так называемого польского вопроса. Из пушек можно стрелять в поляков, но не в полонизм. Никто не спорит, что разбор какого-нибудь верхотурского или оренбургского архивов может предоставить ценные данные для разъяснения нашей государственной и общественной деятельности на востоке. Но для разрешения или правильного освещения современных, жгучих, роковых вопросов, возникающих на западе нашего отечества, занимающих нас, не дающих нам покоя, смущающих совесть многих нерешительных и колеблющихся от незнания или неверного понимания дела людей, — подобное отвлечение учёных сил на разработку давно поконченных или второстепенных вопросов, не принесёт ни малейшей пользы. В особенности здесь наука имеет политическое, государственное значение, а потому наши наличные учёные силы должны быть привлечены к западному вопросу»¹⁵.

При этом в изучении литовской и белорусской истории попечитель Виленского учебного округа видел прежде всего инструмент политической борьбы: «Самая полная, беспощадная гласность и в обширном смысле исторические исследования с помощью археологии, этнографии и статистики нанесут смертельный удар учению, основанному на пристрастии и на своекорыстных деспотических расчётах беспутно отживающего свой век шляхетства»¹⁶.

¹³ Корнилов И.И. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 137.

¹⁴ Там же. С. 281.

¹⁵ ОР РНБ, ф. 377, д. 380, л. 1–1 об.

¹⁶ Корнилов И.И. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 146.

Следуя за В.И. Ламанским и А.Ф. Гильфердингом, Корнилов считал Литву неотъемлемой частью Западной России и напоминал, «что древнейшие и знатнейшие князья и бояре западнорусские и литовские исповедовали православную веру и на Люблинском сейме торжественно стояли за православие и русские начала»¹⁷. Однако поляки силой водворяли католичество в Великом княжестве Литовском, «беспоощадно и навсегда погубили сокровища нашей древней духовной жизни» — «вот причина, почему в западной России, на этой древнейшей русской земле, уцелело памятников русской старины несравненно менее, чем в восточной России». В отличие от сугубо «внешнего» владычества Орды, способствовавшего к тому же «уничтожению на Руси пагубной удельной системы и к утверждению единодержавия» «польское господство в западной России имело характер внутренней, домашней тирании», усилившейся впоследствии тем, что до 1863 г. «самоуверенная и влиятельная, но мало сведущая в западно-русских делах петербургская бюрократия и либералы, заправлявшие тогда русским общественным мнением и литературой, — сами находились под влиянием поляков»¹⁸.

Поэтому главную проблему Корнилов видел не столько в действии «польской интриги», сколько в состоянии местного русского общества — в «бездействии русского ума и молчании русского печатного слова в обширном крае, где среди шестимиллионного населения так недавно ещё процветала польская литература»¹⁹. Соответственно, одной из важнейших задач своей деятельности Иван Петрович, отмечавший в путевых заметках «печальное, почти заброшенное состояние западной русской археологии»²⁰, считал то, «чтобы на западных окраинах империи, среди местного коренного населения явились предстатели русского и литовского народов, которые бы напоминали доблестных православных князей Острожских, Сапег, Чарторыйских и многих других»²¹.

Как и многие публицисты «русского направления», Корнилов неоднократно утверждал: «Мы боремся не с польским народом; напротив того, польский простолудин заодно с нами; известно, что русские войска и правительство защищали его от революционного ржонда; не русские вешали крестьян в Польше и западных губерниях; их вешали, мучили и грабили революционные жандармы-вешатели; их терзали благородные руки шляхтичей-патриотов и смиренных служителей католического алтаря»²².

Вслед за И.С. Аксаковым, Ю.Ф. Самариным, М.В. Юзефовичем и другими публицистами «русского направления» Корнилов говорил о феодально-аристократической природе польского мятежа и «полонизма» как такового. По его словам, «в польской истории никогда не бывало того всенародного участия в событиях, какое проявлялось в истории русских удельных княжеств и вольных городов Новгорода и Пскова, а также в междуцарствие, при избрании на царство Михаила Фёдоровича, в войну 1812 г. и пр[оч]. Даже в последнее время, в польских мятежах 1830-го, 1831-го и 1863-го годов, русское правительство имело дело только с польскою интеллигенциею и с небольшим числом завербованных дворовых людей. Бессилие польских мятежей объясняется именно полным равнодушием к ним простонародья»²³.

Это породило особый «демонический тип патриота», появившийся в Польше «под влиянием антихристианского лжеучения латинского иезуитизма

¹⁷ Корнилов И.П. Стоит ли вводить русский язык в костёлы западных губерний. СПб., 1897. С. 7–10.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 335.

²⁰ Корнилов И.П. Путевые заметки. Витебск, 1905. С. 24.

²¹ РГИА, ф. 970, д. 185, л. 2–3.

²² Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 117.

²³ Корнилов И.П. Путевые заметки. С. 6.

и их основной доктрины, будто цель оправдывает средства». Его художественным выражением стал «идеальный польский патриот» — Конрад Валленрод, изображённый А. Мицкевичем идейным «предателем, который под обманчивою внешностью, при помощи обмана, измены и коварства, старается вредить врагам своего отчества, жертвуя для этого своей жизнью»²⁴. Эти черты попечитель обнаруживал даже в школах. «Самые детские шалости имеют особый местный характер, — делился он в 1865 г. своим педагогическим опытом с А.В. Головинным, — и отличаются иезуитизмом, осторожностью, фальшивостью, злопамятностью, не свойственными русским детям, в которых более живости, прямоты, простоты и ребячества. Так же как и польские мятежи, польские шалости делаются исподтишка, украдкой. Польские дети — совершенное подобие родителей»²⁵. Впрочем, это же казалось Корнилову залогом неизбежного поражения «полонизма»: «Изменой и злодействами нельзя создать прочного государства. Для этого нужна действительная сила, которой в шляхте и ксёндзах нет. Польская интрига и пресловутый ржонд сделались посмеянием даже для евреев. В Могилёвской губернии и во многих других местах одни мужики, без пособия войска, перевязали панов и ксёндзов и покончили дело»²⁶.

Не доверял Иван Петрович и «примирившейся» с русским владычеством шляхте. Её типичным представителем он считал крупного землевладельца Леона Ошторпа, ярко изображённого в 1866 г. в письме к Делянову: «Этот вельможный служил против России в войсках Наполеона, потом был слишком 40 лет сряду сначала игуменским уездным, а потом минским губернским предводителем дворянства. Нашему брату русскому за измену государству досталось бы, как и следует; а польским подданным в русских губерниях измена сошла с рук. Ошторп властвовал в своём поместье неограниченно. Крестьяне стонали под тяжким ярмом. Пан выстроил великолепный каменный замок с картинной галереей, зимним садом, библиотекою... Обширная прихожая и несколько зал увешаны сотнями больших портретов, то во весь рост, то грудных: все польские знаменитости и родовые портреты; паньи в великолепных нарядах, паны в кунтушах, мундирах польских и наполеоновских; кое-где и наши камергерские мундиры, монахи, монахини разных орденов, прелаты, польские короли и проч. В других залах — громадных образов картины: Собесский в Вене, Болеслав вступает в Киев, вбивает железные пограничные столбы в р. Днепр и т.п. В самой парадной гостиной, именуемой цесарскою, две большие картины: Александр I подписывает амнистия полякам; Павел I навещает в Петропавловском каземате Костюшку (сцена небывалая и вымышленная изобретательным воображением поляков)... Выбор картин показывает, какие идеалы носил в душе русский предводитель дворянства. И этот человек был 40 лет с лишком во главе панства и шляхетства». Обратив своих православных крестьян в католичество, Ошторп «кончил свою жизнь трагическим образом. Он ехал в

²⁴ РГИА, ф. 970, д. 193, л. 1–1 об.

²⁵ *Корнилов И.И.* Русское дело в Северо-Западном крае... С. 208. Со своей стороны «родители» посылали гр. Баранову, управлявшему Северо-Западным краем в 1866–1868 гг., анонимные доносы, жалуясь на попечителя учебного округа. «В Виленской гимназии, — сообщалось в одном из них, — в 4 классе в настоящее время производятся экзамены с обидою учеников вероисповедания римско-католического. Инспектор с учителями ставят баллы худыя в журнале ученикам, хорошо отвечающим на вопросы учителя; это гонение в продолжение года было предсказано некоторыми учителями, ибо в первой трети учебного года изгнано в гимназии до 40 учеников вероисповедания католического, но роптание родителей... заставило совет учителей отменить, и некоторые ученики были возвращены в класс, но добродушные некоторые учителя высказали в классах, что возвращённые пусть не надеются перевода в высший класс, хотя бы знали уроки, то хороших баллов не получают; между тем ученикам вероисповедания православного почти всем, которые и слова одного во время экзамена на вопросы... не могли отвечать, поставлены цифры хорошие и весьма хорошие» (ОР РНБ, ф. 377, д. 74, л. 3).

²⁶ *Корнилов И.И.* Русское дело в Северо-Западном крае... С. 116.

открытой коляске с тремя дочерьми. Кучер, который его вёз... рассказывает, что когда они въехали на мост, Ошторп, довольный и гордый своими действиями, сказал: «Теперь тут нет России»; но в ту же минуту мост обрушился, и экипаж полетел в реку. Место было не глубокое, все остались живы, один только пан умер, говорят, от апоплексии... Никто из крестьян не пришёл проститься с трупом, который погребён в бывшем костёле, ныне обращённом в церковь. Вот вам образец польского землевладельца в западных губерниях»²⁷.

При этом катковская идея «располячивания костёла», т.е. русификации католичества, и превращения поляков в русских католиков, вызвала у Корнилова крайнее неприятие. Он резонно полагал, что «не звуки и слова, но религиозные верования, ими выражаемые, возбуждают природу человека и влияют на его убеждения», и «католицизм, на каком бы языке ни произносились проповеди, не изменит своего существа». Ведь на русском языке «печатал Герцен свой “Колокол”, и пишет граф Толстой своё Евангелие, сбивая с толку своих поклонников; на том же языке проповедывается и штунда. Опасен не тот или иной язык, но мысли и учения, на нём разглашаемые». Соответственно, и «введение русского языка в костёлы не охранит простодушного белорусского крестьянина-католика от лукавых внушений его приходского ксёндза»²⁸. Напротив, перевод католической мессы «только узаконит католицизм в глазах русского народа, давая ему права русского гражданства», и тогда «латинская вера делается по языку русскою верою, да ещё какою, не церковно-славянскою, как наша православная, а прямо русскою, общедоступною, народною по языку»²⁹. Таким образом, «внося в край животворные русские начала и русскую речь, мы будем укреплять живым родным словом западные начала, т.е. католицизм». «Русский язык под руку с католичеством — что за насильственный союз, что за пара! — восклицал Иван Петрович. — Какой расчёт заводить русский иезуитизм»³⁰. При этом он проводил довольно любопытную параллель: «Известно, что по внешности и по духу между католицизмом и буддизмом много сходства. Буддисты имеют также своего папу; но их папа в Тибете, его никто из европейских государей не поддерживает. Тем не менее и этот азиатский, грубый тип папства влиял на наших бурят и астраханских калмыков. Но с азиатским папой легче сладить; с ним мы не церемонились и конкордатов не заключали. Как почувствовали его вмешательство, так и прервали всякие связи наших буддистов с своим церковным главою, определили штатное число духовенства, храмов и сами стали назначать главных лам. Но с римским папизмом труднее сладить и русский язык нам в этом не поможет. Не думаю, чтобы папа римский очень огорчился, если его учение будет излагаться на русском языке»³¹.

В православном и католическом духовенстве Корнилов видел «два... противоположных нравственных типа». Существенное отличие католицизма от православия, по его мнению, составляли не догматические разногласия, «непонятные простому народу», а «противоположность иерархического строя» и агрессивность латинства³²: амбиции пап вели к постоянным братоубийственным войнам между католиками (если «миролюбие есть отличительные качества православных церквей и их духовенства», то «в истории католических народов мы не видим того дружелюбия и согласия духовных властей, какие составляют характерную особенность истории всех православных народов»)³³.

²⁷ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 227–228.

²⁸ Корнилов И.П. Стоит ли вводить русский язык в костёлы... С. 4–5.

²⁹ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 219–220.

³⁰ Там же. С. 226–227.

³¹ Там же. С. 220.

³² Соответствующий отрывок его брошюры на данную тему был даже удалён духовной цензурой (РГИА, ф. 970, д. 144, л. 71 об.).

³³ Там же, л. 20–25

Выступление Корнилова против «русского латинства» вскоре привело к столкновению с Катковым. Летом 1866 г. на страницах забелинского «Виленского вестника» появилась статья Кояловича, критиковавшего «Московские ведомости» за «невероятные вещи об отделении народности от веры»³⁴. В ответ катковские издания обвинили автора и стоявшего за ним попечителя Виленского округа в клерикализме. К полемике присоединились и противники «русской партии». В 1868 г. Корнилов жаловался окружному инспектору Н.Н. Новикову на то, что «трубят Катков, Киркор, Скарятин, Корш, Де-Пуле, Бессонов. Они печатают пасквилы в “Московских ведомостях”, “Новом времени”, “Современных известиях”, де-пулевскому дурацком вестнике, “С[анкт]-Петербургских ведомостях”. Где прикажете отвечать на эти нападки справа, слева, сзади всей тучи анонимных корреспондентов и передовых статей?.. До чего дошёл Виленский учебный округ, что только у Краевского и можно печатать ответные статьи на эту озлобленную брань»³⁵. Впрочем, конфликт Корнилова с Катковым не носил личного характера и не был, вопреки позднему утверждению Н.С. Лескова, вызван «завистью бессильного подражателя» к влиятельному московскому публицисту³⁶. Судя по тому, что Михаил Никифорович позднее регулярно бывал на корниловских четвергах, расхождения между ними не носили непримиримого характера.

Конечно, для Корнилова «цивилизационный» разлом проходил в первую очередь по религиозной границе. Однако он не отрицал и роли этнического фактора, утверждая, что «кровь, язык и религия — вот три главные силы, объединяющие народ в единые группы»³⁷. В то же время этничность не имела для него безусловного значения. Так, отстаивая национальное начало в политике, он признавал его неуместным «в делах частных и общественных, касающихся прав частной собственности и охраны личной и общественной безопасности и порядка»³⁸. Как отмечали современники, Корнилов не отличался «тем национализмом, который внушает угнетать не свою национальность, давить чужих, жить на их счёт, отрывая у других средства, которые обращаются потом на материальную пользу исключительно своему народу; у Корнилова не было угнетающего, возбуждающего борьбу национализма; не к тому, чтобы ухудшать положение других, было направлено служение Корнилова национальной идее, а к тому, чтобы работать на пользу своего народа; но вместе с тем он признавал нравственным долгом не закрывать глаз и не бездействовать, если кто-либо, под шумок громких фраз и под прикрытием служения более высоким идеям, на деле бесцеремонно преследует цели, совершенно несогласные с тем, что провозглашается, и очень часто — по духу своему именно самые узкие националистические»³⁹.

Весьма показательное отношение Корнилова к литовскому языку, который он считал родственным славянским, всячески добиваясь его перевода на кириллицу и введения в православное богослужение (в этом ему активно содействовал К.П. Победоносцев⁴⁰). Будучи попечителем Виленского округа, Иван Петрович одобрил разработанный С.П. Микуцким вариант литовского кириллического алфавита из 28 знаков, на основе которого в 1864 г. был напечатан букварь «Абецеле жемайтишкой лѣтувишка». Отмечая отсутствие у литовских крестьян склонности к политическому национализму и явно переоценивая их

³⁴ Виленский вестник. 1866. № 146. 9 июля.

³⁵ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 385, 388.

³⁶ Лесков Н.С. На смерть Каткова // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. Т. 11. М., 1957. С. 161.

³⁷ РГИА, ф. 970, д. 144, л. 7.

³⁸ Корнилов И.П. Стоит ли вводить русский язык в костёлы... С. 6.

³⁹ Чечулин Н.Д. И.П. Корнилов. Некролог. СПб., 1901. С. 6.

⁴⁰ ОР РНБ, ф. 377, д. 998, л. 1.

стремление исключительно к личной безопасности и религиозной свободе⁴¹, Корнилов пропагандировал «укрепление жмудской национальности, вовсе не враждебной России и правительству в низших слоях населения, и постоянное внушение крестьянам, что они не поляки, а жмудины и литовцы, и что Россия не желает вовсе обрусить их, а хочет только сблизить их интересы с интересами государства»⁴². Опыт этого сближения не всегда был удачен. Так, в середине 1860-х гг. Виленский учебный округ отпечатал тираж польских, литовских и латышских католических молитвенников на кириллице. Но, как вспоминал И.Я. Спрогис, «не знаем, по чьей инициативе и по чьей цензуре, было решено при настоящем издании их исключить из текста все те места, которые были направлены против Восточной Православной Церкви, а также против русского правительства». Разумеется, это вызвало возмущение католического духовенства, и разосланные по приходам книжки «канули, точно в воду»⁴³.

Вместе с тем, полемизируя с «занимающими иногда высокое положение людьми, которые не придают значения национальным и религиозным различиям», Корнилов настаивал на том, что «тысячелетнее существование русского государства, обособленность русского народа и самый принцип государственного самодержавия поддерживаются не иноверцами и инородцами, обитающими в России, но коренными русскими, исповедывающим православную веру народом, составляющим в прямом смысле надёжнейший русский государственный элемент». Для него не подлежало сомнению, что «если б в народе и в нашей армии преобладали не русские люди, но поляки, евреи и другие инородцы, то в наших летописях не было бы ни событий 1612-го и 1812-го годов, ни Минаина и Сусанина, ни Бородинской битвы и Севастопольской обороны. Да и на будущее время не инородцы и иноверцы будут поддерживать Россию и её самодержавие». Соответственно «русские государственные правители, обязанные охранять целостность, честь, достоинство и благосостояние России, — не должны забывать, что, так как русское государство и его самодержавная форма правления созданы и поддерживаются никем иным, как именно русским православным народом, то этот последний поэтому и составляет основной русский государственный элемент»⁴⁴.

В «демократизме славянской расы... обещающем России великую и славную будущность», Корнилов видел «то, чего невозможно изменить; природные свойства суть особенности народа, составляющие его племенное отличие от других национальностей»⁴⁵. Однако эта «свойственная нашей славянской природе демократия, всегда преданная самодержавию», не имела, по его мнению, ничего общего с западной, как и европейская аристократия — с «нашими верным, неприхотливым и уже совершенно верноподданным дворянством». «Западная демократия, — утверждал он в своих “Записках о демократизме и монархизме”, — есть не что иное, как живой протест обыкновенного обезземленного большинства, так называемого пролетариата, против сложившегося исторически и присущего западным романо-германским народам феодализма. Демократизм на западе есть оппозиция, революция, возмущение против существующего порядка. Но наша славяно-русская демократия против чего может восставать, особенно теперь, когда крепостное состояние, которое, впрочем, не имеет сходства с пролетариатом, уничтожено». Иван Петрович сетовал о том, что «нас сбивает привычка к явлениям русской жизни применять безразборчиво иностранные выражения и определения. Таким образом, русская аристокра-

⁴¹ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае... С. 28.

⁴² Там же. С. 39.

⁴³ Спрогис И.Я. Из воспоминаний об И.П. Корнилове // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества. 1911. Кн. 2. С. 268.

⁴⁴ Корнилов И.П. Стоит ли вводить русский язык в костёлы... С. 5–6.

⁴⁵ РГИА, ф. 970, д. 150, л. 2 об.

тия (т.е. по праву жалованное, служилое дворянство) и польская или немецкая аристократия, и русский демократизм (или попросту, весь русский народ целиком, со включением и его дворянства) и западно-европейский демократизм (т.е. попросту недовольно большинство) — всё принимается за однозначий. Поэтому есть добродушные русские, которые и теперь не видят разницы между русским дворянином, преданным престолу, и дворянином западных губерний, мечтающим о возобновлении крулевства и ненавидящим добродушных москалей за их хлопскую веру»⁴⁶.

Памятуя про упрёки публицистов газеты «Весть», Корнилов уверял, что «русская демократия представляется красною и революционною только в воображении и отчаянных речах польских магнатов западных губерний и остзейских баронов»⁴⁷. К самой «Вести» он относился с нескрываемой антипатией: «Можно ли, — недоумевал Иван Петрович, — без глубокого негодования и скорби слушать и даже читать в известной газете самовосхваления так называемой русской консервативной аристократии и порицающей неповинного русского народа, голословно обвиняемого в кровожадных и анархических инстинктах, в стремлении к разрушению, в вражде и ненависти к монархическому началу»⁴⁸.

В 1868 г. новый генерал-губернатор А.Л. Потапов начал чистку края от «муравьёвцев» и «кауфманистов». Оказавшийся в числе первых отстранённых, Корнилов считал, что «генерал Потапов был доверчиво расположен к польской аристократии, или так называемой партии белых, имевшей большую силу в Петербурге, и был безусловным противником русской исторической политики графа Муравьёва». Ивану Петровичу «тяжело было видеть, как заслуженных, достойных русских людей изгоняли, не из Польши, не из Кракова, а из коренных русских и литовских областей, — и не за преступления против службы или нравственности, а за их любовь к России, за пламенную готовность служить ей самоотверженно»⁴⁹. Впрочем, дело было не только в полонофильстве Потапова. Бывшего управляющего III отделением Собственной е.и.в. канцелярии беспокоила любая «идейность» и «самодетельность» на службе⁵⁰. Современники жаловались на то, что при Потапове «русское общество в Вильне не могло объединиться, так как всякая частная инициатива строго преследовалась», и «появляющиеся идейные чиновники, заявлявшие о своём патриотизме и о своей самостоятельности, изгонялись; а местному органу русской печати даже запрещалось касаться польского, еврейского и других вопросов». В результате, «находясь под правительственной опекой и занятые исполнением многочисленных циркуляров и предписаний, русские люди так и не заметили, как в последнее время объединились и сплотились отдельные народности. Даже небольшие, как литовские и мусульманские группы, заявили о своей самостоятельности в ущерб русским интересам»⁵¹.

Сам Корнилов «до конца своей жизни... жил воспоминаниями своих светлых, исторических виленских дней»⁵². Из Вильно он вернулся в Петербург, стал членом Совета министра народного просвещения, занимал различные административные посты, активно участвовал в деятельности Славянского благотворительного комитета и даже был несколько лет председателем его Санкт-Петербургского отдела, иногда заседавшего непосредственно в доме Ивана Петровича, который стал в начале 1870-х гг. одним из центров притя-

⁴⁶ Там же, л. 1–1 об.

⁴⁷ Там же, л. 1 об.

⁴⁸ Там же, л. 3.

⁴⁹ ОР РНБ, ф. 377, д. 11, л. 1–1 об.

⁵⁰ Подробнее см.: *Комзолова А.А.* «Положение хуже севастопольского»...

⁵¹ *Гене А.* Виленские воспоминания // Русская старина. 1914. № 6. С. 585.

⁵² *Жукович П.* Иван Петрович Корнилов и его последнее научное предприятие // Церковный вестник. 1901. № 39. С. 1239.

жения и общения различных представителей консервативной интеллигенции. Регулярно бывавший у него А.В. Никитенко отмечал, что «здесь собираются лица, ратующие против поляков»⁵³. В разное время он встречал среди них М.Н. Каткова, А.И. Георгиевского, Т.И. Филиппова, М.О. Кояловича, П.К. Шебальского и др. Впрочем, сам Никитенко чувствовал себя там, «на нейтральной почве», похоже, несколько неуютно. «Первый вечер после летнего отдыха у И.П. Корнилова... Кого тут не было и сколько людей тут было! – записал он в дневнике 2 октября 1871 г. – И каждый со своими тенденциями политическими, литературными, общественными. Но это само собой разумеется: сколько голов, столько умов. Не в этом и дело. Разнообразии в Божьем мире неисчерпаемо, а разномыслие и разноголосица в русском мире бесконечны. Но вот беда: самолюбия в этом разногласии ненасытные. Вступая в разговор с другим, каждый сначала будто готов на компромисс; он любезно приглашает вас высказать ваше мнение, по-видимому для того, чтобы прийти с вами в соглашение или признать за вами право на собственное мнение. Но попробуйте высказать его откровенно, если оно сколько-нибудь ваше и самостоятельно, вы встретите такой отпор, как будто нанесли вашему собеседнику личное и кровное оскорбление. И что за хаос мнений! Как легко распространяются самые нелепые слухи! Как во всём господствует пристрастие и личные виды! Ходишь в этой толпе, как в чаду, с отягчённую головою»⁵⁴.

Идейные расхождения между консерваторами были тогда ещё не столь велики. К примеру, Филиппов, позднее называвший Каткова не иначе как «московским опричником»⁵⁵, 19 июля 1870 г. в письме к Корнилову характеризовал редактора «Московских ведомостей» как «единственного в литературе стража нашей народной чести и выгод нашего отечества»⁵⁶. Князь В.П. Мещерский обращался к Ивану Петровичу в характерной для него пафосно-заискивающей манере: «Вы меня совсем бросили и знать не хотите, невзирая на все мои темпераментные чувства к Вам как к одному из пастырей нашего маленького кружка берегущих предание, но всё же дерзаю напомнить Вам если не о себе, то хотя бы о “Гражданине”, коего Вы всегда были читатель добрый и руководитель полезный»⁵⁷.

В 1870-е гг. помимо поляков в корниловской публицистике всё чаще критиковалась либеральная интеллигенция и западническая петербургская бюрократия. Именно её Корнилов (вслед за Катковым и славянофилами) обвинял в дерусификации окраин, утверждая, что «прочно установившийся с 1802 года в Министерстве народного просвещения и в учреждениях, вверенных ему, полный религиозный и национальный индифферентизм составляет и в наше время одно из отличительных отрицательных качеств русских высших и средних учебных заведений». По мнению Ивана Петровича, «типическим представителем русского космополитизма был первый министр народного просвещения граф П. Завадовский», который «усердно помогал князю Адаму Чарторыйскому и Фаддею Чацкому в их усилиях к ополячению западной России и к искоренению в ней православия и всяких следов русской культуры»⁵⁸. Вследствие подобной политики «прежняя способность к ассимилированию инородцев, отличавшая наших предков, значительно ослабла. Теперь на наших глазах развивается беспрепятственно и с каждым годом усиливается стремление к сепаратизму даже в Малороссии, нашей единоверной и единокровной, добровольно

⁵³ Никитенко А.В. Дневник. Т. 3. Л., 1956. С. 135.

⁵⁴ Там же. С. 213–214.

⁵⁵ Пророки византизма: переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 225.

⁵⁶ ОР РНБ, ф. 377, д. 1190, л. 10 об.

⁵⁷ Там же, д. 895, л. 6.

⁵⁸ РГИА, ф. 970, д. 152, л. 4–4 об.

с нами соединившейся и никогда не мечтавшей об отдельном политическом существовании. Даже мелкие кавказские народцы – и те стали мечтать об отделении от России»⁵⁹.

Известная доля ответственности за это возлагалась и на Академию наук. Корнилов видел в ней «какое-то растение экзотическое, которое не привилось к русской жизни, которое не имеет на государство никакого влияния». Ему представлялось, что «Академия должна быть непременно государственным учреждением, должна существовать для государственной пользы, должна иметь живое влияние на правительство, готовить ему материалы, знакомить его с народом, богатствами и свойствами обширных и разнообразных областей. Между тем в настоящее время академия, не будучи проникнута духом патриотизма, не заботится о влиянии на современное движение России, занимается только отвлечённостями наук, не содействуя правительству и не применяя науки к жизни, к действительности – есть учреждение бесполезное – в смысле государственности – существующее для редкости, для забавы, из подражания, и потому не пользуется народностью»⁶⁰.

История и теория отечественного образования с 1860-х гг. постоянно привлекала внимание Корнилова⁶¹. Его перу принадлежали ценные работы о русской школе и организации учебного процесса в западных губерниях⁶². В последние годы жизни он выпускал «Сборник материалов для истории просвещения в России, извлечённых из архива Министерства народного просвещения», разумеется, подробно освещая в нём иезуитские и польские «козни»⁶³. До самой своей смерти в 1901 г. Иван Петрович продолжал писать газетные статьи, не отличавшиеся, впрочем, особенной оригинальностью и повторявшие общие места аксаковской и самаринской публицистики 1860-х гг. Чаще его они появлялись на страницах издававшегося В.В. Комаровым «Света», но выходили и отдельными книжками. В мае 1901 г. К.П. Победоносцев представил эти брошюры Николаю II, передав затем публицисту «сердечную благодарность» последнего самодержца⁶⁴.

В 1890-х гг. Корнилову казалось, что Россия наконец-то вступает в «пору зрелости и самобытности». «Невольно краснеешь от стыда, – признавался он на склоне лет, – вспоминая бестолковое время 50-х и 60-х годов, когда сбитое с толку русское общество поклонялось Герцену и верило болтовне о жестокостях, совершаемых будто бы русским правительством над поляками в Западных губерниях»⁶⁵. Тем не менее, присоединившись тогда же к полемике консерва-

⁵⁹ Там же, л. 1 об.

⁶⁰ Там же, д. 127, л. 1.

⁶¹ Интересовал его и зарубежный опыт. Как вспоминал А.Н. Куломзин, ещё в конце 1850-х гг. «добрейший Иван Петрович Корнилов» просил его сообщать из Англии и Германии все сведения о тамошних народных училищах и позднее опубликовал эти письма в одном из петербургских журналов (*Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания* / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2016. С. 78, 104).

⁶² См., например: *Корнилов И.П.* Замечания о народных училищах Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1862. № 1. С. 191–239; *Корнилов И.П.* О поощрении уездных и приходских учителей к собиранию местных сведений. СПб., 1862; *Корнилов И.П.* Материалы для статистики учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа. СПб., 1862; *Корнилов И.П.* Общие замечания о положении учебно-воспитательного дела в Виленском учебном округе в 1867 году. СПб., 1868; *Корнилов И.П.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьёвскую эпоху. СПб., 1901. Изд. 2: СПб., 1908; *Корнилов И.П.* Очерк истории русской школы, её современное состояние и на каких незыблемых началах она должна быть учреждена. СПб., 1901; *Корнилов И.П.* Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем. СПб., 1902.

⁶³ Сборник материалов для истории просвещения в России, извлечённых из архива Министерства народного просвещения. Т. 1. СПб., 1893; Т. 2. СПб., 1897; Т. 3. СПб., 1898; Т. 4. Вып. 1. СПб., 1902.

⁶⁴ РГИА, ф. 970, д. 791, л. 1.

⁶⁵ Там же, д. 172, л. 1–1 об.

торов с В.С. Соловьёвым, Иван Петрович вновь обличал уже весь «наш культурный слой» и с явной завистью писал про западных соседей: «Культурные классы этих государств состоят преимущественно из коренных туземцев и отличаются национальным характером и направлением. Немцы имеют основание гордиться своим патриотизмом и говорить, что в 1871 году Францию победил немецкий учитель». В России же из-за «чрезмерно значительной примеси инородного и иноверного элемента, сохраняющего в значительной степени свою национальную обособленность», интеллигенции свойственны «космополитизм и равнодушие к родным интересам»⁶⁶.

При таком положении повышенную тревогу вызывала и немецкая угроза: «Полное торжество Германии в высшей степени возбудило в немцах чувство национальной гордости и самопоклонения, — отмечал Иван Петрович в статье “Об отношении немцев к России”, — и убеждение в превосходстве своей расы и своей культуры. Подданные Вестфалии, Баварии, Саксонии и других слабых немецких государств жили спокойно в России, пользуясь смиренно её покровительством и не заявляя никаких особых претензий. Но в настоящее время немецкие симпатии и даже вражда и пренебрежение к русскому народу не только в немецких иностранных переселенцах, обнаружилось и в немецких подданных русского государства»⁶⁷.

Но ещё опаснее было разделение самого русского народа вследствие появления украинского национализма. В «Записке о малороссийском сепаратизме» Корнилов утверждал, что «из всех наших сепаратизмов это самый bestолковый и смешной, и самый гибельный для славянского объединения. В то время как под боком у нас немецкий народ, также как и славяне, разделённый на наречия, не обращает на них внимания и неуклонно стремится к политическому объединению, а следовательно, к могуществу и к господству в мире, — наши сентиментальные хохломаны усердно хлопочут о своём фонетическом произношении и об охране своих песен, своих свиток, на которые никто не посягает. Всего забавнее, что малороссийский сепаратизм затеян не великими историческими деятелями, не первостепенными учёными и писателями, а сочинён австрийскою политикою и поддерживается политическими агитаторами»⁶⁸.

И в 1860-е, и в 1890-е гг. — в Вильне и в Петербурге — И.П. Корнилов, никогда не являвшийся глубоким или оригинальным мыслителем, придерживался, в сущности, одних и тех же взглядов, усвоенных им, видимо, ещё в период московской молодости. Сколько-нибудь значимой идейной эволюции в его публицистике не прослеживается. Но само это постоянство было весьма характерно для чиновников и общественных деятелей, составлявших «русскую партию» в эпоху Великих реформ.

---

⁶⁶ Там же, д. 163, л. 3 об.

⁶⁷ Там же, д. 162, л. 4.

⁶⁸ Там же, д. 175, л. 1–1 об.

**Форпосты Российского государства на монгольском
приграничье:
от сибирских острогов до границы с империей Цин**

Борис Базаров, Александр Гомбожапов, Евгений Нолев

**Outposts of the Russian State on the Mongolian Frontier:
from Siberian Stockades to a State Border with the Qing Empire**

Boris Bazarov, Alexander Gombozhapov, Evgenii Nolev
(all – Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian
Academy of Sciences, Siberian Branch, Ulan-Ude)

DOI: 10.31857/S086956870001575-0

Укрепление в XVII в. военно-политического потенциала Российского государства позволило ему проводить более активную внешнюю политику, крупные успехи которой были достигнуты на восточном направлении. Продвижение русских на восток, начавшееся после падения в XVI в. Сибирского ханства, обрело необратимый характер. Благодаря высокому спросу на «мягкую рухлядь» на европейском рынке Московское государство проявило большую заинтересованность в расширении источников её поступления. Вольность и стихийность процесса дальнейшего проникновения в Сибирь сменились более основательным курсом её хозяйственного освоения, установления там твёрдой политической власти и распространения юрисдикции России. Продвигаясь по крупным сибирским рекам, отряды казаков, служилых людей основывали многочисленные зимовья, которые сначала становились опорными и перевалочными базами, а в дальнейшем разрастались в крупные остроги. Присоединение этого обширного региона стало важной вехой в историко-культурном развитии России, превратившей её в евразийскую державу. Вместе с тем выход на азиатские рубежи поставил перед страной ряд сложных внешнеполитических задач, касавшихся прежде всего взаимодействия с кочевыми государствами Внутренней Азии.

Довольно быстрое продвижение русских в Восточной Сибири, начавшееся с её северных районов, на юге натолкнулось на серьёзное сопротивление со стороны енисейских киргизов. Местное население, состоявшее из кетоязычных, тюркских и самодийских племён, находилось в даннической зависимости от «князцов» енисейских киргизов, не желавших поступаться своими «правами». Их притязания гарантировались политической поддержкой государства Алтан-ханов в Западной Монголии.

В 20-х гг. XVII в. отряды русских казаков вышли на территорию Прибайкалья. К этому моменту здесь сложилась своеобразная система властного подчинения. В условиях доминирования в Монголии центробежных тенденций на периферии монгольского мира сформировались многоуровневые отношения зависимости. Эвенки, проживавшие в верховьях р. Лены, её притоков и в долине р. Ангары, выступали «кыштымами» прибайкальских бурят, которые, есте-

ственно, были против «объясачивания» их русскими властями. Удалённость от оседло-земледельческих центров серьёзно повлияла на внешние хозяйственные связи бурятов, в то время представлявших монголоязычные племенные союзы: хори, баргуты, эхириты, булагаты, ашибагаты, хонгодоры, икинаты и табангуты. Они были вынуждены для приобретения чая, необходимой ремесленной продукции, металлических изделий и прочих вещей предлагать взамен наиболее ликвидный товар — «мягкую рухлядь». Отделённые от китайского рынка родственными монгольскими племенами, которые вели одинаковое кочевое скотоводческое хозяйство, буряты не могли рассчитывать на значительный спрос на получаемую ими продукцию. Географически более близкие к Китаю племена имели возможность с избытком поставлять лошадей, скот и все основные продукты животноводства. Поэтому пушной промысел стал важной составляющей экономической деятельности бурятов: «С этой целью они держали, если не в политической, то в экономической зависимости звероловецкие племена, которых снабжали скотом и хлебом (просом) в обмен на белок и соболей, а отчасти сами переходили к занятию охотничьим промыслом (хоринцы). Полученная, например, от тунгусов на Лене в обмен на скот пушнина шла в Монголию, и там на неё, очевидно, из вторых и третьих рук приобретались необходимые для них товары китайского главным образом производства»¹.

В свою очередь, бурятские племена подвергались постоянным набегам со стороны мелких и крупных монгольских владетелей, которые время от времени требовали от них уплаты дани. При этом даннические отношения не отличались регулярностью, нормативно закреплёнными размерами дани и процедурой сбора ясака — подчас она принимала формы грабительских вооружённых набегов. Всё это определяло преимущества перспективы обретения местными племенами сильного сюзерена в лице «Белого царя», способного обеспечить им безопасность границы и мирные условия существования вместо неопределённости междоусобиц и угроз военных набегов. Однако местное население и проводники царской политики по-разному трактовали принятие подданства «Белого царя».

Процесс освоения Байкальской Сибири, являясь, безусловно, важной государственной задачей, реализовывался за счёт инициативы малочисленных отрядов, ставших авангардом российской колонизации. Служилые люди, следовавшие указу привагитить новые народности в подданство «лаской и приветом», на практике во время продвижения в Азию зачастую сами определяли направления и механизмы колонизации, *post factum* обретавшей вид государственной стратегии. Имевшие место случаи произвола русских казаков, возможно, обуславливались углублявшейся по мере продвижения на восток удалённостью центра; отсутствием на местах институтов царской администрации; большими полномочиями, санкционированными властью монарха и сопряжённым с особой ментальностью первопроходцев стремлением «пожитья». При оценке характера присоединения Бурятии к Российскому государству современные исследователи подчёркивают самостоятельность такого исторического выбора бурятского народа, сделанного в сложных геополитических условиях².

По мере продвижения русской колонизации на восток функции острогов — форпостов российского имперского пространства на территории Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья — наполнялись новым содержанием в контексте изменения пограничных задач: от приведения в подданство монголоязычных племён, выстраивания добрососедских отношений и защиты от набегов мон-

¹ Бурят-Монгольская Автономная область Д.В. (Крат. обзор области в хоз., адм. и др. отношениях к 1 июля 1923 г.). Чита, 1923. С. 4.

² См., например: *Базаров Б.В.* Присоединение Северной Монголии к России: геополитический передел монгольского мира в XVII–XVIII вв. // *Российская история.* 2017. № 1. С. 52.

гольских ханов до противостояния и формирования государственной границы с Цинской империей. Остроги в Байкальской Азии, где при ведении преимущественно кочевого образа жизни традиция градостроительства не получила развития, стали не только военными, экономическими и административными центрами, но и опорными пунктами формирования качественно иной для монголоязычных племён политической культуры подданства. Согласно русской трактовке последнего, ясак являлся неременным атрибутом монопольного управления данной группой населения³. Монголы же рассматривали подданство как систему более или менее равноправных отношений (оставлявших право выхода из него или «смены» сюзерена), предполагавших определённые льготы и привилегии в обмен на выплату ясака и военную службу⁴. Успех посольства казачьего атамана М. Перфильева в 1630 г., увенчавшийся сбором ясака с местных князцов, был аннулирован отказом дальнейшей его уплаты. Ясак воспринимался как воздаяние за возврат Перфильевым пленных бурят: «Они атаману Перфильеву соболя не в ясак дали, выкупили де у атамана у Максима свой ясарь»⁵. Алтан-ханы под «дачей шерти» (присяги на верность) понимали заключение договора о дружбе и взаимопомощи, паритетного союза с целью получения военной помощи и торговли⁶. К тому же в монгольской политической культуре персонификация отношений подданства приближённых хана не считалась тождественной распространению статуса подданства на самого правителя: «И тово де у нас в Мунгальской земле не ведетца, что царь царю шертует сам... А ныне великому государю царю и великому князю... шертует мою душу отец мой и учитель лаба Даин Мерген-ланза да брат мой алтыннов двоюродной Дурал-табун... И тое у меня, Алтын-царя, великому государю шерти крепчай нет»⁷. Всё это свидетельствовало о необходимости закрепления политического доминирования Российского государства в новых землях.

Неоднозначно к строительству острогов относилось и местное население. Первоначально прибайкальские князцы, готовые к установлению традиционных кыштымных отношений (заклучались в уплате ясака с целью обретения сильного военного союзника и обеспечения себя гарантиями от всевозможных нападений), усматривали в таком строительстве угрозу своей власти⁸. Особенно ярко протестные настроения (перешедшие в военные столкновения) проявились в 20–50-х гг. XVII в. Примерами подобного противостояния стали сожжение Братского (1636) и осада Верхоленского (1644) острогов. Конечно, произвол и притеснения со стороны администрации форпостов давали дополнительный импульс для вооружённого сопротивления. К тому же фронтальная психология породила конкуренцию между ними в деле объясачивания местного населения и формировала «острожную» идентичность. По словам Е.М. Залкинда, «наблюдая вражду между острогами, буряты воспринимали её по-своему, считая себя подданными определённого острога в большей мере, чем “Белого царя”, посланцы которого к их неоднократно выражавшемуся в челобитных изумлению, действовали наперекор друг другу»⁹. Восприятие местным населением данных форпостов менялось по мере создания условий для защиты от набегов ясачных

³ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России в XV–XVIII вв. М., 2007. С. 179.

⁴ *Почкаев Р.Ю.* Правовая основа отношений Московского царства с кочевыми подданными (на примере русско-монгольских отношений в XVII в.) // *Studia Culturae*. 2013. № 18. С. 86.

⁵ *Залкинд Е.М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 23.

⁶ *Чимитдоржиева Л.Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ, 2006. С. 66.

⁷ Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сборник документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М., 1974. С. 42.

⁸ *Залкинд Е.М.* Присоединение Бурятии... С. 24.

⁹ Там же. С. 32.

других острогов, необъясченных единоплеменников или отрядов монгольских ханов. В отдельных случаях плата ясака подразумевала обязательное строительство острога на территории кыштымов. Чем ближе к границам владений монгольских ханов проживало местное население, тем больше оно осознавало необходимость строительства острогов, что подтверждалось просьбами о нём на «мунгальских и калмыцких сакмах (путях)», использовавшихся монголами и ойратами в их походах на север¹⁰.

Следует также отметить, что в условиях раздела между Российским государством и Цинской империей стран Внутренней Азии шансы сохранить основы их самоуправления были выше в составе державы «Белого царя» (конструировавшей систему взаимоотношений с новыми поданными в условиях дефицита колонизаторских ресурсов и заинтересованности в новых данниках), чем под властью маньчжурского правителя, стремившегося унифицировать государственные порядки на вновь вошедших территориях.

Наряду с формированием специального цинского законодательства для монголов – «Цааджин бичиг» – идейное содержание политики маньчжуров в XVII в. относительно законодательства для монгольских народов раскрывается в «Правдивых записях о монголах Цинской империи». В документе, датированном 1623 г., сообщается, как во время пира по случаю присоединения к Маньчжурскому государству 17 нойонов урудского племени Нурхацци (основатель Маньчжурского государства) сравнил монгольское и маньчжурское право. Затем он сделал вывод о преимуществе последнего: «Закон нашего государства справедлив и надёжен. Придерживаясь его, мы не подавляем, а превозносим образованных и хороших людей, не терпим плохих и мятежных людей, поэтому у нас нет воровства, обмана и беспорядков. Увидев на дороге что-либо упавшее, мы подбираем и возвращаем хозяину. Поскольку закон нашего государства таков, Небо благоволит нам. Небо осуждает то, что ваши монголы с чётками в руках читают молитвы, думая, что вокруг нет воровства и обмана. Это дурманит сознание ваших нойонов, отчего страдает народ. Сейчас вы прибыли ко мне. Образованных людей я буду содержать за их знания. Малообразованных людей я также буду содержать за то, что они пришли ко мне. Не занимайтесь хищением и мошенничеством, в противном случае придётся поступить, согласно нашему закону»¹¹.

В указе о звании сановников государства (1634) отмечено, что «народы, пришедшие под власть по воле Неба, жили по своим законам, не стремясь к взаимодействию. Они не отказывались от родного языка, переходя на языки других народов. Если не забывать своих корней, то можно существовать вечно. После того как нойоны Монгольской империи, отказавшись от своего языка, стали именовать себя тибетскими словами, власть их ослабла. Сейчас звания сановников нашей империи звучат по-китайски. Нет ничего хорошего в том, чтобы, зная достоинства, отвергать их, зная недостатки, относиться к ним необдуманно. Разве могу я, унаследовав власть, менять закон нашей империи, подстраиваясь под законы других народов? Отныне и впредь для званий сановников нашего государства, а также названий городов следует использовать язык нашего народа»¹². Для Российской империи была характерна другая ситуация. Как отмечает В.В. Трепавлов, только в конце XIX в. тенденция унификации юридического статуса территорий, установления единого стандарта подданства и управления, то ослабевая, то усиливаясь, была возведена в ранг государственной политики¹³.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ Daičing ulus-un mongγul-un maγad qauli (True records of the Mongols of the Qing Empire). Vol. 1. Hohhot, 2013. P. 69.

¹² Ibid. P. 228.

¹³ Трепавлов В.В. «Национальная политика» в России XVI–XIX вв. // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 60–61.

Соприкосновение территорий двух крупных государств потребовало выработки общих принципов взаимодействия и сотрудничества. Амурский рубеж Российской империи – Албазин – в конце XVII в. стал средоточием борьбы геополитических интересов России, Цинской империи и Джунгарского ханства. Укрепляя власть маньчжурского правящего дома в Китае, император Сюань Е (девиз правления Канси) не забывал о необходимости обеспечения безопасности северных рубежей, возведя решение «проблемы русских на Амуре» в разряд главной политической задачи империи¹⁴. Вскоре после албазинских событий в 1689 г. был заключён Нерчинский договор, впервые официально установивший границы между Россией и империей Цин. Попытки джунгарского правителя Галдана Бошогту-хана оспорить права Цинов на Приамурье с целью заключения военного союза с русскими не возымели успеха¹⁵, что свидетельствовало об оформлении новой государственной границы в зоне взаимодействия России и стран Восточной Азии.

Дальнейшее разграничение связывалось с подписанием Буринского договора (1727), согласно которому в общих чертах определялось направление русско-китайской границы на монгольском участке. В том же году был составлен Кяхтинский договор (утверждён в 1728 г.) о границах и торговле, включивший текст Буринского трактата. Достигнутые соглашения заложили прочные основы торговых отношений между двумя государствами, развитие которых отвечало интересам не только казны каждого из них, но и большинства их жителей. Остроги и поселения, расположенные вдоль торговых путей, получили новый импульс экономического роста.

Кяхтинским договором определялись правовые нормы приграничной российско-китайской торговли, которая практически вытеснила казённую и частную формы караванной торговли между двумя странами. Именно динамика товарооборота кяхтинской коммерции определяла картину русско-китайских торговых отношений вплоть до второй половины XIX в.

Торговую слободу Кяхту основали в трёх верстах от Троицко-Савской приграничной крепости (она была заложена гр. С.Л. Владиславичем (Рагузинским) сразу же после подписания Кяхтинского договора; он же дал поручение и о строительстве слободы). Первые местные торги открылись 25 августа 1728 г. Вначале они не приносили ожидаемых выгод. Сдерживавшим фактором развития частнокупеческого торга стало установление государственной монополии на торговлю пушниной, которая пользовалась наибольшим спросом. Она оставалась главной статьёй казённой караванной торговли. Не менее значимым препятствием оказалась сложная таможенная система с её высокими пошлинами. Эти ограничения привели к контрабандному ввозу товаров, объёмы которых росли особенно заметно в периоды приостановки торговли. Такие перемены были вызваны по большей части приграничными инцидентами, а также нарушениями статей Кяхтинского договора¹⁶.

Подчёркнём, что торговые связи между Россией и Китаем всегда были политически мотивированными. Несмотря на их взаимовыгодный характер, китайские власти руководствовались в первую очередь соображениями идеологии и государственных интересов в регионе: «Проблемы внешней торговли цинское правительство рассматривало и оценивало сквозь призму политики управления “варварами” и с учётом бесспорного приоритета политико-престижных интересов империи. Прекрасно сознавая, сколь действенной мерой в их руках является ограничение торговли, цинские власти на протяжении всего

¹⁴ Мясников В.С. Кастальский ключ китаеведа. Сочинения в 7 т. Т. 1. М., 2014. С. 168.

¹⁵ Там же. С. 264.

¹⁶ См.: Кяхта–Маймачен. Прообразы свободных экономических зон в Российской империи: история, современность, перспективы / Отв. ред. Л.Б. Жабаева. Улан-Удэ, 2014.

XVIII в. активно использовали этот рычаг, особенно во взаимоотношениях с монгольскими ханствами и Россией»¹⁷.

Торговые операции контролировались приграничными властями. Так, по инструкциям цинских властей, на местах были обязаны регулировать объёмы товаров, поддерживать высокие цены за счёт ограниченного предложения, следить за пропорциями привоза товаров в Кяхту: «Кто привезет излишнюю пропорцию товаров против определенной ему обществом, у того задержать их до предбудущей его очереди и ни под каким предлогом не впускать их в Кяхту, дабы тем не нарушать порядка общей пропорции и не выпускать из виду цели к уменьшению ея»¹⁸.

Некоторую динамику роста торговли в Кяхте придало перенесение туда государственных закупок ревеня, корни которого экспортировались на европейский рынок¹⁹. От перепродажи этого товара в другие страны, в частности Швецию, значительную выгоду получала Россия, обменивавшая его на необходимые для неё табак, стекло, ткани, посуду и проч.²⁰

С прекращением казённой караванной торговли (1762) и отменой правительством монополии на торговлю пушниной товарооборот в Кяхте резко возрос. С того времени русско-китайскую торговлю полностью перенесли в приграничье Кяхта–Маймачен. Вместе с тем усилилась роль Кяхты как транзитного пункта в Китай для европейских товаров. Через этот город экспортировалась иностранная пушнина (морские бобры, рыси, выдры, кролики), но всё же заметно преобладало сукно²¹. Однако основным товаром, принёсшим Кяхте славу «Песчаной Венеции», стал чай. Он доминировал в кяхтинских торговых операциях середины XIX в. (на его долю приходилось 95% стоимости русского импорта).

С 1840-х гг., вследствие принятых российским правительством протекционистских мер, а также роста объёмов морской торговли Китая с европейскими странами, доля транзитных товаров из Европы снизилась. Во второй половине XIX в. кяхтинский торг приобрёл значение внутрироссийского²².

Медленный упадок торговли в Кяхте был связан с потерей её монополии на поставки чая²³. Его нелегальный ввоз через западные границы России в больших объёмах успешно конкурировал с «Великим чайным путём». С открытием дополнительного пункта легальной русско-китайской торговли в Синьцзяне (по Кульджинскому договору 1851 г.) Кяхта окончательно утратила роль основного российско-китайского торгового центра.

Импульс развитию приграничных пунктов как средоточия торговли и обмена дало подписание серии договоров – Айгунского (1858), Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860), разрешивших торговлю по всей русско-китайской границе. Заключение этих соглашений определялись внутренней логикой дальнейшего урегулирования правовой базы формирования этой границы в условиях хозяйственного освоения Дальневосточного региона, а также усилением влияния европейских держав на цинское правительство.

¹⁷ История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Владивосток, 1987. С. 220.

¹⁸ *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 378.

¹⁹ Там же. С. 148.

²⁰ *Чимитдоржиев Ш.Б.* Русско-монгольские торговые связи в XVII–XVIII вв. (через Забайкалье и Кяхту) // Кяхте – 250 лет. Улан-Удэ, 1978. С. 88.

²¹ *Тагаров Ж.З.* Русско-китайская торговля через Кяхту и её значение для развития торговых отношений России и Монголии // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1. Иркутск; Улан-Батор, 2014. С. 172–177.

²² *Хохлов А.Н.* Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. – середина XIX в.) // Бурятия XVII – начала XIX в. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 15–50.

²³ См.: *Субботин А.П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб., 1892.

По Тяньцзинскому трактату на Россию распространялись все торговые права, которыми пользовались в Китае западноевропейские державы. Пекинский договор установил окончательную границу со стороны Алтая с Северо-Западной Монголией и расширил торговые права России. 20 февраля 1862 г. в Пекине был подписан дополнительный трактат, по которому вводились новые торговые и пошлинные правила, и, как результат, по границе обоих государств на расстоянии 100 китайских ли в обе стороны устанавливалась беспошлинная зона. Русским купцам, торговавшим мелким капиталом, предоставлялось право делать это беспошлинно в местах присутствия китайских властей на всей территории Монголии. В 1869 г. эти права расширили и разрешили беспошлинную торговлю непосредственно в монгольских кочевьях, что позволило развивать разъездную торговлю в хошунах (административные единицы в Монголии)²⁴.

Во второй половине XIX в. после подписания с Россией Пекинского договора (в дополнение к Кяхтинскому пункту) вдоль цинской границы устраивали специальные пункты её перехода для торговцев и караванов. Начиная с 1869 г. со стороны Енисейской, Иркутской губерний и Забайкальской обл., граничивших соответственно с кобдоским, улясутайским, ургинским и хайларским наместничествами, были устроены 11 пунктов перехода границы. В 1875 г. вдоль порубежной линии с Россией открыли ещё 22 пункта²⁵, что определило здесь взаимовыгодную для двух держав торговлю как основную форму их экономических отношений. Выбранный цинским правительством курс на изоляцию и стремление перенести в военных целях русско-китайскую торговлю в приграничные районы, с одной стороны, и географическая удалённость и медленное развитие путей сообщения в азиатской части России – с другой, обусловили эволюцию торгово-экономических отношений – от казённых форм караванной торговли предметами роскоши и «мягкой рухляды» до приграничной сухопутной торговли с преобладанием в её структуре товаров широкого потребления.

«Расширение» Московского государства на восток имело громадное значение. Стремительное по историческим меркам продвижение небольших отрядов промышленных и служилых людей привело к присоединению огромных слабозаселённых территорий Сибири. С выходом на южные лесостепные и дальневосточные рубежи дальнейшее продвижение России натолкнулось на серьёзное сопротивление местных властей. Существенную роль стал играть внешнеполитический фактор. Становление Маньчжурского государства, сопровождавшееся активным присоединением новых территорий, внесло новый расклад в политическую обстановку в Центральной и Восточной Азии. Вхождение в состав России новых земель на востоке и их освоение сменил процесс их закрепления и охраны. Иное значение на этих границах приобрели остроги, к функциям которых добавилась защита внешнеполитических интересов Российского государства на его азиатских рубежах.

Подписание серии договоров о разграничении территорий и торговле между Россией и империей Цин определило логику и характер развития их взаимоотношений. Весьма важное значение при этом получила приграничная торговля, основным пунктом которой стала Кяхта. Этот форпост на монгольском приграничье на протяжении долгого времени «сверял интересы» России в регионе. События, произошедшие там в первые десятилетия XX в., расставили иные акценты, обозначив начало нового периода, закономерности которого находились уже в другой геополитической плоскости.

²⁴ *Попов В.* Через Саяны и Монголию. Ч. I. Омск, 1905. С. 161.

²⁵ Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии / Отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск, 2016. С. 212.

Скотоводческое хозяйство агинских бурят во второй половине XIX — начале XX в.

Николай Крадин

**Pastoral economy of Aginsky Buryats
in the second half of 19th — beginning of 20th centuries**

Nikolay Kradin

(Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Ulan-Ude; Institute of History, Archaeology and Ethnology, Russian Academy of Sciences, Far-Eastern Branch, Vladivostok)

DOI: 10.31857/S086956870001571-6

Название расположенного в Юго-Восточном Забайкалье Агинского Бурятского автономного округа (площадь 19,6 тыс. кв. км) происходит от бурятского слова «ага», что означает «большая равнина». Так же называется река, которая пересекает округ по линии запад—восток и разбивает его на две ландшафтные зоны: лесостепь (находящийся к северу левый берег) и степь (лежит в южном направлении, между реками Агой и Ононом). С запада и севера округ ограничен Могойтуйским хребтом, с юга и востока — р. Онон. Эти границы и в наше время играют особую роль, однако в более ранние исторические периоды она, вероятно, была более значимой. Климат на данной территории сухой, континентальный. Здесь зимой почти не бывает снега и можно пасти скот круглый год. Поэтому на территории округа с древности было распространено кочевое скотоводство (известно более 300 археологических памятников кочевых культур).

Тогда в агинских степях кочевали дунху (культура плиточных могил) и сяньбийцы. В Средние века на этой земле жили шивэйцы (бурхотуйская культура) и отделившиеся от них монголы, а в начале Нового времени — буряты. В 1837 г. агинские буряты были выделены в самостоятельную степную думу¹. В записке одного из чиновников того времени читаем: «По ведомству Агинской степной думы состоят кочевые и оседлые инородцы, образ жизни их есть кочевой и непостоянный, то есть, не на одном месте; занятие же промышленностью и самый быт их происходят от одного скотоводства»².

Важнейшим источником по истории традиционного агинского скотоводства являются архивные документы. В настоящей публикации впервые введены в научный оборот материалы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Государственного архива республики Бурятия (Улан-Удэ), Государственного архива Забайкальского края (Чита), Российско-

---

© 2018 г. Н.Н. Крадин

Исследование выполнено при поддержке Правительства Российской Федерации, грант № 14.W03.31.0016.

¹ Ковычев Е.В. История Забайкалья (I — сер. II тыс. н.э.). Учебное пособие. Иркутск, 1984; Тумунов Ж.Ж. Очерки из истории агинских бурят. Улан-Удэ, 1988. Степная дума — административно-экономическая единица в Российской империи в 1822—1903 гг., учреждённая согласно «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. М.М. Сперанского.

² Государственный архив республики Бурятия (далее — ГА РБ), ф. 129, оп. 1, д. 512, л. 57; д. 3462, л. 17.

го государственного архива Дальнего Востока (Владивосток). Громадный пласт информации о различных сторонах жизни бурят содержится в материалах земской статистики³.

Многие аспекты рассматриваемой проблемы отражены в исследованиях, посвящённых истории как Бурятии в целом, так и агинских бурят в частности⁴. Следует особо отметить книгу Л. Линховойна, хотя и небольшую по объёму, но содержащую ценный фактический материал по теме, а также работы Ж.Ж. Тумунова, в которых охарактеризовано хозяйство агинских бурят дореволюционного периода⁵. Тем не менее обобщающих трудов, где была бы представлена динамика скотоводческой отрасли в хозяйстве агинских бурят, до сих пор нет. В данной статье показаны их традиционное хозяйство и характерные для него изменения в процессе модернизации России конца XIX — начала XX в.

Агинские буряты вели преимущественно мобильный образ жизни, и частной собственности на землю у них не было. Поземельные устроительные работы в волости не проводились, земли находились в общинной собственности. Существовало свободное пользование пастбищами по праву «первозахвата»⁶ в пределах той или иной административно-территориальной группы (булуков), а сенокосные угодья находились в общинной собственности и делились на пайки «по числу душ и разряду казённых и общественных сборов»⁷. Даже накануне революции 1917 г. отношение «инородцев» к земле юридически определялось как «неразделённое владение»⁸.

Агинцы передвигались со своими стадами по тучным долинам Онона и Аги: «Главное хозяйство инородцев Агинской волости составляет чистое скотоводство [99,25%] и обработка продуктов скотоводства, хлебопашеством в связи со скотоводством занимается незначительная часть населения [0,75%], этому способствует неплодородность почвы, малое выпадение снегов, преобладание высоких степей, каменистых, дресвяных и солончаковых и удалённость от вод и лесов»⁹. Состав стада был классическим для проживавших в евразийских степях кочевников (кочевников). Они разводили пять основных видов животных (по-бурятски «*табан хушуу мал*» или «скот пяти видов») — лошадей, овец, коз, верблюдов и крупный рогатый скот¹⁰.

Отсутствие юридически зафиксированного права собственности на землю не означает, что у бурят не было выработанных многолетней практикой

³ Материалы Высочайше утверждённой под председательством стат-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Вып. 1–16. СПб., 1898–1899 (далее — Материалы комиссии Куломзина); Труды Агинской экспедиции. Вып. VII. Чита, 1911; Поселенные итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской области в 1916 г. Иркутск, 1917; Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи в Забайкальской области в 1917 г. Чита, 1918.

⁴ Крюков Н.А. Восточное Забайкалье в сельскохозяйственном отношении. СПб., 1895; История Бурят-Монгольской АССР / Отв. ред. П.Г. Хаптаев. Т. I. Улан-Удэ, 1954; Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; Бадмаев А.А. Ремёсла у агинских бурят. Новосибирск, 1997; Батуева И.Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX веке. Улан-Удэ, 1999; и др.

⁵ Линховойн Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ, 1972; Тумунов Ж.Ж. Очерки из истории...; Тумунов Ж.Ж. История Аги (1648–1917). Ч. 1. Улан-Удэ, 2006.

⁶ Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири... С. 169–170, 173.

⁷ ГА РБ, ф. 131, оп. 1, д. 98, л. 10 об.; д. 146, л. 1–2; д. 363, л. 11 об.–12; ф. 267, оп. 1, д. 6, л. 12 об., 131 об.

⁸ Там же, ф. 131, оп. 1, д. 635, л. 66.

⁹ Там же, д. 363, л. 3 об., За.

¹⁰ Батуева И.Б. Буряты на рубеже XIX–XX веков. Историко-этнографический очерк. Улан-Удэ, 1992. С. 15.

маршрутов перекочёвок, закреплённых традицией летних и зимних пастбищ. Согласно материалам комиссии А.Н. Куломзина «при каждой перемене своей стойбы, бурят ставит свою юрту на известном, так же раз и навсегда определённом месте, которое если и меняется, то очень редко»¹¹.

Конфликты по поводу использования земель в основном возникали не между бурятскими родами, а между бурятами и русскими крестьянами, бурятами и казаками¹². Это была типичная проблема для аграрных и индустриальных государств, стремившихся установить контроль над свободолюбивыми кочевниками, приписать их к тому или иному административному подразделению. Однако они кочевали там, где считали нужным, нередко нарушая государственную границу и отходя в монгольские степи.

Буряты предпочитали устраивать летники поближе к источникам водопоя, тогда как зимние пастбища выбирали в местах покосов, по возможности защищённых от ветров, а также там, где оставалось много ветоши. По разным данным, «стойбы» агинские буряты меняли от 4 до 12 раз в год¹³, причём большинство их даже в первой половине XX в. перекочёвывали с зимников на летники и обратно¹⁴.

Есть географические варианты смены пастбищ. В степной части округа к югу от р. Аги буряты устраивали летники поблизости от многочисленных озёр и озёрных западин, где они поили скот. К тому же пологие склоны озёрных западин нередко «питают» ключевые воды, вследствие чего здесь более сочные травы. Лесостепная часть, северная от реки, зимой несколько теплее, чем степная, поэтому буряты перед наступлением холодов перекочёвывали со стадами в северную половину Агинских степей. Они располагали свои зимники в лесной предгорной части Могойтуйского и Боршновочного хребтов¹⁵. При этом прослеживалась важная тенденция: чаще кочевали и использовали большее количество пастбищных территорий наиболее богатые скотоводы. Это связано с тем, что, во-первых, они имели огромное поголовье животных, для выпаса которых требовалось немалое количество ресурсов; во-вторых, в стадах богатых скотовладельцев был значительный процент лошадей и верблюдов, что обеспечивало высокую скорость кочевания животных; в-третьих, знатные номады обладали особым общественным статусом и могли авторитетом или силой отчуждать в собственное пользование лучшие участки пастбищ. «Сколько именно раз в течение года кочевник переменяет своё местопребывание вместе со своим скотом, зависит от большей или меньшей степени его богатства или, что то же самое, от числа голов его скота, — сообщается в “Материалах комиссии Куломзина”. — Кочевник, имеющий небольшое количество скота, меняет своё местопребывание всего только два раза в год; он имеет только летник (“засулан”) и зимник (“угульжен”); более богатый имеет уже четыре места кочёвок — к двум указанным у него прибавляется ещё весенник (“намурждан”) и осенник (“хабуржен”); наконец, самые богатые из кочевых инородцев меняют место стойбы своего скота до 10–12 раз, причём, кроме того, имеют все четыре указанные вида стойбищ»¹⁶.

В архивных материалах иногда встречаются сведения о конкретных маршрутах передвижений тех или иных групп номадов, местах распространения их зимних и летних пастбищ. Например, Бодангутский род (28 юрт) кочевал зимой по рекам Тутенхуй и Булук в максимальном радиусе 120 вёрст, а другой

¹¹ Материалы комиссии Куломзина. Вып. 13. СПб., 1898. С. 74.

¹² ГА РБ, ф. 131, оп. 1, д. 259, л. 3–6; Государственный архив Забайкальского края, ф. 52, оп. 3, д. 220, 253, 259, 469, 487, 566, 676, 696, 703, 1031; ф. 202, оп. 2, д. 14.

¹³ История Бурят-Монгольской АССР. Изд. 2. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 190.

¹⁴ ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 4030; РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1242, л. 12.

¹⁵ Труды Агинской экспедиции. Вып. I. Иркутск, 1913. С. 52; Вып. II. Иркутск, 1913. С. 13.

¹⁶ Материалы комиссии Куломзина. Вып. 13. С. 74–75, 81.

род – Шарайский (22 юрты) – зимовал по р. Киле и берегам озера Саганнур в радиусе 80 вёрст¹⁷.

Структура стада у агинских бурят оставалась классической, характерной для кочевников-скотоводов Евразийских степей (см. табл. 1). Для Агинского ведомства было характерно преобладание мелкого рогатого скота (особенно овец – 50% всего поголовья), количество крупного рогатого скота и лошадей было одинаковым (примерно по 20%).

На рубеже XIX–XX вв. «среднестатистическое» бурятское хозяйство (в зависимости от степени мобильности) обладало стадом, состоявшим из 4–8 лошадей (13–15%), 10–16 голов крупного рогатого скота (25–30%) и 20–40 овец (около 60%). Однако вопреки распространённым утверждениям, что агинские буряты имели очень много животных, число богатых скотовладельцев у них оказывалось невелико. Так, в начале XX в. лишь 9,3% хозяйств имели более 10 лошадей, 1,8% – более 100 и всего 0,3% – свыше 300 лошадей. Доля хозяйств, владевших большим числом других видов животных, тоже весьма мала. Только в 4% хозяйств насчитывалось более 300 овец и в 2% – более 500. Лишь в 1,31% хозяйств имелось более 100 голов крупного рогатого скота и всего в 0,01% их количество достигало 300¹⁸. Следовательно, к богатым может быть отнесено не более 2% хозяйств. В то же время скотоводы имели такое число животных, которое позволяло им выживать; примерно 20,7% хозяйств было вынуждено искать дополнительные источники существования, из них 2,9% имело только какой-либо один вид животных, а 5,7% скота вообще не имело (интересно, что в конце XIX в. бесскотных хозяйств насчитывалось не более 0,5%)¹⁹.

Таблица 1

Количество скота в Агинской волости (1841–1915)

Год	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Козы	Верблюды	Свины	Буйволы	Всего
1841	21 138	18 641	47 135	6 911	1 535			95 360
1842	23 021	20 955	54 132	7 633	1 603			107 344
1844	26 035	22 978	74 244	10 065	2 166			135 798
1845	26 814	25 167	66 843	10 929	2 020			131 773
1847	25 311	26 095	66 219	7 001	1 941			126 567
1848	24 871	26 366	55 654	7 263	1 653			115 807
1849	27 317	28 177	64 684	10 060	1 993			132 231
1850	19 009	15 485	41 441	6 217	1 524			83 676
1851	13 082	19 730	47 503	8 344	1 679			90 338
1852	24 663	21 005	50 824	8 296	1 606			106 394
1854	21 941	19 359	40 105	8 186	1 759			91 350
1872	48 731	64 035	178 248	24 742	11 720	38	45	327 559
1875	49 075	64 440	178 912	24 994	11 750	25	63	329 259
1877	57 144	65 873	181 616	26 765	11 759	45	65	343 267

¹⁷ ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 10, л. 24.

¹⁸ Труды Агинской экспедиции. Вып. VII. С. 276.

¹⁹ Там же. С. 226, 276.

1878	75 426	120 262	231 886	32 126	4 324	23	165	464 212
1879	71 225	104 861	230 460	55 107	5 950	55	55	467713
1882	63 975	74 348	166 730	22 470	4 150	34	71	331778
1883	62 170	69 085	186 605	28 241	4 757	45	35	350 938
1893	81 584	109 160	203 680	42 257	4 921	34	14	441 650
1894	83 762	151 625	292 278	77 522	5 812	73		611 072
1899	86 133	58 282	19 765	24 563	5 666	40		194 449
1900	90 313	56 725	221 545	31 756	6 048	15		406 402
1901	96 026	62 661	208 168	20 839	2 741	46		390 481
1902	96 026	62 661	208 168	20 839	2 741	46		390 481
1903	102 639	61 353	237 987	33 425	6 346	58		441 808
1905	32 214	50 555	91 197	14 573	2 385	14		190 938
1906	25 769	43 185	75 973	21 616	1 062			167 605
1907	27 300	55 079	118 214	35 100	1 136	35	10	236 874
1908	30 577	66 774	1 13 532	35 100	2 515	28		248 526
1909	30 494	66 659	88 494	17 134	2 543	30		205 354
1911	28 421	79 235	67 254	16 247	2 945	45		194 147
1915	26 049	70 144	68 186	13 225	2 547	60		180 211

Составлено по: ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 42, л. 7 об.–8; д. 129, л. 1–2; д. 217, л. 2–3; д. 250, л. 1 об.–2, д. 253, л. 49–49 об.; д. 322, л. 47; д. 372, л. 1–2, 5; д. 462, л. 37 об.; д. 484, л. 6–7; д. 512, л. 42; д. 561, л. 13–14; д. 590, л. 24; д. 676, л. 1 об.–2; д. 852, л. 3–4; д. 1930, л. 11; д. 2110, л. 7 об.; д. 2286, л. 157 об.; д. 2325, л. 145; д. 2355, л. 140, 142 об.; д. 2402, л. 22, 33, 48; д. 2419, л. 12; д. 2458, л. 136, 138, 140, 142; д. 3291, л. 12 об., 13; д. 3315, л. 48; д. 3320, л. 25; д. 3462, л. 23; д. 3745, л. 2 об.–3, 73 об.; д. 3762, л. 127; д. 3873, л. 102, 106 об.; д. 3945, л. 164–164 об., 184, 191 об.; ф. 131, оп. 1, д. 98, л. 10 об.–11; д. 283, л. 234; д. 363, л. 25; д. 488, л. 234; д. 494, л. 141; д. 539, л. 53; ф. 267, оп. 1, д. 3, л. 76, 76 об., 80 об., 89; д. 6, л. 96 об., 118 об.; ф. 427, оп. 1, д. 50, л. 212.

На численность поголовья скота бурят существенно влияли различные природно-климатические факторы, джуты (падёж скота, вызванный обледенением пастбищ), засухи и проч. В октябре 1848 г. в агинских кочевьях выпало много снега, «покрыв без остатка все подножные корма». По этой причине у начальника Нерчинского округа буряты «испросили» разрешения кочевать по Онону и близлежащим речкам и урочищам около границы с Монголией, на территории проживания казаков, тунгусов и русских земледельцев-крестьян. Полученное разрешение позволило им сохранить поголовье стад, но вскоре между номадами и их соседями начались конфликты²⁰. В следующем году осенью снова прошли большие снегопады²¹. Власти оказались в трудных условиях, что опять обострило ситуацию в регионе. В сложившейся обстановке номады отказывались подчиняться властям, захватывали сенокосы, устраивали беспорядки²². Зима оказалась очень тяжёлой для кочевников и привела к боль-

²⁰ ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 452, л. 1–2, 10–11.

²¹ Там же, д. 575, л. 1.

²² Там же, д. 574, л. 1, 14–14 об.; д. 575, л. 1–4 об.

шому падежу скота. От голода, снегопадов и холода погибли 8 907 лошадей, 14 679 голов рогатого скота, 25 168 овец, 4 711 коз и 689 верблюдов (в общей сложности около 40% всего поголовья)²³.

Ранее агинские буряты теряли меньше скота: в 1862 г. погибли 596 лошадей, 990 голов рогатого скота, 17 730 овец, 597 коз, в 1872 г. — соответственно 36, 689, 3 650, 122 головы²⁴. Тем не менее народ регулярно страдал от постоянных стихийных бедствий, нашествий волков и эпизоотий (массовых эпидемий животных)²⁵. Сравнительный анализ по другим обществам евразийских кочевников показывает: от различных климатических стрессов, эпизоотий погибало значительное поголовье домашних животных²⁶. В целом в кочевых обществах региона вследствие обледенений пастбищ и иных причин массовый падеж скота повторялся раз в 10–12 лет²⁷. Подобная неустойчивость кочевого скотоводства требовала привлечения дополнительных источников существования.

Охота всегда являлась важной частью образа жизни кочевников, однако агинские буряты использовали её только как вспомогательную деятельность, дававшую очень скромную прибавку к бюджету их скотоводческих хозяйств (см. табл. 2).

Таблица 2

Охота агинских бурят в 1841–1915 гг.

Год	Соболи	Лисицы	Белки	Волки	Медведи	Кабарги	Зайцы	Козы	Рыси и россомахи	Лоси и изюбри
1841	6	54	8 600	28	1					
1847	4	23	28 900	10	6					
1948	21	82	1 490	98	15	25		280	9	9
1850	3	72	36 200	37		20		100		
1851		50	1 000	50			200	150		
1852	11	40	29 062	40						
1911		65	6 609	63		11		87	11	7
1915		78	2 350	57	7	7		153	24	4

Составлено по: ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 322, л. 44 об.–45; д. 462, л. 38; д. 512, л. 42 об.; д. 590, л. 24 об.; д. 687, л. 17 об.; д. 3462, л. 4, 23 об.; ф. 131, оп. 1, д. 363, л. 26; д. 494, л. 145; ф. 427, д. 50, л. 212 об.

²³ Там же, д. 512, л. 45, 46, 49.

²⁴ Там же, д. 1926, л. 17; д. 1307, л. 48–49.

²⁵ РГИА, ф. 383, оп. 13, д. 14420, л. 1–1б., 6–6б.; ф. 1265, оп. 12, д. 104а, л. 98 об.; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, ф. 1, оп. 1, д. 1983, л. 15 об.; ГА РБ, ф. 2, оп. 1, д. 1942, л. 41, 48, 53, 170; ф. 129, оп. 1, д. 475, л. 1; д. 1903, л. 49; д. 1926, л. 17; д. 2403; д. 2461, л. 44–46; д. 2479, л. 24, 29, 35, 38 об., 46, 54, 59, 72, 81, 89; д. 3315, л. 1, 3, 7, 10, 32, 35, 42; д. 3316, л. 13 об.; оп. 2, д. 177, л. 152; ф. 267, оп. 1, д. 71; д. 93, л. 21–22, 26–27; д. 125; д. 165, л. 14, 17, 22–24; д. 171, л. 6 об.; д. 386; ф. 131, оп. 1, д. 117; д. 145; д. 309; д. 322; д. 488, л. 193.

²⁶ См.: Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 118; Слудский А.А. Джугты в пустынях Казахстана и их влияние на численность животных // Труды института зоологии АН КазССР. Т. 2. Алма-Ата, 1953; Шахматов В.Ф. О происхождении двенадцатилетнего животного цикла летоисчисления кочевников // Вестник АН КазССР. 1955. № 1; Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). М., 1956. С. 68–70; и др.

²⁷ Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. С. 52–55.

Рыболовством агинские буряты (как и многие другие кочевники) не занимались²⁸. Судя по всему, никаких особых доходов в середине XIX в. не приносила им и торговля. Они сбывали животных и различные продукты скотоводства (шерсть, жир, масло и проч.) на ежегодной ярмарке в Агинском, на которую, помимо номадов, съезжались русские купцы и даже торговцы из Китая²⁹. Однако общее число ежегодно продававшихся тогда бурятами голов скота и шерсти в масштабах волости оставалось невелико (см. табл. 3). Это подтверждают показатели продаваемой шерсти. Известно, что с одной бурятской овцы выходило около двух с половиной фунтов шерсти (примерно 1 кг) в год. Исключив ягнят, можно вычислить, что на ярмарку вывозилось не более 15–20% ежегодно получаемой шерсти. Скорее всего, в торговле участвовали наиболее богатые скотовладельцы, которые могли без ущерба для собственного хозяйства выставить на торг то или иное количество животных. У большинства хозяйств, как правило, все излишки производства шли на нужды собственного потребления.

Земледелие у бурят не получило значительного развития. Даже в начале XX в. «говорить о земледелии у бурят Агинского ведомства как о промысле не приходится; оно, можно сказать, во всей Агинской степи не существует, за исключением только одного села Агинского³⁰; есть попытки заниматься земледелием, часто неудачные, но земледелия в настоящем смысле этого слова ещё нет, потому что 14^{1/2} дес. посева и 32^{3/4} дес. картофеля (речь идёт о 1908 г. — *Н.К.*) на всю степь ещё не составляют земледелия»³¹.

Таблица 3

Торговля агинских бурят в 1848–1852 гг.

Год	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Шерсть (пуд.)
1848	1 080	1 860	155	437
1849	1 500	1 900	2 000	455
1850	1 400	1 500	150	400
1851	100	500	100	200
1852	110	600	100	200

Составлено по: ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 462, л. 37 об.; д. 512, л. 42, 48; д. 590, л. 24; д. 687, л. 17; д. 3462, л. 4, 23; ф. 427, оп. 1, д. 50, л. 212.

Это было связано с непригодностью большинства территории для занятия земледелием: «Причиною худого урожая почитается неудобство каменистого и солонцеватого грунта земли, и никакой другой сорт хлеба, кроме ярицы, засеваем ими (инородцами. — *Н.К.*) не бывает»³². По свидетельству источников середины XIX в., «кочевые инородцы засевают некоторую часть токмо картофеля, а прочие растения оседлыми инородцами, ибо по случаю первых постоянного кочевания и неимения как огородов, так и средств к сохранению овощей в зимнее время, таковые не разводятся». Однако в целом земледелие имело подсобный характер и использовалось только ограниченным числом бу-

²⁸ ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 322, л. 55; д. 462, л. 38; д. 512, л. 42 об.; д. 590, л. 24 об.; д. 687, л. 17 об.; ф. 131, оп. 1, д. 494, л. 84, 143; ф. 267, оп. 1, д. 3, л. 61; ф. 427, оп. 1, д. 50, л. 212 об.

²⁹ Там же, ф. 129, оп. 1, д. 3010, л. 7 об.

³⁰ Там же, л. 7; ф. 267, оп. 1, д. 3, л. 61.

³¹ Труды Агинской экспедиции. Вып. VII. С. 304.

³² ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 3462, л. 22 об.

рятских домохозяйств («снимаемый хлеб по всегдашнему почти неурожаю не продаётся, посему оногo бывает недостаточно и для собственного продовольствия»)³³.

В последней четверти XIX в. на развитие бурятского кочевого хозяйства серьёзно повлияли модернизационные процессы российской аграрной экономики. Её основными факторами стали рост оседлости, внедрение земледелия (более продуктивного, чем скотоводство), ориентация хозяйства на рынок, уменьшение числа заболеваний и смертности населения (в силу проведения профилактических мероприятий против неизлечимых ранее болезней), распространение грамотности и т.д. Например, прослеживались тенденции развития у агинских бурят седентеризационных процессов, а также медленное, но постепенное увеличение в волости общего количества оседлых «инородцев». Если в 1850 г. их было около 80 человек, то в 1911 г. — более 650³⁴. Начиная с 1870-х гг. агинские буряты занимались свиноводством, являвшимся маркером оседлого образа жизни. Правда, число свиней оставалось невелико (несколько десятков голов), и их выращивали исключительно жители оседлых населённых пунктов (см. табл. 1). Поэтому более важным свидетельством седентеризации является увеличение на бурятских зимних и летних пастбищах количества деревянных юрт. Если в 1840–1850-х гг. их приходилось не более 80 на волость (0,01–0,02% общего количества юрт), то в конце XIX — начале XX в. — более 2,5 тыс. (27–31%)³⁵.

Вместе с земледелием в Восточное Забайкалье пришла частичная механизация сельскохозяйственного труда. В 1911 г. у агинских бурят насчитывалось 76 плугов и сох, 33 сенокосилки, 69 грабель и 140 борон, молотилка, веялка и жатвенная машина³⁶, а через четыре года — уже 80 плугов, 47 сенокосилок, грабли, молотилка, сеялка, 23 веялки, 4 жатвенных машины и 56 сепараторов и маслобоек³⁷.

Хотя эти показатели и были ничтожно малы для 3,5 тыс. дворов, они подтверждают тезис о том, что буряты активно занимались заготовками кормов для животных, т.е. самым важным следствием модернизации хозяйств региона стало развитие сенокосения. Буряты практиковали заготовку на зиму кормов (в отличие от монголов, практически этим не занимавшихся) ещё до появления русских первопроходцев в Забайкалье³⁸. Однако интенсификация сенокосения зависела от влияния на бурят русскоязычных переселенцев и от заимствования у них более совершенной технологии.

Поскольку на одну условную кормовую единицу в Агинской волости заготавливалось гораздо меньше сена, чем в других управах и ведомствах Забайкалья, то сложилось мнение, будто сенокосение в ней занимало более скромное место, чем на территории проживания других бурятских групп. Согласно выводам участников экспедиции, обследовавшей скотоводов Агинской волости в 1908 г., общий вес покосенных трав в расчёте на поголовье скота был весьма незначителен, что свидетельствовало о содержании животных преимущественно на подножных кормах³⁹. Сено заготавливали в основном на случай джотов, пожара трав, снегопадов и т.д. Однако такие выводы должны быть приняты с

³³ Там же, л. 41 об.

³⁴ Там же, д. 512, л. 25; ф. 131, оп. 1, д. 494, л. 149.

³⁵ Там же, д. 590, л. 14 об.; д. 687, л. 10; д. 2402, л. 34; д. 3010, 6 об.; д. 3011, л. 12 об., 13 об.; д. 3012, л. 12 об.; д. 3059, л. 13 об.; д. 3320, л. 23, 23 об.; д. 3462, л. 10 об.; д. 3754, л. 74 об.; д. 3873, л. 102 об., 106; д. 3945, л. 164–164 об., 191 об.; ф. 131, д. 539, л. 54; д. 283, л. 236; д. 488, л. 247 об.; ф. 267, оп. 1, д. 3, л. 76, 76 об., 80 об., 89; ф. 275, оп. 1, д. 113, л. 262 об.

³⁶ Там же, ф. 131, оп. 1, д. 363, л. 23.

³⁷ Там же, д. 494, л. 121; д. 515, л. 3.

³⁸ *Залкинд Е.М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1958. С. 169–170.

³⁹ Труды Агинской экспедиции. Вып. VII. С. 301.

существенными оговорками. Вне всякого сомнения, агинские буряты в указанный период, как и ранее, продолжали вести кочевой образ жизни, но к концу XIX в. уже примерно 70% их хозяйств стали заниматься сенокосением. Если бы состав стада у них остался традиционным (с преобладанием овец и коз) и не начал постепенно изменяться в пользу увеличения поголовья крупного рогатого скота, то заготовленных кормов хватало бы на достаточно длительный период. Для питания одной овцы в холодное время требовалось ежедневно около 2,5 кг сена. Поскольку уже в конце XIX в. на одну условную кормовую единицу в волости приходилось примерно 12–19 пуд. сена, то этим количеством кормов можно было подкармливать животных 2–4 месяца. К тому же столь низкий в сравнении с другими ведомствами и управами расчёт на одну среднестатистическую овцу обусловлен не столько незначительными объёмами сенозаготовок, сколько большим количеством скота у бурят Агинской волости. В валовом объёме сена по ведомствам Забайкальской обл. агинцы выкашивали более 4 млн пуд., что уступало заготовкам сена только по Хоринскому ведомству⁴⁰.

Важнейшим новшеством стала организованная на государственном уровне борьба с эпизоотиями крупного рогатого скота. Катастрофические последствия последних вызывали существенное беспокойство у официальных властей, пытавшихся изучить данные явления и выработать рекомендации по воспрепятствованию их масштабного распространения на всё Восточное Забайкалье. Была даже разработана специальная программа по сбору соответствующей информации⁴¹.

В утверждённой 13 марта 1869 г. инструкции врачебного отделения Забайкальской обл. были оговорены обязанности должностных и иных лиц в случае вспышек болезней животных⁴². Их хозяева несли строгую ответственность за неинформирование об этом местных властей и полиции. Вводились строгие правила, предусматривавшие санитарно-эпидемиологический осмотр ветеринарным врачом всего скота, а также предназначавшегося на убой. Обязательным стал жёсткий контроль за уже заболевшими животными, которые изолировались от остальных. Кроме того, осуществлялись специальные меры для дезинфекции пастухов и ветеринаров, здоровых животных (дёгтем, во избежание заражения их насекомыми) и мест их содержания. Чтобы воспрепятствовать дальнейшему распространению заразной болезни, было предписано зарывать погибших животных на глубину не менее одной казённой сажени, предварительно облив их раствором извести. Также запрещалось перегонять больной скот на другую территорию, а здоровый – через местность, где были обнаружены очаги болезней. Если же последнее не представлялось возможным, то властям следовало обеспечить безостановочный прогон скота, минуя селения, по обходным дорогам. Для локализации очагов распространения болезней предполагалась установка на дорогах специальных кордонов на период вспышки эпидемии и дополнительно – на полуторамесячный карантин⁴³.

Однако самой эффективной мерой борьбы с массовыми эпизоотиями стала вакцинация скота. Врачи-ветеринары и специально обученные санитары выезжали на заражённые территории и делали прививки больным и здоровым (для профилактики) животным. Это способствовало уменьшению очагов распространения эпидемии и увеличению поголовья скота.

Относительно последствий втягивания скотоводов в товарную экономику следует отметить, что если во второй половине XIX в. состав стада агинских бурят был обычным для кочевников аридных зон Евразии (при ведущей роли

⁴⁰ *Серебренников И.И.* Буряты: их хозяйственный быт и землепользование. Т. 1. Верхнеудинск, 1925. С. 118.

⁴¹ ГА РБ, ф. 129, оп. 1, д. 1903, л. 7–9.

⁴² Там же, д. 2461.

⁴³ Там же, л. 32–32 об., 208, 252; д. 2479, л. 65 об.

лошади, но с преобладанием мелкого рогатого скота), то накануне Первой мировой войны произошли существенные изменения. Достаточно сравнить, например, 1882 и 1911 гг. (см. табл. 1). В 1911 г. шло массовое сокращение поголовья овец – с 50 до 34% общего поголовья животных, при одновременном увеличении доли рогатого скота – с 22 до 40%. Видимо, это было связано с постепенной переориентацией хозяйства агинских бурят (в первую очередь богатых и очень богатых) с замкнутого натурального хозяйства на рынок.

Всё это привело к необратимым последствиям в экономике, обществе и культуре кочевников. Данные Агинской экспедиции 1908 г. в сравнении с переписью Куломзина, например, показывают, что социальная структура агинских номадов стала иной. В целом, «отношение между бедными и богатыми хозяйствами изменилось в сторону увеличения числа первых. Дифференциация населения за последние 11 лет стала большей, чем была ранее, а вместе с нею шло общее обеднение бурят скотом и уменьшение размеров скотоводства»⁴⁴. Это свидетельствовало о том, что в начале XX в. кочевое хозяйство агинских бурят находилось в состоянии экономического кризиса.

---

⁴⁴ Труды Агинской экспедиции. Вып. VII. С. 277.

Буддисты и Советское государство в 1946–1960-е гг.

Алексей Горбатов

Buddhists and Soviet State in 1946–1960s

Aleksej Gorbatov

(Kemerovo State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870001572-7

История буддизма в России (СССР) вызывает большой интерес у историков, религиоведов, этнографов. В то же время, несмотря на немалое количество имеющихся по этой теме исследований, в историографии до сих пор существуют «пробелы», связанные с послевоенным периодом деятельности буддийских организаций, в частности проблемами, касающимися их институционального становления и внешнеполитической деятельности, вероисповедной политики государства и особенностей религиозной жизни в буддийских регионах.

Так, в фундаментальном труде, изданном под патронажем Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, в главе, посвящённой истории Бурятии послевоенных лет, описаны положения православных, баптистских, католических, иудейских общин, но «забыта» вновь образованная буддийская религиозная организация¹. Данный факт следует считать досадным недоразумением. Вместе с тем исследований по указанному периоду немного, и в них, как правило, лишь в нескольких предложениях констатируются легализация буддийской организации, принятие учредительных документов и открытие культового здания. Исключениями являются монография М.В. Монгуш, где в том числе рассказывается о распространении буддизма в Туве в советское и постсоветское время², а также диссертация бурятского историка Д.Г. Чимитдоржин³. Содержательная информация об институциональном становлении буддизма изложена в «Историко-культурном атласе Бурятии»⁴.

Традиционно буддизм (в большей степени школы Гелугпа)⁵, был распространён среди монгольских народов (бурят, тувинцев, калмыков) и частично алтайцев. Отчасти ассимилировавшийся с существовавшим ранее шаманизмом, он фундаментально проник во все сферы жизни калмыцкого, большей части сибирских народов и оставил заметный след в их обрядах (свадебных, родильных, погребальных), повлиял на календарные праздники. Особенно интенсивным и эффективным было воздействие ламаизма на формирование ментальности и правил нравственного поведения, системы воспитания и образования этих народов. Одновременно на территории их проживания шло ак-

---

© 2018 г. А.В. Горбатов

¹ История Бурятии. В 3 т. Т. 3. Улан-Удэ, 2011. С. 267–268.

² Монгуш М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX века). Новосибирск, 2001.

³ Чимитдоржин Д.Г. История буддийской церкви в Бурятии. 1945–2000 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005.

⁴ Историко-культурный атлас Бурятии. М., 2001. С. 432–436.

⁵ Гелугпа (от *тибет.* «Гелуг») – одна из четырёх главных линий преемственности тибетского буддизма. Часто называется также школой «жёлтых шапок». Делает особый упор на изучение текстов, монастырскую традицию, использует тантрическую практику. Для учения характерна развитая ритуальность и подчинение ученика учителю – ламе.

тивное развитие философской школы, литературы, изобразительного искусства и традиционной медицины этого религиозного учения.

В начале XX в. в Калмыкии и Бурятии существовали достаточно развитые, самостоятельные, иерархически оформленные социальные организации. До революции 1917 г. в Калмыкии было около сотни монастырей (29 больших и 71 малый)⁶. В начале XX в. на территории Бурятской АССР насчитывалось 34 буддийских монастыря и приблизительно 14 тыс. лам (примерно 10–12% населения)⁷.

Революционные потрясения 1917 г. привели к существенной трансформации религиозных организаций всех конфессий бывшей Российской империи: они лишились, согласно первым законодательным актам советской власти, как движимого и недвижимого имущества, так и статуса юридических лиц.

В ходе революционных событий среди верхушки ламаистского духовенства Калмыкии и Бурятии выделились два противоборствовавших лагеря. «Обновленцы», поддерживавшие идеи демократии и социальной справедливости, недовольные процессами коммерциализации, стяжательства и распространения иных пороков в среде духовенства, демонстрировали свою готовность к сотрудничеству с новой властью. Выступая за чистоту буддийских идеалов, они пытались реформировать сангху⁸, основываясь на принципах выборности и коллегиальности духовной власти. Противостоявший им лагерь «консерваторов» объединяло не только негативное отношение к советской власти, но и нежелание идти по пути приспособления церкви к новым идеологическим условиям, модернизации религиозных институтов, догматики и обрядов.

Враждебность этих групп в 1930-х гг. «сгладил» (как и в случае с Русской Православной Церковью (РПЦ)) атеистический натиск государства, приступившего, по сути, к ликвидации буддийской сангхи в стране. В 1936 г. в Бурятии 22 из 29 работавших буддийских монастырей (дацанов) ликвидировали под предлогом того, что они находились в пограничной зоне, а духовных лиц репрессировали как «врагов народа» и «японских шпионов» или же принудили к сложению сана. В борьбе с ламаизмом использовались как репрессивные методы (уголовные, административные), так и фискальные (усиленное налогообложение, выселение в северные районы республики, лишение избирательных прав, закрытие ремесленных мастерских, запрещение лечения методами тибетской медицины и др.).

Сходные события происходили в формально независимой Тувинской народной республике. Если до 1930-х гг. в Туве насчитывалось 26 хурэ (буддийских храмов) и 4 818 лам, то к концу 1937 г. — 5 и 67 соответственно⁹. К 1941 г. в республике были ликвидированы все буддийские общества, а молитвенные здания разрушены.

На юге Западной Сибири проповедническая деятельность буддийских адептов, активизировавшаяся на рубеже XIX–XX вв., пресекалась государством, поэтому данная религиозная система здесь не оформилась институционально, а проявилась в виде бурханистского¹⁰ движения. Возможность складывания духовной организации была ликвидирована после установления социалистиче-

⁶ Очиров У.Б. Межконфессиональные отношения и религиозная ситуация в Калмыкии в 1917–1920 гг. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2006. № 1(5). С. 72.

⁷ Государственный архив республики Бурятия (далее — ГА РБ), ф. Р-1857, оп. 1, д. 24, л. 2.

⁸ Сангха (от санскрита «собрание, множество») — буддийская община как единое сообщество верующих, живущих в разных странах.

⁹ Кенин-Лопсан М.Б. Шаманский фольклор в центре Азии (Центр архивных документов партий и общественных организаций Центрального государственного архива республики Тыва (далее — ЦАДПОО ЦГА РТ), ф. 359, оп. 1, д. 5, л. 28).

¹⁰ Бурханизм — алтайская традиционная политеистическая религия, включающая элементы ламаизма и шаманизма.

ского режима в Монголии в 1920-х гг. и проведения в СССР антирелигиозной репрессивной политики 1930-х гг.¹¹

В итоге накануне Великой Отечественной войны буддийская община как институт была ликвидирована, а большая часть духовенства репрессирована. В результате государственного вмешательства разрушились внутриобщинные связи и организационные структуры религиозных групп, значительно пострадал традиционный уклад жизни буддийского населения Калмыкии и Сибири.

В декабре 1943 г. «за коллаборационизм» была ликвидирована Калмыцкая АССР, а её население депортировали в Сибирь. У калмыков буддизм как религиозная система уже не существовал, но он функционировал в рамках повседневной жизни групп спецпереселенцев, в сфере ритуалов и семейных традиций. При дисперсном расселении обращение к бывшим духовным лицам верующих стало невозможным. При этом, отмечает Е.Л. Зберовская, старшее поколение несло большие демографические потери, поскольку оно медленнее остальных возрастных групп приспособилось к новым обстоятельствам и не успевало передавать внукам свой ценный этнокультурный опыт. Да и сохранение его в условиях атеистической политики не приветствовалось в обществе¹². В результате до 1988 г. ареал буддизма сместился на восток.

Восстановление буддийских организаций

Оставшиеся в живых и возвратившиеся из мест заключения ламы продолжали практиковать культ на нелегальном положении. Уже летом 1944 г. в Бурятской республике они совершали массовые религиозные церемонии под открытым небом, исполняли священнодействия и молитвословия (похоронные обряды, молебны, различные заклинания) в домах верующих. Когда последние сами проводили коллективные молебствия, то ламы «играли также, несомненно, организующую роль»¹³. Помимо религиозных практик, основу авторитета ламства среди населения составляли многолетние религиозные традиции систем воспитания и образования, пророчеств (лундунов), астрологии, лечения с помощью тибетской медицины.

Несмотря на то, что в Туве были уничтожены здания Верхне- и Нижне-чаданского монастырей (хурэ), они продолжали функционировать нелегально. В 1940-х гг. несколько оставшихся на этой территории лам перенесли хурэ на другое место. В Теве-Хая — недалеко от Чаданской долины — они поставили шесть юрт для жилья и построили два молитвенных дома, в которых принимали людей, отправляли службы и религиозные обряды¹⁴. Создать «безрелигиозное пространство» через механизмы пропаганды, репрессий и административного давления на уровне сознания рядового человека у государства не получилось. Так, согласно данным всесоюзной переписи 1937 г., из общего числа калмыков и бурятов — 340 448 человек — 59,9% взрослого населения признали себя верующими¹⁵.

---

¹¹ Насонов А.А. Ламаизм в межконфессиональном взаимодействии на юге Западной Сибири (вторая половина XIX — первая треть XX в). Кемерово, 2013. С. 65, 102.

¹² Зберовская Е.Л. Калмыки-спецпереселенцы в Сибири: проблемы сохранения этнической идентичности в условиях депортации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 48–49.

¹³ Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век. Сборник документов. Улан-Удэ, 2001. С. 145–146.

¹⁴ Монгуш М.В. История буддизма в Туве... С. 138.

¹⁵ Бадмаева Е.Н. Религиозная политика советского государства в период нэпа: на примере Калмыцкой автономной области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2009. № 1(56). Т. 9. С. 113.

«Религиозный разворот» в вероисповедной политике СССР в середине 1940-х гг. и патриотическая позиция буддистов в годы войны¹⁶ вскоре позволили поставить вопрос о восстановлении их организаций на востоке страны. Особенностью вероисповедной практики буддизма являлась долголетняя и установившаяся традиция обслуживания религиозных запросов эпизодически действовавшими служителями культов, объединившимися в специальные корпорации (в них входило только духовенство). Тогда буддисты ещё не состояли в религиозных обществах, что противоречило религиозному законодательству. Начало их регистрации было положено 4 сентября 1945 г., когда Совет по делам религиозных культов (СДРК) удовлетворил ходатайство верующих об открытии в улусе Средняя Иволга буддийского храма, в штате которого находились 15 лам¹⁷. 12 декабря того же года прошло его первое открытое богослужение «Сахюусан хурал».

Современная буддийская община была образована в 1946 г. на первом послевоенном соборе (съезде), проходившем в Улан-Удэ 21–23 мая. Совещание представителей верующих и лам Бурят-Монгольской АССР, Читинской, Иркутской областей и Тувинской автономной области¹⁸ избрало руководящий орган – Центральное духовное управление буддистов (ЦДУБ), которому должны были подчиняться все региональные советы дацанов. На съезде от Бурятии были представлены 12 делегатов, от Аги (Читинская обл.) – 6, от Тувы – 4, от Усть-Ордынска (Иркутская обл.) – 4.

Легализация буддизма проходила под жёстким контролем и давлением государства, о чём свидетельствуют принятые на соборе «Устав» и «Положение о буддийском духовенстве (ламстве) в СССР». Последнее состояло из восьми разделов, содержащих 29 статей. Основой этих нормативных документов стали положения обновленческой программы бурятского ламаизма, изложенные ещё в 1920-х гг. Прежде всего это административный принцип обновленчества – выборность ЦДУБ во главе с хамбо-ламой¹⁹. С другой стороны, в «Положении...» имелись тезисы, демонстрировавшие благонадёжное отношение ламства к советскому строю. Документ обязывал лам «почитать наравне со своей священной буддийской верой Родину трудящихся и всемерно содействовать её укреплению и расцвету»²⁰. Следовало идти по пути изменения форм пропаганды ламаизма согласно с условиями века науки, техники и просвещения, отказа от сформировавшейся устаревшей иерархической структуры духовенства, грубых суеверий и знахарства-шарлатанства.

Ощутимым для вероучения и института ламаизма ударом стали содержащиеся в указанных учредительных документах положения о ликвидации института перерожденцев или воплощенцев (хубилганов). Эта запретительная мера радикально изменила саму суть учения, так как собственно в тибетском буддизме был отсутствующий в иных направлениях учения институт «живых богов» – концепция перерождения и воплощения будд, бодхисатв и известных в прошлом лам в тела реальных земных людей. Институт хубилганов, обеспечивая религиозную и этнокультурную преемственность, играл одну из ключевых ролей в структуре общины. Считалось, что воплощенцы, обладавшие удивительными способностями и великими знаниями, относились к высшему

¹⁶ Синицын Ф.Л. Советское государство и буддисты: 1925–1946 гг. // Российская история. 2013. № 1. С. 75.

¹⁷ Архивные документы и материалы // Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны. М., 2005. С. 473–474.

¹⁸ Овчинников В.С. Борьба КПСС с идеологией ламаизма. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 25.

¹⁹ Хамбо-лама – титул главы некоторых региональных буддийских организаций.

²⁰ Пубаев Р.Е. Формирование научного мировоззрения и задачи научно-агестического воспитания (ГА РБ, ф. Р-1857, оп. 1, д. 208, л. 51).

и особому рангу духовенства. Наличие такой личности в дацане поднимало его статус в глазах верующих, вызывало приток прихожан и, соответственно, пожертвований.

Представления о хубилганах среди бурят-буддистов были традиционно сильны, запретить их формальными указами оказалось невозможно. Известно, что в 1944 г. бурятские ламы провозгласили 13-летнего мальчика Пурбо хубилганом Хухэн-хотогто (умершего в середине XIX в.). Немаловажную роль в почитании Пурбо играло то, что по преданию Хухэн-хотогто следовало переродиться для проповедования учения буддизма в той стране, где оно пришло в упадок²¹. Ещё одна история была связана с неоднократно преследуемым властью известным представителем буддологической школы и религиозным диссидентом Бурятии Б. Дандароном, которого в четырёхлетнем возрасте тоже признали хубилганом – перерожденцем настоятеля тибетского монастыря в Гумбуме Джаягсы-гэгэна²².

Существенным изменениям подвергся статус буддийских священнослужителей. Согласно ст. 3 «Положения...» ввели относительно высокий возрастной ценз – 18 лет – для допуска к посвящению в хуваки (лица, допущенные к начальной стадии обучения будущих лам)²³. Приблизили к обновленческому идеалу и быт лам – они лишались личных усадеб и должны были жить при дацане, в являвшихся его собственностью зданиях. Доходы лам – храмовые и личные – поступали к монастырскому казначею. Затем по распоряжению хамбо-ламы их расходовали в установленной пропорции в полагавшемся по штату размере, в соответствии с должностью, духовной степенью и званием того или иного ламы.

Дацаны, согласно решениям съезда, утрачивали право на владение земельными наделами для скотоводческого и земледельческого хозяйств. Единственной статьёй дохода монастыря теперь становились добровольные пожертвования за исполнение религиозных обрядов. К каждому аймаку²⁴ прикреплялся лишь один лама, что входило в противоречие с возросшими в годы войны религиозными запросами верующих²⁵. При этом количество лам, по данным Д. Жамсуевой, было строго ограничено – 40 человек²⁶.

В целом основные положения данных документов носили ограничительный характер, выполняли задачу включения буддийской организации в рамки действовавшего в СССР религиозного законодательства. Это привело к модификации самой церковной организации и разрушению многолетних традиций, отражавших этнические и региональные особенности буддизма, распространившегося среди бурятского населения.

После съезда в Верхней Иволге на средства от пожертвований верующих возвели «Хамбинское сумэ» (в настоящее время Иволгинский дацан), ставшее резиденцией председателя ЦДУБ хамбо-ламы Л.Н. Дармаева и, соответственно, центром буддийской общины в СССР.

²¹ Из истории религиозных конфессий Бурятии... С. 146.

²² Дандарон Б.А. Письма о буддийской этике. СПб., 1997. С. 6.

²³ В современном Буддийском университете в Бурятии студентов принимают после 9-го класса (15–16 лет) по результатам собеседования, экзаменов на грамотность и предоставлении справки о психическом здоровье. Срок обучения восемь лет, после чего студент-хуварак получает посвящение в ламы и может быть зачислен в штат одного из дацанов, вести частную практику или продолжить образование в Монголии или Индии.

²⁴ Аймак (от монг. «аймаг», кирг. «аймак») – административная единица в Монголии, ряде регионов России, КНР, Киргизии.

²⁵ Историко-культурный атлас Бурятии. М., 2001. С. 433–434.

²⁶ Жамсуева Д. Правовой статус буддийской конфессии бурят в системе российской государственности // Власть. 2008. № 11. С. 65.

Ограничительные тенденции проявились и в вопросе регистрации буддийских организаций. В дореволюционной Бурятии каждый административный район составлял приход близлежащего дацана. Более того, однотипный характер обрядности обеспечивали ламы, треть которых «квартировалась» не при монастырях, а по улусам²⁷. Верующие привыкли традиционно обращаться к «своим» ламам и соответственно не видели острой необходимости в открытии дацанов с ламским посёлком, их вполне устраивало открытие молитвенных домов (дуганов). Буддисты рассчитывали на регистрацию своих объединений в каждом аймаке республики, что позволяло легально (значит, беспрепятственно) проводить богослужения. При этом верующие справедливо полагали, что власти не планировали открывать дацаны по регионам. Однако возрождать молитвенные дома по просьбе ходатайствующих в ранее закрытых и ликвидированных Цонгольском и Цолгинском дацанах руководители республики не захотели. По их мнению, потребности в ламах должны были удовлетворяться по линии «Хамбинского сумэ»²⁸. Таким образом, регистрация одного религиозного объединения (Иволгинского дацана) давала возможность государству централизованно контролировать жизнедеятельность всей буддийской организации в республике.

Аналогичным образом в Агинском бурятском национальном округе (Читинская обл.) был открыт второй буддийский центр — Агинский дацан. Он разместился в одном из вспомогательных храмов («Диважан сумэ») бывшего главного Агинского храма (в то время он использовался как областной туберкулёзный санаторий и казарма для проходивших принудительное лечение алкоголиков).

В Туве при первоначальных планах 1947 г. — разрешить построить и зарегистрировать хурэ в Аскы-Барлыке Барун-Хемчикского района (29 лам) и в Чадане Дзун-Хемчикского района (32)²⁹ — власти сочли целесообразным ограничиться одной молельной юртой со статусом незарегистрированного объединения.

Примечательно, что в 1946–1948 гг. практически одновременно с процессом восстановления буддистских религиозных институтов на востоке Сибири на территории Южного Сахалина происходила масштабная ликвидация буддийских храмов, связанная с репатриацией японского населения. Строительство религиозных построек в этом регионе относится к началу XX в., когда в результате Портсмутского договора (1905) земли юга острова перешли под японскую юрисдикцию. В августе 1945 г. на этой территории насчитывалось более 250 храмов, из них 150 — буддийских, 50 — синтоистских, 50 — религиозной организации «Тэнрике». После победы над Японией Южный Сахалин и Курильские острова вошли в состав СССР. Одна часть молитвенных зданий сгорела во время боевых действий, другая закрылась вследствие эвакуации японских священников; имели место и случаи разрушения и разграбления храмов советскими военнослужащими³⁰. В 1947 г. закрыли 214 молитвенных зданий буддийского вероисповедания³¹. К 1 января 1948 г. их осталось 13. Последние японские храмы прекратили работу к концу 1948 г.³² Таким образом, приведённые показатели ещё раз подтверждают тезис о сугубо лимитированном характере «возрождения» буддизма в СССР.

²⁷ Улус (от монг. «Улс», бур. «Улас») — аналог района.

²⁸ Из истории религиозных конфессий Бурятии... С. 147, 152.

²⁹ ЦАДПОО ЦГА РТ, ф. 2, оп. 1, д. 210, л. 92.

³⁰ *Потанова Н.В.* Религиозная жизнь Сахалина (во второй половине XIX — начале XXI вв.). Дис. ... канд. ист. наук. Южно-Сахалинск, 2004. С. 149–150.

³¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 285, л. 203.

³² *Потанова Н.В.* Религиозная жизнь Сахалина... С. 150.

Внешиполитическая деятельность Центрального духовного управления буддистов

Официальное восстановление буддийской организации незамедлительно привело к резкому оживлению религиозной активности населения востока Сибири. Согласно документам партийных органов, в Читинской обл., например, отмечались факты негативного влияния ламаизма на обыденную жизнь бурятского населения. В частности придавался богомольный характер народным праздникам (ламы способствовали организации массовых игр, борцовских соревнований, скачек на лошадях, традиционных угощений). Наблюдался рост числа верующих, посещавших Агинский дацан и совершавших паломничество к священным горам Алханай, Хан-Ула, Адон-Челон. В 1957–1958 гг. на хуралах Агинского дацана присутствовало до 2 тыс. верующих, в то время как в первые годы после открытия их было около 200–300 человек³³. Схожие тенденции наблюдались в Иволгинском дацане: количество посетителей оставалось стабильно высоким, соответственно росли денежные доходы монастыря³⁴.

Тем не менее между атеистическим государством и буддистами региона в целом не наблюдалось глубоких потрясений. Основной причиной таких терпимых взаимоотношений являлась возможность использовать международные связи буддистов в государственных интересах, а также для укрепления имиджа СССР как страны, полностью соблюдавшей права человека, в том числе и свободы совести.

С середины 1950-х гг. Бурятская республика представляла собой своеобразную «вывеску социализма», где органично уживались социалистическое строительство и буддизм. В этом могли удостовериться практически ежегодно прибывавшие в Бурятию представительные делегации буддистов из более десятка стран.

Советские буддисты, выезжая за границу, также осуществляли миссию, полезную во внешнеполитическом смысле для руководства страны. В 1956 г. делегация ЦДУБ участвовала в состоявшихся в Непале и Индии торжествах, посвящённых 2500-летию Будды. Здесь делегаты встретились с руководителями Индии и далай-ламой³⁵. Подобно Отделу внешних церковных сношений РПЦ, ЦДУБ отстаивало интересы СССР на международной арене, правда, в большей степени акцентируя внимание на проблемах Азиатского континента.

Относительно использования после войны Советским государством официально действовавших церквей в качестве эффективного инструмента в реализации своей внешней и внутренней политики³⁶ особого внимания заслуживает документ с говорящим названием «Указания делегации буддистов СССР, выезжающей в Камбоджу»³⁷ (1961), утверждённые председателем СДРК при Совете министров СССР А.А. Пузыным. Это была достаточно подробная и «жёсткая» секретная инструкция, состоявшая из десяти пунктов, регламентировавшая поведение советской делегации на VI Всемирном конгрессе буддистов в Пномпене.

В первом пункте документа чётко оговаривалась реальная иерархия состава выезжавших: «Советская делегация будет состоять из двух человек: Е.Д. Шарاپов – хамбо-лама³⁸, председатель ЦДУБ и С. – старший научный сотрудник Института народов Азии АН СССР, к.и.н., буддолог. *Причём бандидо-хамбо*

³³ Государственный архив Читинской области (далее – ГА ЧО), ф. П-3, оп. 7, д. 189, л. 124.

³⁴ ГА РБ, ф. Р-1857, оп. 1, д. 33, л. 23.

³⁵ Далай-лама – духовный лидер тибетского народа.

³⁶ Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. Дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. С. 379–383.

³⁷ ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 126, л. 2–10.

³⁸ Хамбо-лама – титул главы некоторых региональных буддийских организаций.

лама всюду представляется как глава буддистов СССР, фактически же руководителем делегации будет являться С., его указания, рекомендации и распоряжения обязательны для Шарипова» (курсив мой. — А.Г.). Второй пункт указывал на необходимость координации работы на конгрессе исключительно с делегатами социалистических стран. Третий и четвёртый пункты определяли основные положения, которые должны были выдвигать и отстаивать члены советской делегации в беседах с участниками конгресса: отказ от гонки вооружений, программа всеобщего и полного разоружения, политика мирного сосуществования, ликвидация колониального гнёта. Кроме того, делегатам следовало обвинять военные блоки СЕАТО, СЕНТО и НАТО в обострении международного напряжения, разжигании холодной войны, а также проявлять инициативу в постановке вопроса о превращении Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана в безатомную зону, либо решительно поддерживать другие делегации в случае выдвижения ими данного предложения³⁹.

Однако не только делегация ЦДУБ использовала конгрессы буддистов как площадку для пропаганды своих ценностей. Там же активно действовал идеологический противник СССР — США. Во время работы таких конгрессов наблюдалась острая политическая борьба между двумя враждовавшими лагерями, и под влиянием США международный буддийский форум, по сути, превращался в филиал ООН для стран Азии, в том числе Юго-Восточной⁴⁰.

Холодная война, разделившая цивилизацию в глобальном противостоянии «социалистического лагеря» и государств «свободного мира», сходным образом расколола буддистов всех стран. Так, в противовес их «реакционным» международным организациям при непосредственном участии ЦДУБ в 1970 г. была создана «Азиатская буддийская конференция за мир» со штаб-квартирой в монастыре Гандантекчинлинг в Улан-Баторе, в «братской» социалистической Монгольской Народной Республике.

Пятый и шестой пункты инструкции определяли, каким образом давать отпор на все клеветнические наскоки на СССР и страны социалистического лагеря, «разоблачать все попытки, откуда бы они ни исходили, исказить и извратить решения советского правительства о возобновлении испытаний ядерного оружия». Предупредительно предлагалось, какую при этом использовать аргументацию (заведомо прилагавшуюся на двух листах). В седьмом и восьмом пунктах содержались требования к делегации: по прибытии она должна была выполнять все указания и рекомендации советского посольства, советоваться с ним и информировать его о собственных впечатлениях, а также руководствоваться в своих действиях интересами социалистической родины.

Симптоматично, что вопросы, непосредственно связанные с религией, содержались только в последних двух пунктах инструкции и касались исключительно пропагандистской риторики. В беседах члены делегации были обязаны рассеивать ложные представления оппонентов относительно свободы совести в СССР. Следовало придерживаться таких сентенций: в стране никогда не преследовали людей за религиозные убеждения, напротив, здесь всегда реализовывалась подлинная свобода совести и присутствовало равенство всех религий перед законом. Непременным элементом в публичной риторике делегации являлось присутствие тезисов о достижениях советского народа, в том числе бурят.

В целях создания имиджа СССР как веротерпимого государства его идеологический аппарат создавал специальные пропагандистские материалы, адресуя их зарубежным партнёрам. К примеру, по решению ЦК КПСС «О мероприятиях в связи с предстоящим VI Всемирным конгрессом буддистов» был подготовлен документальный фильм «Буддизм в СССР», озвученный на фран-

³⁹ ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 126, л. 4.

⁴⁰ Там же, д. 127, л. 86.

пузском и английском языках, а также издан фотоальбом о жизни советских буддистов небольшим тиражом – в 100 экз.⁴¹

О степени вмешательства государства и спецслужб в миротворческую деятельность буддистов свидетельствует и факт специального обращения Пузина в ЦК партии с просьбой разрешить отправить на форум ещё одного делегата: «Ц. – работника заинтересованной организации»⁴². Государственный контроль (как со стороны представителя СДРК, так и спецслужб) осуществлялся и в отношении деятельности хамбо-ламы. В данных обстоятельствах это лицо оказывалось просто заложником в этой совершенно непростой для него ситуации. Неслучайно в одном из текстов выступления главы буддистов, скорее всего отредактированном (неоднократно переправленном) или попросту написанном заинтересованными сторонними лицами, присутствовали фразы, дежурные для советско-партийного чиновника, но необычные для духовного лидера: «Я, как и многие другие, внимательно следил за ходом работы недавно закончившегося XXII съезда КПСС»⁴³.

Учитывая и очевидный пропагандистский заказ, и политическую заданность международных буддийских связей, верующие в то же время приобретали богатый духовный опыт, вступая в диалог с авторитетными духовными учителями. Международные контакты способствовали повышению авторитета местных лам. При этом следует отметить, что некоторые основополагающие принципы буддизма (например, принцип ахимса, т.е. поведение, способствующее уменьшению зла в мире, непричинение вреда всему живому) совершенно не противоречили миротворческим инициативам СССР.

Вероисповедная политика Советского государства

В силу внешнеполитического фактора на религиозную политику в регионе значительно влияло союзное руководство, сдерживавшее богоборческие инициативы местного аппарата. Подтверждение тому – фрагмент выступления 14 февраля 1961 г. на заседании СДРК его уполномоченного по Бурятской АССР: «О внешней деятельности ЦДУБ говорить не буду, т[ак] к[ак] она Совету хорошо известна. Только должен сказать мнение руководства республики о её нежелательности, с точки зрения внутреннего положения»⁴⁴. Образовалась парадоксальная ситуация: партийно-советскому истеблишменту Бурятии под нажимом Москвы приходилось «терпеть» как «политически нездоровый» ажиотаж, вызванный посещением иностранных делегаций, так и возрастающую активность буддистов в стране, практически победившей религиозное «мракобесие». В следующей цитате (из отчёта того же уполномоченного), на мой взгляд, отражена суть проблемы отношений «центра и региона»: «Говоря о трудностях в нашей работе, хочется остановиться на таком вопросе. Совет (по делам религий) требует неукоснительного выполнения советского законодательства о религии и не допускать администрирования над духовенством. А руководство республики, когда хочешь точно соблюдать законы, говорит, что “ты защищаешь служителей культов” (так было с запретом выездов лам в районы, с выездами такси в дацан и т.д.). Между тем в этом вопросе Совет занимает половинчатую позицию: он по некоторым вопросам не даёт конкретного указания в ту или иную сторону. В результате уполномоченный оказывается “между двух огней”»⁴⁵.

⁴¹ Там же, л. 51; о деятельности спецслужб в вероисповедной политике см. подробнее: Горбатов А.В. КГБ и религиозные организации в Сибири // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 128–132.

⁴² ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 127, л. 51.

⁴³ Там же, д. 126, л. 47.

⁴⁴ ГА РБ, ф. Р-1857, оп. 1, д. 24, л. 4.

⁴⁵ Там же, л. 11.

В то же время речь не идёт о каких-то идиллических отношениях религиозных организаций и власти. Также не стоит преувеличивать комплиментарность последней. Буддизм оказался институционально ограничен в рамках всего двух регионов СССР и двух зарегистрированных объединений. В реальности буддистских общин, готовых к легализации, было гораздо больше. В 1961 г., например, в СССР нелегально действовало 15 незарегистрированных буддийских объединений⁴⁶.

Богоборческий натиск конца 1950-х гг. (уже в период нахождения у власти Н.С. Хрущёва) непосредственно задел и организации буддистов. В 1958 г. в Тувинской автономной области была закрыта молельная юрта «по требованию местного населения»⁴⁷, затем её имущество передали в собственность местных колхозов, а принадлежавшие ей финансовые средства перевели в областной бюджет⁴⁸.

В 1957 г. областное руководство Читинской обл. отказало буддийской общине в открытии дацана в Цугуле на формальном основании: вблизи села располагалось воинское подразделение (полигон)⁴⁹ (на самом деле, на территории старейшего (1801) в Забайкальском крае монастыря – Цугольского дацана – ещё с 1932 г. дислоцировалась воинская часть). В итоге только в 1980 г. этот монастырь был объявлен памятником культуры, а в 1988 г. – возвращён верующим. В указанный период незарегистрированные общины и группы в Калмыкии и Иркутской обл., которые неформально поддерживали контакты с ЦДУБ и косвенным образом ему подчинялись, также официально прекратили существование.

По мере нарастания антирелигиозной кампании уполномоченный СДРК по Бурятии с одобрения местного начальства постоянно вмешивался во внутррелигиозную деятельность, например, запрещая зарегистрированным ламам выезжать в аймаки. Когда же ламы цитировали «Положение...» 1946 г. (где подтверждались их права на удовлетворение религиозных нужд верующего населения прихода как в храмах, так и домах самих верующих) и требовали его выполнения, религиозный куратор без церемоний говорил, что оно не имеет юридической силы. «Видимо, тогда с самого начала была допущена ошибка, – рассуждал уполномоченный, – тем не менее мы думаем придерживаться принятого решения и продолжать ограничивать “деятельность” лам в районах»⁵⁰. Примечательно, что в отчёте московскому руководству этот фрагмент собственного грубого нарушения религиозного законодательства чиновник предусмотрительно вычеркнул. Свои же намерения и реальные действия относительно буддистов он, естественно, скрывал от СДРК.

По отношению к верующим, существовавшим вне рамок, определённых государством, оно поступало бескомпромиссно. Непрерывно шла борьба с многочисленными степными (бродячими) ламами, которые тайно действовали в Бурятии, Читинской обл. и Туве. Государственная антирелигиозная политика привела к типичной ситуации, повторявшейся в истории многих конфессий: в местах, где присутствовала острая необходимость в удовлетворении религиозных потребностей, внеинституциональная культовая практика заменила институциональную. Так, в 1951 г. в Бурятии власти обнаружили 26 «бродячих» лам (некоторые из них считались хубилганами), в Туве – 32⁵¹. Они не задерживались на одном месте, перемещаясь из одного посёлка в другой. Так, «лама-шарлатан» Б. Дашеев в 1960 г. организовал под открытым небом на горе

⁴⁶ ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 4, д. 428, л. 8.

⁴⁷ ЦАДПОО ЦГА РТ, ф. 2, оп. 1, д. 769, л. 22; ГА РБ, ф. Р-1857, оп. 1, д. 208, л. 52.

⁴⁸ Монгуш М.В. История буддизма в Туве... С. 122.

⁴⁹ ГА ЧО, ф. П-3, оп. 3, д. 14, л. 1.

⁵⁰ ГА РБ, ф. Р-1857, оп. 1, д. 24, л. 10–11.

⁵¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 497, л. 62.

Бурин-Хан коллективное богослужение, в которое вовлѣк более 40 колхозников из артели. Молебствие, в ходе которого закололи трёх баранов в качестве жертв духу гор, закончилось коллективным распитием спиртных напитков и дракой, после чего большинство участников торжества несколько дней не выходили на работу. Организатора богослужения ожидал общественный суд, а затем — денежный штраф. Аналогичное наказание следовало, когда «степные ламы» самовольно открывали молельные дома. Как правило, через некоторое время власти обнаруживали ламу и незаконную постройку, затем организатора штрафовали и осуждали всем обществом. При этом молитвенный дом закрывали или изымали в пользу государства⁵².

Несмотря на антирелигиозную работу властей, процент верующих среди населения оставался высоким. Буряты постоянно обращались к ламам по всем вопросам, касавшимся духовной и повседневной жизни. Фиксировались случаи, когда буддисты в ультимативной форме требовали прибытия лам, насильственно задерживали их отъезд, а если те не соглашались, в ход шли оскорбления. По просьбам верующих, а иногда руководства хозяйств, адепты учения совершали молитвы и преподносили жертвоприношения духам местности за хороший урожай, благополучие колхозов, удачную зимовку колхозного скота и др. Эти богослужения постоянно посещали дети и молодѣжь. Согласно «Положению...», ламы обязывались постоянно проживать в дацане, однако это предписание в реальности часто не исполнялось. Ламы преклонного возраста, страдавшие различными недугами, по причине плохого качества воды (солончаковой) в дацане и отсутствия необходимого ухода нередко проживали в улусах у своих родственников. Уполномоченные по делам религиозных культов прилагали множество усилий (в том числе через руководство ЦДУБ) для упорядочивания передвижения лам по республике⁵³, однако эта проблема носила хронический характер.

Неизменной популярностью пользовались некогда связанные с шаманской практикой, а затем включѣнные в буддийскую обрядность культовые «святые места». Многочисленные «обо»⁵⁴ стихийно функционировали в регионах Восточной Сибири, где верующие собирались на моления и оставляли подношения «святым духам». Советский буддолог А.Н. Кочетов, отмечая успехи атеистической работы, всё же подчѣркивал, что «обряды на обо продолжают проводиться почти повсеместно»⁵⁵.

Растущая популярность ламаизма объяснялась также уникальной возможностью верующих бурят участвовать в совместных богослужениях во времена визитов иностранных буддийских делегаций. Только в СССР этим зарубежным религиозным деятелям предоставлялась возможность беспрепятственно выступать с проповедями при большом скоплении верующих в дацане. С тех пор распространилась практика организованных посещений буддийского храма гостями республики, участниками различных слѣтов, совещаний и семинаров. Население республики гордилось дацаном, его позиционировали посетителям в качестве элемента уникальной бурятской национальной культуры.

Итак, буддийская община была вынуждена функционировать, опираясь на юридические нормы, являвшиеся основой для решения политических задач Советского государства и осуществления им пропагандистских функций. Вероисповедная политика в СССР была дискриминационной относительно конфессии, однако в силу внешнеполитического фактора буддийская церковь получала некоторые преференции. По отношению к её зарегистрированным

⁵² ГА РБ, ф. Р-1857, оп. 1, д. 24, л. 8–9; д. 58, л. 1–2.

⁵³ Там же, д. 48, л. 4.

⁵⁴ Обо (от монг. «Овоо») — святилище, местопребывание духов-хозяев местности, в традиционной форме представляют собой кучи из камней или дерева, украшенные лентами.

⁵⁵ Кочетов А.Н. Ламаизм. М., 1973. С. 182.

объединениям проводилась менее интенсивная антирелигиозная политика, редкими были случаи конфликтных ситуаций, а также факты административного и уголовного преследований. Такие достаточно терпимые и устойчивые отношения (в рамках «Положения...» 1946 г. и с двумя дацанами в Забайкалье) законсервировались в неизменном состоянии вплоть до 1990-х гг.

ЦДУБ находилось под жёстким контролем государства и использовалось им в международной политике для пропаганды реализации в СССР свободы совести и осуществления связей с буддистами стран Юго-Восточной Азии и Японии, а также для продвижения собственных внешнеполитических инициатив. В силу указанных причин стоит отметить меньшую зависимость этого руководящего органа от местных властей и, соответственно, существенно большее влияние на него московского руководства и СДРК. Советское государство проявляло заинтересованность в существовании и внешне видимом преуспевании буддийской организации на востоке Сибири.

Атеистическая государственная политика на местах осложнялась тем, что население Восточной Сибири, ведущее традиционный образ жизни (занимавшееся земледелием и животноводством вне городских поселений), отождествляло свою этническую культуру с буддизмом, воспринимая его как данность. Развитию этноконфессионального самосознания и сохранению буддийской традиции также способствовали международные контакты верующих бурят.

Таким образом, в послевоенный период сформировалась своеобразная модель относительно толерантных отношений Советского государства и буддизма как института, которая базировалась на взаимовыгодных интересах и определялась внешнеполитическими обстоятельствами.

Последние дни Германской империи в донесениях советского полпреда Адольфа Иоффе (октябрь 1918 г.)

Александр Ватлин

The last days of German Empire in reports of the soviet ambassador Adolf Joffe (October 1918)

Alexander Vatlin
(*Lomonosov Moscow State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S086956870001573-8

Образ «другого» – один из самых популярных трендов современной историографии. Применительно к международным отношениям это был образ другой страны, её государственного строя, политики и культуры, на протяжении столетий формировавшийся профессионалами, будь то купцы и путешественники, шпионы и дипломаты. Лишь в XX в. решающую роль в данном процессе стали играть СМИ и не всегда подвластное им общественное мнение. Однако экспертные оценки не потеряли значимости. Дипломаты, благодаря постоянному пребыванию за рубежом и контактам с местными правящими элитами, обладают максимальным потенциалом для создания объективного и развёрнутого образа страны своего пребывания, который ложится затем в основу внешнеполитических решений. Дипломатическая переписка и по сей день остаётся одним из самых востребованных и «богатых» источников для работы историков, она содержит широкий спектр информации о внутренней политике и общественно-политическом климате в той или иной стране.

Это вдвойне справедливо применительно к периодам, когда посольства являлись единственным мостиком между двумя государствами, единственным каналом их взаимодействия. Такая ситуация сложилась в советско-германских отношениях после заключения Брестского мира.

Правительство большевиков было вынуждено принять «грабительские» условия немецкой военной в обмен на мирную передышку. Договор, подписанный 3 марта 1918 г., подразумевал «немедленное возобновление дипломатических и консульских сношений»¹, что стало первым шагом навстречу друг другу вчерашних противников в Первой мировой войне.

Назначение на пост чрезвычайного и полномочного представителя Советской России Адольфа Абрамовича Иоффе – одного из самых активных оппонентов главы советского правительства В.И. Ленина в период дискуссий о сепаратном мире с Германией – было выверенным тактическим шагом. Так Ленин давал сигнал о том, что время разброда и шатаний закончено, и в руководство партии вновь вернулось железное единство. Для правящих кругов Германии назначение Иоффе стало крайне неприятным сюрпризом, ибо озна-

---

© 2018 г. А.Ю. Ватлин

¹ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 1. М., 1968. С. 369.

чало: большевики сохраняли курс на всемерную поддержку европейской социалистической революции.

Неудачное для революционной пропаганды использование брестских переговоров, обернувшееся колоссальными геополитическими потерями для Советской России, многому научило Иоффе. Прибыв в Берлин в середине апреля 1918 г., он чувствовал себя уже не только революционером, но и государственным деятелем. Показательно, что персонал советского полпредства первым делом стал готовить приём для немецких левых социалистов, приуроченный к 1 Мая, и бороться за возвращение здания российского посольства на бульваре Унтер-ден-Линден, на которое претендовало и украинское представительство². Оказавшись «един в двух лицах», полпред олицетворял собой двойственный характер первого этапа внешней политики Советской России, сочетавшей отстаивание революционных идеалов и национальных интересов³.

Показателем этой двойственности стал тот факт, что донесения полпреда Иоффе из Берлина в Москву шли по двум каналам: оперативная информация направлялась в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР, а стратегические оценки и доклады о революционной работе давались им в личных письмах Ленину. Для доставки корреспонденции использовались курьеры, лишь осенью 1918 г. Иоффе получил возможность вести переговоры с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным по телеграфу. Использование находившегося в здании германского посольства в Москве аппарата Юза обеспечивало мгновенную доставку информации, однако не гарантировало секретности (часть записанных переговоров сохранилась только в архиве МИД ФРГ)⁴.

О деятельности советских дипломатов в Берлине в 1918 г. написано немало, однако её освещение ограничивается классическими сюжетами межгосударственных отношений⁵. В тени остаётся аналитическая работа полпредства, оказывавшая серьёзное влияние на формирование внешнеполитического курса советского правительства, а её революционная составляющая до сих пор окружена мифами и легендами. Их источником являются краткие воспоминания самого Иоффе о шести месяцах, проведённых на посту полпреда в Берлине, которые появились уже весной 1919 г.⁶ Превознесение собственной роли в подготовке германской революции должно было помочь его возвращению в ближайшее окружение Ленина. С тех пор уже без малого 100 лет тезис о том, что советское полпредство являлось катализатором революционных событий в Берлине, кочует по страницам известных исторических исследований⁷.

В настоящей статье будет представлен весь спектр информации о внутриполитическом положении Германии, который содержался в более чем десяти развёрнутых донесениях Иоффе, направленных в Москву в октябре 1918 г. То был последний месяц жизни империи Гогенцоллернов и работы советского

² РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 33, л. 95, 102–104.

³ См.: *Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: От революционного «западничества» к «национал-большевизму». Очерк истории. СПб., 2002. С. 43.

⁴ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin (далее – PAAA). R 20644. Телеграфные переговоры перехватывались немецкими властями начиная с августа 1918 г.

⁵ *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966; *Linke H.G.* Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Köln, 1970; *Rosenfeld G.* Sowjetrussland und Deutschland 1917–1922. Berlin, 1960.

⁶ *Иоффе А.* Германский пролетариат накануне революции // Вестник жизни. 1919. № 5. С. 32–34; *Иоффе А.* Германская революция и Российское посольство // Там же. С. 35–46.

⁷ «Иоффе вёл революционную работу с поразительной наглостью... Позднее, когда Германия уже распадалась, он начал ссужать деньги и поставлять оружие для разжигания возникших очагов социальной революции. Независимые социалисты превратились, по сути, в филиал Российской коммунистической партии и согласовывали свои действия с советским посольством» (*Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 298).

полпредства, высланного из Берлина 5 ноября 1918 г. Этот переломный момент германской истории сконцентрировал в себе такое количество событий, что Иоффе, по его собственному выражению, в октябрьские дни был вынужден работать за троих.

Нас будет интересовать прежде всего то, каким образом оперативный анализ текущих событий в Германии увязывался им с перспективой европейской революции, в близости которой советский дипломат не сомневался. Выделю три составляющих этого анализа: какой виделась Иоффе конфигурация международных отношений после ставшего очевидным поражения Германии в Первой мировой войне; насколько последнее могло изменить внутривосточную ситуацию, стать катализатором революционного взрыва в стране; какова была тактика немецких социалистов после возможного краха монархии (согласно образу действий самого полпреда и его сотрудников, чувствовавших себя посланцами «нового мира»).

Весной—летом 1918 г. Иоффе удалось наладить прочные контакты в правящих кругах Германии, включая военную элиту. Перед промышленниками и банкирами он неустанно рекламировал потенциал новой России как торгового партнёра и площадки для масштабных инвестиций. Частью «организованного отступления» советского правительства на международной арене стала подготовка дополнительного договора к Брестскому миру, который был подписан 27 августа 1918 г. и наложил на Россию репарационные платежи в 6 млрд марок⁸.

Если в своих первых донесениях из Берлина Иоффе писал о «полном господстве военной партии» в стране, обещаниям которой о достижении победного мира верили даже оппозиционные политики⁹, то к концу сентября тон его писем в Москву радикально изменился. Войска Германии откатывались к границам страны на Западном фронте, возглавляемая ею коалиция распалась. Полицейские власти удвоили слежку за зданием и персоналом советского полпредства, подозревая, что там находят укрытие и поддержку немецкие революционеры¹⁰.

Поставленный в этих условиях перед выбором — прямая военная диктатура или создание парламентского правительства — кайзер Вильгельм II был вынужден выбрать второй путь. Генерал-квартирмейстер (заместитель начальника кайзеровского генштаба) генерал пехоты Э. фон Людендорф получил отставку, формирование нового Кабинета министров было поручено принцу М. Баденскому, слывшему либералом. Это давало явный сигнал Антанте о готовности Германии к выходу из войны и уступкам будущим победителям. Соответствующую телеграмму сразу же направили президенту США В. Вильсону — он казался лидерам парламентских партий Германии оптимальным посредником для начала переговоров о мире.

2 октября 1918 г., накануне формирования нового правительства, Иоффе отправил в Москву шифровку о том, что «разгром Германии несомненен». На следующий день в развёрнутом донесении он пояснил, что понимает под этим не безвыходность военно-стратегического положения страны, а социально-политический кризис: «Немцы не желают более вести войны»; «смысл переживаемых событий укладывается в двух словах: армии нет. Есть толпа измученных людей, сдающихся в плен и бегущих с фронта»¹¹.

⁸ Петров Ю.А. Финансовый итог войны: Берлинское соглашение августа 1918 г. // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 952.

⁹ В первом докладе из Берлина Иоффе писал, что победы на Западе вскружили голову германским милитаристам, они «рассчитывают на сепаратный мир с Францией и в связи со всем этим их аппетиты невероятно возрастают» (РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 33, л. 96).

¹⁰ РААА, R 2037.

¹¹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2133, л. 132.

Переходя к анализу новой ситуации, сложившейся в стране, Иоффе верно подметил, что выбор правящих кругов в пользу либерализации был подчинён цели спасти монархию и задержать приход революции. В случае нажима со стороны Антанты Германия могла бы отказаться от Брестского договора, рассчитывая на более мягкие условия мира на Западе. Россия в таких условиях оказывалась разменной монетой в торге великих держав.

Главное внимание полпреда привлекали внутривнутриполитические последствия нового курса Германии: «Парламентское министерство, предлагающее мир и принимающее все требования противника, может задержать вспышку революции: армия и народ, жаждущие мира, сразу успокоятся, как только прекратится война»¹². Развал армии опережал радикализацию настроений в рабочей среде, социалисты продолжали надеяться на сочувствие Вильсона. Из этого Иоффе делал вывод о том, что перемены в стране могут ограничиться политической сферой, и лишь в условиях послевоенного экономического кризиса перерасти в социальную революцию.

В новых условиях революционер в душе полпреда одерживал верх над дипломатом. Информировав Москву о нерешительности левых сил, он заявил о готовности «через головы этих псевдо-революционеров обращаться к немецким массам», но тут же спохватился: «Я увлёкся и забыл, что пишу правительству, а не цека партии. Цека партии своё дело знает, я как член его — тоже. Возвращаюсь к дипломатии»¹³. По иронии судьбы в тот же день, когда он писал в Москву о своих внутренних метаниях, там состоялось заседание ВЦИК, посвящённое выработке нового курса по отношению к Германии. Оно было созвано по инициативе Ленина, только что оправившегося от покушения. Сообщения телеграфных агентств из Германии Ленин интерпретировал в радикальном духе, весьма отличавшемся от осторожности Иоффе: страна находится на стартовом рубеже революции, и мы должны помочь её сторонникам сделать решающий шаг вперёд. 1 октября 1918 г. он писал председателю ВЦИК Я.М. Свердлову и нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкому: «Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с ней надо считаться, как с событием дней ближайших... Все умрём за то, чтобы помочь немецким рабочим в деле движения вперёд начавшейся в Германии революции»¹⁴.

В числе первоочередных мер Ленин требовал готовить запасы хлеба для отправки в Германию и создать к весне трёхмиллионную Красную армию, которая могла бы прийти на помощь немецким рабочим. Резолюция ВЦИК, принятая на основе ленинского письма, указывала на исторический характер произошедшего поворота, поставив его в один ряд с захватом власти большевиками¹⁵. «Сейчас, как и в октябре прошлого года, — писала “Правда”, — как и в период брест-литовских переговоров, советская власть всю свою политику строит в предвидении социальной революции в обоих лагерях империализма»¹⁶.

Публикуя и комментируя стенограмму заседания ВЦИК, советские газеты подчёркивали новую установку — больше никаких уступок германской буржуазии, ибо дни её сочтены. Брестский мир стал тяжёлым испытанием для новой России, но в его «ужасающих условиях мы ни на минуту не видели последнего слова истории». И теперь, когда германская и европейская революция уже не за горами, «мы отстаем всякую мысль о каком бы то ни было сближении с империалистами соглашения (Антанты. — А.В.) в целях изменения брест-литов-

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 133.

¹⁴ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 50. С. 185, 186.

¹⁵ Подробнее о предыстории и последствиях заседания ВЦИК 3 октября 1918 г. см.: Ватлин А.Ю. Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 72–82.

¹⁶ Цит. по: Правда. 1918. 4 октября.

ского договора». Любой компромисс с классовым врагом ради обеспечения выгодных внешнеполитических позиций Советской России после завершения мировой войны будет предательством европейского пролетариата, утверждали лидеры РКП(б).

Большевистская партия возвращалась к своим стратегическим целям, линия фронта в мировом противостоянии с капиталом выпрямлялась, и Ленин имел основания рассчитывать на то, что такой поворот вызовет прилив энтузиазма у его российских сторонников. Но весь пафос резолюции ВЦИК был обращён к немецким рабочим и солдатам: «Мы говорим нашим германским братьям: протяните руку к власти, и наши силы будут вашими силами, наши средства будут вашими, наш хлеб будет вашим хлебом»¹⁷.

Ещё не зная о столь радикальном повороте Москвы, Иоффе предлагал вести иную, более осторожную политику в условиях, когда «революция германская, быть может, опять отодвигается, а соглашение империалистов, несомненно, приближается». Независимые социалисты, приходившие к нему на приём, призывали Советскую Россию искать защиты у американского президента («Вильсон у них популярнее Маркса»), ибо выстоять против объединённых сил Антанты она не сможет. «К Вильсону обращаться не следует», считал Иоффе, «но если дело дойдёт до мирного конгресса, следует решительно потребовать нашего участия в нём», использовать его трибуну для революционной пропаганды ещё более активно, чем в Бресте («вопить на весь пролетарский мир»)¹⁸.

Такой подход прямо противоречил установке Ленина на отказ от какого-либо сближения с Антантой. Складывается впечатление, что неудачная оппозиция Иоффе Брестскому миру продолжала оставаться для него незаживающей раной, и к этому сюжету он обращался постоянно, пытаясь реабилитировать своё недавнее фиаско. «Я хотел бы напомнить, — писал Иоффе Ленину 19 октября, — что говорил в Брестские времена, т.е. что, делая ставку на мировую революцию, мы вовсе не давали зарока, что первой на Западе должна быть революция в Германии. Тогда мы, по-моему, сделали ошибку, отдавая слишком малое внимание революционизированию Антанты (в частности, отклонив моё предложение в перерыве Брестских переговоров отправить меня с той же декларацией в Париж или Лондон, для того чтобы потребовать там таких же, как с немцами, переговоров), теперь мы, по-моему, повторим ту же ошибку, если, гипнотизированные близостью пролетарской революции в Германии и Австрии (что ещё не так близко, как думают в Москве), откажемся использовать нашу международную роль и значение»¹⁹.

Иоффе, знакомый с ситуацией в Берлине не понаслышке, резко выступил против ленинской безальтернативности, представленной в резолюции ВЦИК 3 октября. Он писал в Москву, что о революционном перевороте в Германии пока ещё нельзя говорить, как о свершившемся факте: «Боюсь, что Вы и с революцией хватили через край. Подобно тому, как из Бреста мне приходилось поливать вас холодной водой и писать, что революция ещё даже не началась, мне теперь тоже приходится уговаривать Вас, что хотя она, несомненно, уже началась, она развивается гораздо медленнее, чем это для нас желательно»²⁰. Превратившись за один год из пропагандиста-подпольщика в высокопоставленного дипломата, Иоффе стал оппонировать Ленину справа, хотя и не решился на сей раз вынести спор на трибуну партийной дискуссии.

¹⁷ Выступление Л.Д. Троцкого на заседании ВЦИК 3 октября 1918 г. // Правда. 1918. 5 октября.

¹⁸ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2133, л. 133.

¹⁹ Там же, д. 2134, л. 26.

²⁰ Там же, д. 2133, л. 143.

В отличие от кремлёвских пропагандистов, провозглашавших: «Мы теперь не Московия и не Соведепия, а авангард мировой революции»²¹, полпреду пришлось реагировать на протесты правящих кругов и усиление антисоветской кампании в прессе. «Доброжелатели» из числа немецких чиновников убеждали Иоффе, что резолюция 3 октября настроила против новой России даже социалистов и пролетариев²². В целом она была расценена в Германии как ультиматум, подводивший черту под брестским отступлением большевиков.

9 октября полпреда посетил Р. Надольный, отвечавший в германском МИД за отношения с Россией. Он обвинил советских дипломатов в нарушении второго пункта Брестского мира и объявил, что Германия приостанавливает поставки оружия России («Как же, мол, германское правительство может вооружать армию, которая готовится против нас», — пересказывал Иоффе слова Надольного)²³. По неофициальным каналам работникам полпредства стали поступать предупреждения о его закрытии в самое ближайшее время. Ввиду этого Иоффе умолял Ленина избегать слишком резкого тона в советской прессе, недвусмысленно указывая на полемические статьи К. Радека и других глашатаев большевистской диктатуры. Позиции военных ещё достаточно сильны, и они воспользуются любым шансом, «чтобы нас свалить». Это не остановит мировую революцию, заканчивал Иоффе письмо от 10 октября, но может поставить точку в революции российской.

Сразу после получения резолюции ВЦИК советский полпред активизировал свои контакты с немецкими левыми социалистами, объединившимися в Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ). Эта партия имела собственную фракцию в рейхстаге, и в её состав входила группа «Спартак», находившаяся на крайне левом фланге. На протяжении всего периода своего пребывания в Берлине Иоффе оказывал активистам НСДПГ всестороннюю поддержку, снабжал их информацией о положении дел в Советской России и финансировал партийную прессу. Однако за исключением «спартаковцев» партия так и не встала на позицию безусловной поддержки советского правительства. Более того, такие лидеры НСДПГ, как К. Каутский, пришли к выводу о том, что режим большевиков не имеет ничего общего с диктатурой пролетариата в её марксистском понимании.

Донесения из Берлина показывают, что Иоффе предвидел неизбежный разрыв с независимцами, считая их слабохарактерными пацифистами, с которыми приходится ежедневно «нянчиться». В его представлении единственным мотором социальных преобразований в Германии могла быть только партия профессиональных революционеров, выкованная по образцу РКП(б), и её отсутствие он называл в своих письмах главной причиной «запаздывания революции» в стране²⁴.

Общение с лидерами НСДПГ приводило Иоффе в отчаяние, которое он не скрывал от Ленина и Чичерина. По его словам, независимцев волновало только скорейшее заключение мира. Вопросы о захвате власти они ставить не хотели и не могли. Они отказывались заниматься подпольной работой, «даже на вооружение не соглашаются брать больше, нежели брали». Только «спартаковцы» с должным пиететом внимали словам полпреда, предпочитая не спорить с человеком, олицетворявшим для них победоносную пролетарскую революцию.

²¹ Речь Карла Радека на митинге завода Михельсона // Правда. 1918. 6 октября.

²² РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 15 об.

²³ Там же, д. 2133, л. 144.

²⁴ Сообщая в Москву о развале армии и открытии Западного фронта, полпред сокрушался, что «всё это происходит при более или менее мертвенном спокойствии в стране, даже в среде пролетариата, и ещё большая беда, что нет партии, которая сумела бы постоянно революционизировать массы и использовала бы все ошибки правительства и правящих партий» (Там же, д. 2134, л. 22).

Чем жёстче было давление на лидеров НСДПГ, тем активнее они сопротивлялись, отказываясь сотрудничать с советским полпредством даже в тактических вопросах. Иоффе писал в Москву, что легально опубликовать резолюцию ВЦИК от 3 октября помешала военная цензура. «Я уговаривал независимцев огласить резолюцию в рейхстаге, но они отклонили с той мотивировкой, что там слишком оптимистические обещания войск и продовольствия, которых мы выполнить не можем». Это вызвало гневную отповедь полпреда: «Вообще независимцы очень плохи, правое крыло надеется на Вильсона, а не на революцию, а левое говорит о революции, но неспособно её делать»²⁵.

Развитие международной ситуации после выхода Германии из войны Иоффе представлял себе как игру на опережение: Антанта будет занимать своими войсками те области исторической России, которые ранее находились под немецкой оккупацией. «Весь вопрос сведётся к тому, что произойдёт, скорее, переход революции на Запад или её подавление на Востоке. Наша политика должна быть прежняя: ставка на мировую революцию, но теперь она может стать гораздо более явно революционной, как в Бресте»²⁶, — писал Иоффе Ленину и Чичерину 7 октября.

Обращение к рабочим стран Антанты через головы их правительств остаётся главным внешнеполитическим ресурсом большевиков, считал полпред, имея в виду то, как будут разворачиваться боевые действия на новом этапе Гражданской войны в России. В частности он отмечал: «Если в ближайшее время английский флот выйдет в Чёрное море, а наш флот, который целиком находится в германских руках, ему никакого противодействия оказывать не будет, если произойдут английские десанты на Дону и на Украине, и смешанные англо-французско-казацко-украинско-белогвардейские войска пойдут на Москву, даже без помощи германских, но и без противодействия с их стороны, — то ещё вопрос, сможем ли мы сопротивляться до тех пор, пока подоспел Германская и Австрийская революции. Конечно, в этих боях с нами будут “разлагаться” и казаки, и украинцы, и белогвардейцы и, несомненно, что революционное настроение там будет перекидываться на германские и австрийские части, — но весь вопрос в том, сколько мы сможем выдержать, и как скоро будет двигаться революция с Востока на Запад»²⁷.

В отличие от Иоффе, который всё ещё сохранял веру в могущество революционной пропаганды, Ленин за год пребывания у власти понял, что доверять можно только мощи силовых структур. Он резко отреагировал на предложение члена Президиума ВЦИК Л.Б. Каменева продолжить дипломатическую игру с победителями: «Наша действительность изменилась, ибо если Германия побита, то становится невозможным лавирование, ибо нет 2-х воюющих, между которыми лавировали мы!! Attention. Англия слопает, если не... Красная армия»²⁸. Мысль о том, что только сильная армия является залогом победы над «всемирным империализмом», неоднократно повторялась в публичных выступлениях Ленина осенью 1918 г.²⁹

Опытный политик Иоффе почувствовал, что новый курс в Кремле обесценивает дипломатическую составляющую его деятельности в Берлине, следовательно, понижает его место в иерархии высшего эшелона РКП(б). Соглашаясь с необходимостью сделать ставку на революционную работу, он пытался убедить Ленина, что без дипломатии не обойтись и в новых условиях, «ибо вместе с *развязыванием* (здесь и далее выделено Иоффе. — *А.В.*) революции необходимо ещё и удерживать германский натиск на нас». Полпред писал:

²⁵ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 13.

²⁶ Там же, л. 14.

²⁷ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 27.

²⁸ Отточие в последнем предложении сделано Лениным (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. С. 185).

²⁹ Там же. Т. 37. С. 125.

«Вы несомненно переоцениваете близость германской революции», а мне в это время приходится улаживать мелкие дипломатические конфликты, опираясь на «хорошие отношения со всею здешней мерзостью»³⁰.

Ленин счёл необходимым ответить на доводы своего оппонента в Берлине: после ставшего очевидным поражения Германии главным для судеб нашей революции является уже не «дипломатничанье», а то, «успеет ли Антанта высадиться в Чёрном море большой силой»³¹. В заочной дискуссии с вождём полпреду пришлось оправдываться: он не предлагает идти на поклон к Антанте и ставить перед ней вопрос о пересмотре Брестского мира, но настаивает на том, что участие в мирном конгрессе даст большевикам уникальную возможность революционной агитации³².

Следует отметить, что на аргументы Иоффе обратил внимание Ленин. Он согласился с мнением Наркомата иностранных дел, что следует направить ноту президенту Вильсону, предложив обсудить условия участия Советской России в международной конференции по итогам Первой мировой войны. Предложения Ленина не оставляли сомнений в агитационной направленности данного предложения: «Составить архиобстоятельно, вежливо, но ядовито», преследуя цель «раскрыть глаза народам» на империалистическую политику³³. Нота, составленная Чичериным и отправленная Вильсону 24 октября 1918 г., даже превосходила ленинские установки, являясь, по сути, каталогом претензий к президенту США как выразителю классовых интересов мировой буржуазии³⁴. После её появления вопрос о содержательных переговорах между Советской Россией и странами Антанты был окончательно снят с повестки дня.

Германия, напротив, шла на всё новые уступки в ходе продолжавшегося обмена нотами с президентом США. 16 октября Вильсон потребовал от немецких властей покончить с «властью произвола» до начала прямых переговоров о мире. Иоффе сообщал в Москву, что на общественное мнение страны это требование произвело эффект разорвавшейся бомбы, породив очередную патриотическую волну³⁵. В такой обстановке консервативная часть правящих кругов Германии вновь обратила внимание на Восток, и советское полпредство на какой-то момент вышло из информационной изоляции. Иоффе уклонялся от прямого ответа на вопрос, готовы ли Россия и Германия вместе противостоять Антанте, продолжая раздавать обнадеживающие обещания: союз двух стран «невозможен до тех пор, пока в Германии империалистическое правительство, но Россия никогда не станет на сторону Антанты и по-прежнему, поскольку возможно, готова подкармливать немцев»³⁶.

Не последнюю роль в планах Германии по выходу из войны играло предложение своих услуг странам Антанты для того, чтобы задушить Советскую Россию и тем самым получить достаточно мягкие условия мира. Такую позицию, по сообщениям Иоффе в Москву, отстаивали представители СДПГ в правительстве Макса Баденского. Мнение полпреда тиражировала советская пресса: «Если в Германии удержится коалиционное правительство», оно с благословения «социалиста» Ф. Шейдемана охотно выдаст русскую революцию господам «союзным» империалистам³⁷.

³⁰ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 15, 19.

³¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 195.

³² РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 28.

³³ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 188.

³⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 531–539.

³⁵ Ответ Вильсона «несколько перегнул палку и опять в стране возникает опасность создания патриотического настроения “Отечество в опасности”. Я не считаю исключённой эту опасность, особенно если Антанта будет слишком нахальной, а Германия будет продолжать свою несомненно умную внутреннюю политику» (РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 21).

³⁶ Там же, л. 18.

³⁷ Украина, Германия, Россия // Правда. 1918. 13 октября.

В то время как правые социал-демократы были изначально списаны со счетов в качестве предателей рабочего класса и законченных оппортунистов (Иоффе во время пребывания в Берлине всячески избегал контактов с лидерами СДПГ³⁸), лидерам НСДПГ вменялись в вину бесхарактерность и трусость. «Независимцы принимают хорошие резолюции, но, несомненно, сдадутся в решительный момент, — сообщал Иоффе. — Они дефетисты *par excellence* и ничего, собственно говоря, кроме мира не хотят, и тут гораздо больше рассчитывают на Вильсона, нежели на революцию и на самостоятельность собственного пролетариата»³⁹.

В резолюции ВЦИК, призвавшей всеми силами помочь германской революции, предлагались меры, не выходившие за пределы Советской России. В своих записках в Берлин Ленин требовал от полпреда немедленных действий на революционном фронте, хотя и не предлагал конкретных решений⁴⁰. Почувствовав полную свободу рук, понимая, что в Москве ждут от Германии повторения российского Октября, Иоффе многократно усилил революционную составляющую своей работы. Не имея возможности напрямую обратиться к трудящимся массам, он сосредоточил усилия на выработке нового для левых социалистов курса, нацеленного на максимальную конфронтацию с монархией Гогенцоллернов.

Ближайшей целью этого курса стала «раскачка» инертных и неповоротливых немецких рабочих, всё ещё веривших социал-демократии большинства. Иоффе настаивал, что «теперь главным основанием тактики должно быть провоцирование правительства». «Я предлагал им взять в своей прессе гораздо более резкий тон, провоцируя на преследование её, устраивать собрания, провоцируя закрытие их, выступать на них очень резко, провоцируя аресты ораторов и, наконец, устраивать демонстрации, провоцируя столкновения с полицией. Всё это принято ими, но в жизнь ещё не проводится», — сообщал он Ленину 19 октября о своих беседах со «спартаковцами», заметив попутно, что «я ещё не знаю, одобряете ли Вы эту точку зрения»⁴¹.

Полпред явно забегал вперёд, конструируя в письмах ситуацию полного хаоса и безвластия в Германии, аналогичную той, что сложилась в России накануне Октябрьского переворота. Последний являлся для большевиков мерой всех вещей. Иоффе уверял своих немецких соратников, что назревающая революция может быть только социальной, и для её победы необходимо создать партию профессиональных революционеров по большевистскому образцу. В практическом плане это подразумевало стимулирование организационного раскола внутри НСДПГ.

Однако на практике немецкие социалисты оттягивали этот шаг до последнего. В ходе подготовки политической демонстрации в Берлине, назначенной на 16 октября, независимцы отказались выпустить воззвание от имени своей партии, мотивируя это тем, что часть её руководства была арестована. Воспользовавшись этим, Иоффе настоял на скорейшем проведении особой конференции «спартаковцев». Она состоялась 12–13 октября 1918 г. в Берлине, но из конспиративных соображений советская пресса называла дату неделей раньше. В качестве места её проведения упоминались тюрингские города Эрфурт и Гота, хотя на самом деле конференция состоялась в помещении советского те-

³⁸ Иоффе А. Германская революция... С. 37.

³⁹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 15 об.—16.

⁴⁰ «*Soyons fortes et accelerons la revolution in Allemagne. Иного выбора нет*», — писал он Иоффе 18 октября (РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 7265, л. 1). Эта фраза не вошла в ПСС Ленина (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. С. 195).

⁴¹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 23.

леграфного агентства «РОСТА», где работал один из лидеров группы «Спартак» Э. Майер⁴².

Ввиду плотной полицейской слежки за персоналом полпредства Иоффе не принимал непосредственного участия в конференции. Можно предположить, что накануне её организаторы обсуждали с ним проекты итоговых документов, и те подверглись правке в сторону крайнего радикализма. «С большим трудом мне удалось добиться их согласия подписать прокламацию, которую я написал», — сообщил Иоффе Ленину об итогах «спартаковской» конференции в характерной для себя манере, превознося собственную роль в событиях, которые, как он считал, способны изменить ход истории⁴³.

17 октября Иоффе одобрил публикацию материалов конференции в советской прессе. Уже на следующий день Ленин написал письмо членам группы «Спартак» «с надеждой на то, что в ближайшем времени можно будет приветствовать победу пролетарской революции в Германии»⁴⁴. В тот же день в «Правде» появились первые сообщения о конференции, подававшие её как событие исторического значения: «Немецкие социал-демократы-интернационалисты... образуют в Германии коммунистическую партию»⁴⁵. Публикация итоговых документов конференции показала, что о создании партии говорить было ещё рано, хотя в своих решениях под давлением советского полпреда «спартаковцы» взяли более радикальный тон, чем ранее.

Противоречивые сообщения из Берлина попытался свести воедино Радек. В полемическом «шпагате» он утверждал, что конференция «положила основание» Германской компартии, которая, однако, не может считаться созданной, пока её признанные лидеры сидят в тюрьмах, а среди оставшихся на свободе «пока ещё берёт всё-таки верх стремление оставаться вместе с независимыми»⁴⁶. Выдавая желаемое за действительное, Радек называл левых деятелей рабочего движения «немецкими большевиками», из рядов которых «выйдут в будущем руководители рабочего германского государства». Иоффе, находившийся в тот момент в плотном контакте с немецкими соратниками, избегал раздавать в своих письмах из Берлина столь далеко идущие авансы.

О демонстрации, проведённой левыми социалистами 16 октября 1918 г. у стен рейхстага (в тот день возобновившего работу), полпред написал Ленину уже после того, как о ней появились сообщения в советской прессе. В отличие от её восторженных оценок (демонстранты вступили в столкновение с полицией, прорвались к королевскому замку, проходя мимо здания полпредства, приветствовали этот символ русской революции) Иоффе был вынужден признать, что первый блин вышел комом. Из-за того, что ни руководство НСДПГ, ни группа «Спартак» не подписались под призывом к демонстрации, она собрала всего несколько сотен рабочих и, «во всяком случае, производила жалкое впечатление».

Ещё большую роль сыграло негативное отношение к массовой акции членов Революционного совета заводских старост Берлина — организации, действовавшей в глубоком подполье. Иоффе так изложил аргументы её лидеров: «Своё несогласие принять демонстрацию они мотивировали двояко: во 1) по их словам массовое настроение среди рабочих — выжидательное в связи с мирной оффензивой и их жадной мира, во 2) среди рабочих господствует убеждение,

---

⁴² *Luban O.* Neue Forschungsergebnisse über die Spartakuskonferenz im Oktober 1918 // Die Novemberrevolution 1918/19 in Deutschland. Für bürgerliche und sozialistische Demokratie. Allgemeine, regionale und biographische Aspekte. Beiträge zum 90. Jahrestag der Revolution. Berlin, 2009. S. 68–78.

⁴³ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 16.

⁴⁴ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. С. 195–196.

⁴⁵ *Мещеряков Н.* Этапы германской революции // Правда. 1918. 18 октября.

⁴⁶ *Радек К.* Коммунистическая партия в Германии // Там же. 23 октября.

что на демонстрацию надо идти вооружёнными и не заниматься теперь “пустяками”»⁴⁷.

В последующие две недели социально-политический конфликт в стране резко обострился, даже социал-демократы большинства с каждым днём брали всё более жёсткий тон в своих переговорах с властями⁴⁸. Под давлением слева правительство шло на уступки. Так, был выпущен из тюрьмы лидер группы «Спартак» К. Либкнехт. Слабость и колебания «верхов» только подстёгивали энергию и решимость «низов». Письмо Ленину от 19 октября стало последним, где Иоффе дал развёрнутую оценку революционной ситуации в Германии. Вероятно, это было следствием громкой кампании в берлинской прессе, которая изображала советское полпредство «гнездом революционных заговорщиков».

«Если я в своей работе раньше мог опираться на общественное мнение, чтобы несколько облегчить нажим правительства, — сообщал полпред, — то теперь наоборот, правительство лучше ко мне относится, нежели буржуазия, которая из боязни большевизма готова объединиться, помириться и согласиться с кем угодно, только бы против нас»⁴⁹. Берлинские обыватели передавали друг другу невероятные слухи о тоннах взрывчатки, хранившейся в подвале полпредства, и о миллионах рейхсмарок, которые раздавались «спартаковцам» и прочим «террористам». Сотрудники полпредства неоднократно получали «доверительную информацию» о том, что полицейские власти готовят против них масштабную провокацию.

Сам Иоффе в последних письмах ссылался на невероятно выросшую загруженность. Помимо подготовки развёрнутых политических отчётов, которые осенью отправлялись в Москву несколько раз в неделю, он постоянно встречался с представителями обоих течений в правящей верхушке Германии — сторонниками скорейшего соглашения с Антантой и приверженцами войны до победного конца, пусть даже в союзе с Советской Россией. Последние, которых полпред не без сарказма называл «оптимистами», представляли консервативную часть политического спектра. К их числу принадлежало и большинство высших военных, всё ещё убеждавших кайзера, что германская армия сможет продержаться на Западном фронте до весны 1919 г.

Иоффе писал Ленину и Чичерину 17 октября 1918 г.: «Рассуждают эти оптимисты приблизительно так: большевики не могут не понять, что при заключении всеобщего мира Антанта с ещё большей энергией пойдёт против них и что Германия даже против своей воли неизбежно будет втянута в этот крестовый поход против большевизма, следовательно, большевики искренне заинтересованы в том, чтобы Германия продолжала войну с Антантой, а так как они и сами ведут с ней войну, то возможна и необходима взаимная поддержка»⁵⁰. Тезис Иоффе о наличии двух течений в правящей элите Германии почти дословно повторил Ленин, выступая на объединённом заседании ВЦИК и Московского Совета фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г.⁵¹

Идея союза России и Германии против ведущих держав Запада под лозунгом социального или политического реванша будет занимать правящие круги обеих стран на протяжении всего межвоенного периода. Осенью 1918 г. Ленин резко высказался против любого сближения с Антантой, очевидно, не без сопротивления в рядах собственного окружения. Внешне соглашаясь с вождём, Иоффе в переписке с ним «чужими устами» пытался изложить одну из возмож-

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 24.

⁴⁸ См.: Шейдеман Ф. Крушение германской империи. М.; Пг., 1923. С. 244–254.

⁴⁹ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 58.

⁵⁰ Там же, л. 49.

⁵¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 119.

ных внешнеполитических комбинаций, которую в последующие годы назвали «союзом париив Версаля».

В реалиях осени 1918 г. расчёты на такой союз выглядели не более чем «фантазией», как справедливо отмечал Иоффе: и доминирующая часть германской элиты, и государства, возникшие на обломках Российской империи, в первый же удобный момент перевернутся на сторону сильнейшего. Последующие события подтвердили его вывод о том, что «немцы если прямо не сговорились с Антантой в России, то, во всяком случае, скорее готовы увидеть там её полную победу, нежели нашу, то есть наше распространение до их границ»⁵².

Правда, не всегда классовый анализ возникавшей системы международных отношений оказывался исчерпывающим и безупречным. Порой в переписке с Москвой он сводился к расхожим фразам: «объединение империалистов против нас происходит с кинематографической быстротой», массы социал-демократических рабочих пока ещё находятся на стороне контрреволюции и т.п.⁵³ В дополнение к этому любые геополитические построения советского полпреда, обращённые в будущее, основывались на уверенности в близкой мировой революции пролетариата, что придавало им оттенок фатализма.

Сам полпред постепенно пришёл к пониманию того, что такой подход (уже однажды продемонстрированный советской делегацией во время переговоров в Бресте) чреват серьёзными потерями в отстаивании государственных интересов. Однако до самого последнего дня своего пребывания в Германии он пытался совмещать в повседневной работе и то, и другое, отдавая себе отчёт в том, что долго продержаться в таком дипломатически-революционном «шпагате» ему не удастся. 24 октября 1918 г. Иоффе объяснил это Ленину и Чичерину на конкретном примере: «Если бы я вчера вышел на балкон с речью, когда демонстранты притащили сюда Либкнехта, я переборщил бы, ибо меня, наверное, выслали бы, но если бы я сегодня не устроил празднества в честь Либкнехта у себя в посольстве, я согрешил бы в другом отношении»⁵⁴.

В последние дни октября разрыв дипломатических отношений воспринимался обеими сторонами как давно решённое дело. Балансируя на кончике иглы, полпред Иоффе делал ставку на выигрыш времени, рассчитывая, что революция в Германии в любой момент сможет обогнать кайзеровских чиновников. Следовательно, писал он, «помимо революционной работы необходимо ещё здесь дипломатничать», т.е. продолжать маневрировать и уходить от обзвывающих заявлений. Германское правительство в первую очередь волновал вопрос о том, когда Россия объявит о денонсации Брестского мира.

В зависимости от поступающих сообщений о положении на Западном фронте полпред колебался в вопросе об уплате третьего репарационного взноса, на котором настаивала немецкая сторона, считая это символом сохранения договорных отношений. Здесь советская дипломатия находилась в состоянии цугцванга: в случае уплаты Советская Россия оставалась для европейских держав пособником Германии, а в случае отказа — теряла авторитет среди германских и австрийских рабочих (которые подумают, писал Иоффе, что Россия перешла на сторону сильнейшего).

Впрочем, в таком же положении находились и правители стран Антанты, колебавшиеся между установкой на жёсткий мир с Германией по типу Брестского и следованием умеренной линии, предложенной президентом США Вильсоном. Если бы в начале ноября 1918 г. «Британия и Франция представляли, сколь близка к распаду была Германия, то могли бы с лёгкостью нарушить планы Вильсона. Революционная волна окончательно лишила Германию

⁵² АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 60.

⁵³ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2133, л. 169–170.

⁵⁴ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 74.

способности противостоять их дальнейшему военному продвижению»⁵⁵. Этот тезис, ставший общим местом в научных трудах, появившихся к столетию начала Первой мировой войны, для её современников не был столь очевиден.

Донесения полпреда Иоффе, сдерживавшие в октябре 1918 г. революционную энергию Ленина, уберегли в тот момент Советскую Россию от непродуманных действий, основанных на следовании принципу пролетарского интернационализма. Политическая деятельность советского полпредства в Берлине являлась важной составной частью того балансирования между Антантой и Германией, между правительствами мировых держав и противостоявшими им социальными силами, которое характеризовало внешнюю политику большевиков в первый год их нахождения у власти.

Можно только предполагать, как повёл бы себя Иоффе, если бы застал в Берлине начало германской революции. Государственная машина кайзеровской империи нанесла упреждающий удар: устроив провокацию, она добилась высылки советского полпредства. Его персонал, не получив и суток на сборы, в ночь с 5 на 6 ноября 1918 г. под полицейским конвоем был размещён в особом поезде, который тут же начал движение на Восток. Первый отрезок советско-германских отношений завершился. Его символами стали не только перемирие на Восточном фронте и Брестский мир, но и советское полпредство в Берлине.

В заключение – ответы на вопросы, поставленные в начале статьи. В оценках новой конфигурации международных отношений Иоффе исходил из доктринальной веры в близость мировой пролетарской революции, хотя в практической работе отстаивал государственные интересы Советской России. Осенью 1918 г. он одновременно информировал Москву о «подстёгивании» немецких левых социалистов к решительным действиям и настаивал на участии советских дипломатов в международной конференции по итогам Первой мировой войны. В первом случае речь шла о раскачивании внутривосточной ситуации в Германии, пусть даже ценой разрыва отношений между двумя странами, во втором – об использовании всех средств дипломатии («дипломатничанья», как едко заметил Ленин) для того, чтобы удержать Антанту от прямой интервенции в Россию, исход которой не сулил для последней ничего хорошего.

Такая стратегия имела мало общего с общепринятой практикой отстаивания национальных интересов, скорее напоминала азартную игру на опережение. Вопрос стоял так: либо германская революция и война двух пролетарских государств с политическим Западом, либо наступление Антанты на Восток при косвенной поддержке враждебного России берлинского правительства. Последнее напоминало обстановку весны 1918 г., когда большевики оказались одни перед наступавшей на Петроград германской армией. Именно к этой ситуации отсылал Иоффе своих адресатов, вначале осторожно намекая на возможность договориться с Антантой, а потом, после жёсткой критики из Москвы, настаивая на том, что участие России в мирной конференции было бы оптимальной трибуной для международной агитации большевиков.

Позиция Ленина, оформившаяся в последние дни сентября 1918 г., была бескомпромиссной: никакого сближения с Антантой, курс на открытый разрыв с кайзеровской Германией и максимальная поддержка революционных сил в этой стране. Следует отметить, что обе составляющие этой поддержки, озвученные в резолюции ВЦИК 3 октября, – максимальная концентрация хлеба в руках государства и создание массовой Красной армии – способствовали укреплению диктатуры большевиков в самой России. Осенью 1918 г. Иоффе сохранял верность линии «ни мира ни войны», считая (как и Троцкий во время

---

⁵⁵ Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М., 2017. С. 294.

брестских дискуссий), что затягивание дипломатических переговоров «заморозит» международную ситуацию до тех пор, пока левые силы Европы наконец-то решатся на развязывание революций в собственных странах.

То, что в феврале 1918 г. стало предметом острых общепартийных дебатов, в октябре было решено келейно — за год нахождения у власти Ленину удалось добиться непререкаемого авторитета в партии и государстве. Иоффе решил не повторять брестских ошибок и принял ленинскую линию, сведя свой план «большой игры» с Антантой к агитационному мероприятию. Обращение к его переписке с Москвой показывает, как формировалась «железная воля» партийного руководства на начальном этапе большевистской диктатуры, позволяет не только конкретизировать его внешнеполитическую стратегию, но и уточнить механизмы её реализации.

Второй информационной составляющей донесений советского полпреда стал анализ политической ситуации в самой Германии, которая к октябрю приобрела черты национального кризиса. Сохраняя верность классовому анализу, Иоффе постоянно выходил за рамки идеологической схемы «буржуазия—пролетариат». Уже весной—летом 1918 г. в своей практической работе он сделал ставку на использование противоречий между «военной партией» и «промышленниками», что принесло ощутимые результаты. Ссылки Иоффе на хорошие отношения «со здешним болотом» не были пустой бравадой. Ему оказалось проще находить общий язык с консервативными чиновниками германского МИД, чем с яркими представителями демократических парламентских партий.

Так, персонал советского полпредства упорно не замечал крупнейшую партию Германии — социал-демократов, считая их «социал-предателями»⁵⁶. И это при том, что до самого начала германской революции у Иоффе не было «никакого сомнения, что в пролетарских массах в данное время наибольшей популярностью всё ещё пользуются шейдемановцы»⁵⁷. Раскол II Интернационала (1914) сохранил свои роковые последствия для международного рабочего движения и в последующие годы. Иоффе, в недавнем прошлом сам меньшевик, за время пребывания на дипломатическом посту ни разу не усомнился в разумности курса на полное игнорирование СДПГ. Следует признать, что и лидеры этой партии не считали большевиков своими идеологическими соратниками. В результате члены советского полпредства в Германии чувствовали себя находившимися во враждебном окружении, если не считать отдельные группы радикальных социалистов, безоговорочно преданных «русскому примеру».

Третьей составляющей политических донесений Иоффе из Берлина были перспективы германской революции и поддержка сил, которых он считал её вершителями. Впрочем, на протяжении весны—лета 1918 г. речь шла не столько о поддержке, сколько о поиске таковых. На первых порах частыми гостями в полпредстве были К. и Л. Каутские, Э. Бернштейн, Г. Гаазе. Именно в их адрес звучали негативные эпитеты в донесениях Иоффе: болтуны, не способные к подпольной работе, приспособленцы, использующие политическую деятельность для того, чтобы избежать призыва в армию и т.д. Пессимизм советского полпреда в отношении революционного потенциала независимцев нарастал от письма к письму. С одной стороны, он свысока поучал их основам подпольной деятельности, с другой — считал неисправимыми пацифистами, боявшимися большой крови предстоявшей Гражданской войны. Из старой гвардии немец-

---

⁵⁶ «Полномочное представительство, поддерживавшее сношения с представителями всех политических партий Германии, включительно до крайне правых, из партийно-политических соображений упорно отказывалось вступать в какие бы то ни было отношения с партией шейдемановцев, несмотря на все попытки сближения со стороны последних» (Иоффе А. Германская революция... С. 37).

⁵⁷ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 22.

ких социалистов полным доверием советского полпреда пользовались только К. Цеткин и Ф. Меринг.

На словах признавая необходимость скорейшего организационного размежевания с «соглашателями», представители левого крыла НСДПГ на практике проводили с ними политику совместных действий, не оставляя надежды на перехват массовой базы независимцев. Предложенная Иоффе тактика повсеместного провоцирования властей не была проведена в жизнь в полном объёме. Более жёсткий тон листовок группы «Спартак» отвечал социально-политической ситуации в стране и вряд ли являлся результатом инструкций, полученных в советском полпредстве.

Его персонал не имел прямых связей с подпольной организацией «революционных старост» Берлина — органом, готовившим массовые акции протеста вплоть до вооружённого восстания. Деньги на закупку оружия Иоффе передавал лидерам этой организации через независимца Э. Барта, который после начала революции всячески отрицал факт их получения⁵⁸. Осенью в здании полпредства появилась типографская техника и началось печатание революционных листовок — ещё одно подтверждение того, что «обнаружение» их в дипломатическом багаже из Москвы было довольно неуклюжей провокацией германской полиции.

Не порывая связей с советскими дипломатами, «спартаковцы» отстаивали собственное видение и российской, и будущей германской революций. К. Либкнехт в беседе с одним из сотрудников полпредства заявил, что «революция в Германии не потребует столько жертв. Человеческий материал совершенно другой, страна к этому подготовлена длинным периодом социального законодательства и ужасной войной. Я думаю, я твёрдо надеюсь, что мы проведём революцию в Германии с применением гораздо меньшего насилия, ибо всё здание уже подгнило, оно само распадается»⁵⁹.

Несмотря на то что некоторые члены группы «Спартак» работали в советском полпредстве и в телеграфном агентстве «РОСТА», Иоффе не имел полной информации о дискуссиях внутри её руководства. В его донесениях не упоминается брошюра Люксембург, содержащая критический анализ большевистской диктатуры. О том, что подготовка рукописи к публикации остановлена усилиями ряда ведущих «спартаковцев», в Москве узнали из письма российско-итальянской социалистки А.И. Балабановой, побывавшей в Берлине накануне краха монархии Гогенцоллернов⁶⁰.

В работе, написанной в тюрьме, Люксембург не щадила своих российских единомышленников, утверждая, что всевластие «горстки политиков», задушивших самодеятельность трудового народа, несовместимо с понятием диктатуры пролетариата⁶¹. Акцент на широкие массовые акции в противовес формированию кадрового подполья поддерживал и Иоффе. Здесь сказывалось его близкое знакомство с реалиями немецкой политической жизни. В одном из писем Ленину он почти извинялся за собственное инакомыслие: «Вы, может быть, скажете, что это меньшевистская отрывка, но я по-прежнему придаю гораздо большее значение широкому политическим акциям, нежели той нелегальной работе, которую *можно и должно* делать в Германии, в Австрии и на Украине»⁶². Советский полпред не только мыслил, но и действовал по-люксембургски. Обсуждая с немецкими единомышленниками в октябре 1918 г. подготовку воо-

⁵⁸ Об обмене радиограммами между Иоффе и членами Совета народных уполномоченных в ноябре 1918 г. см.: *Иоффе А.* Германская революция... Приложение. С. 43–46.

⁵⁹ *Ларсонс М.Я.* В советском лабиринте. Париж, 1932. С. 41.

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 5, оп. 3, д. 80, л. 2.

⁶¹ *Люксембурге Р.* О социализме и русской революции. М., 1991. С. 332.

⁶² РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 26.

ружённому восстания, он предлагал вначале провести всеобщую политическую забастовку, для того чтобы выяснить реальное соотношение сил в стране⁶³.

Иоффе так и не удалось увидеть воочию германскую революцию. Обмен персонала полпредств произошёл 16 ноября 1918 г. на демаркационной линии неподалёку от станции Борисов в Белоруссии. В тот же день Иоффе отправил в Москву последнее письмо с характеристикой событий в Берлине, сделав акцент на том, что все его предсказания сбылись: «В Германии переменялась только вывеска, а всё осталось по-прежнему. Теперь — керенщина самого скверного пошиба... Политически положение определяется боязнью перед Антантой, объявившей крестовый поход против большевизма, и следовательно, нежеланием связывать свою судьбу с нашей»⁶⁴. Фактически Иоффе расписывался в том, что его предыдущая революционная деятельность не увенчалась успехом, однако в том же письме строил планы скорейшего возвращения в Берлин.

Отправив сотрудников советского полпредства в Москву, он остался в Белоруссии, бомбардируя новое правительство Германии — Совет народных уполномоченных — требованиями немедленного возобновления дипломатических отношений между двумя революционными режимами. Шла неделя за неделей, а германский Февраль всё никак не хотел уступать своё место Октябрю. Дело ограничилось провозглашением в стране ряда локальных советских республик, что лишь отчасти скрашивало разочарование руководства РКП(б).

Получив известие о том, что мюнхенские коммунисты просят прислать к ним официального представителя Советской России, Иоффе 5 марта 1919 г. писал Ленину из Вильно: «Сомнительно, чтобы при таких условиях Баварская Советская республика долго продержалась. Но очень важно было бы, чтобы хоть за короткое время своего существования она наглядно показала бы немцам, что такое Советская власть». Он хотел бы нелегально «прошмыгнуть через Пруссию» с фальшивым паспортом, для чего вчерашнему дипломату и вечному революционеру было необходимо не так уж много: «Присылайте поскорее Ваше “отеческое благословение”, некоторое количество марок открыто и чемодан с заделанной в нём большой суммой марок и верительными грамотами»⁶⁵.

Авантюрная поездка Иоффе из столицы Литвы в столицу Баварии, способная дать сюжетную канву для приключенческого романа, так и не состоялась. В начале мая красный Мюнхен пал, став жертвой как разногласий в руководстве Баварской Советской республики, так и карательной экспедиции из Берлина⁶⁶. За редкими исключениями «звёздный час» в жизни политиков и революционеров случается лишь однажды. Через десять лет после своего Бреста и Берлина Иоффе, лишённый всех государственных постов и преследуемый властями сторонник троцкистской оппозиции, покончил жизнь самоубийством.

---

⁶³ Иоффе А. Германская революция... С. 39.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 110.

⁶⁵ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 137.

⁶⁶ См.: *Ватлин А.Ю.* Советское эхо в Баварии. М., 2014.

Деятельность Красного спортивного Интернационала в 1933–1937 гг.

Анна Хорошева

The activities of the Red Sport International in 1933–1937

Anna Khorosheva

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870001589-8

Начиная со второй половины XIX в. спорт из досуга постепенно превратился в общественно-политический феномен. Международные соревнования, в первую очередь Олимпийские игры, стали не просто местом встреч спортсменов из разных стран, но инструментом повышения престижа государств. Один из первых и самых ярких примеров этого – Олимпийские игры в Берлине в 1936 г. XI Олимпиада не только явилась ключевым событием спортивной жизни 1933–1937 гг., но и имела огромное политическое значение. Именно поэтому даже спустя десятилетия интерес к ней не угасает, о чём свидетельствуют многочисленные научные работы, большинство которых написаны немецкими исследователями¹. Однако в центре нашего внимания будет не сама Олимпиада, а деятельность Красного спортивного Интернационала (КСИ или Спортинтерн), чью тактику и стратегию она кардинальным образом изменила. Актуальность изучения его деятельности связана прежде всего с тем, что без понимания того, какие задачи ставились перед этой организацией и в какой степени их удавалось достичь, невозможно полностью реконструировать и деятельность Коминтерна в целом. При этом самому III Интернационалу посвящено довольно много работ, в то время как деятельность КСИ изучена слабо².

© 2018 г. А.В. Хорошева

¹ См., например: *Boch V.* Die Olympischen Spiele unter Berücksichtigung des Jüdischen Sports. Konstanz, 2002; *Bohlen F.* Die XI. Olympischen Spiele Berlin, 1936. Köln, 1979; *Dost S.* Das Olympische Dorf 1936 im Wandel der Zeit. Berlin, 2003; *Emmerich A.* Olympia 1936. Trägerischer Glanz eines Mörderischen Systems. Köln, 2011; *Fuhrer A.* Hitlers Spiele – Olympia 1936 in Berlin. Berlin, 2011; *Kluge V.* Olympische Sommerspiele. Die Chronik Teil Athen 1896 – Berlin 1936. Berlin, 1997; *The Nazi Olympics: Sport, Politics and Appeasement in the 1930s* / Krüger A., Murray W. (Hrsg.). DeKalb, 2003; *Васильченко А.В.* Нордические олимпийцы. Спорт в Третьем рейхе. М., 2012; *Ватлин А.Ю.* Германский МИД и подготовка Берлинской Олимпиады 1936 года // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 28–44; *Майстрович Е.В.* Проведение XI летней Олимпиады 1936 года в фашистской Германии // История, философия, экономика и право. 2013. № 1. С. 1–7; и др.

² Работы по III Интернационалу: см., например: *Адибеков Г.И., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна. М., 1997; *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: первые десять лет: Исторические очерки. М., 1993; История Коммунистического Интернационала 1919–1943: документальные очерки / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2002; Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. М., 1969; *Макдермотт К., Агню Дж.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000; *Маккензи К.* Коминтерн и мировая революция. 1919–1943. М., 2008; *Марьина В.В.* Г. Димитров и кремлевские вожди. 1934–1948 гг. (свидетельства дневника Г.М. Димитрова) // Международный исторический журнал. 2000. № 12; *Молчанов Ю.Л.* Коминтерн: У истоков политики единого пролетарского фронта.

Для того чтобы лучше разобраться в событиях рассматриваемого периода, необходимо сказать несколько слов о предыстории КСИ. Он был создан в 1921 г. в Москве по инициативе Всевобуча³, в него вошли как советские, так и иностранные объединения прокоммунистической ориентации. РСФСР, а потом СССР представлял Высший совет физической культуры (ВСФК)⁴ — с формальной точки зрения рядовой член организации. Спортинтерн позиционировался как самостоятельный союз, но на деле подчинялся Коминтерну. Большинство документов, касавшихся его деятельности, имели гриф «секретно» или «совершенно секретно» и готовились в секретариате Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ). Первоначально КСИ возглавлял Н.И. Подвойский. После того, как он в конце 1920-х гг. отошёл от дел, секретарями Спортинтерна стали сразу три человека: В. Прицель (Коммунистическая партия Германии), К. Аксамит (Коммунистическая партия Чехословакии) и И.А. Жолдак (ВКП(б)). Секретариат был переведён из Москвы сначала в Берлин, а потом в Копенгаген, где находился на нелегальном положении. Столица Дании в те годы являлась одним из основных центров конспиративной работы Коминтерна в Европе⁵.

В уставе КСИ было записано, что главная цель его существования — подготовка из рабочих Европы хорошо обученных бойцов будущей революционной армии⁶. Руководство СССР неизменно подчёркивало, что спортивные соревнования — лишь средство достижения политических целей⁷. В 1920-х — начале 1930-х гг. организация постоянно искала способы массового привлечения в свои ряды рабочих, соперничая с социал-демократическим Люцернским спортивным Интернационалом (ЛСИ) (после 1929 г. — Социалистический рабочий спортивный Интернационал (САСИ)). Обе организации противопоставляли себя Международному олимпийскому комитету, причём проведение спортивных соревнований для них было также способом заявить миру о своих политических убеждениях.

Первая Рабочая Олимпиада, организованная ЛСИ, прошла во Франкфурте-на-Майне (Германия) в 1925 г. На неё представители СССР допущены не были. В ответ КСИ организовал в 1928 г. Всесоюзную Спартакиаду в Москве с приглашением иностранных гостей. В дальнейшем противостояние усилилось: в 1931 г. САСИ провёл вторую Рабочую Олимпиаду в Вене. КСИ же активно вёл подготовку проведения мировой Спартакиады в Берлине в июле того же года, однако когда рабочие-спортсмены съехались в столицу Германии, власти запретили мероприятие.

Долгие годы САСИ придерживался тактики спортивной блокады Спортинтерна. В одной только Германии за 1928—1933 гг. из его отделений были

М., 1969; *Новиков М.В.* Коминтерн и гражданская война в Испании 1936—1939 гг. Ярославль, 1995; *Пантелеев М.М.* Репрессии в Коминтерне (1937—1938 гг.) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 161—168; *Фирсов Ф.И.* Секретные коды истории Коминтерна. 1919—1943. М., 2007; и др. О деятельности КСИ см.: *Бугров Н.Н.* К вопросу о взаимоотношениях спортивных интернационалов // Теория и практика физической культуры. 1988. № 12; *Мельников Е.А.* В едином строю интернационалистов. Из истории советских секций международных организаций рабочего класса (1919—1939 гг.). Л., 1982; *Саралаев М.К.* Борьба прогрессивных сил за единство в рабочем спортивном движении против фашизма и войны (1933—1938). Дис. ... канд. пед. наук. М., 1968; *Хорошева А.В.* Олимпийская идея Пьера де Кубертена и советский спорт в 20—30-е годы XX века // Олимпийские игры в политике и культуре. М., 2013; и др.

³ РГВА, ф. 65, оп. 2, д. 134, л. 52.

⁴ ВСФК был создан в 1920 г. в рамках Всевобуча, с 1923 г. стал подчиняться ВЦИК РСФСР, а с 1930 г. — ЦИК СССР.

⁵ *Фирсов Ф.И.* Секретные коды истории Коминтерна... С. 35—36.

⁶ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 2, д. 2, л. 2.

⁷ См., например: РГАСПИ, ф. 537, оп. 1, д. 187, л. 8, 16; ф. 495, оп. 30, д. 1156, л. 47, 52, д. 1202, л. 65.

исключены десятки тысяч рабочих, подозревавшихся в связях с коммунистами. В ответ на это КСИ по указанию Коминтерна начал создавать в различных странах комитеты борьбы за красное спортивное единство. Их целью являлось объединение рабочих-спортсменов, стоявших за сотрудничество с СССР⁸. Однако после прихода к власти национал-социалистов начались аресты как коммунистов, так и социал-демократов, что заставило их задуматься об объединении усилий против общего врага.

Удачным поводом для ревизии тактики руководства КСИ стала Берлинская Олимпиада. Решение о её проведении было принято ещё в 1932 г., однако после прихода к власти НСДАП перед Международным Олимпийским комитетом встал вопрос о возможности её проведения в государстве, где официальной идеологией является расизм. Прикрываясь лозунгом «спорт вне политики», игнорируя факты политических репрессий представители МОК во главе с его президентом графом Байе-Латуром (Бельгия) предпочли ничего не менять. Эта позиция вызвала неоднозначную реакцию мировой общественности.

Стоит отметить, что обычно в центре внимания работ, посвящённых истории борьбы за бойкот Олимпиады, находится деятельность представителей Национального Олимпийского комитета США, протестное движение в этой стране и усилия германской стороны по их нейтрализации⁹. Деятельность же рабочих спортивных организаций остаётся в тени. Между тем рассекреченные документы ИККИ и Исполнительно комитета КСИ свидетельствуют о повышенном интересе деятелей Коминтерна к этой проблеме. Его руководство поручило секретариату КСИ встать во главе протестного движения, что должно было поднять авторитет коммунистических сил и многократно увеличить ряды их сторонников. Это указание хорошо согласовалось с новой тактикой и стратегией Коминтерна, озвученной на его VII конгрессе в 1935 г.: отныне коммунисты могли вступать в союз с прогрессивными силами в своих странах и образовывать единые «народные фронты», им разрешалось эксплуатировать символы патриотизма, принимать на себя роль защитников национальной независимости и т.п.¹⁰ Мероприятия КСИ в рамках этой компании курировали секретари ИККИ К. Готвальд, О.В. Куусинен, П. Тольятти, самые важные шаги согласовывались лично с генеральным секретарём ИККИ Г. Димитровым.

Поворот в подходе к организации деятельности КСИ произошёл достаточно резко. Ещё в начале февраля 1933 г. в резолюции ИККИ «О спортдвижении в Финляндии и Латвии» вхождение в пролетарских спортсменов в буржуазные спортивные организации резко осуждалось¹¹. Однако уже в резолюции «По спортивному вопросу» от 25 января 1934 г. пролетарским спортсменам прямо предписывалось вступать в таковые для борьбы с их идеологией изнутри¹². Кроме того, социал-демократические рабочие спортивные союзы Норвегии и Финляндии обратились к КСИ с письмом, в котором призывали возобновить дружеские отношения¹³.

Первым успехом стало приглашение представителей Спортинтерна на Антифашистскую спортивную встречу в Париже, причём Бюро САСИ высказалось против этого, однако президиум организации настоял на приглашении¹⁴. Встреча проходила с 11 по 15 августа 1934 г., в её рамках прошли соревнования,

⁸ РГАСПИ, ф. 537, оп. 1, д. 204, л. 4–6; д. 206, л. 38, 40.

⁹ См., например: *Ватлин А.Ю.* Германский МИД... С. 32–40; *Майстрович Е.В.* Проведение XI летней Олимпиады... С. 3–5; *Теттер Ю.* Олимпийские метаморфозы // Отечественные записки. 2006. № 6. С. 244; и др.

¹⁰ *Маккензи К.* Коминтерн и мировая революция... С. 193.

¹¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 20, д. 869, л. 1–2.

¹² Там же, л. 20–22, 26.

¹³ *Кун Л.* Всеобщая история физической культуры. М., 1982. С. 275.

¹⁴ Там же. С. 276.

в которых приняли участие 4 600 спортсменов из 19 стран мира. На демонстрации по завершении встречи один из секретарей КСИ Аксамит обратился к руководству САСИ с призывом объединить усилия в борьбе с нацизмом и Берлинской Олимпиадой, а также организовать совместную подготовку Мировой Спартакиады в Москве в 1936 г.¹⁵ В сентябре того же года между двумя союзами завязалась активная переписка. Вскоре произошло объединение социал-демократического и коммунистического спортивных союзов в двух странах: Норвегии и Франции. Это событие породило в секретариатах Коминтерна и КСИ радужные надежды, нашедшие отражение в постановлениях и резолюциях по спортивному вопросу¹⁶. 1 марта 1935 г. было подписано соглашение о недопущении публичной критики союзов друг другом и о порядке разбора спорных ситуаций¹⁷. Однако разногласия преодолеть не получилось. Уже на этом этапе стало очевидно, что борьба за бойкот Берлинской Олимпиады должна играть на руку именно коммунистического движения: повышать его авторитет, вести к объединению двух спортивных союзов и, в дальнейшем, консолидации рабочего движения под руководством коммунистов. Всё это беспокоило социал-демократов.

6 сентября 1935 г. состоялось совместное совещание двух спортивных интернационалов. Представитель французских коммунистов А. Делон охарактеризовал его так: «Сердечно, но безрезультатно». Единственным результатом оказалось совместное воззвание о бойкоте Олимпиады. Идея образования международного комитета борьбы против неё представителями САСИ поддержана не была, отказались они и от обсуждения вопроса об объединении¹⁸. Интерес вызвала лишь идея совещания двух интернационалов в Москве летом 1936 г. и проведения там совместных соревнований.

Однако переговоры показали, что в руководстве САСИ нет единства — опыт развития спортивного движения в СССР вызывал большой интерес. Так, руководитель САСИ Ю. Дойч пригласил И.А. Жолдака на обратной дороге заехать к нему домой в Брно. Встреча состоялась 12 сентября 1935 г., Жолдак подробно изложил её в служебной записке¹⁹. Согласно документу, Дойч подчеркнул важность речи Димитрова на VII конгрессе Коминтерна, но высказывал сомнения относительно искренности руководства организации. Он сокрушался, что КПГ вместе с нацистами голосовала против социал-демократического правительства в Германии, указывая на то, что при соединении сил геополитическая карта могла быть другой. Он также дал понять, что члены Бюро САСИ прекрасно понимают: Спортинтерн находится под советским контролем, несмотря на все усилия ИККИ представить его как международную организацию, где ВСФК СССР — лишь рядовой член. Однако, наравне с подозрительностью, в разговоре чувствовался и повышенный интерес к Советскому Союзу, причём сам Дойч отметил, что кто-то его называет «чудесным краем», а кто-то ругает, а ему хочется всё увидеть своими глазами.

Совместное совещание стало ключевым событием в переговорах двух союзов. Представители КСИ намеревались использовать его в качестве трибуны, добиваясь единства, и долго готовились. Жолдак получил подробные инструкции, согласовал текст своего выступления с К. Готвальдом, а позднее, после фактического провала, вынужден был писать многочисленные объяснительные и отчёты, подкрепляя их выдержками из европейских газет, из которых следовало, что руководство САСИ оказалось непреклонным, согласившись лишь продолжить переговоры на совместном собрании в Москве. Кроме того, из со-

¹⁵ РГАСПИ, ф. 537, оп. 1, д. 213, л. 34.

¹⁶ См., например: Там же, ф. 495, оп. 20, д. 869, л. 66; д. 870, л. 121.

¹⁷ Там же, ф. 537, оп. 1, д. 216, л. 77.

¹⁸ Там же, ф. 495, оп. 30, д. 1085, л. 15.

¹⁹ Там же, л. 19–23.

хранившихся документов следует, что совещание 1935 г. обнаружило разногласия не только между спортивными союзами, но и между КСИ и ВСФК СССР. Жолдак направил в секретариат Коминтерна докладную записку, обвинив руководителей ВСФК В.Н. Манцева и И.И. Харченко в нетерпимости и жёстком требовании ставить вопрос о единстве действий с САСИ, а в случае отказа — прекращать переговоры²⁰. Налицо был явный конфликт интересов: Спортинтерн считал руководящей организацией в деле налаживания международных спортивных контактов себя, а ВСФК — лишь служебной организацией, которая, согласно предписаниям КСИ, посылает на спортивные встречи советских атлетов. Однако по мере отказа от противопоставления пролетарского спорта буржуазному роль ВСФК возрастала: многие иностранные спортивные общества предпочитали вступать в переговоры именно с ним как с официальной структурой СССР, а КСИ воспринимали как некую заговорщицкую организацию. Отсюда — желание руководителей ВСФК диктовать условия секретариату Спортинтерна.

После совместной встречи КСИ и САСИ последний должен был принять конкретные решения, дав ответы на настойчивые предложения коммунистов. САСИ провел свою международную конференцию в Праге 30 ноября — 1 декабря 1935 г. Его руководство поставило вопросы о бойкоте Берлинской Олимпиады, совместных действиях с КСИ в связи с этим, необходимости сближения со спорторганизациями СССР, разрешении соревнований между членами двух интернационалов, а также о возможности их объединения в будущем²¹. Степень заинтересованности КСИ в этом мероприятии показывает обширная подборка отрывков из материалов зарубежной прессы о его проведении, сохранившаяся в архиве организации, а также отчёты и докладная записка Жолдака, приглашённого в Прагу в качестве гостя. Вместе с ним туда отправились представитель Исполнительного комитета Коммунистического интернационала молодёжи М. Вольф, Харченко от ВСФК СССР и А. Ангаров от ЦК ВКП(б). Текст речи Жолдака, которую он собирался произнести на конгрессе, утвердил Готвальд.

Камнем преткновения стал вопрос о возможности встреч со спортсменами из «буржуазных» спортивных союзов. Позиция социал-демократического Интернационала была строго отрицательной, а КСИ, наоборот, всячески настаивал на их необходимости. У каждой из сторон имелись свои доводы: первые полагали, что это превращает в комедию сам факт существования рабочих спортивных союзов, а вторые, ссылаясь на членство в «буржуазных» организациях сотен тысяч рабочих, предлагали налаживать контакты и так привлекать их на свою сторону²². Представители САСИ не сомневались, что КСИ не является самостоятельной организацией, действуя по указаниям руководства СССР — лучшим доказательством этого, по их мнению, были факты встреч советских спортсменов с «буржуазными»²³.

Вопрос об объединении двух союзов вызвал у членов САСИ серьёзные возражения. Единственный пункт, по которому удалось достичь согласия — бойкот грядущей Олимпиады. Первоначально КСИ предлагал бороться за перенос места проведения в Барселону, однако Дойч справедливо указал, что Германия потратила слишком много денег на организацию, и потому МОК никогда на это не решится. Но и в деле совместной организации бойкота тоже всё было непросто. САСИ предложило формулу «Врозь идти, вместе бить»²⁴. Стало ясно, что точку зрения его руководителей вряд ли удастся поколебать и, несмотря на

---

²⁰ Там же, л. 36.

²¹ Там же, ф. 537, оп. 1, д. 216, л. 27.

²² Там же, л. 20—38.

²³ Там же, л. 59.

²⁴ Там же, л. 68.

наличие общего врага и допущение совместных действий, единства добиться не удалось.

Примерно в это же время был организован Гётеборгский антифашистский слёт рабочих спортсменов Скандинавии, в котором приняла участие и советская делегация²⁵. Он укрепил дружеские отношения между рядовыми участниками, но проблему соперничества двух союзов также не решил.

Ещё после сентябрьского совещания 1935 г. Жолдак, обращаясь к руководству ИККИ, предложил следующие мероприятия в международной спортивной работе: бороться за перенос Олимпиады в другую страну, говорить об ответственности МОК и представить его в глазах общественности как организацию, поддерживающую нацизм, выступать против недемократических основ формирования национальных Олимпийских комитетов, бороться за демократизацию выборов их членов, создать блок с антифашистскими спортивными буржуазными силами и «какой-нибудь международной комитет»²⁶. Последнюю идею подхватило руководство ИККИ, и она стала ключевым звеном в деле борьбы против Олимпиады. В постановлении секретариата Коминтерна от 27 октября 1935 г. давались положительная оценка действий секретариата КСИ, согласие на совместное совещание спортивных союзов в Москве, а также разрешение на создание международного комитета²⁷.

В январе 1936 г. начался процесс переезда штаб-квартиры КСИ из Копенгагена в Прагу и переход её на легальное положение. Первоначально планировался переезд в Париж, но французские коммунисты выразили протест, утверждая, что во Франции и так много организаций, и это может внести сумятицу в их деятельность. Не последнюю роль сыграла, по всей видимости, и боязнь нарушить ход предвыборной компании. Архив КСИ был частично уничтожен, частично (ценные документы) отправлен в Москву. В марте в Праге состоялась конференция Спортинтерна, на которой заявлялось как о протесте против проведения Олимпиады в Берлине и поддержке создания народных фронтов, так и о желании сотрудничать с САСИ.

Что касается международного комитета, то, если верить отчётам Жолдака, он был создан в январе 1936 г. и объединил спортивные организации, по разным причинам боровшиеся против Олимпиады. В документах Коминтерна и Спортинтерна он часто называется комитетом «честной игры», иногда о нём говорится как о комитете «в защиту олимпийского духа» или идей. Возникает вопрос: о какой организации идёт речь? В то время «Комитет честной игры в спорте» был создан в США, в Европе действовал «Антиолимпийский комитет». Они требовали переноса Олимпиады из Берлина в Барселону, которая заняла второе место во время выборов, однако МОК отказал им. В Берлине побывали комиссия и сам почётный президент МОК П. де Кубертен. Как известно, все они остались в восторге от масштабов подготовки и не допускали даже мысли о смене места проведения²⁸.

После этого был создан Международный комитет борьбы за сохранение олимпийского духа. Именно в его создании принимали участие члены КСИ, так как, судя по отчётам Жолдака, комитет, о котором он писал, был создан в Париже, куда в 1936 г. переместился центр протестного движения. Его создание санкционировало постановление секретариата ИККИ²⁹. Члены комитета активно выступали за проведение в Барселоне альтернативных игр – Народ-

²⁵ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 2, д. 171, л. 71.

²⁶ Там же, л. 169–173.

²⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 1085, л. 104–105.

²⁸ Кун Л. Всеобщая история...; Куксевич В.С. Социальные проекты Международного Олимпийского Комитета: проблемы и перспективы развития. Дис. ... магистра истории (URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/2900/1/Socialnye_proekty_MOK.docx).

²⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 1085, л. 40.

ной Олимпиады, — а также предлагали провести Народные спортивные игры в Праге. Эти сведения полностью согласуются с материалами архива КСИ. В них на протяжении всего 1936 г. говорится, что роль комитета чрезвычайно важна в деле пропаганды необходимости борьбы мировой общественности за демократизацию олимпийского движения³⁰.

Комитет, по всей видимости, в документах называется комитетом «честной игры», потому что на тот момент в спорте уже существовало такое устойчивое понятие. Оно появилось в английском футболе во второй половине XIX в., потом перешло в олимпийское движение как право равных возможностей для спортсменов вне зависимости от их социальной или национальной принадлежности³¹. Поскольку члены Парижского комитета полагали, что МОК своими действиями попирает это право, сотрудничая с расистским режимом, они боролись за соблюдение принципа «честной игры». Действуя в рамках этого комитета, представители КСИ четко придерживались установок об участии в буржуазных организациях, не афишируя своих предпочтений. Влияние на принятие решений оказывалось и через серьёзную финансовую поддержку³². Чтобы не вызывать подозрений, КСИ установила связи с Комитетом как сторонняя организация (так же, впрочем, поступила и САСИ).

Непосредственно в Комитет был внедрён секретарь КСИ В. Прицель, который получал указания и директивы ИККИ и держал связь с Исполнительным комитетом КСИ. Курировал его действия П. Тольятти. Именно он назначил на 7 и 8 июня 1936 г. Международную конференцию по защите олимпийских идей в Париже — наиболее резонансное из осуществлённых комитетом мероприятий. В ней участвовали известные общественные и культурные деятели и спортсмены из Франции, Чехословакии, США, Англии, Швеции. Коммунистам удалось остаться в тени, используя мероприятие как повод для консолидации антифашистских сил, однако Тольятти писал, что «Комитет по защите демократических идей» «находится под нашим контролем»³³. Даты проведения конференции были выбраны неслучайно — сразу после парламентских выборов во Франции. Обстановка в стране накалилась, поляризация общественных настроений выражалась в усилении как крайне правого крыла, так и левого³⁴. Поэтому требовалась максимальная осторожность, дабы не лишиться симпатий электората.

Громким событием кампании против Олимпиады стало проведение выставки «Олимпийские игры под диктатурой» в первой половине лета 1936 г. Её организовал в Амстердаме инициативный комитет из видных художников и общественных деятелей, секретарём которого являлся член Компартии Голландии. В отчёте руководству ИККИ Жолдак особо подчёркивал общечеловеческий характер конференции, лишённый партийно-политического влияния, и ставил вопрос об участии в ней советских художников и германских эмигрантов³⁵. Выставка прошла с большим успехом и привлекла настолько большое внимание, что в дело даже вмешалась немецкая дипломатия, заявив протест и потребовав её закрыть, на что правительство Нидерландов ответило категорическим отказом³⁶.

³⁰ Там же, д. 1154, л. 111.

³¹ Ленк Х. Этика спорта как культура честной игры // Неприкосновенный запас. 2004. № 3 (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/lenk21.html>).

³² РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 1154, л. 155; д. 1156, л. 15.

³³ Там же, д. 1156, л. 15.

³⁴ См. подробнее: *Вершинин А.А.* Франция и начало гражданской войны в Испании в 1936 г. // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 101–103.

³⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 1156, л. 15.

³⁶ *Ватлин А.Ю.* Германский МИД... С. 42.

К кампании против Берлинской Олимпиады были привлечены структуры компартий, профсоюзы, молодёжные организации, которые требовали отказа в выделении средств на поездку в Берлин, пытались мешать проведению «эстафеты олимпийского огня» и т.п.³⁷

Ещё одно центральное событие этой кампании — попытка организовать Народную Олимпиаду в Барселоне. Судя по документам, секретариат КСИ не принимал в этом непосредственного участия, но всячески агитировал в её пользу. На неё возлагались особые надежды ещё и потому, что в Испании изначально существовал только один спортивный рабочий союз (Испанская спортивная федерация), который возглавлял коммунист П. Альберто (М. Андрес³⁸) — активный участник организации мероприятия. Идею участия рабочих-спортсменов в Народной Олимпиаде всецело поддержали Димитров и Тольятти. Жолдак от их имени обратился в ЦК ВКП(б) к А.А. Андрееву и председателю ВСФК СССР В.Н. Манцеву с просьбой, учитывая высокую политическую значимость, дать указание участвовать в ней советской футбольной команде и другим атлетам³⁹. Однако в последний момент, 16 июля 1936 г., в посылке делегации было отказано без объяснения причин⁴⁰.

Народная Олимпиада должна была пройти с 19 по 26 июля 1936 г. Планировалось принять 6 тыс. участников из 22 стран. Успели прибыть около 2 тыс. спортсменов из 17 стран, однако после выступления консерваторов они оказались в изоляции. Часть из них была взята на французское военное судно, часть осталась в Испании и создала батальоны, воевавшие на Сарагосском и Мадридском фронтах в составе войск республиканцев⁴¹. В частности, в боевых действиях участвовал генеральный секретарь САСИ Дойч, в одном из боёв погиб П. Альберто⁴².

Запланированные Народные Спортивные игры в Праге состоялись, одним из активных организаторов мероприятия стал К. Аксамит. По национальному составу их масштаб оказался скромнее, чем в Барселоне (только представители Чехословакии, США, Франции и Швеции), однако в играх участвовало 5 тыс. составителей⁴³.

Несмотря на все усилия мировой общественности, сорвать или хотя бы перенести Олимпиаду не удалось. Здесь надо отдать должное усилиям германской дипломатии и максимально гибкой позиции министра пропаганды Й. Геббельса, уговорившего Гитлера на время проведения Олимпиады убрать внешние признаки дискриминации (например, таблички «евреи нежелательны»)⁴⁴. В Берлин поехала даже французская сборная, несмотря на то, что Париж был центром борьбы против её проведения, а рабочие организации имели очень большое влияние через муниципалитеты. Постановление ИККИ от 15 июля 1936 г. обязывало членов коммунистических партий усилить пропагандистскую кампанию, инструктировало всех выезжающих в Германию вести там провокаторскую деятельность, задавая, например, неудобные вопросы, требовать посещения тюрем и т.п.⁴⁵ Однако серьёзных скандалов устроить не удалось, и Олимпиада стала спортивной и политической победой Гитлера.

Этот грандиозный спортивный праздник собрал 4,5 млн туристов, около 4 тыс. участников из 49 стран боролись за медали. Открытие состоялось на специально построенном стадионе, вмещавшем 100 тыс. человек, Олимпий-

³⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 1156, л. 15.

³⁸ Там же, оп. 220, д. 1040, л. 11–12.

³⁹ Там же, оп. 30, д. 1156, л. 47, 51.

⁴⁰ Там же, л. 96.

⁴¹ Там же, д. 1202, л. 26–28.

⁴² Там же, д. 1154, л. 48, 48 об., 50, 50 об.

⁴³ Красный спорт. 1936. 3 августа.

⁴⁴ Куксевич В.С. Социальные проекты Международного Олимпийского Комитета...

⁴⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 30, д. 1156, л. 91–92.

ская деревня стала образцом для последующих организаторов игр. Впервые велась телевизионная трансляция, которая впоследствии начала приносить многомиллиардные прибыли организаторам⁴⁶. Секретариат КСИ в отчёте за 1936 г. признал, что для борьбы с Олимпиадой сделал очень много, но она прошла с «небывалым блеском» и для многих европейских государств это теперь образец для подражания. Причины неудачи кампании виделись в том, что так и не удалось договориться с САСИ, а Комитет был создан слишком поздно⁴⁷.

Ключевым теперь стал вопрос: что же делать дальше? 1936 г. показал, что спорт — мощный рычаг в политической борьбе и необходимо «удержать планку». Планировались дальнейшая работа представителей КСИ в Парижском комитете и борьба за демократизацию олимпийского движения, продолжение переговоров с САСИ. Обсуждению этих вопросов посвящались различные совещания, в которых принимали участие Димитров, Готвальд, Тольятти, Куусинен, Жолдак, Аксамит и др., а также записки, составленные секретарями КСИ.

Поводом для объединения с САСИ могла стать подготовка третьей Рабочей Олимпиады в Антверпене в 1937 г. Её проведение планировалось сразу же после второй Рабочей Олимпиады в Вене в 1931 г., но громкое политическое звучание она приобрела лишь в свете обостряющейся международной обстановки. Стремясь смягчить позицию руководителей САСИ, представители КСИ сняли с повестки дня вопрос о проведении Всемирной Спартакиады в Москве, которая сначала была запланирована на 1933 г., а потом перенесена 1936 г., и стали настаивать на совместной организации Олимпиады в Антверпене. В июле 1936 г. в Бюро САСИ было направлено письмо, составленное в секретариате КСИ и утвержденное ИККИ, в котором подчёркивалась важность совместного протеста против Берлинской Олимпиады и содержалось официальное предложение провести Олимпиаду в Антверпене, на которую планировалось допустить членов буржуазных спортклубов⁴⁸. Следующей попыткой договориться стала поездка представителей КСИ на конференцию САСИ в Антверпене в августе 1936 г. Димитров лично обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить выезд Жолдака и Харченко на это совещание⁴⁹. Харченко заранее составил подробное описание предложений и возможной реакции на них представителей Бюро САСИ⁵⁰. В состав делегации также вошли Прицель и Аксамит. По возвращении назад Жолдак составил на имя представителя Коминтерна М. Москвина подробнейшую докладную записку о поездке, в которой отразились довольно сложные и натянутые отношения с Харченко, на которого он уже жаловался после совещания САСИ в Праге⁵¹.

В ходе конференции выяснилась принципиальная позиция САСИ: Рабочая Олимпиада — это спортивные соревнования их организации, а значит, ни о каком совместном проведении речи идти не может. Возможно лишь приглашение «гостей». Проиграв первый раунд, представители КСИ и Харченко постарались жёстко поставить вопрос об обязательном приглашении на соревнования чешской секции КСИ, но также получили отказ, так как между нею и чешской социал-демократической секцией существовал конфликт. Возникла угроза отказа в участии и всем остальным секциям КСИ.

Результатом этой неудачи стало активное обсуждение дальнейших перспектив деятельности Спортинтерна. Каждый из его секретарей высказал свою позицию. Прицель, внедрённый в Парижский комитет, предлагал всячески

⁴⁶ *Теннер Ю.* Олимпийские метаморфозы. С. 245–246; *Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма. М., 2010. С. 110.

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 533, оп. 6, д. 437, л. 26–29.

⁴⁸ Там же, оп. 20, д. 869, л. 55–56.

⁴⁹ Там же, оп. 30, д. 1156, л. 113.

⁵⁰ Там же, д. 1154, л. 43–50 об.

⁵¹ Там же, ф. 495, оп. 30, д. 1085, л. 36–37.

развивать его, превращая в некий интернационал, объединяющий все спортивные организации вне зависимости от их политических убеждений, создавая «широкое единение друзей олимпийской идеи». Итогом должны были стать демократические реформы МОК. Он оговорился, что надо учитывать специфику каждой страны и выдвигать лозунги, согласующиеся с национальными интересами, однако общий руководящий орган необходим, и именно он, а не объединение с САСИ даст Коминтерну массовое влияние⁵². Аксамит, напротив, полагал, что международный союз может только навредить делу, так как если он действительно всех соединит, то станет соперником МОК, и его члены не смогут войти в национальные олимпийские комитеты. А если он не добьётся массовости, то необходимости в нём нет, соответственно, надо бороться за влияние на национальные олимпийские комитеты⁵³. Жолдак занял нейтральную позицию, подчёркивая важность деятельности и Парижского комитета, и секретариата КСИ⁵⁴.

13 марта 1937 г. состоялось совещание у Москвина. В нём приняли участие секретари КСИ, позиции которых не изменились. Сам Москвин высказался за объединение с САСИ. Готвальд предложил использовать в процессе консолидации сил именно КСМ. Куусинен говорил, что нужно организовывать народные фронты в спорте. Харченко заявил, что КСИ слаб, а САСИ силен, и потому надо от первого отказаться. Генеральный секретарь исполкома Коммунистического интернационала молодёжи В.Т. Чемоданов предложил принять участие в Рабочей Олимпиаде в Антверпене вне зависимости от того, пустят туда чехов или нет, подчеркнув, что руководство КСИ допустило две ошибки: категоричность и несговорчивость. Его в этом поддержал Готвальд, заявив, что надо задуматься, нужен ли КСИ вообще⁵⁵. Димитров подчеркнул, что подавляющее большинство рабочих спортсменов состоит в буржуазных национальных союзах, а не в КСИ и САСИ, и резюмировал: «Надо ликвидировать Спортинтерн. Не КСИ, а СССР будет играть крупную роль в мировом спорте»⁵⁶.

Результатом стало принятие резолюции ИККИ и постановления, утверждённого 7 мая и окончательно согласованного к 26 мая 1937 г. В них, с одной стороны, обозначены тактика и стратегия Коминтерна по использованию спорта для достижения политических целей, с другой — поставлена точка в существовании Спортинтерна. Отныне члены Коминтерна должны были вступать во все спортивные организации вне зависимости от их политической принадлежности, лоббируя решение простых насущных проблем (строительство спортивных сооружений, выделение денег на соревнования и т.п.), завоевывать авторитет, входить в государственные органы по спортивным делам и, по возможности, проникать в национальные олимпийские комитеты, борясь за их демократизацию изнутри⁵⁷.

В постановлении указывалось, что, поскольку САСИ из-за своего узкого партийно-политического характера охватывает лишь небольшую часть занимающихся спортом рабочих, не следует продолжать переговоры с его руководством об объединении. Как и в резолюции, предписывалось перенести все действия на уровень стран, где этой работой будут непосредственно руководить компартии. Секретариат КСИ как интернациональный центр был упразднён, его преобразовали во вспомогательный орган при ИККИ для связи и сбора

⁵² Там же, ф. 533, оп. 6, д. 437, л. 45, 49, 50.

⁵³ Там же, л. 54–55.

⁵⁴ Там же, ф. 495, оп. 30, д. 1156, л. 122, 122 об.

⁵⁵ Там же, д. 1202, л. 45–77.

⁵⁶ Там же, ф. 537, оп. 1, д. 220, л. 14.

⁵⁷ Там же, ф. 495, оп. 20, д. 870, л. 1–6.

информации, причём в случае вступления в контакт с представителями САСИ он должен ссылаться на свой прежний статус⁵⁸.

Подводя итоги, следует отметить, что к 1937 г. в секретариате Коминтерна и у его кураторов в руководстве СССР полностью вызрела мысль о колоссальных возможностях спорта в целом и олимпийского движения в частности для повышения своего авторитета в мире. Триумф Берлинской Олимпиады сыграл на руку пропаганде государства, создавшего условия для её проведения, и в Москве не могли пройти мимо этого эффекта. Если в начале рассматриваемого периода Коминтерн руками КСИ стремился к объединению с социал-демократическими силами для создания единого фронта, то к его концу произошла переориентация на участие в олимпийском движении, которое начало восприниматься как великолепная площадка для демонстрации успехов советского государства. Попытки договориться с социал-демократами ни к чему не привели, Народный фронт в спорте так и не был создан — зато успешное взаимодействие с антифашистскими организациями привело к выводу, что действовать следует через национальные спортивные организации, борясь за решение повседневных задач. Уже в плане на 1937 г. перечислялись не политические акции с участием спортсменов, как раньше, а подробнейший список спортивных мероприятий в различных странах, в которых представители компартий должны были участвовать в составе своих национальных сборных⁵⁹. Именно в событиях 1933–1937 гг. кроется ответ на вопрос, почему руководство СССР отошло от отрицания «буржуазного спорта» в пользу сотрудничества с международными спорторганизациями.

---

⁵⁸ Там же, д. 869, л. 103–104.

⁵⁹ Там же, оп. 30, д. 1202, л. 29–34.

Главлит и научно-популярная публицистика в СССР во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг.

Владимир Комиссаров

Glavlit and popular science journalism in the Soviet Union in the second half of the 1960s and beginning of 1970s

Vladimir Komissarov

(D.K. Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870001590-0

В 1960–1970-х гг. система советской цензуры достигла своего максимального развития. Центральному цензурному ведомству — Главному управлению по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (Главлит СССР)¹ — подчинялась широкая сеть подведомственных структур: главлиты союзных республик, краевые и областные управления (край- и облигиты). Имелись и смежные цензурные органы — Управление военной цензуры Генерального штаба Вооружённых сил СССР, цензоры пограничных войск и др. В Советском Союзе в данную систему были вовлечены самые разные учреждения и ведомства. Эту особенность неоднократно отмечали исследователи. Например, Т.М. Горяева писала: «Попытки ограничить понятие “советской цензуры” только деятельностью государственных учреждений, призванных для этих целей без учёта изощрённых форм и методов различного рода воздействия и давления, мало плодотворны. В определении границ “советской цензуры” большую роль сыграло получившее широкое распространение определение Марианны Текс Чолдин — “всецензура”»².

Практически все изыскания и публикации архивных материалов по теме касались преимущественно политической цензуры. Как правило, примерами такого контроля служили эпизоды преследования известных общественных деятелей или представителей художественной интеллигенции, а также идеологические кампании³. Но активность контролирующих органов не ограничивалась только политико-идеологическими вопросами. Заметное место занимала защита государственной тайны в сфере научно-популярной публицистики.

В 1960–1970-х гг. эта сфера стала заметным явлением в жизни страны. В данном направлении работала блестящая плеяда писателей и журналистов. Большинство центральных издательств — от «Воениздата» до «Детской литературы» — обзавелись научно-популярными книжными сериями. Научно-популярная публицистика реализовывалась также в кинематографе, где работали

© 2018 г. В.В. Комиссаров

¹ В рассматриваемый период ведомство имело различные наименования: до 1963 г. — Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит) при Совете министров СССР; до 1966 г. — Главное управление по охране государственных и военных тайн в печати Государственного комитета Совета министров СССР по печати; до 1990 г. — Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (Главлит СССР).

² *Горяева Т.М.* Проблемы публикации документов по истории советской политической цензуры // Проблемы публикации документов по истории России XX века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. М., 2001. С. 115.

³ См., например: *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2009; *Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / Сост. А.В. Блом.* М., 2004; *История советской политической цензуры. Документы и комментарии.* М., 1997.

такие режиссеры-документалисты, как С.Л. Райтбург, Ф.М. Соболев, Б.А. Загряжский, а на телевидении она была представлена в телепроектах «Очевидное-невероятное», «Клуб кинопутешествий» и «В мире животных». Научно-популярная публицистика стала таким же важным элементом в духовной жизни советской интеллигенции изучаемого периода, как авторская песня, научная фантастика, походный туризм, самиздат и проч.

Цель настоящей статьи – рассмотреть политику Главлита в отношении научно-популярной и научно-технической публицистики. Для этого необходимо охарактеризовать особенности организации цензуры научно-популярной публицистики, проанализировать наиболее типичную мотивацию запретов и ограничений в научно-технической цензуре и представить её приёмы на примере контроля научно-популярных публикаций по космической тематике.

Источниковой базой исследования в основном послужили материалы фонда Главлита ГА РФ. Это не единственное место хранения документов советской цензуры, но именно здесь представлено наиболее систематизированное их собрание в виде делопроизводственных материалов, нормативных актов (указаний и распоряжений центральных советских органов), внутренних положений и инструкций самого цензурного ведомства, стенограмм и протоколов заседаний коллегии Главлита, его деловой переписки с различными министерствами и ведомствами. В большинстве случаев это хорошо атрибутированные машинописные оригиналы и копии. Количество рукописных документов, при чтении которых могут возникнуть проблемы в понимании содержания, крайне невелико. Сложность состоит в том, что часть данного фонда по-прежнему находится на секретном хранении, впрочем, доступные материалы всё же позволяют решать исследовательские задачи. Конечно, эти источники не лишены характерных для делопроизводственной документации недостатков, включая фактические и орфографические ошибки (так, начальник ленинградского обллита Ю.М. Арсеньев ошибочно представлен как Арсентьев). По причине закрытого характера работа Главлита практически не отражена в источниках личного происхождения. О ведомстве писали деятели науки и культуры, которые испытывали цензурный прессинг, но и те, как правило, контактировали с цензорами только через издательства и редакции. Воспоминания опубликовал лишь заместитель начальника Главлита (конец 1980-х гг.) В.В. Прибытков, работавший на «излёт» истории ведомства⁴.

В период «оттепели» в работе Главлита прослеживались определённые либеральные тенденции. Например, в начале 1960-х гг. комиссия по контролю книжных фондов больше разрешала, нежели запрещала. Так, из спецхрана в общие фонды библиотек были возвращены издания репрессированных в период сталинизма авторов, или те, в которых упоминались «враги народа»⁵. Однако с середины 1960-х гг. вновь стали усиливаться охранительные черты цензуры. Этот процесс не был одномоментным и зависел от многих внешне- и внутриполитических обстоятельств. Особую роль сыграла консолидация консервативных сил в КПСС и правящих партиях восточноевропейских государств по сопротивлению «Пражской весне» (1968). Одним из этапов усиления цензурного контроля стал апрельский пленум ЦК КПСС 1968 г., принявший постановление «Об актуальных проблемах международного положения и борьбе КПСС за сплочённость мирового коммунистического движения». В документе отмечалась необходимость усиления партийного контроля над литературой и искусством⁶. Поворотным моментом, трансформировавшим стиль «постоттепель-

⁴ *Прибытков В.В.* Главлит и цензура: записки заместителя начальника Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР. М., 2014.

⁵ См.: ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 2, д. 394, 395, 416, 417, 464.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. Т. 9. М., 1972. С. 421–424.

ной» цензуры, большинство исследователей называют закрытое постановление ЦК КПСС от 8 января 1969 г. «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». Так редакторы и издатели вовлекались в систему партийно-государственного контроля⁷.

Особенности организации цензурного контроля научно-популярной публицистики

Вопреки распространённому в публикациях мнению о ведущей роли органов Главлита в деле цензурирования научной публицистики, чаще всего они лишь выполняли указания высших партийных органов, что отражено в официальном делопроизводстве. Например, составители годового отчёта об исправлениях, внесённых центральным цензурным ведомством в документально-публицистический фильм «Если дорог тебе твой дом» (про оборону Москвы в 1941 г.), подчёркивали, что это было сделано по указанию ЦК КПСС⁸. Данная особенность подтверждается и в мемуарах Прибыткова: «Главлит лишь формально принадлежал к структуре правительства. На самом же деле его отношения с Советом министров, при котором он формально состоял, ограничивались вопросами финансирования и материально-технического обеспечения. Вся же политика и идеология цензорного дела, весь разрешительно-запретительный механизм цензуры регулировался, отлаживался, запускался, переключался, тормозился с одного пультя – со Старой площади»⁹.

Научная популяризация, с точки зрения цензорского контроля, отличалась тем, что стала предметом рассмотрения всех основных подразделений Главлита. К 1960-м гг. ведомство имело сложную структуру. В его основе находились несколько управлений: 1-е занималось научно-технической цензурой, 2-е – цензурированием иностранной литературы, 3-е – контролем за провинциальной печатью (совместно с край- и обллитами). Также имелось несколько самостоятельных отделов, не входивших в состав управлений, среди которых следует выделить 2-й отдел, контролировавший поступающую в СССР иностранную прессу, и 3-й, занимавшийся СМИ. Политико-идеологический контроль являлся прерогативой 4-го отдела, который фактически организационно воплощал политическую цензуру. Ключевая нагрузка при контроле научно-популярной публицистики легла на 1-е управление (научно-техническая цензура), но популярные издания на общественно-исторические темы, беллетризованные биографии деятелей науки и техники оказывались в зоне внимания 4-го отдела. Если поступающая из-за рубежа научно-популярная литература контролировалась 2-м управлением, то иностранные газеты и журналы – 2-м отделом. Такой сегмент «научпопа», как просветительская периодика, цензурировался сотрудниками 3-го отдела. Провинциальная же печать являлась объектом внимания 3-го управления центрального цензурного ведомства.

Решения о допуске в печать тех или иных научно-популярных публикаций принимались вместе с представителями заинтересованных ведомств. Фактически в каждой отрасли имелось головное учреждение, подписывавшее разрешения на опубликование материалов по своей тематике. Например, в ракетно-космической отрасли такое право принадлежало Центральному научно-исследовательскому институту машиностроения во главе с крупным организатором науки Ю.А. Мозжориным. В подобных учреждениях назначалось должностное лицо, отвечавшее за соответствующее визирование. В случаях, требовавших

⁷ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1372, л. 23.

⁸ Там же, д. 1268, л. 139.

⁹ *Прибытков В.В.* Главлит и цензура... С. 35.

оперативного освещения в прессе проблем по конкретной тематике, могли назначать отдельных ответственных лиц. Например, осенью 1970 г. Мозжорин уведомил руководство Главлита, что все материалы относительно советской автоматической станции «Луна-17» (доставила на поверхность Луны первый советский «Луноход») на время её полета должен был визировать инженер-ракетчик Г.А. Назаров (впоследствии журналист-популяризатор и ответственный секретарь отраслевой энциклопедии «Космонавтика» издания 1985 г.)¹⁰.

Следует отметить, что иногда ведомственная цензура приобретала комичные на сегодняшний взгляд формы. Так, «Перечень Главлита» (1965) содержал положение о том, что материалы, содержавшие информацию по использованию атомной энергии, должны были проходить визирование в Государственном комитете по использованию атомной энергии в СССР. В эту категорию попадали переводы иностранных источников и даже научно-фантастические произведения¹¹. Неизвестно, насколько данное положение способствовало защите государственных тайн, но оно заметно осложняло жизнь некоторым ведущим фантастам (в том числе братьям А.Н. и Б.Н. Стругацким)¹². Министерство среднего машиностроения предложило откорректировать это положение при подготовке нового (1968) «Перечня...», в том числе убрать из него упоминание переводов и научно-фантастических произведений.

Некоторые положения ведомственной цензуры вызвали недовольство сотрудников Главлита. 13 февраля 1968 г. на коллегии ведомства начальник одного из его отделов В.Я. Симанков заявил: «В перечне есть ряд ограничений, которые давно устарели, а организации, которые заинтересованы в них, препятствуют их устранению... Много идёт вмешательств по Отечественной войне. Немецкие полковники и генералы указывают, какие мы бомбили на оккупированной территории аэродромы, а мы эти сведения публиковать не можем»¹³.

Наличие множества ведомств, вовлечённых в систему научно-технической цензуры, приводило к неразберихе и путанице. Так, в начале 1970 г. в Кировском Дворце пионеров на технической выставке один из местных машиностроительных заводов выставил оригинальный экспонат – авиационное катапультное кресло с манекеном пилота в полной высотной экипировке. Появление катапультного кресла вызвало вопросы у представителей кировского обллита, так как в обязанности советской цензуры среди прочего входил допуск экспонатов на подобные открытые мероприятия. Сотрудник кировского УКГБ сообщил представителям местной цензуры, что экспонат разместили с оперативными целями, «для отвлечения внимания от реальной секретной продукции завода». Однако местный обллит соответствующим письмом уведомил Главное управление, которое, в свою очередь, обратилось за разъяснениями в центральный аппарат КГБ¹⁴. В итоге заместитель председателя КГБ В.М. Чебриков был вынужден в ответном письме ещё раз подтвердить, что данный экспонат демонстрировался в связи со служебной необходимостью, и заверил руководителей цензурного ведомства: впредь кировское УКГБ не будет нарушать порядок подготовки открытых научно-технических выставок¹⁵.

Часто ведомства дублировали собственные запреты и ограничения. Например, 9 января 1967 г. Министерство геологии СССР обратилось в Главлит с просьбой согласовывать все материалы по такому фундаментально-научному проекту, как бурение Кольской сверхглубокой скважины, закладка которой

¹⁰ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1373, л. 46.

¹¹ Там же, д. 1330, л. 193.

¹² Это обстоятельство отмечает один из биографов братьев-писателей А.В. Молчанов, пишущий под псевдонимом «Ант Скаландис». См.: *Скаландис Ант. Братья Стругацкие*. М., 2008. С. 242–243.

¹³ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1286, л. 46.

¹⁴ Там же, д. 1365, л. 5.

¹⁵ Там же, л. 9.

планировалась в 1970 г. Поводом стало появление в печати недостоверных сведений¹⁶, в связи с чем Главлит принял соответствующие меры. 12 ноября 1973 г. министр геологии СССР А.В. Сидоренко вернулся к проблеме освещения в печати работ на Кольской сверхглубокой и издал приказ № 54с, по которому любая информация, касавшаяся скважины в диапазоне глубин более 5 км и технологии бурения, считалась секретной. Об этом уведомили и Главлит¹⁷. В ответ ведомство напомнило вышеназванному министерству, что данный запрет действовал ещё с 1967 г.¹⁸

Следует возразить «перестроечным» публицистам, заявлявшим, что цензурные запреты и ограничения спускались исключительно сверху, со стороны Главлита или вышестоящих директивных (партийных) органов. По крайней мере, в случае с научно-популярной публицистикой наблюдалась иная картина. Например, 7 августа 1968 г. Главлит направил председателю общества «Знание» академику И.И. Артоболовскому письмо, в котором цензурное ведомство упрекало популяризаторов науки в злоупотреблении грифом «для служебного пользования» («дсп»). Данный способ защиты информации использовался в обществе для изданий, которые, по мнению Главлита, не содержали никаких сведений, запрещённых к открытому распространению. Среди них оказались брошюры на такие «секретные темы», как «Карл Маркс – основоположник научного коммунизма», «Учение К. Маркса об исторической миссии пролетариата и современный рабочий класс», «Карл Маркс о революционной партии пролетариата» и др.¹⁹ Причины таких злоупотреблений вполне объяснимы: в тот период издания с грифом «дсп» печатались без предварительного цензурского контроля. Тем самым «Знание» гарантировало выполнение собственного редакционного плана, так как полностью открытые издания Главлит мог и приостановить. Кроме того, брошюры с грифом «дсп» распространялись бесплатно, и авторы не рисковали своей репутацией, когда их книги оказались бы невостребованными на полках магазинов (судя по названиям, они вряд ли стали бы бестселлерами). В завершении письма Главлит просил принять меры и навести порядок в использовании грифа «дсп».

Сам факт вовлечения в систему цензуры того или иного ведомства придавал им особый вес. Поэтому учреждения и организации оберегали свою привилегию визирования материалов для открытой печати. Например, в № 11 популярного журнала «Вокруг света» за 1967 г. была опубликована статья, посвящённая проблеме космической медицины²⁰. Поскольку этот номер стал юбилейным (совпал с пышным празднованием 50-летия Октябрьской революции), то все его материалы оказались в центре пристального внимания политико-идеологической цензуры. Но 25 января 1968 г. в Главлите получили официальное письмо Министерства здравоохранения СССР с напоминанием, что ещё 13 мая 1964 г. Военно-промышленная комиссия при Совете министров СССР возложила на Межведомственную комиссию по проблемам медико-биологического обеспечения космических полётов при Минздраве СССР право визировать материалы данной тематики. Поводом к такому обращению послужила упомянутая статья в журнале «Вокруг света» и публикация на ту же тему в газете «Вечерняя Москва», где, по мнению авторов письма Минздрава, содержались недостоверные материалы²¹. Из текста журнальной статьи не понятно, какая именно информация вызвала недовольство специалистов по космической ме-

¹⁶ Там же, д. 1300, л. 143.

¹⁷ Там же, д. 1464, л. 59.

¹⁸ Там же, л. 60.

¹⁹ Там же, д. 1300, л. 182–183.

²⁰ *Харьковский А.* Сквозь невесомость, радиацию, неизвестность // Вокруг света. 1967. № 11. С. 25–27.

²¹ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1300, л. 103.

дицине. Нельзя исключать, что это был всего лишь способ напомнить о своей привилегии визировать открытые публикации.

Столь сложный (многоуровневый) характер научно-технической цензуры затягивал прохождение материалов, что вызывало понятное недовольство советских издательств и научно-популярных изданий. Так, в апреле 1968 г. редакции ведущих просветительских журналов «Техника–молодёжи» и «Наука и жизнь» обратились в Главлит с просьбой сократить сроки рассмотрения своих статей до двух дней. На совещании руководства центрального цензурного ведомства прозвучал жёсткий и непреклонный ответ его начальника П.К. Романова: сроки рассмотрения будут определяться только Главлитом и зависеть исключительно от сложности материала²².

Большую роль в советской цензуре играли «оперативные указания руководства по вопросам цензурского контроля». Они содержали запреты или ограничения, которые по каким-либо причинам не были включены в действующую редакцию «Перечня Главлита». Необходимость в «оперативных указаниях» определялась различными факторами, например, сменой внутри- или внешне-политической обстановки. К примеру, перед официальными визитами в СССР зарубежных лидеров из печати изымали карикатуры на них, снимали или смягчали критические оценки их деятельности. Это касалось преимущественно новостных, общественно-политических изданий или сатирических журналов, но в ряде случаев и научно-популярной литературы. Во второй половине 1960-х гг. в режиме «оперативных указаний» были оформлены положения: запрет на публикацию материалов об освоении Северного морского пути без доклада руководству Главлита и информации о том, что советские военнослужащие желают добровольцами воевать во Вьетнаме, а также обязательное согласование мемуаров военачальников в Главном политическом управлении Советской армии и др.²³

Несколько раз (30 апреля 1966 г., 19 апреля²⁴ и 20 июня 1968 г.)²⁵ запрещались какие-либо упоминания в печати о советских орбитальных ракетах (глобальных или системах частично орбитальной бомбардировки – вида стратегического вооружения, считавшегося очень перспективным в начале 1960-х гг.). Орбитальная ракета в отличие от обычной баллистической выводила боевой блок на околоземную орбиту, с которой осуществлялось наведение на цель, что, как предполагалось, позволяло преодолеть возможные рубежи противоракетной обороны вероятного противника. В СССР работы по таким ракетам начались уже в начале 1960-х гг., причём их разработка и испытания не только не скрывались, а, наоборот, до определённого момента преподносились в популярной литературе и публичных выступлениях в качестве примера возросшей технической мощи вооружённых сил.

Основанием для запрета упоминания орбитальных ракет в открытых публикациях, вероятно, стали принятые в 1960-х гг. международные документы по демилитаризации космоса. Среди них был подписанный СССР, США и Великобританией в 1967 г. договор «О принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» («Договор о космосе»). Статья IV этого документа запрещала выводить на орбиту объекты с ядерным оружием. Строго говоря, орбитальные ракеты размещались на земной поверхности и не являлись оружием космического базирования, но их наличие могло служить аргументом в антисоветской пропаганде. При этом запрет Главлита не касался термина «глобальная ракета», который продолжал использоваться в открытых изданиях.

²² Там же, д. 1289, л. 74, 77.

²³ Там же, д. 1283, л. 2.

²⁴ Там же, д. 1255, л. 65.

²⁵ Там же, д. 1283, л. 2, 5–6.

Можно назвать, по меньшей мере, одну позитивную черту советской научно-технической цензуры — она служила определённым барьером для паранаучных публикаций. 28 ноября 1967 г. в режиме «оперативных указаний» органам Главлита было запрещено без доклада его руководству печатать материалы по «неопознанным летающим объектам» (НЛО)²⁶. Уже в январе 1968 г. центральное цензурное ведомство «остановило» публикацию целой серии материалов по «летающим тарелкам». Среди них были не только журнальные статьи, но и сценарий телепередачи, а также аудиопьеса для журнала «Кругозор» (выходил в виде гибкой грампластинки)²⁷. А 26 февраля 1968 г. заместитель начальника Главлита А.Н. Охотников издал приказ, по которому связанную с НЛО информацию разрешалось печатать только после согласования с вице-президентом АН СССР Б.П. Константиновым²⁸.

Основания запретов и ограничений в научно-технической цензуре

В значительном количестве эпизодов цензуры исходили из соображений охраны государственной тайны, по крайней мере в том смысле, как она понималась в рассматриваемый период. Например, в августе 1968 г. общество «Знание» представило на контроль брошюру преподавателей Военной академии бронетанковых войск Л.И. Васильева и П.Д. Маслова «Танковая мощь Родины». Публикацию брошюры «остановили» — в ней приводились сведения о дислокации центров танковой промышленности как в период Великой Отечественной войны, так и в 1960-х гг.²⁹ В апреле 1968 г. по схожим основаниям запретили печатать работу И.И. Ануреева «Научно-технические достижения СССР и укрепление оборонной мощи Советского Союза», также представленную в Главлит обществом «Знание»³⁰.

В ряде случаев причиной запрета публикации могли стать содержащиеся в ней сведения о перспективных разработках, способных в будущем привести к значительным открытиям. По этой причине из вёрстки № 11 журнала «Наука и жизнь» за 1973 г. изъяли статью «Облучение взрывом», где сообщалось о создании сверхтвёрдого вещества «Чернобор». Так сработал ведомственный сегмент цензуры: запрету предшествовала консультация в Госкомитете Совета министров СССР по науке и технике³¹.

Не всегда наличие закрытых сведений приводило к их изъятию из работы или к её запрету. Иногда Главлит требовал публикации с грифом «дсп», как в случае с издательством «Наука», подготовившим сборник «Китай сегодня». В сборнике приводились данные о численности советских военных советников в Китайской Народной Республике в 1950-х гг., о подготовке китайских офицеров в военных училищах СССР, об объёмах его военной помощи в период Корейской войны³².

В мотивации цензорских решений также присутствовал политико-идеологический компонент, который проявлялся иногда весьма специфическим образом. К примеру, из открытой печати изымалась информация, которая могла дискредитировать СССР в международных отношениях или в глазах зарубежных партнёров, бросить тень на репутацию страны. Так, в 1972 г. Главлит не разрешил открыто публиковать брошюру «Девятую пятилетку Аэрофлота — досрочно» по причине наличия в ней служебных сведений об аварийности в гражданской авиации и о неблагоприятном состоянии дисциплины среди личного

²⁶ Там же, д. 1255, л. 76.

²⁷ Там же, д. 1300, л. 108–138.

²⁸ Там же, л. 107.

²⁹ Там же, д. 1303, л. 16.

³⁰ Там же, л. 17.

³¹ Там же, д. 1474, л. 5.

³² Там же, д. 1303, л. 17–18.

состава³³. В 1973 г. центральное цензурное ведомство задержало в ростовском книжном издательстве выход малотиражной книги С. Мацоты и В. Малишева «Высокая отдача». Авторы в популярной форме рассказали о Новочеркасском заводе синтетических продуктов и в качестве положительного примера привели контрафактное технологическое заимствование: выпускавшееся заводом моющее средство «Прогресс» оказалось аналогом средства «Типол» английской фирмы «Шелл» — технологи предприятия воспроизвели его по фирменному рекламному проспекту. Цензоры Главлита справедливо рассудили, что обнародование этих сведений может повлечь юридические претензии к Советскому Союзу, и потребовали внесения соответствующих изменений³⁴.

Установить, какая доля цензурских вмешательств определялась сохранением государственной тайны, а какая — соображениями политико-идеологического характера — вряд ли представляется возможным. В ряде случаев к изданиям со схожей тематикой подходили с разными требованиями.

Так, в 1968 г. на контроль в центральное цензурное ведомство поступили две книги, ставшие впоследствии настольными для любителей истории отечественной авиации. Одним из изданий был подготовленный В.Б. Шавровым справочник «История конструкций самолётов в СССР до 1938 г.». В Главлите получили его для оценки уже с положительными заключениями ведомственной цензуры в лице Министерства авиационной промышленности и Генерального штаба Вооружённых сил СССР³⁵. Но затем в центральном цензурном ведомстве проявили бдительность и направили справочник на «рассмотрение» в КГБ³⁶. В итоге 18 июня 1968 г. «чекисты» «не рекомендовали» его к открытой публикации: содержавшиеся здесь сведения о советских авиапредприятиях могли «охарактеризовать развитие военного потенциала страны»³⁷. Главлит даже предложил опубликовать «Историю конструкций...» с грифом «дсп». К счастью, для широких кругов читателей в 1969 г. эту книгу с учётом замечаний цензуры и КГБ напечатало издательство «Машиностроение».

Если претензии цензуры к справочнику Шаврова действительно можно объяснить заботой о сохранении государственных секретов, то вторую книгу — советского писателя-популяризатора М.С. Арлазорова «Фронт идёт через КБ» (беллетризованную биографию авиаконструктора С.А. Лавочкина) — «задержали» из-за замечаний политико-идеологического характера (каких именно, из архивного документа не ясно). В результате издательство отозвало работу писателя³⁸, правда, в 1969 г. она всё-таки увидела свет.

В рассматриваемый период изменился тон советской цензуры в отношении критики культа личности и других негативных явлений советской истории, причём это делалось специально. Например, на совещании руководителей краевых и областных цензурных органов в марте 1968 г. начальник ленинградского обллита Арсеньев заявил: «Последнее время нас стали обвинять в том, что мы мешаем борьбе с культом личности. Дело в том, конечно, что мы мешаем в борьбе с культом, и в том, что под видом борьбы с культом некоторые писатели хотят очернить всё. Поэтому не следует бояться, когда в наш адрес бросают такие обвинения»³⁹. Впрочем, тогда руководство Главлита официально ещё призывало своих сотрудников к объективности. При завершении упомянутого совещания руководитель этого ведомства Романов структурировал своих подчинённых: «Что касается политико-идеологических замечаний, то никакого

³³ Там же, д. 1440, л. 4–5.

³⁴ Там же, д. 1474, л. 41–42.

³⁵ Там же, д. 1289, л. 96.

³⁶ Там же, д. 1263, л. 62.

³⁷ Там же, л. 63.

³⁸ Там же, д. 1289, л. 102.

³⁹ Там же, л. 31–32.

субъективизма и вкусовщины здесь быть не должно. Нужно докладывать только принципиальные вопросы и только в том случае, если вы можете бесспорно доказать свою точку зрения. Необходимо какие-то аргументы иметь в запасе. В партийных органах вас поймут, но нужно быть готовым к беседе с редактором, издателем, а иногда и автором»⁴⁰.

В большей степени запрет на критику культа личности коснулся, конечно же, художественной литературы и исторической публицистики. В 1967 г. по причине излишнего внимания к негативным моментам предвоенной истории резкой критике подверглась книга А.М. Некрича «22 июня 1941 года», изданная в 1965 г. в научно-популярной серии АН СССР. В итоге 18 августа 1967 г. вышел приказ Главлита № 8 «дсп» об изъятии этого произведения из библиотек и книготорговой сети⁴¹. В последующие годы такая тенденция распространилась на местные малотиражные издания. Например, в 1972 г. свердловская областная организация общества «Знание» тиражом в 500 экз. издала книгу Н.И. Эполетова «Коммунисты – организаторы и вдохновители подготовки боевых резервов на Урале (1941–1943 гг.)». На шестой странице автор указал, что центральное партийное руководство располагало сведениями о подготовке немецкого нападения, но не сделало соответствующих выводов. По настоянию органов цензуры и Свердловского обкома партии тираж «задержали», а данную страницу перепечатали⁴². Политико-идеологический поворот в критике культа личности и необоснованных репрессий коснулся также историко-технической литературы, прежде всего беллетризованных биографий советских учёных и конструкторов.

В 1973 г. известный журналист-популяризатор Я.К. Голованов представил биографию С.П. Королёва, подготовленную для серии «Жизнь замечательных людей». В книге приводился эпизод, связанный с арестом в 1930-х гг. большой группы авиаконструкторов и их работой в специальных конструкторских бюро под присмотром органов госбезопасности. По настоянию цензуры редакция устранила данные фрагменты⁴³. В итоге в опубликованном варианте биография главного конструктора завершалась серединой 1930-х гг. и была выпущена вне рамок вышеназванной серии. Редакция сопроводила это издание подзаголовком «Книга первая», видимо, рассчитывая впоследствии преодолеть цензурный контроль и опубликовать изъятые главы⁴⁴. Но потребовалось более полутора десятилетий, чтобы Голованов смог напечатать собранный им материал о трагическом периоде жизни Королёва.

Наиболее полно идеологическая составляющая цензуры проявилась при контроле научной и технической популярной литературы, поступавшей в СССР из западных стран. Например, в 1973 г. редактор Главлита, работая с этими изданиями, приславшимися в Ленинскую библиотеку, совершила грубую ошибку – допустила в открытый фонд западногерманскую брошюру, посвящённую истории советских танков. Согласно отчёту, молодая и неопытная сотрудница недооценила политического значения одной из помещённых в брошюре фотографий⁴⁵. Из документа сложно понять, о какой книге идёт речь. Но существует только одно издание аналогичного содержания, которое было опубликовано в Мюнхене в 1970 г.⁴⁶ Здесь практически все иллюстрации и подписи к ним носят технический характер, за исключением снимка, запе-

⁴⁰ Там же, л. 57–58.

⁴¹ Там же, оп. 2, д. 459, л. 77.

⁴² Там же, оп. 1, д. 1440, л. 50.

⁴³ Там же, д. 1474, л. 119.

⁴⁴ Голованов Я.К. Королёв. М., 1973.

⁴⁵ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1474, л. 210.

⁴⁶ Der sowjetische mittlere Kampfpanzer der Baureihe T-34 bis T-62. München, 1970.

чатлевшего, как жители Праги забрасывают камнями советский танк во время событий августа 1968 г.

Советская космическая программа через призму Главлита

Космическая тема была наиболее выигрышной для советской научно-технической пропаганды 1960-х гг. Приоритет Советского Союза в деле освоения космоса позволял наглядно показать преимущества отечественной промышленности и достижения советских технических наук. При контроле материалов по космосу Главлит зачастую руководствовался именно соображениями политико-идеологического плана. Так, в апрельский номер журнала «Техника — молодёжи» за 1967 г. (приуроченный к Дню космонавтики, к тому же вышедший в «год Великого юбилея» — 50-летия Октябрьской революции) была завёрстана статья о ручной стыковке в космосе, выполненной экипажем американского корабля «Джеминай» (справедливости ради, следует заметить, что у американцев действительно был приоритет в осуществлении первой ручной стыковки на орбите). По настоянию Главлита данный материал сняли, а вместо него поместили статью о советских космических достижениях⁴⁷.

Примечательно, что цензура вмешивалась в издательский процесс, невзирая на положение и статус авторов. В 1970 г. «остановили» публикацию брошюры советского конструктора ракетных двигателей академика В.П. Глушко «Путь в ракетной технике», несмотря на то, что по неофициальной «табели о рангах» ракетно-космической отрасли он был «№ 2» после Королёва. Формальным поводом к запрету книги стало отсутствие разрешительных виз заинтересованных министерств⁴⁸.

Также объектами цензурского контроля являлись высказывания советских космонавтов. Например, в 1967 г. латвийский комитет по телевидению и радиовещанию представил на контроль сценарий радиопередачи «Необычная пресс-конференция», подготовленной в форме свободной беседы граждан с лётчиком-космонавтом П.И. Беляевым на набережной Невы. Но главный военный цензор Генерального штаба М.А. Козлов счёл нецелесообразным выход данного интервью. Дело в том, что Беляев озвучил факт катапультирования Ю.А. Гагарина из спускаемого аппарата, противоречивший официальной версии приземления первого космонавта⁴⁹. И хотя катапультирование предусматривалось штатной схемой посадки кораблей типа «Восток», в СССР данное обстоятельство некоторое время скрывали. Это было связано с тем, что полёт «Востока-1» претендовал на установление международного авиационно-космического рекорда, а правила Международной авиационной федерации предусматривали нахождение пилота в кабине до момента касания поверхности.

Также цензура старалась убрать все упоминания о том, что в советской космической программе присутствовала военная составляющая. Причём, это стремление приобретало гипертрофированный характер — запрещалось даже намекать, что запуск космических кораблей и обеспечение полётов осуществлялись подразделениями Министерства обороны СССР. В апреле 1973 г. в газете «Вечерний Челябинск» так и не напечатали статью Г. Эйзеля о полёте Гагарина «В тот памятный день», так как в ней говорилось об участии военных в запуске космического корабля и слежении за ним⁵⁰.

Важным признаком советской научно-технической пропаганды был запрет на упоминание планов исследований и запусков, дабы в случае невыполнения не пострадала репутация страны и заинтересованных отраслей.

⁴⁷ ГА РФ, ф. Р-9425, оп. 1, д. 1257, л. 14–15.

⁴⁸ Там же, д. 1372, л. 4–5.

⁴⁹ Там же, д. 1298, л. 29; д. 1283, л. 32.

⁵⁰ Там же, д. 1469, л. 14–15.

Во второй половине 1960-х гг. такая ситуация сложилась с программой изучения Луны. В тот период подготовка пилотируемого полёта на естественный спутник Земли рассматривалась как передовой рубеж соревнования двух систем — социалистической и капиталистической. В публицистике и популярной литературе высказывалось мнение о существовании в системе цензуры во второй половине 1960-х гг. официального запрета на упоминание о проводившихся в СССР работах по пилотируемой лунной экспедиции. Например, об этом писал журналист-популяризатор Л.В. Владимиров. Он работал в редакции журнала «Знание — сила», в 1966 г. попросил политического убежища в Англии, а в начале 1970-х гг. в Лондоне была напечатана его книга «Советский космический блеф». Между тем сама система научно-технической цензуры совершенно не требовала оформления такого запрета. С этой задачей прекрасно справлялась ведомственная цензура, так как все материалы по космосу визировались в АН СССР, а в ряде случаев — в Управлении военной цензуры Генерального штаба Вооружённых сил СССР. Так, на заседании руководства Главлита 26 марта 1968 г. его начальник Романов озвучил мнение «товарища Лебедева» (от имени Академии наук он визировал материалы по космической тематике) о том, что к сведениям, касавшимся полётов на Луну, следует подходить крайне осторожно⁵¹.

В этой части ведомственная цензура работала чётко. 26 января 1967 г. ТАСС подготовил информацию «Итоги эксперимента “Луна-13”», где приводились ответы космонавта А.А. Леонова на вопросы москвичей. Среди прочего он сказал, что пилотируемый облёт Луны должен состояться до 1970 г. и к нему почти всё готово, за исключением решения двух проблем. По поводу этой информации Главлит обратился за консультацией в АН СССР. Полученное в ответ отрицательное заключение сделало данную публикацию невозможной⁵².

10 января 1968 г. на вопрос радиослушателей о подготовке полёта советского космонавта на Луну радиокomiteeт подготовил ответ, сформулированный астрономом В. Шевченко. Архивные материалы не позволяют сделать вывод о содержании данного материала, но в АН СССР вновь отказались дать положительное заключение⁵³. В марте 1968 г. Академия наук воспрепятствовала выходу в эфир радиопередачи «Встреча с советскими космонавтами», где была представлена беседа венгерских журналистов с А.А. Леоновым, П.И. Беляевым и В.Ф. Быковским. Причиной запрета опять стала озвученная Беляевым информация о подготовке космонавтов к полёту на Луну⁵⁴.

Даже состоявшаяся в зарубежной прессе публикация не давала гарантии на её прохождение в советских изданиях. Так, в январе 1968 г. ростовская областная газета «Комсомолец» обратилась в органы цензуры за разрешением опубликовать перевод репортажа-интервью «Один день с Павлом Беляевым», ранее напечатанного в восточногерманской газете «Фрайте Вельт». В свою очередь Главлит попросил дать по этому поводу ответ главного военного цензора Генерального штаба Козлова, но, как оказалось, тот не мог самостоятельно принять решение без соответствующего согласования в Комиссии по исследованию космического пространства⁵⁵.

В заключение отмечу, что всеобъемлющий характер цензуры был связан среди прочего и с морально-политической атмосферой советского общества. Культивировавшиеся на протяжении нескольких десятилетий шпиономания и подозрительность, навязываемый официальной пропагандой образ страны как осаждённой крепости привели к тому, что цензурные запреты и ограничения

⁵¹ Там же, д. 1289, л. 69.

⁵² Там же, д. 1268, л. 132.

⁵³ Там же, д. 1303, л. 54–55.

⁵⁴ Там же, л. 55–56.

⁵⁵ Там же, д. 1298, л. 43–44.

воспринимались как нечто само собой разумеющееся, а участие в процессе контроля представлялось, скорее, как привилегия, нежели повинность. В своё время Горяева писала о «цензурном треугольнике», включавшем ЦК КПСС, КГБ и Главлит⁵⁶. Именно данный ведомственный треугольник и определял цензурную политику в стране. В сфере контроля за научно-популярной публицистикой ситуация была ещё сложнее. В неё, так или иначе, вовлекалось огромное количество министерств и ведомств, официально не относившихся к цензурным органам. Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. советская партийно-государственная цензура имела глобальный характер. Причастность к ней проявлялась в редакторской самоцензуре и подготовке экспертных заключений по конкретным публикациям. Так же, как и в политической цензуре, ведущую роль играли указания партийных органов.

На рубеже 1960—1970-х гг. Главлит вступил в пору расцвета, что проявилось в работе его высококвалифицированного кадрового состава по контролю огромного массива информации в печати, на радио и телевидении. Это особенно заметно в материалах, посвящённых цензуре специфических научно-технических и научно-популярных текстов. При этом деятельность Главлита не была лишена определённого аппаратного демократизма. Составление «Перечня Главлита» и принятие решений по конкретным публикациям происходили с учётом мнения заинтересованных ведомств, о чём свидетельствует обширная деловая переписка.

Вместе с тем цензура научно-популярной публицистики обладала рядом особенностей. Прежде всего при контроле учитывалась необходимость сохранения государственной тайны в том виде, как это понималось в рассматриваемый период. Но следует учитывать, что чёткой границы между политико-идеологическими замечаниями и государственной тайной в то время не прослеживалось. Очень часто под видом гостайны оформлялись политико-идеологические претензии. Кроме того, закрытый характер цензуры позволял вводить неформальные критерии оценки контролируемых изданий, например, «оперативные указания по цензорскому контролю». Многоуровневый характер научно-технической цензуры мог в некоторых случаях привести к путанице и неразберихе, сопровождавшихся перепиской между заинтересованными ведомствами. Несмотря на постоянное совершенствование методов контроля, количество «утечек» секретных сведений в СМИ («перечневых нарушений», по терминологии Главлита) постоянно росло. В условиях роста числа газет и журналов, развития радио и телевидения методы традиционной цензуры уже не решали поставленных перед ней задач. Также следует опровергнуть бытующий в популярной и мемуарной литературе миф о том, что в СССР существовали виды публикаций, позволявшие обходить цензурные запреты. Среди таких обычно называют научную фантастику и научно-популярную литературу. Однако «зон, свободных от цензуры», в стране не было. Контролирующие органы вполне профессионально учитывали особенности научно-популярной литературы и пресекали попытки публикации сведений, сомнительных, с точки зрения господствовавшей идеологии.

---

⁵⁶ Горяева Т.М. Политическая цензура... С. 329, 349.

Политика памяти и историческая наука

Алексей Миллер, Ольга Малинова, Дмитрий Ефременко

Politics of memory and historical science

*Alexei Miller (European University in Saint Petersburg, Russia),
Olga Malinova (National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia), Dmitry Efremenko (Institute of Scientific Information
on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870001569-6

Начало XXI в. характеризуется резким возрастанием значения и роли политики памяти. Это относительно новое понятие обозначает всю сферу общественных практик и норм, устанавливаемых государством и связанных с регулированием коллективных представлений об истории, акцентированием внимания на одних сюжетах и замалчиванием или маргинализацией других. Речь идёт о коммеморации (ритуальных практиках – сооружении памятников и музеев, отмечании на государственном или местном уровне определённых событий прошлого и т.д.), выплате пенсий ветеранам одних событий и отказе в таких выплатах ветеранам других, регулировании доступа к архивам, определении стандартов исторического образования (того минимального набора сюжетов и фактов, которые учащийся обязан знать), приоритетном финансировании исследований и изданий о тех или иных событиях, явлениях и эпохах. Политика памяти неизбежна – нет обществ, даже племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу. По сути, политика памяти является одним из важнейших инструментов формирования идентичности того или иного сообщества.

Историческая политика является частным случаем политики памяти¹. Для неё характерно активное участие властных структур и преследование партийно-идеологических интересов, чем объясняется её зачастую конфронтационный характер. В рамках исторической политики особое место неизбежно занимает официальный нарратив – принятое на государственном уровне видение истории нации. В России после распада СССР задача конструирования национальной истории вышла на первый план². И прежде всего встал вопрос об идентичности – должна ли она считаться «национальной», «гражданской», «имперской», «цивилизационной», «русской», «российской» и т.д.

© 2018 г. А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

¹ См. подробнее: *Миллер А.И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке. Сборник статей. М., 2012.

² См.: *Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2; *Малинова О.Ю.* Макрополитическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Словарь терминов и понятий. М., 2012.

Эволюция официального исторического нарратива

Нарратив – сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий – является основным форматом репрезентации прошлого как в историографии, так и в публичном пространстве. Его связность достигается за счёт генеалогического принципа изложения, благодаря чему «событие отсылает к каким-то своим будущим последствиям (именно к последствиям, а не к причинам)»³. Исторические нарративы складываются из событий-фрагментов, которые могут быть развёрнуты в самостоятельные сюжетные повествования. В политическом дискурсе, в отличие от профессионального исторического, нарративы прошлого редко имеют развёрнутый вид. Тем большее значение приобретает их соответствие тому, что можно обозначить как «чувство очевидного» реципиентов⁴: связи, подразумеваемые политическим текстом, «прочитываются» аудиторией в той мере, в какой отсылают к уже известным ей сюжетным линиям.

Конструирование нового официального нарратива в постсоветской России предполагает реинтерпретацию событий, игравших ключевую роль в прежнем, советском нарративе, и выстраивание между ними новых связей. Очевидно, что история нашей страны – богатый символический ресурс, однако его не так просто адаптировать к новым обстоятельствам. События, память о которых на стойчиво культивировалась в советский период, впоследствии подверглись переоценке. В то же время многое из того, что служило опорой идентичности до Октябрьской революции, в СССР на десятилетия оказалось предано забвению. Формирование постсоветского нарратива предполагало использование разных стратегий: что-то требовалось «вспомнить», что-то попытаться «забыть», что-то увидеть под новым углом. Необходимо также учитывать, что конструирование нарратива, поддерживающего новую идентичность, осложнялось необходимостью совмещения двух разных способов работы с прошлым: «проработки трудного прошлого/коллективной травмы» и консолидации макрополитического сообщества.

Общественный интерес к прошлому стал наиболее интенсивен в СССР в период перестройки, отчасти потому, что через обсуждение исторических сюжетов артикулировались политические позиции, которые долгое время невозможно было заявить открыто. Идиоматический язык перестройки – «выбор исторического пути», «историческая альтернатива» и т.д. – в большой степени заимствован из лексикона историков⁵. Обсуждение «белых пятен», связанных с преступлениями коммунистического режима, прежде всего сталинизма, даже публичное произнесение ранее запретных применительно к СССР слов «империя» и «тоталитаризм» – всё это имело очевидное политическое значение.

Политика памяти в постсоветской России изначально представляла собой «поле битвы», на котором сталкивались не просто соперничающие идеологические интерпретации ключевых исторических событий, но принципиально разные культурные модели работы с прошлым. С одной стороны, продолжалось начатое в период перестройки переосмысление, связанное с «ликвидацией белых пятен» и осознанием «человеческой цены» того, что ранее представлялось в качестве достижений. Такая политика памяти вписывается в модель «проработки трудного прошлого/коллективной травмы», которую с большим или меньшим успехом осваивают многие страны, получившие в наследие от бурно-

³ *Зенкин С.* Критика нарративного разума // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.

⁴ *Topolski J.* The Role of Logic and Aesthetic in Constructing Narrative Wholes in Historiography // History and Theory. Vol. 38. 1999. № 2.

⁵ См.: *Amashev T.* Transformation of the Political Speech under Perestroika. Free Agency, Responsibility and Historical Necessity in the Emerging Intellectual Debates (1985–1991). PhD Dissertation. Florence, 2010.

го и трагического XX в. «память» о гражданских войнах, массовых репрессиях, этнических чистках, геноциде и иных преступлениях против человечности. Эта модель связана с дискурсом о «преступлении и травме», с «устранением причиняющей боль асимметрии памяти» жертв, с разоблачением и осуждением преступников и, в конечном счёте, с поисками примиряющего нарратива, позволяющего противоборствующим сторонам «включить своё противоположное видение событий в общий контекст более высокого уровня». Реализация этой программы сопряжена с очевидными рисками: ведь «травма — в отличие от героического нарратива — не мобилизует и не консолидирует, а нарушает и даже разрушает идентичность»⁶. И хотя успех в деле критической «проработки прошлого» может оказаться фактором, сплачивающим нацию, далеко не всем обществу удаётся последовательно проводить этот курс. Тем не менее, как свидетельствует опыт Германии, Франции, Испании, Австрии и других стран, «проработку трудного прошлого» можно отложить, но нельзя отменить. В постсоветской России эта задача до сих пор остаётся актуальной, и властвующая элита не может её игнорировать, поскольку существует достаточно влиятельная коалиция общественных сил, настаивающих на выполнении программы «десталинизации». Кроме того, жёсткая позиция отказа от критической проработки прошлого неизбежно будет использована международными контрагентами для подрыва репутации России.

С другой стороны, после распада СССР возникла необходимость конструирования исторического нарратива, способного служить основанием новой макрополитической идентичности. В российском случае эта типовая задача политики памяти, во многих странах решавшаяся ещё в процессе нациестроительства, осложняется тем, что речь идет о «выкраивании» истории «нации» для сообщества, выступающего наследником ядра империи (даже двух империй). Усугубляет ситуацию отсутствие определённости с прочими элементами конструируемой идентичности (в частности, оснований идентификации и символических/географических границ сообщества). Вместе с тем политика памяти, направленная на консолидацию нации, имеет определённую логику: в таких случаях основной упор делается на событиях и символах прошлого, укрепляющих положительные представления нации о себе⁷. Полезным «строительным материалом» оказывается «память» о былых победах, ключевых вехах строительства государства, научно-технических достижениях, вкладе соотечественников в сокровищницу мировой культуры и т.п. Наглядной иллюстрацией могут служить памятники государственным деятелям, полководцам, героям и деятелям культуры, установленные в столицах разных стран мира. В некоторых случаях целям нациестроительства с успехом служат и символы былых поражений, но для многосоставных наций, подобных российской, данный вариант не подходит⁸.

У описанных моделей политики памяти разные задачи и разные механизмы. Первая модель является ответом на «асимметрию памяти», вызванную принудительным «забвением». Она прорабатывает наследие «преступления и травмы», которое разделяет общество и побуждает испытывать скорбь, гнев, стыд и иные сложные чувства. Вторая модель, напротив, нацелена на сплочение вокруг наследия прошлого, которым можно гордиться. Обе модели построены на «вспоминании» и «забвении», но осуществляют их на свой лад.

⁶ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2014. С. 69, 72.

⁷ *Smith A.D.* Myths and Memories of the Nation. Oxford, 1999; *Coakley J.* Mobilizing the Past: Nationalist Images of History // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2007. Vol. 10. № 4; *Касян С.И.* Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М., 2012.

⁸ *Mock S.* Symbols of Defeat in the Construction of National Identity. N.Y., 2012.

В 1990-х гг. российская идентичность конструировалась на основе новых, «демократических» ценностей, ориентиром для которых служил идеализированный «опыт Запада». Легитимация политического курса Б.Н. Ельцина опиралась на исторический нарратив, в котором сочетались обе описанные выше модели политики памяти. Первый президент Российской Федерации и его соратники использовали перестроечный дискурс для обоснования критического нарратива, мобилизующего на «демонтаж тоталитарного порядка»⁹. Формально разделяя цели сторонников «проработки прошлого», элита ставила во главу угла не столько преодоление «асимметрии памяти», сколько оправдание собственного курса и конструирование идентичности макрополитического сообщества на новых принципах. Стержнем этой конструкции служила критика советского опыта, отношение же к дореволюционной истории было более сложным.

В основе нарратива лежала идея «новой России», порвавшей с негативным наследием как советского, так и имперского периода. Вспоминая о прошлом, Ельцин часто прибегал к противопоставлениям («За всю тысячелетнюю историю России культура и её деятели не имели столько свободы творчества и политической независимости, как теперь»¹⁰; «Россия хорошо знает, что такое право силы. Осознать силу права только предстоит»¹¹; и т.п.). В то же время нельзя игнорировать стремление власти утвердить преемственность исторического развития, преодолеть «разрыв 1917 года». Показательны принципиальные изменения в геральдике – имперский двуглавый орел сочетался с трёхцветным неимперским флагом. В тексте, который актёр О.В. Басилашвили читал на инаугурации Ельцина 10 июля 1991 г., говорилось о святом равноапостольном князе Владимире, преподобном Сергии Радонежском, Петре Великом и Екатерине II. Также говорилось о «событиях 1917 года», но практически не упоминался советский период.

Критический нарратив нашёл отражение не только в текстах, но и в практических действиях (переименование топографических объектов, демонтаж памятников, изменение официальных ритуалов, трансформация старых советских праздников и проч.). Мы располагаем документом, в котором он излагается весьма подробно и обстоятельно. В феврале 1996 г., в рамках фактически начавшейся избирательной кампании, Ельцин включил в своё ежегодное послание Федеральному собранию РФ большой фрагмент, посвящённый истории XX в. Призывая соотечественников найти верную шкалу оценки событий 1990-х гг., он пытался оправдать распад СССР и объяснял тяготы реформ необходимостью выживания после краха коммунистического проекта, «не выдержавшего испытания на большой исторической дистанции». Президент крайне негативно характеризовал предложенную большевиками «сверхжесткую мобилизационную модель развития» и демонстративно отказывался от позитивной оценки того, что прежде ставилось в заслугу советскому режиму: по оценке Ельцина, «превращение России в мощную военно-индустриальную державу было достигнуто надрывом сил народа, за счёт колоссальных людских потерь». Критически оценивая прежние политические режимы, он представлял фактором преемственности истории не государство, а народ, «сумевший сохранить,

---

⁹ Эта формулировка имела отчётливую коннотацию с западной идеологией времён холодной войны.

¹⁰ Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному собранию РФ: «Об укреплении Российского государства». 1994 (URL: http://www.intelros.ru/2007/02/04/poslanija_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html).

¹¹ Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному собранию РФ: «О действительности государственной власти в России». 1995 (URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html).

несмотря ни на что, свои лучшие национальные черты и качества»¹². Великая Отечественная война вписывалась в новый нарратив как подвиг народа, совершённый не благодаря советскому строю, а вопреки ему. Такая интерпретация соединяла «героизм» и «травму», благодаря чему конструкция оказывалась не только достаточно гибкой, чтобы вместить «трудное прошлое», но и могла служить хорошей основой «гражданского патриотизма».

В то же время во второй половине 1990-х гг. произошла частичная корректировка символической политики: на смену радикальному отрицанию «тоталитарного прошлого» пришла установка на «примирение и согласие». Она отчётливо проявилась после выборов 1996 г. (приглашение к разработке «национальной идеи», переименование 7 ноября в День согласия и примирения, история с перезахоронением останков членов царской семьи и др.), однако первые признаки нового подхода обозначились уже во время подготовки к празднованию 50-летия Победы. Именно тогда были заложены основы современного ритуала (ежегодные военные парады на Красной площади, красное знамя Победы в качестве официального символа и др.). Однако эти «уступки» не помогли Ельцину и его соратникам полностью подавить «народно-патриотическую оппозицию», чей контрнарратив являлся частично трансформированной советской исторической концепцией.

Критический нарратив оказался не слишком эффективным инструментом консолидации макрополитического сообщества. Наряду с символической политикой, свою роль здесь сыграли «качество» разработанной смысловой конструкции, а также практика её «применения». С одной стороны, нарратив 1990-х гг. плохо справлялся с задачей формирования позитивного образа, относя «хорошие времена» в неопределённое будущее. Такая смысловая конструкция вряд ли могла удовлетворить потребности общества, переживавшего травму распада СССР и масштабной постсоветской трансформации. С другой стороны, политика идентичности не отличалась последовательностью и настойчивостью: властвующая элита не только не стремилась укоренить «демократические» ценности в отечественной либеральной традиции, но и не занималась систематически формированием «инфраструктуры» памяти о ключевых событиях новейшего периода, которые подкрепляли бы концепцию «новой России».

К началу 2000-х гг. сложилась коалиция политических сил, выступавших за переход к конструированию национального нарратива. В неё входили не только представители лево-патриотического крыла, но и центристы-«державники», которые не были апологетами советского режима, но полагали, что государство должно заботиться о повышении коллективной самооценки сограждан. Высокий уровень поддержки В.В. Путина, достигнутый в первые же месяцы его пребывания на посту президента, в значительной степени обусловлен тем, что он ответил на этот запрос. В отличие от своего предшественника он не был связан принадлежностью к идеологическим лагерям 1990-х гг. и мог позволить себе использовать идеи и символы из репертуара «народно-патриотической оппозиции», казавшиеся абсолютно неприемлемыми «демократам». Первым конструктивным действием в этом направлении стало решение вопроса о государственной символике. Оно поначалу показалось многим критикам механическим соединением несоединимого – радующего традиционалистов византийского двуглавого орла, удобного либералам петровского триколора и ласкающей слух коммунистов мелодии сталинского гимна. Но вскоре обнаружилось, что всё «срослось», что эклектичный синтез символов принят практически все-

---

¹² Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному собранию РФ: «Россия, за которую мы в ответе». 1996 (URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_za_kotoruju_my_v_otvete_1996_god.html).

ми. И, разумеется, сам этот синтез был символичен, указывая на волю власти не к дистанцированию от прошлого, но к подчёркиванию преемственности в отношении всех периодов истории российской и советской государственности.

Смысловым стержнем нового официального нарратива стала проецируемая на всю «тысячелетнюю историю» России идея великодержавности. Именно государство (вне зависимости от менявшихся границ и политических режимов) выступает в качестве ключевой ценности, скрепляющей макрополитическую общность. Идея «сильного государства» как основы былого и будущего величия России была сформулирована в 2003 г., когда Путин назвал «поистине историческим подвигом» граждан России «удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире»¹³. Идея «тысячелетней России», сложившейся в великое государство, способное завоевать «сильные позиции в мире», стала стержнем исторической политики.

Новая смысловая схема коллективного прошлого оформлялась постепенно. Решительный разрыв с прежним нарративом произошёл лишь в начале второго президентского срока Путина, когда в послание Федеральному собранию РФ были включены известные слова о распаде СССР как «крупнейшей геополитической катастрофе века»¹⁴, которые противоречили оценке, многократно озвученной Ельциным («Советский Союз рухнул под тяжестью всеобъемлющего кризиса, разорванный на куски экономическими, политическими и социальными противоречиями»¹⁵). Интерпретация распада СССР (который *de facto* стал началом нового этапа истории Российского государства) как случайной катастрофы¹⁶, спровоцированной действиями злонамеренных политиков, прекрасно вписывалась в концепцию «тысячелетней» великой державы. Однако она полностью противоречила прежнему нарративу, который представлял крах «тоталитарного» коммунистического режима как историческую необходимость и описывал выбор 1990-х гг. как изменение траектории развития.

«Реабилитация» советского в официальной символической политике происходила избирательно: наиболее одиозные моменты исключались из репертуара «используемого» прошлого. В выступлениях Путина и позднее Д.А. Медведева можно обнаружить немало критических оценок советского опыта; речь не шла о его тотальной апологии. Тем не менее тема «трудного прошлого» практически перестала быть частью официального нарратива. История СССР оказалась «политически пригодной» прежде всего как история великой державы, которая, несмотря на все трудности, смогла осуществить модернизацию и превратиться в ведущего актора мировой политики. Тоталитарные практики и репрессии были «вынесены за скобки». Оформилась политика, «направленная на перекодирование ностальгии по советскому прошлому в новую форму российского патриотизма, для которого «советское», будучи лишено исторической специфики, рассматривается как часть широко понимаемого... культурного наследия»¹⁷.

При всех принципиальных различиях у политик памяти 1990-х и 2000-х гг. была одна общая особенность: официальный нарратив, озвучиваемый первыми лицами и «прочитываемый» в решениях федеральной власти, не дополнялся

¹³ Путин В.В. Послание Федеральному собранию РФ. 2003 (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21998>).

¹⁴ Путин В.В. Послание Федеральному собранию РФ. 2005 (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>).

¹⁵ Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному собранию РФ: «Россия, за которую мы в ответе». 1996.

¹⁶ См.: Ефременко Д.В. Нормальная катастрофа. Ещё раз об исторических развилках 1980–1990-х годов // Прошлый век. Сборник научных трудов. М., 2013.

¹⁷ Kalinin I. Nostalgic Modernization: the Soviet Past as 'Historical Horizon' // Slavonica. Vol. 17. 2011. № 2. P. 157.

целенаправленной реконструкцией «инфраструктуры» коллективной памяти. Предлагая концепцию «новой России», Ельцин и его соратники не сумели подкрепить её политическими ритуалами, праздниками, эмоционально насыщенными «изобретёнными традициями», закрепляющими «вехи» новейшей истории. Характерным примером может служить создание Ельциным комиссии для поиска национальной идеи. Её деятельность не дала результатов, а вскоре, в августе 1998 г., экономический и политический кризис отодвинул эти усилия на периферию внимания власть предержащих. Более или менее систематический характер эта работа начала обретать уже при «новом режиме», особенно с того момента, как соответствующую тематику в Администрации президента РФ стал курировать В.Ю. Сурков. Но и путинская элита, сделав выбор в пользу «тысячелетней России», уделяла удивительно мало внимания насыщению новой конструкции узнаваемыми символами. Анализ тематического репертуара памятных речей¹⁸ Путина и Медведева показывает, что основным «поставщиком» поводов для обращения к прошлому остаётся история советского периода, причем около трети выступлений посвящены Великой Отечественной войне. Единственным казусом «изобретения традиции», связанной с «тысячелетним прошлым», оказалось учреждение в 2004 г. Дня народного единства (насколько успешным стал этот проект – предмет для отдельного разговора). Очевидно, что «инфраструктура» коллективной памяти, доставшаяся по наследству от СССР, не могла служить хорошей опорой концепции «тысячелетней России», поскольку выстраивалась под нарратив, который весьма критически «препарировал» отечественное прошлое. Однако властвующая элита не предпринимала особых усилий для связывания воедино весьма эклектической концепции, предпочитая обходиться позитивными символами уже актуализированного прошлого.

Лишь после избрания Путина на третий срок ситуация начала меняться. Тем не менее попытки выстраивания связного нарратива пока приносят неоднозначные результаты. С одной стороны, речь идёт об укреплении апологетической концепции истории, которая рассматривается как «идеологическое оружие» в борьбе с внешними и внутренними врагами. Это создает угрозу возвращения к политике подавления «памятей», не вписывающихся в официальную трактовку, которая имела место в СССР. С другой стороны, связывание нарратива инициирует новый раунд дискуссий, что открывает определённые окна возможностей и для решения задач, связанных с «проработкой трудного прошлого».

Политика памяти в странах Европейского Союза: вызов и ответ

Сильным катализатором политики памяти стала активизация в начале XXI в. в странах Восточной Европы исторической политики, главной мишенью которой была Россия. В результате в первой половине 2000-х гг. власть начала активно заниматься политикой памяти и задавать тон в этом процессе.

Для понимания значимости внешних вызовов необходимо учитывать, что в течение послевоенных десятилетий фундаментальным фактором политики памяти была изолированность процессов на капиталистическом «западе» и коммунистическом «востоке». В 1960–1990-х гг. страны Западной Европы постепенно выработали определённый консенсус, стержнем которого стала общая ответственность за мрачные страницы прошлого. Конечно, мотивы собственных страданий играли важную роль в коллективной памяти народов, входивших в ЕС до его расширения в 2004 г., а признание ответственности было избирательным. Так, в вопросе о роли европейцев в колониализме и ра-

---

¹⁸ Речи, произносимые по поводам, связанным с историческими событиями – по праздникам, юбилеям и проч.

боторговле мы не найдем того единодушного покаяния, которого удалось достигнуть в отношении Холокоста. Однако достигнутый консенсус сам по себе оказался очень значимым. Он сделал невозможным построение в этой части Европы национальных исторических нарративов, в которых главной жертвой выступала бы собственная нация. Невозможно было требовать для себя преференций, ссылаясь на прошлые страдания. В центре внимания оказывались проблема собственной ответственности и необходимость предотвратить преступления, подобные Холокосту, в будущем. «Старые» страны-участники ЕС смогли прийти к согласию отчасти потому, что последние десятилетия XX в. оказались для них весьма успешными в экономическом и политическом плане. Глядя с уверенностью и оптимизмом в будущее, думая о глобальной лидерской роли Евросоюза, им было легче договориться о совместном покаянии за грехи прошлого.

После падения коммунизма сконструировать национальные нарративы по своему усмотрению получили возможность почти все страны бывшего соцлагеря. Единственным исключением стала ГДР, которой в ходе поглощения Западной Германией предписывалось принять нарратив, сформированный в ФРГ. Преподаватели истории прежнего режима были практически поголовно уволены, а концепция, возлагавшая вину за преступления нацистов на капитализм и объявлявшая главными жертвами коммунистов, сдана в архив. В остальных же странах роль пострадавших оказалась зарезервирована для титульной нации, а трактовка истории сфокусировалась на страданиях от коммунистического угнетения. Причём коммунизм представлялся как сугубо внешнее, «московское» зло. Страны Восточной Европы включились в «поиски потерянного геноцида»¹⁹.

Помимо тематических музеев, в них создавались институции, существенно отличавшиеся от тех, которые характерны для Западной Европы. Польский Институт национальной памяти (ИНП) был учрежден в 1998 г. вместо Комиссии по расследованию преступлений против польского народа. Образцом, по официальной версии, послужила «комиссия Гаука» в Германии, которая занималась обеспечением сохранности архивов служб безопасности ГДР и организацией доступа к ним исследователей и обычных граждан²⁰. На деле, однако, сходство оказалось весьма отдалённым. Помимо опеки над архивами спецслужб ИНП занимается преследованием лиц, причастных к преступлениям коммунистического режима, для чего в его штате числится 26 прокуроров. С 2006 г. Институт также занимается лustrацией. Изначально он насчитывал 800 сотрудников, но теперь их уже более двух тысяч, а бюджет увеличился втрое. Историки, занятые в его исследовательских подразделениях, имеют статус госслужащих и получают существенно более высокую зарплату по сравнению с сотрудниками Академии наук и университетов. ИНП является главным игроком на рынке специальной и популярной печатной продукции об истории, опубликовав более 600 томов материалов и издавая под своей эгидой три популярных журнала. Это во многом объясняет, почему сторонние исследователи сталкиваются с серьёзными проблемами в доступе к архивам, находящимся в ведении Института – работники ИНП видят в них нежелательных конкурентов.

Термин «историческая политика» Польша в 2004 г. заимствовала из Германии, когда несколько интеллектуалов выступили в печати с призывом вы-

¹⁹ Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // Историческая политика в XXI веке...

²⁰ Официальное название «комиссии Гаука» – Ведомство Федерального уполномоченного по документам Государственной службы безопасности бывшей Германской демократической республики (Die Behörde des Bundesbeauftragten für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik).

работать и энергично проводить патриотическую «историческую политику»²¹. Но он не просто утратил то сугубо негативное значение, которое имел с 1980-х гг.²², а стал знаменем агрессивного инструментального подхода к прошлому. В посткоммунистических странах историческая политика превратилась в оружие борьбы на внутри- и внешнеполитическом фронте. Понятие «историческая политика» теперь используется здесь преимущественно в «польском» варианте.

В 2008 г. западноевропейские историки, а также некоторые их коллеги из Восточной Европы, подписали «Воззвание из Блуа» (Appel de Blois), в котором говорилось: «История не должна становиться служанкой политической конъюнктуры. Её нельзя писать под диктовку противоречащих друг другу мемуаристов. В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследователя под угрозой наказания. Мы обращаемся к историкам с призывом объединить силы в их собственных странах, создавая у себя организации, подобные нашей, и в ближайшее время лично подписать наш призыв, чтобы положить конец сползанию к государственному регулированию исторической истины. Мы призываем политических деятелей отдать себе отчёт в том, что, обладая властью воздействовать на коллективную память народа, вы, тем не менее, не имеете права устанавливать законом некую государственную правду в отношении прошлого, юридическое навязывание которой может повлечь за собой тяжёлые последствия — как для работы профессиональных историков, так и для интеллектуальной свободы в целом. В демократическом обществе свобода историка — это наша общая свобода»²³.

Воззвание появилось в ответ на обозначившуюся склонность западноевропейских парламентов законодательно определять интерпретации исторических событий. Однако с того момента «законы о памяти» приняли все восточноевропейские страны. И только в одной стране — Румынии — было запрещено оправдание собственных преступников периода Второй мировой войны. Практически везде такого рода законодательные акты криминализируют не отрицание преступлений, совершённое представителями собственной нации, но возражение против определённых интерпретаций страданий собственной нации.

Украина в течение ряда лет являлась ареной «войны памятников», которые взрывали и опрокидывали сторонники разных политических партий. «Ленинград» 2014 г. стал кульминацией этого процесса, ход которого и силы, принявшие в нём участие, заслуживают отдельного обсуждения. Однако первый памятник был разрушен сторонниками партии «Свобода» в Киеве ещё в декабре 2013 г. Они же, окрылённые успехом, 1 января 2014 г. прошли по улицам столицы с факельным шествием в честь дня рождения С. Бандеры. В шествии приняли участие более 10 тыс. человек. Эти события принципиально изменили символическую природу Майдана. С тех пор стало практически невозможно обратиться к собравшимся на площади без лозунга, унаследованного от бандеровского движения: «Слава Украине! — Героям слава!» Некоторые участники Майдана пытались «перезагрузить» его смысл, но борьбу за олицетворение движения выиграл радикальный национализм неонацистского типа.

Украинский Институт национальной памяти должен был, согласно постановлению Кабинета министров от 31 мая 2006 г., разрабатывать предложения по «восстановлению объективной и справедливой истории украинского народа», «пропаганде давности происхождения украинской нации и её языка», определять «направления и методы восстановления исторической правды

²¹ См. статьи А.И. Миллера, Р. Трабы, Д. Столи в кн.: Историческая политика в XXI веке...

²² Оговоримся, что в 1990-е гг. отдельные исследователи использовали понятие «историческая политика» как аналитическую, ценностно нейтральную категорию.

²³ Appel de Blois (URL: http://www.concernedhistorians.org/content_files/file/to/162.pdf).

и справедливости в изучении истории Украины»²⁴. Логично в этой связи, что ведущую роль в Институте с момента его основания играет В. Вятрович, ставший в 2014 г. его директором. Он получил известность в 2006 г. своей книгой, в которой доказывалось, что Украинская повстанческая армия (УПА) во время войны спасала евреев от нацистов, а затем упрочил репутацию книгой, в которой доказывал, что резня польского населения Волыни отрядами УПА была частью «второй польско-украинской войны 1942–1947 годов», в которой украинцы оказались в большей степени жертвами, чем преступниками²⁵. В 2014 г. Вятрович разработал четыре новых закона, которые должны регулировать политику памяти на Украине. Они были в спешном порядке приняты в апреле 2015 г.²⁶

По всей Восточной Европе успешно осуществлён «экспорт вины», что находится в кричащем противоречии с прежней европейской культурой памяти, постепенно приучавшей людей думать о собственной ответственности. Более того, восточноевропейская политика памяти, сосредоточенная на собственных страданиях, предъявила претензии и самому Западу – за предательство малых наций Европы, «похищенных» коммунистической Москвой. Этот мотив был сформулирован ещё в начале 1980-х гг. в знаменитой статье М. Кундеры «Похищенный Запад, или трагедия Центральной Европы»²⁷, которая познакомила американскую и западноевропейскую общественность с концепцией Центральной Европы²⁸.

После обретения независимости элиты новых государств с политической точки зрения вполне рационально стремились предотвратить возможность нового соглашения между ведущими государствами Запада и Россией, при котором могли бы пострадать их интересы. Для этого они старались повысить «цену» такого шага для западноевропейских лидеров, выстраивая определённую политику памяти и заключая на этой основе союзы с различными силами внутри ЕС. Эта стратегия, наиболее настойчиво проводившаяся балтийскими республиками²⁹, получила поддержку таких заслуженных диссидентов-президентов, как Л. Валенса и В. Гавел, а также западноевропейских политиков из числа бывших маоистов и троцкистов, дрейфовавших вправо по политическому спектру – от министров иностранных дел ведущих стран ЕС Й. Фишера и Б. Кушнера до интеллектуалов Д. Кон-Бендита или А. Глюксмана.

Экзистенциальные страхи были присущи восточноевропейским элитам в течение всего XX в. И. Бибо блестяще описал этот феномен в своей работе 1946 г. «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств»³⁰. Даже вступив в НАТО и ЕС, они не преодолели эти комплексы. Ключевым элементом соответствующих нарративов стала Россия как источник угрозы. В европейской традиции эта тема имеет глубокие корни: взгляд на Россию как на «варвара у ворот» доминировал в европейской мысли в течение последних

---

²⁴ Правительство создало Украинский институт национальной памяти (URL: http://www.kmu.gov.ua/control/ru/publish/printable_article?art_id=38654277).

²⁵ В'ятрович В.М. Ставлення ОУН до євреїв: формування позиції на тлі катастрофи. Львів, 2006; В'ятрович В.М. Друга польсько-українська війна. 1942–1947. Київ, 2011.

²⁶ Подробно см.: *Himka J.-P.* Legislating Historical Truth: Ukraine's Laws of 9 April 2015 (URL: <http://net.abimperio.net/node/3442>).

²⁷ *Kundera M.* Un Occident kidnappé, ou la tragédie de l'Europe centrale // *Le Débat*. Vol. 5. 1983. № 27.

²⁸ *Миллер А.И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Независимое литературное обозрение. 2001. № 52 (URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/52/mill.html>).

²⁹ *Астров А.* Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центрально-европейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке...

³⁰ См.: *Бибо И.* О смысле европейского развития и другие работы. М., 2004.

трёх веков, иногда уступая место, а чаще сочетаясь с концепцией России как «вечного подмастерья». На базовые механизмы этого дискурса мало повлиял распад СССР: «Нет смысла рассуждать о конце деления на Восток и Запад в европейской истории после окончания холодной войны. Вопрос не в том, будет ли Восток использоваться для формирования новых европейских идентичностей, а в том, как это будет делаться»³¹.

В XXI в. в результате взаимодействия западно- и восточноевропейской «культур памяти» произошла радикальная трансформация европейской политики памяти в целом. Сегодня можно говорить о том, что именно «восточная» модель, сфокусированная на собственной мартирологии и мотиве экзистенциальной угрозы, одержала верх над «западной», в которой главную роль играла тема собственной вины и ответственности. Отчасти это связано с тем, что элиты ведущих западноевропейских стран по разным причинам не считали нужным входить в конфронтацию с новыми членами ЕС по этой проблеме. Отчасти объяснение нужно искать в том, что за последние десять лет уверенность в себе и в успешности ЕС как проекта интеграции оказалась поколеблена и в «старой Европе». Отчасти возрастание напряжения в отношениях между Россией и соседями было осмыслено на Западе в соответствии с восточноевропейскими механизмами коллективной памяти и конструирования идентичности.

Сегодня можно говорить и о долгосрочных последствиях такого сдвига. Расширение Европейского союза в 2004 г., по сути, похоронило надежды на то, что консенсус о прошлом может стать фактором дальнейшей консолидации³². Политика и, шире, культура памяти, оказались не клеем, а растворителем, который раздвигает единство ЕС. Это воздействие могло игнорироваться, пока само объединение рассматривалось как уникальный пример политически успешного интеграционного проекта. Однако после Brexit'a неизбежна масштабная перегруппировка сил, причём наиболее вероятный её сценарий – «Европа разных скоростей». Можно ожидать, что политика памяти станет весьма эффективным инструментом дивергенции.

Однако и это ещё не всё. Восточноевропейские механизмы коллективной памяти, «подмявшие» под себя европейскую политику памяти, при их дальнейшем распространении на Восток порождают новую напряжённость, вступая в конфликт как с конструируемой в России идентичностью, так и с идентичностями, восходящими к советскому времени. Украина в данном случае становится основным полигоном такого конфликта идентичностей. В зависимости от радикальности действий украинского «политикума» в сфере конструирования «постмайданной» идентичности, а также от шагов в сферах языковой и региональной политики, можно ожидать дальнейшего усиления социальной и политической напряжённости в этой стране.

Политика памяти как проблема междисциплинарного исследования

Политику памяти можно рассматривать как систему взаимодействий и коммуникаций в политическом использовании прошлого, в которой профессиональное историческое сообщество играет одну из важнейших ролей. Это система с внутренней рефлексией, причём учёные оказываются в двойственной позиции актора и рефлектирующего наблюдателя. Соответственно, сама политика памяти оказывается объектом междисциплинарного научного анализа, который способен воздействовать на дальнейшее развитие своего объекта. Для историков, политологов, исследователей международных отношений, культу-

³¹ Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2003.

³² Was hält Europa Zusammen? // Transit. Europäische Revue. 2004. Heft 28.

рологов, социологов и социальных психологов принципиально важно отслеживать эволюцию официального нарратива, выявлять факторы, воздействующие на его динамику, анализировать другие значимые компоненты.

Исследования в области политики памяти уже оформились в особое междисциплинарное научное направление. До недавнего времени оно концентрировалось на четырёх основных темах. Первая – использование прошлого при формировании национальных и региональных идентичностей. Вероятно, наиболее известным проектом в этой сфере явилось исследование «мест памяти» во Франции³³. Вторая фокусировалась на памяти о колониализме, что нашло отражение в постколониальных исследованиях, особенно активных в США, Западной Европе и бывших заморских колониях Британии и Франции. Третья – изучение темы «проработки проблематичного прошлого» в XX в. Первоначально фокус был почти исключительно на Германии и Японии – по определению Нюрнбергского и Токийского трибуналов главных преступников периода Второй мировой войны. Начиная с 1980-х гг. вопросы нацистского прошлого, коллаборационизма и участия в Холокосте стали активно обсуждаться в других странах Европы. Параллельно шёл процесс изучения механизмов «проработки прошлого» политологами, историками, социологами. К этому направлению примыкает огромная литература, посвящённая Холокосту и памяти о нём. Четвертая тема: проблемы политики памяти в контексте *transitional justice* – восстановительного правосудия, направленного на преодоление последствий систематических нарушений прав человека, как правило в процессе трансформации авторитарных режимов.

Начиная с 1980-х гг. появляется всё больше исследований международных взаимодействий по проблемам прошлого в Восточной и Юго-Восточной Азии, связанных, прежде всего, с преступлениями японского милитаризма в Китае и Корее, а также литература о политике памяти в поставторитарных режимах Юга Европы и Латинской Америки, ЮАР, в странах, ставших жертвами межэтнических конфликтов. Случай российской политики памяти имеет как очевидную специфику, так и многочисленные пересечения со всеми перечисленными.

Примечательно, что, несмотря на наличие очевидных связей между политикой памяти в разных странах, подавляющее большинство исследований сконцентрированы на анализе отдельных примеров. В лучшем случае опыт разных стран (как правило двух-трёх) сравнивается в рамках описанных выше кластеров. С одной стороны, это можно объяснить тем, что в каждом конкретном случае складывается особая комбинация факторов, способствующих политической актуализации прошлого. С другой стороны, необходимо учитывать и кумулятивные эффекты «историзации» политики как глобальной тенденции. Во-первых, опыт политической работы с прошлым поддаётся переносу и иногда начинает восприниматься как норма, к которой апеллируют участники дискуссий в других странах. Во-вторых, конфликты «памятей» нередко имеют международный характер. В-третьих, все описанные выше факторы так или иначе влияют на изменение ментальных «систем координат», в которых укоренены современные политические практики. Таким образом, налицо дефицит сравнительных исследований, рассматривающих политику памяти не только в региональном, но и в глобальном измерении.

Сравнительный анализ политик памяти затрудняется тем, что взаимодействия акторов происходят в исторически уникальных контекстах, что затрудняет построение типологий, позволяющих различать общее и особенное. На наш взгляд, эта проблема может быть преодолена путём разработки на основе метода качественного сравнительного анализа методологии сравнительно-

---

³³ Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пиоимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб., 1999.

го исследования структуры взаимодействий, образующих российскую политику памяти, с теми структурами, в которых функционировала политика памяти других стран. Это позволит не только лучше понять типологические особенности отечественной политики, но и выработать рекомендации по её оптимизации с учётом чужого опыта.

Хотя круг акторов политики памяти не вызывает особых разногласий – обычно к их числу относят политические партии и отдельных ведущих политиков, СМИ, специальные институты, занимающиеся памятью и коммеморацией, музеи, различные общественные организации, и т.п., – исследования, рассматривающие её как процесс взаимодействия разных акторов в публичном пространстве, сравнительно редки. В лучшем случае объектом анализа становятся соперничающие нарративные стратегии. Принимая подход, фиксирующий внимание исследователя на ролях разных акторов политики памяти и их взаимодействиях, нельзя не заметить, что политика памяти не существует изолированно от других аспектов того, что П. Бурдьё назвал символической борьбой³⁴: она связана с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве. Способы репрезентации прошлого обусловлены доминирующими моделями коллективных идентичностей, проектами желаемого будущего, позиционированием по отношению к «значимым другим» и опираются на общие репертуары смыслов. Поэтому для изучения политики памяти в полной мере могут использоваться подходы, разработанные для анализа символической политики. Наконец, при постановке в центр исследования проблемы взаимодействия различных акторов по вопросам политики памяти имеет смысл рассматривать каждое высказывание в духе подхода, предложенного К. Скиннером³⁵ – как политическое действие, которое должно быть проанализировано с точки зрения адресатов воздействия.

В целом при изучении политики памяти в России и других странах необходимо стремиться к преодолению ограничений, присущих значительной части существующих исследований. В частности, необходимо уделить особое внимание: 1) взаимосвязи внутри- и внешнеполитического аспектов; 2) взаимодействию различных акторов в обоих контекстах с фокусировкой внимания на процессах взаимодействия и взаимовлияния (*entangled history*); 3) разработке методологии сравнительного исследования структур взаимодействий, из которых складывается политика памяти в России, с теми структурами, в которых функционировали политики памяти в других странах и её апробации на материале конца XX – начала XXI в. Роль профессионального сообщества историков и различных экспертных сообществ³⁶ в формировании политики памяти также нуждается в систематическом анализе.

---

³⁴ Бурдьё П. О символической власти // Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007.

³⁵ Skinner Q. On Performing and Explaining Linguistic Actions // The Philosophical Quarterly. Vol. 21. 1971. № 82; Skinner Q. Some Problems in the Analysis of Political Thought and Action // Political Theory. Vol. 2. 1974. № 3.

³⁶ Подробнее см.: Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Полития. 2013. № 4.

С.Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов»

Любовь Бибикина

S.G. Svatikov and the origin
of the «Protocols of the Elders of Zion»

Lyubov Bibikova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870001576-4

«Протоколы сионских мудрецов» — несомненно, одна из наиболее известных фальсификаций XX в. Опубликованные в начале XX в. в России, они приобрели после революции 1917 г. большой резонанс, были переведены на многие европейские языки, а в 1930-е гг. активно использовались в пропаганде Третьего рейха. О «Протоколах» написано столько, что они кажутся хорошо изученными и представляющими интерес скорее для конспирологов, чем для историков. При этом в литературе, в том числе научной, с 1920–1930-х гг. преобладает мнение о том, что их появление связано с П.И. Рачковским, в 1884–1902 гг. заведовавшим Заграничной агентурой Департамента полиции. Его называют то автором или соавтором, то заказчиком данного текста¹. Так, В.Л. Бурцев в 1938 г. категорически утверждал в подзаголовке своей книги: «Рачковский сфабриковал “Протоколы сионских мудрецов”, а Гитлер придал им мировую известность»². Британский историк Н. Кон, исследовавший происхождение «Протоколов», видел в причастности «охранки» к их изготовлению «благословение на геноцид»³. Подобное представление, дискредитировавшее политический сыск Российской империи, отразилось и в философских трактатах⁴, и даже в романах⁵.

Исследователи, пытавшиеся оспорить участие Рачковского в подготовке этой фальсификации, обычно ссылались на то, что оно не находит подтверждения в делах Департамента полиции⁶, а по воспоминаниям Андрея Рачковского, его отец впервые познакомился с текстом «Протоколов» уже после того, как они были опубликованы⁷. Однако их оппоненты на протяжении многих лет приводят разнообразные «свидетельства», а недостаток источников восполняют

© 2018 г. Л.В. Бибикина

¹ *Милоков П.Н.* Правда о сионских протоколах. Литературный подлог. Париж, 1922; *Делевский Ю.* Протоколы сионских мудрецов (История одного подлога). Берлин, 1923; *Бурцев В.Л.* Протоколы сионских мудрецов: доказанный подлог. Париж, 1938; *Дудаков С.* История одного мифа. Очерки русской литературы XIX–XX вв. М., 1993; *Будницкий О.В.* С.Г. Сватиков и его борьба на «еврейском фронте» // Евреи и русская революция. М., 1999. С. 24–26.

² *Бурцев В.Л.* Указ. соч.

³ *Cohn N.* Warrant for Genocide. The Myth of the Jewish world-Conspiracy and the Protocols of the Elders of Zion. L., 1967. Русский перевод: *Кон Н.* Благословение на геноцид: миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов». М., 1990.

⁴ *Nora P.* 1898. Le thème du complot et la définition de l'identité juive // Pour Léon Poliakov. Le racisme, mythes et sciences. Bruxelles, 1981. P. 157–165.

⁵ *Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах. СПб., 2003; *Эко У.* Маятник Фуко. СПб., 2006.

⁶ *Брачев В.С.* Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998. С. 21–23.

⁷ *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993. С. 263–264, 275.

смелыми гипотезами. Так, по мнению И.П. Шорникова, поскольку Рачковский родился в Дубоссарах Херсонской губ. и, вероятно, интересовался «политическими событиями в родных краях», то «не исключено», что некая «группа Рачковского» передала созданную фальшивку именно П.А. Крушевану — известному публицисту и активному черносотенцу, проживавшему в Кишинёве⁸. Данные предположения автор документально не подтверждает, однако это пока единственная в историографии попытка проследить «связь» заведующего Заграничной агентурой с первым публикатором «Протоколов». Неудивительно, что автор самого детального в новейшей историографии исследования о «Протоколах» — французский историк П. Тагиефф пишет о невозможности и даже бесполезности попыток разобраться в происхождении данного текста и предлагает рассматривать его возникновение как рождение мифа, используя соответствующий методологический инструментарий⁹.

Между тем в последнее время появились работы, в которых убедительно показано, что первые заявления о причастности Рачковского к созданию «Протоколов», сделанные кн. Е. Радзивилл и гр. А. дю-Шайла, нельзя считать достоверными — биографии этих деятелей не только экстравагантны, но и полны различных подлогов и мистификаций¹⁰.

Более надёжным и едва ли не основным до сих пор считается «свидетельство», оставленное историком и общественным деятелем Сергеем Григорьевичем Сватиковым¹¹. В мае–сентябре 1917 г., будучи комиссаром Временного правительства, он расследовал в Париже контрразведывательную деятельность Департамента полиции во время Первой мировой войны¹². Впоследствии он заявил, будто в ходе допросов Анри (Генри) Бинг, служивший в Заграничной агентуре с 1883 по 1917 г., сообщил ему, что «Протоколы» были сфабрикованы по указанию Рачковского его секретным сотрудником — журналистом Матвеем

---

⁸ Шорников И.П. Провокатор П.А. Крушеван и публикация «Протоколов сионских мудрецов» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2011. № 7(102). Вып. 18.

⁹ Тагиефф П.-А. Протоколы сионских мудрецов: фальшивка и её использование. Т. 1. М., 2011. С. 8.

¹⁰ Микелис Ч., де. «Протоколы сионских мудрецов». Несуществующий манускрипт, или подлог века. Минск, 2006. С. 48–52; *Hagemeister M.* The Protocols of the Elders of Zion: Between History and Fiction // *New German Critique*. Vol. 35. 2008. № 1(103). S. 83–95; *Hagemeister M.* Russian Émigrés in the Bern Trial of the «Protocols of the Elders of Zion» (1933–1935) // *Cahiers Parisiens / Parisian Notebooks* Vol. 5. 2009. P. 375–391; *Hagemeister M.* The Protocols of the Elders of Zion in Court. The Bern trials, 1933–1937 // *The Global Impact of The Protocols of the Elders of Zion: A Century-Old Myth*. L.; N.Y., 2011. P. 241–253; *Hagemeister M.* «Alles nur Betrug und Lüge»? Fakten und Fiktionen im Leben der Catherine Radziwill // *Kulturelle Grenzgänge*. Festschrift für Christa Ebert zum 65. Geburtstag. Berlin, 2012. S. 289–300; *Hagemeister M.* Die «Protokolle der Weisen von Zion» vor Gericht. Der Berner Prozess 1933–1937 und die «antisemitische Internationale». Zürich, 2017; *Хагемейстер М.* В поисках свидетельств о происхождении «Протоколов сионских мудрецов»: издание, исчезнувшее из Ленинской библиотеки // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 96; Баран Х. О ранней публицистике А.М. дю-Шайла. Контексты «Протоколов Сионских мудрецов» // «И время, и место»: историко-филологический сборник к 60-летию А.Л. Осповата. М., 2008; Баран Х., Зубарев Д., Аронов Л. Княгиня Екатерина Радзивилл и «Протоколы сионских мудрецов»: мистификация как образ жизни // *Новое литературное обозрение*. 2009. № 96; Аронов Л., Баран Х., Зубарев Д. Между «делом Дрейфуса» и Пашосом: В.В. Муравьев–Амурский и Франция // *Россия и Франция XVIII–XX вв.* Лотмановские чтения. М., 2013. С. 255–256.

¹¹ Наиболее известны его работы: Сватиков С.Г. Общественное движение в России. Ростов н/Д, 1905; Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Белград, 1924; Сватиков С.Г. Россия и Сибирь. К истории сибирского областничества в XIX в. Прага, 1930.

¹² ГА РФ, ф. 1652, оп. 1, д. 2.

Головинским¹³. Это ничем не подтверждённое¹⁴ утверждение Сватикова, как правило, не вызывает у историков сомнений¹⁵. Тем более удивительно то, что его версия и контекст её появления ни разу не подвергались критическому анализу.

Открыто выражал сомнение как в причастности Рачковского к фабрикации «Протоколов», так и в свидетельстве Сватикова лишь А.И. Спиридович, в 1903–1905 гг. руководивший Киевским охранным отделением, а в 1906–1917 гг. – Дворцовой охраной. В рукописи «Охрана и антисемитизм в дореволюционной России», написанной не ранее второй половины 1930-х гг., бывший жандармский генерал иронизировал: «Относясь с презрением к агентам русской секретной полиции всех служебных степеней, г. Сватиков был очарован и покорён “филёром”-французом, вероятно, подавленный его французским диалектом. Он всецело доверился его рассказам про работу Рачковского. Он упускал из виду, что г. Бинт был только “филёром”, то есть агентом наружного наблюдения, и забывал, что в русской обстановке г. Бинт был бы для него лишь “шпик”, “гороховое пальто”, разговаривать с которым Сватиков, конечно, счёл бы ниже своего достоинства... Из его рассказов Сватиков вывел заключение, что П.И. Рачковский – провокатор, клеветник и плагиатор, сочинивший со своими соработниками Манасевичем-Мануйловым и Головинским “Сионские протоколы”. Рассказы г. Бинта о том, как он с Рачковским в восьмидесяти годах печатал на гектографе прокламации, якобы написанные революционерами, служили для Сватикова достаточным доказательством, что, значит, и “Протоколы” также сфабрикованы Рачковским. Сватиков верил, что “статский советник”, начальник делился своими политическими секретами о “Протоколах” с подчинённым ему “филёром”»¹⁶.

При этом нет никаких причин полагать, что сведения о причастности Рачковского к фабрикации «Протоколов» появились ранее 1921 г. Ч. де Микелис считает, что впервые об этом упоминалось ещё в 1920 г. в польской газете

---

¹³ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов по материалам официального следствия 1917 года / Публ. О.В. Будницкого // Евреи и русская революция. С. 163–230. Рукопись находится в Собрании Б.И. Николаевского в архиве Гугеровского института (Box 20, folder 1).

¹⁴ В 1999 г. петербургский историк М.П. Лепёхин объявил в ряде французских изданий о будто бы найденных им в бумагах Бинта документальных свидетельствах написания «Протоколов» Головинским (*Conan É. L'origine des Protocoles des sages de Sion // L'Express. 1999. 16 novembre*). Но ни он, ни другие исследователи, упоминающие про «свидетельство Бинта», так и не разъяснили, о каких собственно материалах идёт речь и где именно они обнаружены и находятся. Подробнее см.: *Hagemester M. The Protocols of the Elders of Zion... S. 83–95.*

¹⁵ Кон Н. Благословение на геноцид... С. 33–40; Будницкий О.В. С.Г. Сватиков и его борьба... С. 26; Маркедонов С.М. С.Г. Сватиков – историк и общественный деятель. Ростов н/Д, 1999; Zuckerman F.S. The Tsarist Secret Police Abroad: Policing Europe in a Modernising World. N.Y., 2003. P. 125–150; Рейтблат А.И. Нилюс и «Протоколы сионских мудрецов» (обзор публикаций последних лет) // Новое литературное обозрение. 2006. № 78. При этом крупнейший исследователь истории политической полиции России З.И. Перегудова осторожно и корректно отмечает, что Рачковский был «среди инициаторов создания фальшивки» только «по одной из версий» (Большая российская энциклопедия. Т. 28. М., 2015), а американский историк Дж. Дейли, автор двух монографий по истории политической полиции Российской империи (*Daly J. Autocracy under Siege. DeKalb, 1998; Daly J. The Watchful State. DeKalb, 2004*), высказывая сомнение в причастности Рачковского к созданию «Протоколов», рассматривает утверждения Сватикова и показания Бинта лишь как факт историографии (см.: *Спиридович А.И. Охрана и антисемитизм в дореволюционной России / Публ. Дж. Дейли // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 3–6*).

¹⁶ Спиридович А.И. Охрана и антисемитизм... С. 28. Версию Сватикова пытался опровергнуть и О.А. Платонов, однако его работа носит скорее публицистический (и крайне идеологизированный) характер и к тому же содержит многочисленные ошибки, демонстрирующие слабое знакомство с историей дореволюционного политического сыска (*Платонов О.А. Загадка сионских протоколов. М., 1999*).

«Варшавское слово»¹⁷. Но там речь шла о некоем докладе (предположительно 1902 г.), направленном против спирита и гипнотизёра «месье Филиппа» (А.-Ф. Низье), имевшего тогда большой успех при царском Дворе¹⁸. Смелое предположение, будто данный доклад — это и есть «Протоколы», сделал в 1939 г. французский писатель А. Роллен, однако доказать эту гипотезу ему было нечем¹⁹.

Лишь 1 апреля 1921 г. в парижской газете «Еврейская трибуна» был опубликован перевод интервью кн. Е. Раздивилл и некоей «её подруги госпожи Херблетт», взятого американскими журналистами в конце февраля — начале марта того же года²⁰. Княгиня заявила им (а «г-жа Херблетт» подтвердила), что к созданию «Протоколов» причастны П.И. Рачковский, М. Головинский и И.Ф. Манасевич-Мануйлов. «Агент Головинский» будто бы даже навещал княгиню в Париже и показывал рукопись «Протоколов», над которой работал в Национальной библиотеке Франции в 1904–1905 гг. по указанию и под руководством Рачковского. Нестыковки и неточности рассказа Радзивилл хорошо известны²¹. Говоря про 1904–1905 гг., она, видимо, ориентировалась на появившееся в конце 1905 г. второе издание книги С.А. Нилуса «Великое в малом» — единственную широко известную к 1921 г. публикацию «Протоколов». О том, что впервые они были опубликованы П.А. Крушеваном в газете «Знамя» в августе–сентябре 1903 г., княгиня, скорее всего, просто не знала (в это время она отбывала наказание в тюрьме в Южной Африке за подделку подписей британского министра С. Родса²²).

Интервью Радзивилл вызвало пристальный интерес в эмигрантской среде: имя Рачковского оставалось на слуху, он был известен как инициатор разгрома в 1886 г. народовольческой типографии и «дела бомбистов» 1890 г., ему приписывали обращение Л.А. Тихомирова в монархиста и даже убийство В.К. Плеве и Г.А. Гапона²³. 14 апреля известный разоблачитель «тайн охранки» Бурцев опубликовал в своей газете «Общее дело» критический разбор интервью Радзивилл и Херблетт²⁴, обратив внимание на то, что в 1904–1905 гг., когда Головинский якобы посещал княгиню в Париже, Рачковский уже не заведовал Заграничной агентурой, так как был уволен ещё в 1902 г. и не жил в Париже. 16 апреля в газете П.Н. Милюкова «Последние новости», борющейся с «Общим делом» за читательскую аудиторию, появилась статья известного журналиста С.Л. Полякова-Литовцева, настаивавшего на том, что важны не детали, а сам факт фабрикации «Протоколов» Рачковским, Головинским и Манасевичем-Мануйловым²⁵.

¹⁷ Микелис Ч., де. Указ. соч. С. 48 (сноска 48), 163–165.

¹⁸ Варшавское слово. 1920. 17 июля. Цит. по: Микелис Ч., де. Указ. соч. С. 163–164.

¹⁹ Rollin H. L'Apocalypse de notre temps. P., 1991. P. 453. Цит. по: Микелис Ч., де. Указ. соч. С. 163. Текст этого доклада в архивах пока не обнаружен.

²⁰ Правда о «Сионских протоколах» (Беседы с княгиней Радзивилл и с г-жею Генриеттой Херблетт) // Еврейская трибуна. 1921. 1 апреля. № 66. С. 1–3. Газета «Еврейская трибуна» выходила также на французском языке («La Tribune Juive»).

²¹ См., в частности: Баран Х., Зубарев Д., Аронов Л. Княгиня Екатерина Радзивилл... С. 93–100; Hagemeister M. «Alles nur Betrug und Lüge»... S. 289–300.

²² Аронов Л., Баран Х., Зубарев Д. Княгиня Екатерина Радзивилл... С. 83–84.

²³ Об этом писали в периодической печати после смерти П.И. Рачковского в октябре 1910 г. Подборку статей, составленную в Департаменте полиции, см.: ГА РФ, ф. 102, оп. 316, ОО, 1 отделение, д. 2586, л. 23–36. В эмиграции в 1920-е гг. эти сюжеты продолжали обсуждаться: Там же, ф. 1723, оп. 1, д. 93, л. 65; д. 265.

²⁴ Бурцев В. «Сионские протоколы» // Общее дело. 1921. 14 апреля. № 273. С. 2.

²⁵ Поляков-Литовцев С. Протоколы «сионских мудрецов» // Последние новости. 1921. 16 апреля. № 304. С. 2. О «Протоколах» Поляков писал и ранее. См., в частности: Поляков С. «Таймс» и сионистские протоколы // Еврейская трибуна. 1920. 21 марта.

12 и 13 мая 1921 г. в «Последних новостях» появились две статьи гр. А.М. дю-Шайла – француза, жившего в 1900–1910-е гг. в России, публиковавшегося в черносотенных изданиях, а затем поменявшего свои идеологические пристрастия на противоположные²⁶. Граф сообщил о своём знакомстве с Нилусом в Оптиной пустыни в 1909 г., рассказывал (дословно повторяя слова Радзивилл) про внешний вид рукописи «Протоколов», которую якобы показал ему Нилус, получивший её от Рачковского²⁷. 18 мая 1921 г., откликаясь в тех же «Последних новостях» на воспоминания дю-Шайла, Поляков-Литовцев утверждал, что они доказывают связь Рачковского не только с Головинским, но и с Нилусом²⁸. В начале июля «Последние новости» выпустили новый цикл статей дю-Шайла «Монархическая идея и действительность», в которых участие Рачковского в создании «Протоколов» объяснялось его борьбой с придворным мистиком и мистификатором Филиппом Низье²⁹.

К тому времени (преимущественно в 1918–1920-х гг.) «Протоколы» были переведены на многие европейские языки и изданы большими тиражами в Германии, Италии, Англии, США и других странах. Происхождение этого текста интересовало тогда многих русских эмигрантов. Один из лидеров кадетской партии Ф.И. Родичев даже написал в 1921 г. брошюру «Большевики и евреи», в которой, среди прочего, характеризовал идеи «Протоколов» и их дореволюционные публикации Нилусом. Рецензия на эту брошюру стала единственной публикацией на данную тему, помещённой в «Общем деле» после выхода статьи Бурцева³⁰.

Тем не менее начавшаяся в «Последних новостях» и «Общем деле» дискуссия привлекла внимание Сватикова, приехавшего в Париж в 1920 г. после неудачной попытки наладить сотрудничество с правительством А.И. Деникина³¹. 16 апреля, спустя две недели после публикации интервью Радзивилл в парижской прессе, Сватиков писал бывшему чиновнику Особого отдела Департамента полиции Л.П. Меньшикову, после Первой русской революции сотрудничавшему с Бурцевым: «Был бы Вам очень признателен за сообщение всего Вам известного по делу о протоколах сионских мудрецов... Знали ли Вы Матвея Головинского? Вы сами увидите ошибки в сведениях Радзивилл и Херблетт. Но там, несомненно, много и правды»³². Этот вопрос вполне соответствовал общему содержанию их обширной дружеской переписки, в которой в 1920-е гг. в основном обсуждалась секретная агентура Департамента полиции³³. Вместе с тем Сватиков, судя по данному письму, явно не располагал точными сведениями о возникновении «Протоколов» и скорее делал догадки, казавшиеся ему несомненными.

Однако уже 14 августа в «Общем деле» вышла статья Сватикова «Рачковский и его подлоги». В ней рассказывалось о том, что в 1880–1890-е гг. начальник Заграничной агентуры занимался составлением «подложных документов», опубликовав на русском и французском языках ряд статей и брошюр от имени

²⁶ О нём см: *Hagemester M.* Der Mythos der «Protokolle der Weisen von Zion» // *Vorschworungstheorien: Anthropologische Konstanten – historische Varianten.* Osnabrück, 2001; *Баран Х.* О ранней публицистике А.М. дю-Шайла...

²⁷ *Дю-Шайла А. С.А.* Нилус и «Сионские протоколы» // *Последние новости (Париж).* 1921. 12 мая. № 326. С. 2–3; 13 мая. № 327. С. 2–3; *Дю-Шайла А.* Воспоминания о С.А. Нилусе и Сионских Протоколах (1909–1920) // *Еврейская трибуна.* 1921. 14 мая. № 72. С. 1–7.

²⁸ *Поляков-Литовцев С.* Без названия // *Последние новости.* 1921. 18 мая. С. 2.

²⁹ *Аронов Л., Баран Х., Зубарев Д.* Между «делом Дрейфуса» и Папосом... С. 255–256.

³⁰ *Л.Б.* Большевики и евреи // *Общее дело.* 1921. 19 июня. № 338. С. 2.

³¹ О службе Сватикова в Особом совещании при главнокомандующем Добровольческой армии см.: ГА РФ, ф. Р-324, оп. 1, д. 31.

³² Там же, ф. 1723, оп. 1, д. 298, л. 2.

³³ Там же, д. 126, 298.

известных революционеров (в частности, Л.А. Тихомирова и Г.В. Плеханова) или анонимных, с критикой и насмешками над русской революционной эмиграцией. Делалось это, по словам Сватикова, с «целью внести раздоры в революционную эмигрантскую среду». Упоминалось при этом и то, что «по показаниям сотрудников Рачковского (имена их не назывались. — Л.Б.), Матвей Головинский находился с 1892 г. на службе Заграничной агентуры Департамента полиции и долго жил в Париже». В заключении статьи автор с явной надеждой и плохо скрываемым нетерпением писал о том, что «приходится только ждать данные о создании текста протоколов под руководством Рачковского»³⁴.

Через несколько дней «Последние новости» преподнесли читателям очередную сенсацию — в газете «Таймс» британский журналист Ф. Грейвс обнаружил текстуральное сходство «Протоколов» с книгой французского публициста 1860-х гг. М. Жоли «Диалоги в аду»³⁵. Доводы Грейвса были вполне убедительны и сохраняют своё значение по сей день.

20 сентября 1921 г. в статье «Конец сионских протоколов», опубликованной в «Общем деле», Сватиков, не приводя никаких новых данных, попытался обобщить все известные на тот момент сведения, извлечённые из интервью Радзивилл и Херблетт, воспоминаний дю-Шайла и наблюдений Грейвса. Статьи 1921 г. свидетельствовали о безусловном доверии Сергея Григорьевича к словам Радзивилл и дю-Шайла. Но тогда почти никто не ставил их под сомнение³⁶. В 1922 г. Милоков издал статьи дю-Шайла отдельной книгой с собственным предисловием, в котором утверждал: «Показание дю-Шайла было чрезвычайно важно потому, что совершенно совпадало с показаниями княгини Радзивилл и её приятельницы г-жи Герблетт... Обе дамы видели эту самую рукопись..., они знали и автора, который в их салоне показывал эту рукопись и хвастался своей работой. Это был именно г. Головинский, агент Рачковского, начальника тайной полиции в Париже. Г. Головинский с более известным Манасевичем-Мануйловым трудились, по словам первого, над этой рукописью в парижской Национальной библиотеке, по поручению Рачковского»³⁷.

Схожим образом описывал происхождение «Протоколов» и другой эмигрант — эсер, литератор и известный геолог Я.Л. Делевский, сделавший, однако, небольшое уточнение: «Один из сотрудников Рачковского подтвердил Сватикову в общей форме, что Протоколы сионских мудрецов созданы по заказу Рачковского... На основании данных Сватикова, производившего в 1917 году в качестве комиссара Временного правительства за границей следствие о деятельности Заграничной агентуры Департамента полиции, выясняется, что Матвей Головинский был агентом Заграничной агентуры с 1892 года и жил в 1890—1900 годах в Париже»³⁸. Таким образом, именно в изложении Делевского впервые появляется указание на 1917 г. и говорится, что секретное сотрудничество Головинского с Заграничной агентурой было установлено комиссаром Временного правительства в ходе расследования деятельности «парижской охранки» (о чём сам Сватиков в своих статьях 1921 г. не упоминал). Однако в книге Делевского 1917 г. ещё не привязан к «сведениям сотрудника Рачковского», поэтому не ясно, когда собственно тот «подтвердил в общей форме» факт фабрикации «Протоколов» его бывшим начальником. Вероятно, это должно было произойти всё же после апреля 1921 г., так как иначе подоб-

³⁴ Сватиков С. Рачковский и его подлоги // Общее дело. 1921. № 393. С. 2. 26 августа 1921 г. эта статья была перепечатана в «Еврейской трибуне» (№ 87).

³⁵ Сионские протоколы // Последние новости. 1921. 20 августа. № 412. С. 1.

³⁶ Даже Бурцев, несмотря на высказанные в статье 14 апреля 1921 г. замечания, позднее продемонстрировал полное доверие к этим «свидетельствам» и на Бернском процессе, и в книге «Протоколы сионских мудрецов: доказанный подлог».

³⁷ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 3.

³⁸ Делевский Ю. Указ. соч. С. 96, 98.

ный рассказ стал бы новой — причём, сенсационной! — информацией, а не «подтверждением» уже известных фактов. Сватиков тогда эти детали не комментировал.

Новые сведения о роли Рачковского Сватиков привёл только в 1934 г. в рукописи «Создание сионских протоколов по материалам официального следствия 1917 года»³⁹ и в показаниях на Бернском процессе, который состоялся по инициативе еврейских общин Швейцарии, добивавшихся официального признания подложности «Протоколов»⁴⁰. Как отмечает О.В. Будницкий, «на Бернском процессе среди экспертов, привлечённых обвинением, преобладали русские специалисты — Бурцев, Сватиков, Милюков, Николаевский. И это не случайно, как показывают документы из архива Николаевского в Гуверовском институте, истинными организаторами процесса были российские евреи-эмигранты, первую скрипку среди которых играл И.М. Чериковер». Русские эксперты хотели продемонстрировать швейцарскому суду единство своей позиции, поэтому известный эмигрантский историк Николаевский, хотя и «не считал Рачковского организатором создания “Протоколов”...», своё особое мнение не считёл возможным обнаружить в период Бернского процесса»⁴¹.

В марте 1934 г. организаторы готовившегося Бернского процесса заказали Сватикову книгу о Рачковском и фабрикации «Протоколов», передав через Николаевского аванс — 2 тыс. франков⁴². К концу лета текст был написан и переведён на немецкий язык⁴³. В октябре Сватиков в общих чертах изложил его содержание в показаниях на суде, где уверенно поддерживал позицию обвинения и «русских экспертов». Причины, по которым рукопись Сватикова так и не была тогда же издана, неизвестны. По мнению её современного публикатора, Сватиков не хотел мешать Бурцеву, который в то же время работал над исследованием о происхождении «Протоколов» (его книга увидела свет в 1938 г.)⁴⁴.

Из названия рукописи Сватикова могло показаться, что в 1917 г. проводилось официальное следствие о «сионских протоколах», но уже с первых страниц становилось ясно: «официальным следствием» автор называет расследования, которыми занимались представители Временного правительства (и в первую очередь — он сам) в Париже. Однако «следствия о сионских протоколах» тогда никто не вёл — собирались сведения о контрразведывательной деятельности, о «провокаторстве» в эмигрантской среде и секретном сотрудничестве революционеров с политической полицией Российской империи, о шпионаже в пользу Германии, о злоупотреблениях в русских военных миссиях в Европе⁴⁵.

Осветив в рукописи свою деятельность на посту комиссара Временного правительства за границей в 1917 г., а также действия заведующего Заграничной агентурой Департамента полиции в 1880–1900-х гг., Сватиков попытался представить «документальное доказательство» причастности Рачковского к фабрикации «Протоколов». Особое значение при этом придавалось информации,

³⁹ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 163–230.

⁴⁰ О Бернском процессе см.: Хагемейстер М. В поисках свидетельств...; *Hagemeister M. Russian Émigrés in the Bern Trial...* S. 375–391; *Hagemeister M. Die «Protokolle der Weisen von Zion» vor Gericht...*

⁴¹ Будницкий О.В. С.Г. Сватиков и его борьба... С. 24, 27.

⁴² Переписка по этому поводу опубликована: Платонов О.А. Загадка сионских протоколов. С. 391–395.

⁴³ Как любезно сообщил М. Хагемейстер, немецкий перевод рукописи Сватикова хранится в Архиве современной истории в Цюрихе.

⁴⁴ Будницкий О.В. С.Г. Сватиков и его борьба... С. 26.

⁴⁵ Разные варианты итогового отчёта Сватикова Временному правительству см.: ГА РФ, ф. Р-324, оп. 1, д. 1, 2; оп. 2, д. 46; ф. 1653, оп. 1, д. 2. См. также: Асафонов В.К. Заграничная охранка (Составлено по секретным документам Заграничной агентуры и Департамента полиции). С приложением очерка «Евно Азеф» и списка секретных сотрудников Заграничной агентуры. [Пг.], 1918.

полученной от Анри Бинта — филёра, находившегося на службе у русского правительства с 1881 г. Первоначально он вёл слежку на территории Франции по заданиям представителей «Святой дружины», а с момента создания Заграничной агентуры и вплоть до Февральской революции сотрудничал с Департаментом полиции. При Рачковском Бинт исполнял филёрские обязанности, с середины 1890-х гг. принимал участие в охране особ Императорской фамилии во время их поездок по Европе⁴⁶. В 1909—1917 гг. он был на хорошем счету у последнего заведующего Заграничной агентурой А.А. Красильникова и даже стал, как самый надёжный из «старослужащих французов», руководителем фиктивного частного «Розыскного бюро Бинт и Самбен» — легального «прикрытия» Заграничной агентуры, действовавшей на территории Франции неофициально и летом 1909 г. разоблачённой Бурцевым в ряде публикаций во французской прессе⁴⁷.

Согласно рукописи Сватикова, во время допросов бывших чинов Заграничной агентуры в 1917 г. именно Бинт рассказал ему ряд историй о своём бывшем начальнике, в том числе и о фабрикации «Протоколов». В 1921 г. он же предоставил «фальшивки Рачковского», проанализированные затем Сватиковым на страницах «Общего дела». В 1926 г. Бинт передал Сватикову из своего личного архива «документ», якобы убедительно доказывавший причастность Рачковского к созданию «Протоколов»⁴⁸.

В рукописи Сватиков приводит свой разговор с Бинтом, утверждая, что он состоялся во время одного из допросов в 1917 г. Это — единственное доказательство «версии Сватикова», согласно которой «Протоколы» были сфабрикованы Рачковским. «Давая мне беглые показания о деятельности своей за 37 лет, — писал Сватиков, — и описывая эпоху управления Рачковского, в частности же описывая провокационную работу и подделки Рачковского, Бинт сказал, что лет 17 тому назад по указаниям шефа, т.е. Рачковского, была создана ещё и такая фальшивка, а именно “Сионские протоколы”. “— Что было в этих ‘протоколах’?, — спросил я, смутно вспоминая, что в 1905 году я читал какую-то книгу, в которой несколько глав были посвящены каким-то сионским протоколам. — *Описание того, как евреи правят миром и совещаются между собой, как это лучше делать. Вообще фантазии в жанре Дрюмона* (здесь и далее реплики Бинта выделены курсивом. — Л.Б.). — Было ли это написано с погромной целью? — *Не знаю.* — Ну вообще чтобы подстрекнуть русских против евреев? — *О, да!* — Это было сделано по приказу его начальства? По приказу Департамента полиции? — *Нет. Охранка эсенерале, Фонтанка, 16* (так Бинт называл в просторечии Департамент полиции) *не знала об этой затее Рачковского. Это было его индивидуальное предприятие, как и многие его листки.* — Сам ли Рачковский писал эти протоколы? — *Нет, писал их наш агент Головинский* (Бинт произносил фамилию и писал её через К, а не через Г). — Наш агент — это секретный сотрудник Заграничной агентуры? — *Да.* — С какого года был Головинский на службе у Рачковского? — *Помнится, с 1892. Я ему, как и другим, платил деньги, по приказанию ‘шефа’, из рук в руки.* — Почему Вы думаете, что писал Головинский и именно ‘протоколы’? — *У Рачковского было два литератора: Коган и Головинский. Последний работал в Национальной библиотеке и приносил главы в черновике Рачковскому. Я знал, о чём пишет Головинский.* — Нет ли у Вас копии этих протоколов? Вы же со всего снимали для себя копии. — *Нет, к несчастью, нет. Это была очень конфиденциальная работа.* — Есть ли у Вас какие-либо бумаги, доказывающие участие Рачковского в создании протоколов? — *Да, приказ о розыске древних противоеврейских книг в Германии.* — Хорошо, доставьте мне

⁴⁶ Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880—1917. М., 2013. С. 155—182.

⁴⁷ Там же; Агафонов В.К. Указ. соч. С. 109—121.

⁴⁸ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 205—206.

все те листки, брошюры, о которых Вы говорили, а также и документ”. Этим кончился допрос Бинта в 1917 г. Он кратко записал свои показания по этому вопросу, как и другие — о сотнях людей и предметов... Обещанные книги и листки он не мог доставить, они оказались в его личном архиве в провинции»⁴⁹.

Таким образом, если верить Сватикову, уже в 1917 г. Бинт знал о фабрикации «Протоколов» Головинским по приказу Рачковского и её цели, был знаком с содержанием фальшивки, уверенно называл один из её источников — сочинения французского политика и публициста Э. Дрюмона (о чём писали уже в 1920-е гг. Делевский и Буршев). И это при том, что Бинт исполнял при Рачковском исключительно филёрские обязанности, и даже среди филёров заведующий Заграничной агентурой не выделял его как лучшего⁵⁰. Между тем разделение внутреннего и внешнего наблюдения являлось одним из первых правил конспирации, которые Рачковский соблюдал неукоснительно⁵¹. Служебное положение Бинта существенно изменилось только при новом начальнике — в 1902–1905 гг. он стал ближайшим помощником Л.А. Ратаева (контактировал с секретными сотрудниками, платил им деньги, составлял финансовые ведомости на все расходы Заграничной агентуры⁵²). Однако при сменившем Ратаева в 1905–1909 гг. А.М. Гартинге Бинт снова стал простым филёром⁵³.

Нельзя не отметить, что, беседуя со Сватиковым, Бинт использовал слова, которые были в ходу в революционной и эмигрантской среде, но не употреблялись в системе сыска. Тот же Бинт в показаниях 1917 г. говорил не об «охранке», а о «la police politique gusse» («русской политической полиции») ⁵⁴. Если в структурах, находившихся на территории империи (Департамент полиции, охранные отделения, губернские жандармские управления), использовался термин «секретный агент», известный и в революционной среде, то в Заграничной агентуре «агентами» называли тех, кто занимался слежкой, а секретных сотрудников — просто «сотрудниками»⁵⁵. «Помимо штатных чинов и офицеров, — писал Сватиков в 1918 г., хорошо понимая терминологическую разницу, — работали лица двух сортов: агенты и секретные сотрудники. Агенты были низшие исполнители по найму... Их обязанности заключались в наружном наблюдении... Секретные сотрудники распались на информаторов и на провокаторов»⁵⁶. Следовательно, Бинт, занимавшийся в Заграничной агентуре слежкой, на протяжении более чем 30 лет был «агентом», и в его устах слова «наш агент Головинский» означали бы, что речь идёт о филёре.

Тематика допросов, которые вели в 1917 г. комиссар Временного правительства и члены Комиссии по разбору дел Заграничной агентуры, существенно отличались от того, о чём, согласно рукописи Сватикова, рассказывал Бинт.

⁴⁹ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 166–167.

⁵⁰ Так, в январе 1886 г. Рачковский предлагал Департаменту полиции выплатить нескольким филёрам дополнительное вознаграждение за хорошую службу. Бинта в этом списке нет (ГА РФ, ф. 102, 1886 г., 3-е делопроизводство, оп. 82, д. 93, л. 39–40).

⁵¹ Об этом свидетельствовали, в частности, периодические ревизии, проводившиеся Департаментом полиции. См.: Агафонов В.К. Указ. соч. С. 28–31.

⁵² ГА РФ, ф. 509, оп. 1, д. 10, л. 90–181; д. 14, л. 2, 25, 45.

⁵³ Между Гартингом и Бингом произошёл конфликт, и в марте 1908 г. руководителем филёрской службы был назначен другой француз — Бигтар-Монен (ГА РФ, ф. 10003, оп. 1, д. 11, л. 11–19, 96).

⁵⁴ ГА РФ, ф. 508, оп. 1, д. 36, л. 59.

⁵⁵ См., например: Там же, ф. 509, оп. 1, д. 18, л. 3, 8.

⁵⁶ Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границей. Ростов н/Д, 1918. С. 6. См. также отчёт Сватикова Временному правительству «о ликвидации заграничной политической агентуры»: ГА РФ, ф. 1653, оп. 1, д. 2, л. 2. Сватиков различал эти понятия и в 1920-е гг. (См., например: Там же, ф. Р-5802, оп. 1, д. 535, л. 35–37 об.).

Сохранилось по меньшей мере три комплекта протоколов допросов⁵⁷ (среди них есть и показания Бинта⁵⁸). Речь в них идёт преимущественно о разоблачении «тёмных» сторон «царского режима» — «провокаторства», шпионажа в пользу Германии, злоупотреблений в русских военных миссиях в Европе и т.д. В имеющихся протоколах допросов Бинта не говорилось о «сионских мудрецах», а Рачковский упоминался лишь мимоходом — как автор системы калькирования писем⁵⁹. Нет в них ни «беглых показаний о деятельности за 37 лет», ни описания «эпохи управления Рачковского» и его «провокационной работы и подделок». Зато Бинт подробно рассказывал о своей контрразведывательной деятельности в Швейцарии и Скандинавии в годы Первой мировой войны⁶⁰. Но основное внимание он уделил критике финансовой недобросовестности и некомпетентности Гартинга, заведовавшего Заграничной агентурой в 1905—1909 гг.⁶¹

Любопытно и то, что, согласно рукописи Сватикова, Бинт будто бы назвал настоящие имена секретных сотрудников (Головинский и Коган) без указания их кличек. Однако Комиссия по разбору дел Заграничной агентуры во главе с Е.И. Раппом, созданная в конце апреля 1917 г. из эмигрантов, живших в Париже, столкнулась с тем, что в документах официального делопроизводства имелись только клички. Один из самых деятельных её членов и друг Сватикова — Агафонов — в книге, изданной в марте 1918 г., писал: «При... предварительном общем обзоре архивов заграничной агентуры мы вскоре поняли, что главная наша задача — разоблачение “провокаторов” — представляется чрезвычайно трудной, так как ни в бумагах, ни в каталогах, ни в фотографических альбомах мы не нашли, конечно, каких-либо указаний на фамилии секретных сотрудников»⁶².

Комиссар Временного правительства Сватиков формально не имел отношения к этой комиссии, однако принял активное участие в её работе⁶³. На допросах бывшие служащие Заграничной агентуры называли настоящие имена секретных сотрудников и соотносили их с кличками из делопроизводительной переписки⁶⁴. В списках, составленных в результате Агафоновым и Сватиковым, указывались фамилии, имена, отчества, клички, годы «сотрудничества» и основные вехи деятельности секретных сотрудников⁶⁵. В них встречаются клички без указания настоящих имён (если «сотрудник» не был «расшифрован»), однако настоящее имя ни разу не приведено без клички. При этом во всех списках 1917—1918 гг. отсутствовали два имени, якобы названные Бинтом в 1917 г. — Матвей Головинский и Евгений Коган-Семёнов⁶⁶. Трудно поверить,

⁵⁷ ГА РФ, ф. 10003, оп. 1, д. 21; ф. Р-324, оп. 1, д. 1, 2, 4; оп. 2, д. 46; ф. 1653, оп. 1, д. 2; ф. 508, оп. 1, д. 36.

⁵⁸ Там же, ф. 10003, оп. 1, д. 21, л. 185—187, 201—207; ф. Р-324, оп. 1, д. 4, л. 47—50; ф. 508, оп. 1, д. 36, л. 59—59 об.; ф. 509, оп. 1, д. 34, л. 1—14.

⁵⁹ Там же, ф. Р-324, оп. 1, д. 4, л. 47.

⁶⁰ Там же, ф. 509, оп. 1, д. 34, л. 2, 4—5.

⁶¹ Там же, л. 11—17.

⁶² Агафонов В.К. Указ. соч. С. 8—9. Сватиков и Агафонов познакомились летом 1917 г. в Париже, их переписку см.: ГА РФ, ф. 508, оп. 1, д. 87, 93; ф. 6093, оп. 1, д. 7, л. 2—3, 4; д. 10.

⁶³ Разные варианты отчёта Сватикова Временному правительству об их занятиях см.: ГА РФ, ф. Р-324, оп. 1, д. 1, 2; оп. 2, д. 46; ф. 1653, оп. 1, д. 2.

⁶⁴ Тексты допросов см.: Там же, ф. 508, оп. 1, д. 36.

⁶⁵ Там же, ф. Р-324, оп. 1, д. 1, 2; ф. 1653, оп. 1, д. 4. Агафонов В.К. Указ. соч. С. 308—383.

⁶⁶ Нет их и в черновых списках секретной агентуры, которые большевики начали составлять в 1919 г. (ГА РФ, ф. 4888, оп. 7, д. 183—187, 192, 193), а также в картотеке агентов, составленной в СССР в 1920-е гг. после фронтального просмотра архива Департамента полиции и охватившей 22 тыс. человек (ГА РФ. Картотека секретных сотрудников). Когану-Семёнову посвящён небольшой фрагмент рукописи: Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 179—181.

что Сватиков решил тогда скрыть факт их сотрудничества с Департаментом полиции.

Таким образом, анализ фрагмента рукописи 1934 г. с «показаниями Бинта 1917 года», его сопоставление с реальными документами 1917 г. и отсутствие имеющихся в этом фрагменте сведений в статьях Сватикова 1921 г. убеждают в том, что в 1917 г. разговора о «Протоколах» не было. Данная часть рукописи представляет собой компиляцию сведений, ставших известными в 1920-е гг., со знаниями Бинта о функционировании Заграничной агентуры, полученными в 1902–1905 гг. При этом Сватиков приписал ему эмигрантскую терминологию 1920-х гг., которой Бинт не мог владеть к моменту прихода к власти Временного правительства. Используя устоявшиеся к началу 1930-х гг. в литературе выражения «агент Головинский», «сионские протоколы», «охранка», Сватиков стремился сблизить свою версию с заявлениями кн. Радзивилл. Любопытно, что во всей рукописи Сватиков не приводит никаких других доказательств или примеров «сотрудничества» Рачковского с Головинским, поскольку будто бы «этот компилятор, довольно грубо склеивший обрывки цитат из французского памфлета 1860-х гг., и не столь важен»⁶⁷.

И всё же, скорее всего, Сватиков не сконструировал данный разговор с Бинтом, а лишь перенёс его в 1917 г. из более поздних своих встреч с ним в 1921 и в 1926 гг. (а возможно, и позднее, вплоть до смерти Бинта в 1929 г.). «После нашей официальной встречи в 1917 г., — писал Бинт Сватикову осенью 1926 г., — я Вас вновь видел в начале 1921 г. в тот период, когда Вы меня просили уступить Вам кое-какие исторические материалы, относящиеся к моей службе в охране. В результате этих переговоров я Вам дал немало устных и письменных справок, в частности, я Вам весной 1921 г. передал определённое количество документов из моих частных архивов... Большинство этих документов касалось вопросов, которые в этот период интересовали русское общественное мнение за границей: об измене Ленина России и подозрительных связях Троцкого в Вене... Кроме того, я Вам сообщил устно всё, что мне известно было о фальсификации Рачковского. А так как Вы интересовались также вопросом о сионском протоколе, я Вам рассказал всё, что знал о действиях Рачковского и Головинского, касающихся вопроса протокола и, как доказательство моих слов, я Вам обещал доставить документ, исходящий от моего шефа и дающий мне распоряжение отправиться во Франкфурт-на-Майне для того, чтобы отыскать у книгопродавцев несколько очень древних антисемитских книг и доставить их в Департамент полиции, но, к несчастью, я не мог откопать эту бумагу, потонувшую в огромном количестве личных и официальных бумаг»⁶⁸.

Таким образом, именно в 1921 г. Бинт рассказал Сватикову «всё, что знал о действиях Рачковского и Головинского, касающихся вопроса протокола», и о каких-либо своих «показаниях 1917 года» по этому поводу он не упоминал. Но состоялся ли этот разговор до появления в парижской прессе перевода интервью Радзивилл и Херблетт и можно ли считать «свидетельство Бинта» независимым от заявлений двух «свидетельниц» из США, или же он сообщил Сватикову «всё, что знал», после 1 апреля 1921 г., уже с учётом их интервью? Выяснить это позволяет письмо Бурцева, отправленное в 1926 г. в Русский заграничный исторический архив (РЗИА) в Праге: «Вскоре после приезда из России в Париж (1918 г. — Л.Б.) я нашёл Бинта и тогда же он мне кое-что уступил для моих работ из своих материалов. Приблизительно в 1921 году я попросил С.Г. Сватикова⁶⁹ вступить в сношения с Бинтом для выяснения некоторых

⁶⁷ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 212.

⁶⁸ Письмо Г. Бинта С. Сватикову от 13 октября 1926 года // Евреи и русская революция. С. 213.

⁶⁹ С 1924 г. Сватиков был представителем РЗИА в Париже. См.: Маркенов С.М. С.Г. Сватиков — историк и общественный деятель. С. 87.

вопросов — больше для перекрёстных допросов Бинта. Бинт сделал Сватикову ряд сообщений и уступил ему некоторое количество документов. Часть их была использована С.Г. Сватиковым. В то время “Общее дело” вело кампанию по разоблачению подделки “Сионских протоколов” (речь идёт, очевидно, о периоде с апреля по сентябрь 1921 г. — Л.Б.). Я посоветовал Сватикову сличить в Национальной библиотеке все экземпляры книги Жоли с текстом Протоколов (впервые о книге Жоли как основном источнике «Протоколов» стало известно в середине августа 1921 г. — Л.Б.), а также допросить по их поводу Бинта. Бинт дал ему сведения о подделке Протоколов и обязался уступить ему документ, подтверждающий его слова⁷⁰. Соответственно, разговор Бинта и Сватикова в 1921 г. о фабрикации “Протоколов” Рачковским с помощью «агента Головинского» состоялся после появления статьи Грейвса в августе 1921 г., не говоря уже о публикации в парижской прессе интервью Радзивилл и Херблетт⁷¹.

В рукописи Сватикова встречаются и другие «показания Бинта 1917 года», плохо согласующиеся с официальными документами, отражающими деятельность дореволюционной полиции и не подтверждающиеся в допросах бывших служащих Заграничной агентуры в 1917 г. (рассказ о слежке Бинта за Бурцевым в 1890 г., о выборе Гартингом нового имени или об обстоятельствах разгрома народофильской типографии в Женеве в 1886 г.)⁷².

В 1934 г. Сватиков явно искажал роль Бинта в 1917 г., изображая его едва ли не основным экспертом и наиболее осведомлённым о тайнах сыска. Например, по его словам, «в то время один социал-революционер, ныне покойный, горячо требовал у меня проверить, был ли другой с.-р., гораздо более известный, прикосновенен к охране... Я вызвал Бинта в генеральное консульство и допросил его о разных моментах жизни лица, которое заподозревалося товарищем по партии. Бинт ответил: “Пораженец он, это верно, но в сношениях с немцами никогда не был заподозрен. Он честный революционер и враг охраны”»⁷³. Однако, судя по сохранившимся протоколам допросов чинов Заграничной агентуры, с подобными вопросами в 1917 г. представители Временного правительства обращались непосредственно к последнему заведующему Заграничной агентурой А.А. Красильникову⁷⁴. Бинт же тогда не играл заметной роли при выявлении секретных сотрудников⁷⁵. При этом он, похоже, вовсе не понимал антагонистического отношения новой власти к царскому режиму и его слугам. Так, настаивая во время встречи со Сватиковым на повышении своей пенсии в полтора раза, Бинт ссылаясь на то, что «последние 10 лет службы были самыми насыщенными работой и ответственностью»⁷⁶.

Но что же тогда представлял «сионский документ», как называл его Сватиков, якобы доказывавший причастность Рачковского к фабрикации «Протоколов»? Именно наличие этого документа, к которому в эмигрантских кругах относились весьма серьёзно, и побудило инициаторов Бернского процесса предложить Сватикову написать книгу⁷⁷. Неудивительно, что в рукописи 1934 г. тщательно анализировались внешний вид и содержание данного текста и подробно излагалась его история, рассказанная Бинтом.

⁷⁰ ГА РФ, ф. Р-5917, оп. 1, д. 41, л. 124.

⁷¹ М. Хагемейстер также полагает, что этот разговор состоялся в 1921 г.: *Hagemeister M. Die «Protokolle der Weisen von Zion» vor Gericht...* P. 477.

⁷² *Сватиков С.Г.* Создание сионских протоколов... С. 183, 184, 195.

⁷³ Там же. С. 199–200.

⁷⁴ См.: ГА РФ, ф. 508, оп. 1, д. 36, л. 3–45.

⁷⁵ Бинта спрашивали лишь о том, не являлся ли секретным сотрудником бывший секретарь Бурцева В.Л. Родштейн, но сведения, сообщённые Бинтом, были настолько путаными, что вызвали сомнение даже у Сватикова (ГА РФ, ф. 10003, оп. 1, д. 21, л. 185, 187–188, 193, 194, 201–203).

⁷⁶ ГА РФ, ф. 509, оп. 1, д. 34, л. 2.

⁷⁷ Письма Б.И. Николаевского, через которого шёл заказ рукописи, и И.М. Чериковера по этому поводу цитирует О.А. Платонов (*Платонов О.А.* Загадки сионских протоколов. С. 391–395).

Сообщив читателям про «показания Бинта 1917 года» о подделке «Протоколов» Рачковским и его «агентом Головинским», Сватиков упомянул и о готовности своего информатора предоставить «приказ Рачковского» о «розыске древних противоеврейских книг в Германии»⁷⁸. В 1921 г. Бинт действительно пообещал передать Сватикову «документ, исходящий от моего шефа и дающий мне распоряжение отправиться во Франкфурт-на-Майне для того, чтобы отыскать у книгопродавцев несколько очень древних антисемитских книг»⁷⁹. Однако француз смог найти его только в 1926 г., после чего написал Сватикову: «Так как Вы настаивали на доставке этого документа, который я Вам официально обещал, то я... специально отправился во Франкфурт-на-Майне, дабы отыскать в книжной лавке, где я покупал эти книги, след моей покупки, я там ничего не нашёл... Годы проходили..., но встретив Вас несколько раз, я Вам постоянно повторял, что я Вам вручу обещанный документ... В 1926 году я проделал (так в тексте публикации. — *Л.Б.*) очень серьёзную болезнь и воспользовался очень долгим периодом моего выздоровления, чтобы привести немного в порядок мои бумаги, и нашёл, наконец, искомый документ при проверке бумаг, которую я предпринял в Вассербурге (Эльзасе), и я Вам тотчас же отправил почтовую открытку, чтоб Вас уведомить об этом, и как только я вернулся в Париж, я Вам послал 5-го сентября 26-го года одну копию и извинился за опоздание. Остальные мои бумаги в Вассербурге, где находится также и оригинал»⁸⁰.

Таким образом, в 1926 г. Сватиков получил некую «копию». При этом в рукописи 1934 г. автор утверждал, что Бинт «до своей смерти так и не нашёл оригинал документа»: «В апреле 1929 г. он умер, и я дал вдове его денег для поездки в Эльзас в Зульц, за остатками архива Бинта. Разбирая привезённые вдовой бумаги, я случайно надавил переплёт большого регистрационного журнала, и из переплёта его выпал листок, которого я был номинальным собственником в течение 8 лет»⁸¹. 17 марта 1930 г. Сватиков, собиравший новые материалы для РЗИА, уведомил его руководителя А.Ф. Изюмова о том, что «нашёл, наконец, законспирированный “сионский подлинник”»⁸².

Поскольку сам «документ» до сих пор никем так и не обнаружен, судить о нём приходится исключительно по описанию Сватикова, который неоднократно сам себе противоречит. В начале рукописи из «показаний Бинта 1917 года» читатели узнают о существовании приказа заведующего Заграничной агентурой Рачковского, подтверждающего фабрикацию протоколов им и его «агентом Головинским» в Париже. Но в конце рукописи говорится уже, что некий «приказ» был прислан Рачковским из Петербурга в Париж «местному “шефу охраны”» в 1905 г.: «Бинт показал мне в 1917 году и подтвердил в 1921 году, что книги затребованы были Департаментом в эпоху, когда Рачковский управлял им, и что книги были отправлены “Рачковскому в Петербург”»⁸³. Тем самым Головинский к этому «приказу» уже не имел отношения, а Рачковский «переместился» из Парижа в Петербург. Неожиданно «индивидуальное предприятие Рачковского» превращается в официальный запрос из Департамента (который, как утверждалось в рукописи ранее, «не знал об этой затее»)⁸⁴.

Пытаясь объяснить такой поворот истории, Сватиков, словно бы «забывая» о содержании «показаний Бинта 1917 года», писал: «В 1921 году Бинт уточнил свои рассказы о документе, доказывавшем, что в 1905 году Рачков-

⁷⁸ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 166.

⁷⁹ Письмо Г. Бинта С. Сватикову от 13 октября 1926 года // Евреи и русская революция. С. 213.

⁸⁰ Там же. С. 213–214.

⁸¹ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 205, 206.

⁸² ГА РФ, ф. Р-5962, оп. 1, д. 18, л. 238.

⁸³ Сватиков С.Г. Создание сионских протоколов... С. 202, 210.

⁸⁴ Там же. С. 166, 201–202.

ский хотел продолжить и углубить работу по сочинению “протоколов”. На этот раз и Департамент полиции, и Заграничная агентура, и другие лица приняли участие в деле». Но в таком случае «сионский документ», очевидно, должен был быть отпечатан на русском языке, как вся переписка Департамента с его заграничным подразделением в 1900-е гг. Сватиков же приводит его по «*собственноручной записи Бинта по-французски*»: «Старую книгу, содержащую сведения о ритуальных убийствах у евреев и носящую общий заголовок “Kaballa Vabel”. Эта книга в двух различных частях». Далее шли уточнения по частям книг, местам и годам их издания в Зальцбурге и Франкфурте-на-Майне в XIV–XVI вв. и о переиздании одной части в Пржемышле в Австрии в 1880 г. На обороте «рукой же Бинта» были приписаны «карандашом, по-видимому, адреса букинистов во Франкфурте-на-Майне» и «чужой рукой более точные заглавия»⁸⁵. Этот «листок с записанным поручением Бинт, как сказано выше, вложил в переплёт тетради и не мог найти сам до самой своей смерти»⁸⁶. По мнению Сватикова, «хотя запись приказа была без даты и писана не рукой кого-либо из начальников агентуры, тем не менее эта бумага подтвердила слова Бинта, что Департамент полиции, во время управления им Рачковского, подготовлял в секрете какое-то противоеврейское произведение»⁸⁷.

Получается, что «оригинал приказа» (ведь Сватиков нашёл после смерти Бинта в его «тетради» именно «оригинал») представлял собой «листок Бинта с записанным поручением», т.е. недатированный рукописный текст на французском языке, как и «копия», которую Бинт прислал Сватикову в 1926 г. Сватиков ни разу не уточняет, анализирует ли он «копию приказа» или же оригинал, а также отличались ли они друг от друга. Неясно и то, что означает фраза о «записи приказа... не рукой кого-либо из начальников агентуры» — ведь, судя по всему, и «копия», и «оригинал» были написаны почерком Бинта.

Кроме того, история этого приказа, как и другие «рассказы Бинта», записанные Сватиковым в 1920-е гг., не согласуется с тем, что известно о деятельности и деятелях политической полиции России начала XX в. «Парижский шеф охраны», неоднократно упоминаемый Сватиковым в этой части текста, но почему-то ни разу не названный, якобы получил задание от Рачковского и приказал Бинту немедленно ехать в Германию в поисках соответствующих изданий. Бинт отправился во Франкфурт-на-Майне и после длительного поиска нашёл требуемые книги, написанные на латыни и на еврейском, а «местный шеф» отправил их «в Петербург Рачковскому, Фонтанка 16»⁸⁸. Сватиков утверждал, что, «по словам Бинта, в это время, как рассказывал ему его старый сослуживец В. Милевский, “Мануйлов много писал в Петербурге” (то есть для Рачковского и для “протоколов”). “Друг Мануйлова” перевёл (для Рачковского) четыре (еврейских) книги»⁸⁹. Более того, «Бинт был категоричен в этом отношении» — «друг Мануйлова» в 1905 г. переводил «для Рачковского древнееврейские тексты»⁹⁰.

В.Ф. Милевский, на которого ссылался Бинт, действительно являлся его старым сослуживцем — ещё в 1886 г. они вместе громили народофильскую типографию⁹¹. Однако Милевский умер в сентябре 1904 г.⁹², а Рачковский ока-

⁸⁵ Там же. С. 201–202.

⁸⁶ Там же. С. 210.

⁸⁷ Там же. С. 202.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 203. Все кавычки и скобки — в тексте рукописи.

⁹⁰ Там же. С. 206.

⁹¹ ГА РФ, ф. 102, 1886 г., 3-е делопроизводство, оп. 82, д. 93, л. 133–135.

⁹² Дату смерти Милевского можно установить из письма Гартинга, направленного 1(14) сентября 1905 г. в Департамент полиции. В нём, в частности, сообщалось, что «помимо всех перечисленных расходов Ратаев до сентября минувшего года платил ныне умершему Милевскому жалованье в 154

зался в Департаменте на руководящей должности в Петербурге только в июле 1905 г.⁹³ Поэтому если Милевский и знал, что «Мануйлов много писал в Петербурге», то заказчиком этой работы был не Рачковский, а А.А. Лопухин (директор Департамента полиции в 1902–1905 гг.). С Лопухиным Мануйлов находился в приятельских отношениях⁹⁴, тогда как Рачковский в сентябре 1905 г., через несколько месяцев после своего назначения вице-директором Департамента полиции и внутреннего расследования деятельности Мануйлова, произвёл его «окончательный расчёт»⁹⁵.

Сватиков пытался объяснить явное противоречие в рассказе Бинта: Рачковский якобы заказывал книги в тот момент, когда занимал важный пост в самом Департаменте полиции, однако «Протоколы» были опубликованы Крушеваном за два года до этого. В рукописи Сергей Григорьевич, по сути, предлагал две противоречащие друг другу интерпретации рассказа Бинта: либо Рачковский «готовил продолжение протоколов», но закончить эту работу ему не удалось, либо «антиеврейские книги», заказанные им «за счёт Департамента», могли быть выписаны для «погромных прокламаций» октября 1905 г.⁹⁶ Однако второе предположение опровергало «версию Бинта» (а точнее – самого Сватикова) как таковую.

Упомянута в рукописи 1934 г. и третья версия датировки «приказа»: Спиридович ещё в 1924 г. предположил, что «приказ» связан с «делом Бейлиса». Опровергая это, Сватиков писал: «Дело Бейлиса исследовано ныне А.С. Тагером по данным архивов Департамента полиции, Министерства юстиции, Киевского окружного суда и т.д. ... Несомненно, что Тагер не умолчал бы о таком важном факте, как срочная выписка за любые деньги книг через Заграничную агентуру Департамента полиции. Между тем об этом факте у Тагера нет ни слова»⁹⁷.

Однако Бинт всё же не сочинял текст «документа». Приказ из Департамента полиции о поиске «священных еврейских книг о кабале» Заграничная агентура получила. И Бинт действительно искал эти книги во Франкфурте-на-Майне. Это был приказ директора Департамента полиции С.П. Белецкого, направленный заведующему Заграничной агентурой А.А. Красильникову 29 февраля 1912 г.⁹⁸, т.е. именно в период подготовки «дела Бейлиса». Разумеется, Рачковский, скончавшийся в октябре 1910 г., не мог иметь к этому никакого отношения.

Сравнение распоряжения Белецкого с текстом, цитируемым Сватиковым в рукописи 1934 г., не оставляет сомнений в том, что Бинт не придумал названия книг – именно эти издания были заказаны Белецким⁹⁹. Тот листок, который Сватиков нашёл в бумагах Бинта, судя по всему, не желавшего показывать

---

1 250 франков в месяц..., и по смерти Милевского продолжал выдавать его вдове по 1 000 франков в месяц до минувшего января месяца (т.е. до января 1905 г. – Л.Б.)». См.: ГА РФ, ф. 10003, оп. 1, д. 11, л. 16.

⁹³ О появлении П.И. Рачковского в Департаменте полиции в 1905 г. см.: *Перегудова З.И.* Политический сыск России... С. 84.

⁹⁴ См., например, письмо Лопухина Мануйлову: ГА РФ, ф. 102, оп. 314, д. 26, л. 140.

⁹⁵ См.: Там же, л. 167, 169.

⁹⁶ *Сватиков С.Г.* Создание сионских протоколов... С. 203, 210.

⁹⁷ Там же. С. 209. Имеется в виду монография: *Тагер А.С.* Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1933. Российский и советский адвокат и правовец А.С. Тагер участвовал в поиске материалов о происхождении «Протоколов» в дореволюционных архивах в период подготовки Бернского процесса.

⁹⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 316, ОО-1, 1912, д. 239. Кстати, «Переписка о приобретении еврейской священной книги “Kaballa babel”» доказывает прямое участие Белецкого в «деле Бейлиса» на стороне обвинения.

⁹⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 316, ОО-1, 1912, л. 2; *Сватиков С.Г.* Создание сионских протоколов... С. 201.

«оригинал приказа», — это записанное им на французском языке задание, полученное от Красильникова. На обороте листа Бинт указал адреса тех магазинов, где был в 1912 г. Правда, приобрёл он не совсем те книги, которые запрашивал Департамент, и заплатил за них не астрономическую сумму в 4 тыс. золотых франков, как рассказал Сватикову, а чуть менее 400 обычных франков¹⁰⁰. Таким образом, у Бинта имелся «оригинал» дореволюционного «документа» — его собственноручная записка. Однако, назвав её «приказом Рачковского», он совершил подлог.

Характерно, что «Переписка о приобретении еврейской священной книги “Kaballa babel”» фигурировала в списке документов, отражающих отношение Департамента полиции к «еврейскому вопросу», который составили в СССР по запросу из Швейцарии¹⁰¹. Как указывает Хагемейстер, в период подготовки к Бернскому процессу сторона обвинения выяснила подлинную датировку «сионского документа» и не стала использовать его на суде¹⁰².

Видимо, Сватиков впервые узнал о причастности Рачковского к фабрикации «Протоколов» из интервью Радзивилл и Херблетт в апреле 1921 г. Во время одной из последующих встреч с Бинтом он интересовался этим сюжетом, но получил крайне скудную информацию, по сути, повторявшую заявления Радзивилл и подтверждавшую их лишь ссылкой на некий «приказ» Рачковского, который Сватиков назвал «сионским документом». Неудивительно, что подготовленная Сватиковым в 1934 г. рукопись оказалась наполнена многочисленными противоречиями и нестыковками. В ней же появились и «показания Бинта 1917 года», о которых Сватиков, судя по его статьям, до 1921 г. ничего не знал.

Труднее всего объяснить, почему Сватиков решил привязать «показания Бинта» к 1917 г. и фактически фальсифицировать историю происхождения «Протоколов».

Следует учесть, что именно в 1917 г. Сватиков из общественного деятеля превратился в государственного служащего. Категоричность в суждениях, подчинение своей общественной и научной деятельности политическим целям, характерные для Сватикова и ранее¹⁰³, заметно усилились в атмосфере, царившей в Париже в эмигрантской среде, с широко распространённым в ней доносительством¹⁰⁴. Сватиков быстро увлёкся «разоблачениями» «провокаторов» (т.е. тех, кто сотрудничал с царским режимом) и «предателей» (немецких шпионов), иногда одновременно обвиняя человека и в том, и в другом¹⁰⁵. Он стал «своим» в сложившемся к тому времени кругу разоблачителей (В.Л. Бурцев, Л.П. Меньшиков, В.К. Агафонов) и приобрёл соответствующую репутацию. Причём в силу особенностей своего мировоззрения и характера он демонстрировал доверие к любому, самому минимальному обвиняющему свидетельству, и даже в тех случаях, когда окружавшие его «разоблачители» не видели оснований для подозрений¹⁰⁶. Например, при расследовании злоупотреблений в русской военной миссии, как отметил С.М. Маркедонов, «в Сватикове-чиновнике проявились черты общественного деятеля. Он, в частности, безусловно доверял

¹⁰⁰ ГА РФ, ф. 102, оп. 316, ОО-1, 1912, д. 239, л. 22, 32; *Сватиков С.Г.* Создание сионских протоколов... С. 202.

¹⁰¹ ГА РФ, ф. 4888, оп. 1, д. 30, л. 15 об.

¹⁰² *Hagemester M.* Die «Protokolle der Weisen von Zion» vor Gericht... S. 481.

¹⁰³ Подробнее см.: *Маркедонов С.М.* С.Г. Сватиков — историк и общественный деятель.

¹⁰⁴ Об этой атмосфере подробнее см.: ГА РФ, ф. 508, оп. 1, д. 36, л. 54; ф. 1653, оп. 1, д. 1.

¹⁰⁵ См., например, итоговый отчёт Сватикова Временному правительству: ГА РФ, ф. 1653, оп. 1, д. 2, л. 2—29.

¹⁰⁶ Это резко выразилось в его конфликте в августе 1917 г. с бывшим личным секретарём Бурцева В.Л. Родштейном. См.: ГА РФ, ф. 10003, оп. 1, д. 361, л. 40; д. 21, без номера листа. Протокол допроса № 3, № 8, л. 156, 185—209.

сведениям, полученным им от политэмигрантов, тогда как данные офицеров подвергал сомнению и тщательно перепроверял»¹⁰⁷. В результате уже в августе 1917 г. он был спешно отозван из Парижа по просьбе министра иностранных дел, обеспокоенного тем, что «крайняя импульсивность Сватикова, уже проявившаяся при сношениях его с иностранными властями, угрожает возможностью совершенно недопустимых осложнений»¹⁰⁸.

Однако, пробыв на комиссарском посту менее полугода, Сватиков в 1920-е гг. неоднократно подписывался как «бывший комиссар Временного правительства» и продолжал использовать следственную терминологию («я допросил», «показания» и т.п.)¹⁰⁹. В 1920-х гг. он несколько раз активно доказывал эмигрантам, что тот или иной человек был секретным сотрудником «царского режима». Причём в одном случае источником его данных оказался всё тот же Бинт, а во втором случае он сослался на собственные «воспоминания» о материалах Департамента полиции¹¹⁰. При этом Сватиков не сомневался в достоверности того, что сообщал ему Бинт. Ведь в целом уровень знаний о деятельности политической полиции в эмигрантской среде 1920-х гг. оставался довольно низким. А когда речь шла о секретной агентуре, даже такой специалист, как Бурцев, начинал «играть» с датами и именами, излагая истории, которые не могли иметь места в действительности¹¹¹.

В эмиграции Сватиков всячески пытался придать своей деятельности «частного разоблачителя» некий полуофициальный статус, скорее всего, вполне искренне считая её продолжением работы, начатой в 1917 г. Вероятно, и свои беседы с Бинтом в 1920-е гг. он воспринимал как продолжение допросов 1917 г. Не случайно выражение «официальное следствие» использовалось и в названии рукописи 1934 г. С другой стороны, настойчивые заявления о том, что все сведения о фабрикации «Протоколов» Рачковским получены от Бинта во время официальных допросов в 1917 г., не были случайной ошибкой Сватикова. Он целенаправленно старался придать своему «свидетельству» принципиально иной статус и вес, по сравнению с показаниями других «русских экспертов» на Бернском процессе. Очевидно, информация, полученная на допросе, обладала большей «легитимностью», чем беседа двух частных лиц в неофициальной обстановке, что в полной мере сказалось и в историографии.

Между тем, учитывая явную необоснованность и надуманность «версии Сватикова», следует не только признать, что ни заведующий Заграничной агентурой Рачковский, ни Департамент полиции МВД не имели никакого отношения к фабрикации «Протоколов», но и внимательнее присмотреться к наблюдениям и выводам, изложенным в работе Ч. де Микелиса. Проведя текстологический анализ первых публикаций «Протоколов» и сравнив их с сочинениями известного черносотенца Г.В. Бутми, итальянский филолог предположил, что фальшивка, скорее всего, была составлена в первые годы XX в. в кругу публицистов, известных своими антисемитскими взглядами и активно критиковавших экономическую политику российского правительства (Г.В. Бутми, П.А. Крушеван, С.Ф. Шарапов)¹¹².

¹⁰⁷ Маркедонов С.М. С.Г. Сватиков – историк и общественный деятель. С. 62.

¹⁰⁸ ГА РФ, ф. 1653, оп. 1, д. 2, л. 31–32.

¹⁰⁹ Там же, ф. Р-5802, оп. 1, д. 535, л. 35–37 об.

¹¹⁰ См., например, заявление Сватикова о «провокаторстве» Е.П. Когана-Семёнова: ГА РФ, ф. Р-5802, оп. 1, д. 535, л. 35–37 об. Весьма характеристична и история обвинения в провокаторстве эсера Г.П. Хавкина в 1930–1931 гг.: Там же, ф. Р-6093, оп. 1, д. 1–12.

¹¹¹ Так, обосновывая «предательство» Семёнова-Когана, Бурцев писал, что этот факт ему подтвердили на совместной встрече летом 1918 г. Белецкий и Манасевич-Мануйлов (ГА РФ, ф. 10003, оп. 17, коробка 1, папка 17, л. 1–12). Однако летом 1918 г. Бурцев уже несколько месяцев жил в Париже, Белецкий после Февральской революции непрерывно оставался под арестом и находился в Петропавловской крепости, а Мануйлова к тому времени большевики успели расстрелять.

¹¹² Микелис Ч., де. Указ. соч. С. 103.

А.Э. Котов. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов

Михаил Никифорович Катков (1818–1887) — наиболее крупная фигура в общественной жизни пореформенной России и едва ли не самый влиятельный русский публицист XIX в., если не всей отечественной истории. Более 30 лет он руководил созданным им ведущим литературным журналом и почти четверть столетия — ежедневной политической газетой, оказывавшей существенное, хотя и далеко не однозначное воздействие как на настроения в обществе, так и на политику правительства. Публикации «Русского вестника» (среди которых «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова, «Отцы и дети» и «Дым» И.С. Тургенева, «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Анна Каренина» гр. Л.Н. Толстого и другие классические произведения) и передовицы «Московских ведомостей», освещавшие, порою, правда, односторонне, самые разнообразные сюжеты политической, экономической, социальной, внутренней и зарубежной жизни, вызывали у современников больший резонанс, чем памфлеты А.И. Герцена, фельетоны А.С. Суворина, или, позднее, сочинения В.И. Ульянова — пока тот не захватил власть, а его соратники и последователи не провозгласили «труды» своего «вождя» сакральными текстами «единственно верного» учения. Заметно уступая тому же Герцену по литературному таланту, Катков в середине 1860-х гг. одержал над ним победу в борьбе за общественное мнение России. Зловеще звонивший по кому-то «Колокол» стал затихать, покуда не смолк совсем, «Полярная звезда» ушла с российского небосклона. В последующие десятилетия, вплоть до смерти Каткова, его издания оказались фактически неподвластны цензуре и, пользуясь своим исключительным положением, неизменно привлекали внимание читателей — и сочувствующих, и враждебных, коих, впрочем, становилось всё больше. А вот прежнего энтузиазма их полосы давно не вызывали. В середине 1880-х гг. победитель Герцена, растеряв былую популярность, не мог уже оставаться рваный гораздо менее одарённых идейных наследников побеждённого им некогда антагониста.

Когда же рухнуло самодержавие, значение деятельности Каткова, всецело связанной с судьбой «исторически проигравшей» империи, заметно ступсывало в глазах потомков. В учебных пособиях и курсах, излагавших историю общественного движения пореформенного времени, центральное место заняли люди из подполья, радикальные маргиналы и революционные демократы — предшественники «победившей» партии. Катков при этом оказывался величиной исчезающе малой и сугубо отрицательной, «реакционной».

И всё же истории никогда о нём не забывали. Первые попытки охарактеризовать его путь и наследие предпринимались недавними сотрудниками и критиками ещё в конце XIX в.¹ Но и почти сто лет спустя они вызывали интерес и тщательно обсуждались на семинарских занятиях². В советское время

¹ *Неведенский С. (Шегловитов С.Г.) Катков и его время.* СПб., 1888; *Любимов Н.А.* М.Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889; *Сементковский Р.И.* М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892.

² *Яновский А.Д.* Воспоминания об учителе // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 204–205.

позиция Каткова непременно учитывалась в работах П.А. Зайончковского³, ученики которого, В.А. Китаев и В.А. Твардовская, посвятили издателю «Русского вестника» и «Московских ведомостей» обстоятельные исследования, до сих пор не утратившие своей научной ценности⁴. Весьма ярко был представлен Катков и в появившихся на рубеже 1980–1990-х гг. работах В.Г. Чернухи и И.Л. Волгина⁵.

Всплеск интереса к консервативной и либеральной мысли в 1990–2000-е гг. вновь изменил «историческую перспективу». О Каткове пишут всё чаще и охотнее, почти все тома его «Передовых статей» (23 из 25) выложены на сайте РГБ, избранные произведения выходят в популярных сериях, рассчитанных на массового читателя. Впрочем, фронтальное изучение написанного им, похоже, ещё только начинается, а подготовка академического издания потребовала бы, вероятно, образования особого центра или группы, включающей специалистов в самых разных областях русской и зарубежной истории.

Тем не менее накопленный и постоянно увеличивающийся материал остро нуждается в осмыслении и систематизации. Этому способствуют появившиеся в последние десятилетия исследования доктора исторических наук Александра Эдуардовича Котова⁶, в значительной мере обобщённые и дополненные им в монографии «“Царский путь” Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов»⁷. В этой книге деятельность Каткова рассматривается в тесной связи с судьбами и идеями сотрудников, авторов и корреспондентов «Русского вестника» и «Московских ведомостей», а также руководителей других газет, так или иначе отстаивавших «русское дело» в пореформенное время («Киевлянин», «Виленский вестник», «Варшавский дневник»). Труд Котова уже привлёк к себе внимание историков и философов⁸, но к нему, безусловно, ещё не раз будут обращаться исследователи общественной мысли, журналистики и правительственной политики второй половины XIX в. В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук А.Ю. Полунов (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) и кандидаты исторических наук М.В. Медоваров (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского), А.А. Комзолова и А.В. Мамонов (Институт российской истории РАН). Материал подготовлен А.В. Мамоновым.

³ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952; Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964; Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.

⁴ Китаев В.А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века). М., 1972; Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. См. также: Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шаццлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; Китаев В.А. К характеристике политической программы М.Н. Каткова в первой половине 60-х годов XIX в. // История России: на перекрёстке мнений. Материалы I межвузовских исторических чтений, посвящённых памяти академика Б.С. Абалихина. Волгоград, 1997. С. 34–40; Китаев В.А. Русские либералы и польское восстание 1863 года // Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Научные труды. Н. Новгород, 2008. С. 208–223.

⁵ Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати: 60–70-е годы XIX в. Л., 1989; Волгин И.Л. Последний год Достоевского. М., 1991.

⁶ Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010; Котов А.Э. Птенцы гнезда Каткова. СПб., 2013.

⁷ Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016. 487 с.

⁸ Тесля А.А. Второй план // Вопросы национализма. 2016. № 25; Ведерников В.В. Дорога в никуда // Историческая экспертиза. 2017. № 4.

Монография А.Э. Котова освещает эволюцию социально-политических воззрений, историю мировоззренческих размежеваний и формирования политических группировок русских консерваторов второй половины XIX в. Среди других идейных течений эпохи консерватизм отличался, пожалуй, наибольшей внутренней сложностью, и многие аспекты его истории до сих пор вызывают споры среди учёных. Автор вносит значительный вклад в изучение данной темы, анализируя взгляды и деятельность М.Н. Каткова и публицистов его круга — как ближайших сотрудников «московского трибуна», так и тех, кто занимал самостоятельную позицию, но был связан с ним определённым единством убеждений. Как правило, это фигуры, игравшие видную роль в общественно-политической и интеллектуальной жизни России второй половины XIX в., но к настоящему времени зачастую забытые, причём почти всегда — незаслуженно. Среди них — многолетний редактор «Русского вестника», профессор Московского университета Н.А. Любимов; блестящий авантюрист, историк и дипломат С.С. Татищев; крупный учёный-славист П.А. Кулаковский и др. Изучение этой неоднородной, пронизанной противоречиями и в то же время живой, развивавшейся общности позволяет автору глубже осмыслить идеи тех, кто пытался — в конечном счёте, безуспешно — противостоять развитию России по либеральному или революционному пути.

Особое место в спорах русских консерваторов занимал вопрос о характере русской нации, ставший особенно актуальным после отмены крепостного права, в условиях неуклонного разрушения традиционной сословной системы. Как показано в книге, в 1860–1880-е гг. разброс мнений на сей счёт был весьма значителен даже среди тех публицистов, которые признавали основными объединяющими «национальными» факторами язык, подданство и лояльность, т.е. выступали, по сути, за строительство нации на политических (гражданских) началах. Настаивая на необходимости жёсткой централизации в ходе нациестроительства, Катков, склонявшийся в первой половине 1860-х гг. к либерализму, постепенно пришёл к защите неограниченного самодержавия и максимальной концентрации власти в руках монарха. В 1880-е гг. это привело его в ряды идеологов контрреформ. М.Ф. Де-Пуле и В.Я. Шульгин, видевшие в нации скорее союз «трёх русских народов» (великорусского, малорусского и белорусского), полагали, что без равноправия всех слоёв населения и развития институтов общественного самоуправления обеспечить национально-политическое единство России не удастся. В свою очередь, попытка создания нации на сугубо гражданских, политических основах вызывала протест у славянофилов, в частности у И.С. Аксакова и поддержавшего его М.О. Кояловича. Эти деятели небезосновательно утверждали, что без духовного (религиозного) единства любая национальная общность окажется весьма хрупкой и нежизнеспособной конструкцией.

Церковные вопросы волновали как «катковцев», так и других представителей «русской партии». Особенно остро звучала проблема возможности и пределов автономии Церкви от государства. При этом такие адепты «византизма», как К.Н. Леонтьев и Т.И. Филиппов или Н.Н. Дурново, ратовавшие за расширение связей с греческими патриархами и надеявшиеся с их помощью добиться большей независимости Церкви от бюрократии, публично поддерживали весьма далёких от «русской партии» мыслителей, например, противника всякого национального изоляционизма и ревнителя сближения православия и

католичества В.С. Соловьёва. Возникновение подобных идейных «альянсов» и столь же причудливых размежеваний разобщило консерваторов и не позволяло им «единым фронтом» выступать против своих соперников.

Разделяли консерваторов и дискуссии о внешней политике, особенно обострившиеся с конца 1870-х гг. После Берлинского конгресса и неудач русской дипломатии на Балканах в 1880-е гг. охранители (особенно С.С. Татищев и В.А. Грингмут) всё чаще рассматривали международные отношения с позиций «национального эгоизма» и критически отзывались об «альтруистических» лозунгах, будь то «европейское равновесие» или помощь «братьям-славянам». Впрочем, полностью отказаться от панславизма им так и не удалось. Тот же Татищев, проповедовавший прагматизм, в своих исторических трудах восхвалял Александра II, который «освободил от мусульманского ига соплеменные и единоверные... христианские народы Европейского Востока», т.е. осуществил как раз идеалистическую программу. Любопытно, что Катков и его сотрудники (Татищев, И.Ф. Цион) в 1880-е гг. практиковали и своего рода «параллельную дипломатию», налаживавшую неформальные контакты с зарубежными политиками и одновременно критиковавшую в печати действия МИД. Подобные явления, ставшие возможными вследствие того, что в пореформенное время «Московские ведомости» оказались, по выражению Каткова, «не просто газетой, а случайным органом государственной деятельности», свидетельствовали о глубине и остроте кризиса, охватившего правительственный аппарат. Становилось ясно, что традиционные бюрократические методы управления не справляются при решении всё большего количества общественно-политических проблем.

Но если «департамент Каткова», пользуясь нравственной и деловой независимостью, не вызывавшей сомнений в обществе, мог, даже ругая того или иного министра, защищать государство, то журналисты официозных изданий, скованные в своей полемике необходимостью придерживаться ведомственных оценок, теряли убедительность, а вместе с ней и аудиторию. Котов прекрасно показал это в биографическом очерке, посвящённом профессору П.П. Цитовичу, редактировавшему в 1880 г. газету «Берег». На судьбах консервативной журналистики негативно сказались и особенности личности «московского трибуна». Будучи человеком предельно харизматичным и самовластным, Катков попросту не потерпел бы рядом с собой деятеля, равного ему по дарованиям и масштабу личности (за исключением скончавшегося в 1875 г. П.М. Леонтьева). Все сотрудники «львовяrostного кормчего» заметно ему уступали, и когда он умер, адекватной замены просто не нашлось. С этим во многом было связано падение влияния консервативной прессы, проигравшей в начале XX в. либералам и революционерам борьбу за основную массу русских читателей. В целом, как показано в книге, размежевания в среде русских консерваторов оказались значительно сильнее объединявших их факторов, что, в конечном счёте, самым трагическим образом отразилось на судьбе этого идейного течения.

Максим Медоваров: Сущность «катковизма»

*Maxim Medovarov (Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia):
On the Essence of Katkovism*

DOI: 10.31857/S086956870001567-1

Вышедшая в свет третья монография А.Э. Котова и его докторская диссертация (содержащая, между прочим, обширный историографический и источниковедческий раздел, не вошедший в книгу⁹) дают повод и обильную пищу

⁹ Котов А.Э. Консервативная печать в общественно-политической жизни России 1860-х – 1890-х годов: М.Н. Катков и его окружение. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2016. С. 8–20.

для размышлений о корнях и сущности русского консерватизма второй половины XIX в. По-видимому, автору было непросто точно определить предмет своего исследования и очертить его границы. Существовал ли «катковизм» за пределами редакций «Русского вестника» и «Московских ведомостей»? Пережил ли он смерть Каткова в 1887 г.? Насколько самостоятельны и оригинальны были те исторические деятели, которых современники воспринимали как «катковистов»? Наконец, возможно ли подыскать максимально ёмкое, научно корректное и содержательное обозначение тем взглядам, которые проповедовали «Московские ведомости» и близкие к ним издания? Котов отвергает такие характеристики, как «либеральный консерватизм», «государственный национализм», «гражданский» или «политический» национализм, предпочитая им неоднозначный термин «бюрократический национализм», который на этот раз вынесен на обложку книги.

Полемическая заострённость в использовании терминов – отличительная черта данной монографии. Уже на первых страницах автор заявляет, что русский консерватизм второй половины XIX в. правильнее называть национализмом, поскольку фактически в нём присутствовали элементы либеральной или демократической идеологии (с. 9). К тому же, Катков, почвенники, поздние славянофилы в молодости резко критиковали режим Николая I, а позднее развивали проекты «нефеодальной» монархии. Как пишет Котов, «отечественные “охранители” 1860–1890-х годов пытались предложить не возвращение к старым порядкам, но сразу несколько вариантов модернизации российской самодержавной государственности» (с. 40). Однако не только кн. В.П. Мещерский или К.Н. Леонтьев, но и М.Н. Катков и А.А. Киреев в 1880-е гг. не раз одобрительно отзывались о николаевских порядках. Всё же время либерального национализма в России наступило только на рубеже XIX–XX вв., а во второй половине XIX в. националисты, как правило, оставались ещё консерваторами, пусть и не всегда последовательными. «Птенцы гнезда Каткова», как и он сам, почти всегда переходили от либеральных увлечений молодости именно к консерватизму в той или иной его разновидности. Даже самый либеральный из поздних славянофилов – О.Ф. Миллер уже не смог в полной мере стать «своим» для либералов. «Стремление славянофилов к сохранению национальных форм объективно ставило их в ряды консерваторов, – признаёт Котов. – Наконец, не следует забывать о религиозной составляющей славянофильства» (с. 23). И это вполне согласуется с давним тезисом В.А. Китаева об ошибочности «бездоказательной либерализации славянофилов»¹⁰. То же самое можно сказать и о Каткове после середины 1860-х гг.

Классификация течений русской консервативной мысли второй половины XIX в. всё ещё нуждается в разработке. Если А.С. Карцов делил консерваторов на три группы в зависимости от того, отдавали ли они приоритет православию, самодержавию или народности¹¹, то Котов обращает внимание на то, с какой социальной группой те или иные русские консерваторы связывали будущее пореформенной России. Для славянофилов это изначально были крестьяне и патриархальные помещики, для почвенников – купцы и мещане, для Р.А. Фадеева и кн. Мещерского – дворянство, для Каткова – бюрократия, для «нового консерватизма» Л.А. Тихомирова – рабочие. На этом основании Котов и относит «Московские ведомости» к «бюрократическому национализму». При этом он оговаривается, что в принципе это был всё тот же политический или государственный национализм. Однако поскольку с конца 1860-х гг. все надежды на воплощение своей программы Катков возлагал исключительно на

¹⁰ Китаев В.А. Славянофильство и либерализм // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 133–143; Китаев В.А. XIX век... С. 341.

¹¹ Карцов А.С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции. СПб., 2002. С. 55.

государственный аппарат и «не мог не превратиться из борца с бюрократией в апостола последней» (с. 55–56, 85, 88, 90), термин «бюрократический национализм» представляется автору монографии более удачным¹².

В итоге палитру русского консерватизма второй половины XIX в. Котов видит в следующих тонах: либеральный консерватизм поздних славянофилов и Н.П. Гилярова-Платонова, бюрократический национализм М.Н. Каткова, дворянский консерватизм Р.А. Фадеева и кн. В.П. Мещерского, церковный традиционализм Т.И. Филиппова и Н.Н. Дурново, консервативный романтизм К.Н. Леонтьева и возникший в 1890-е гг. «неоконсерватизм» Л.А. Тихомирова и В.В. Розанова¹³. Кн. Э.Э. Ухтомского автор называет «сторонником “имперского” или, говоря современным языком, “евразийского” консерватизма» (с. 462), что, наряду с выделением «неоконсерваторов», создаёт большую терминологическую путаницу. Кроме того, если Леонтьев оказывается в полном одиночестве, то целесообразно ли отделять его от дворянского консерватизма и рассматривать как особое «направление»? А если вспомнить про его учеников – А.А. Александрова, В.А. Грингмута, Ю.С. Карцова и тем более Л.А. Тихомирова, о которых бегло говорится в конце книги (с. 464–473), то изоляция Леонтьева в клетке «консервативного романтизма» станет и вовсе проблематичной. С другой стороны, где в этой классификации место К.П. Победоносцева, олицетворявшего целую программу развития Церкви, во многом расходившуюся с идеями как славянофилов, так и Леонтьева, Филиппова и Дурново? Ведь осуществлять её предполагалось, не опираясь на поддержку чиновников, помещиков, крестьян или горожан, а используя неформальные каналы личных влияний в обход существовавших церковных, государственных и общественных структур. На таком фоне, конечно, разобраться в сущности «бюрократического национализма» сторонников Каткова особенно важно.

В главе «Случайный орган государственной деятельности» (с. 41–90) Котов пронизательно размышляет об уникальной роли, которую Катков как независимый журналист играл в политике, показывает приверженность публициста идеалу однородного национального государства, подобного Франции и Германии, и скептическую оценку турецкого образца (с. 63–65), подробно освещает его представления об отношениях государства и Церкви (с. 59–61), о еврейском вопросе и США. При этом автор, как правило, воспроизводит уже сказанное им в одноимённой главе в монографии «Птенцы гнезда Каткова»¹⁴, исключив, правда, сюжеты, связанные со статьями Каткова о военном флоте, и добавив обширный фрагмент о передовицах «Московских ведомостей», посвящённых украинофилам (с. 66–82).

Основной текст монографии Котова, помимо вводных теоретических разделов, состоит из глав-очерков об отдельных сотрудниках катковских изданий и идейно близких им газет и журналов. К четырём историческим портретам, уже публиковавшимся в книге «Птенцы гнезда Каткова», добавлены ещё шесть, объём и содержание которых существенно различаются и лишены какого-либо единообразия. К сожалению, среди них так и не оказалось главы о П.М. Леонтьеве, который, похоже, остаётся для автора малоинтересным *alter ego* Каткова. Однако вряд ли это оправданно: его роль в истории русского консерватизма была, во всяком случае, не менее значительна, чем у героев монографии.

Разумеется, первым среди «птенцов» по праву представлен Н.А. Любимов. Выходец из низов (его родители неизвестны), уже в молодости ставший про-

¹² А.А. Тесля, напротив, полагает, что социальной опорой катковского проекта в 1860-е гг. являлась буржуазия, а в 1880-е гг. происходило сближение националистических программ Каткова и Аксакова (*Тесля А.А. Первый русский национализм... и другие. М., 2014. С. 37–38, 51*).

¹³ Более детально эта классификация изложена в монографии: *Котов А.Э. Русская консервативная журналистика... С. 55–113*.

¹⁴ *Котов А.Э. Птенцы гнезда Каткова. С. 6–38*.

фессором Московского университета, незаурядный популяризатор физики, он прославился прежде всего своими проектами реформы университетского образования. Описание полемики Любимова с либеральными оппонентами в годы его борьбы за переизбрание в университете (с. 95–127) – пожалуй, наиболее живые и занимательные страницы книги, демонстрирующие независимый ум «труженика контрреформ», указавшего на «болевые точки» устава 1863 г. и заложившего основу устава 1884 г. Не упущена из виду и конструктивная критика любимовского проекта О.М. Бодянским и Н.П. Гиляровым-Платоновым. В «Царский путь» Михаила Каткова» Котов включил отсутствовавший в книге «Птенцы гнезда Каткова» фрагмент о «главном публицистическом произведении» Любимова – диалогах «Против течения», написанных «под влиянием А. де Токвиля и И. Тэна» и предлагавших читателям посмотреть «осторожным взглядом естествоиспытателя» на события, происходившие во Франции в конце XVIII в. Эти «беседы о революции», или «наброски и очерки в разговорах двух приятелей» (как сам Любимов определил их жанр), публиковались в 1880–1882 гг. в «Русском вестнике» под псевдонимом «Варфоломей Кочнев». В них говорилось об опасности представительных учреждений для правительства и утверждалось, что «наблюдение явлений, на наших глазах происходивших и происходящих, может во многом служить к лучшему пониманию событий во Франции 1789 г.». При этом основная угроза, по мнению автора, исходила от политической элиты: «Вопрос, быть или не быть революции, был утвердительно решён на собрании нотаблей». А поскольку известно, что Александр III читал катковские издания, подобные рассуждения и предостережения могли повлиять на его отношение к предложениям гр. М.Т. Лорис-Меликова и гр. Н.П. Игнатьева (с. 127–132). К сожалению, о деятельности Любимова после 1887 г. автор пишет предельно кратко (с. 133–134).

Большой заслугой Котова является первое в историографии исследование творчества Н.В. Щербаня – постоянного корреспондента «Русского вестника» и «Голоса», долгие годы проживавшего во Франции. В книге ярко и убедительно анализируются его отношения с И.С. Тургеневым и А.А. Краевским, критика французской централизации (вполне в духе раннего, либерального Каткова-англомана), борьба с польской пропагандой, отражение в его письмах событий 1871 г. (с. 154–166). Характерно, что редакция либерального «Голоса» безжалостно вырезала из статей Щербаня выпады против французских республиканцев и их лидера Л. Гамбетта, после чего публицист окончательно связал свою судьбу с «Московскими ведомостями».

Западник и европеист П.К. Щебальский в 1860-е гг. одним из первых пытался сформулировать принципы русского государственного национализма. Это сближало его с Катковым, но их размышления развивались параллельно и независимо друг от друга, хотя печатался Щебальский именно в «Русском вестнике». Взгляды публициста на польский вопрос и панславизм в какой-то степени предвосхитили их интерпретацию Гиляровым-Платоновым и Достоевским. В старости Щебальский взял в свои руки «Варшавский дневник». Этому изданию, а также преемнику Щебальского – П.А. Кулаковскому Котов посвятил отдельные очерки, помещённые уже во второй части книги (с. 406–439, 440–463).

Долгое время эта газета являлась обычным провинциальным официозом. Щебальский пытался стать её редактором ещё в 1877 г. (вместо Н.В. Берга), но в итоге она попала в руки князя-идеалиста Н.Н. Голицына. Его статьи против нигилизма и привлечение к сотрудничеству К.Н. Леонтьева прославили доселе безвестный «Варшавский дневник». При этом в голицынский период (1879–1883) в ней преобладал примирительный тон в отношении поляков, вполне соответствовавший политике варшавских генерал-губернаторов гр. П.Е. Коцебу и особенно П.П. Альбединского. В 1884–1892 гг., при ге-

нерал-губернаторе И.В. Гурко и редакторстве Шебальского и Кулаковского, «Варшавский дневник» придерживался национализма в духе Каткова, хотя и с определённым панславистским привкусом. Впрочем, это не мешало его сотрудникам выражать сочувствие сербской Радикальной партии (боровшейся с проавстрийским правительством) — такова была тогда общая позиция почти всех русских консерваторов (с. 435–437). Котову удалось показать промежуточное положение Кулаковского между славянофилами и «Московскими ведомостями». Не случайно Платона Андреевича хвалил Киреев, также пытавшийся осуществить синтез идей Аксакова и Каткова¹⁵. Фактически Кулаковский пытался применять катковские рецепты к больше всего интересовавшим его польскому, сербскому и украинскому вопросам, отнюдь не желая политического объединения славян в одно государство (как не стремилось к нему и большинство поздних славянофилов).

Обширная глава рассказывает о забытом ныне М.Ф. Де-Пуле (с. 205–259), чья эволюция от осторожного провинциального либерализма к катковскому национализму рассмотрена Котовым во всех деталях. Будучи в конце 1866 — начале 1868 г. редактором «Виленского вестника», Де-Пуле призывал к форсированному распространению православия, скорейшей ассимиляции евреев и гражданско-политической русификации поляков. При этом его статьи были зачастую эклектичны и противоречивы: споря то с Катковым, то с Аксаковым, то с М.О. Кояловичем, он так и не смог предложить внятную программу обрусения Северо-Западного края. Неглубокой была и критика им нигилизма: предсказания Де-Пуле о том, что Н.А. Некрасов как поэт будет забыт, явно не сбылись.

В короткой главке о И.Ф. Ционе (с. 260–271) Котовым создан живой образ авантюриста международного масштаба, временно примкнувшего к катковскому лагерю. Но почему-то в ней в основном говорится о его взглядах конца XIX — начала XX в., тогда как публицистическая деятельность при жизни Каткова, включая имевшую резонанс полемику против нигилистов, осталась не рассмотренной.

В главе о С.С. Татищеве (с. 272–307), кардинально переработанной и расширенной вдвое по сравнению с очерком в «Птенцах гнезда Каткова», даётся любопытное сравнение двух «Алкивиадов» — Татищева и К.Н. Леонтьева (с. 296–303). Правда, значение поездки Татищева в Болгарию в 1889 г., вызвавшей бурю негодования в России, в монографии так и не раскрыто. Зато тут же полностью опубликована татищевская записка о способах влияния на печать и общественное мнение Франции в благоприятном для России смысле (с. 281–285) и изложены его рассуждения о рабочем вопросе — одна из первых систематических попыток русских консерваторов нащупать почву для противодействия революционерам на фабриках и заводах. Важны также свидетельства явного поправения дипломата-авантюриста в начале XX в. (с. 304–307).

Вторая часть книги Котова названа «“Партизаны” и эпигоны». Но поскольку «партизаном» (т.е. сторонником) Каткова себя называл именно Шебальский, очерк о котором находится в первой части, такое заглавие вызывает некоторое недоумение. Первым из «партизан» оказывается одесский профессор П.П. Цитович, звёздный час которого пробил в 1878 г., когда совершенно неожиданно его несущественная по содержанию полемика с А.С. Посниковым о крестьянской общине из-за вмешательства Н.К. Михайловского, «Вестника Европы», Ф.М. Достоевского и др. приобрела общероссийское звучание. Катков поспешил взять Цитовича под защиту от «нигилистов», хотя тот был либералом и отнюдь не принадлежал к его единомышленникам. Редактируя

¹⁵ Медоваров М.В. К истории взаимоотношений И.С. Аксакова и А.А. Киреева // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 42–48.

газету «Берег», созданную в 1880 г. по инициативе министра внутренних дел Л.С. Макова, Цитович пытался следовать в русле катковских идей, но в итоге оттолкнул от себя и Аксакова, и Леонтьева, и Суворина, и читающую публику. Непродолжительная история «Берега» закончилась скандалом, связанным с растратой средств, из которого Цитович сумел, однако, выйти невредимым. Он продолжал служить и прожил ещё треть века, но его последующая деятельность оставалась малоприметной. «В сущности, – констатирует Котов, – в “охранители” Цитовича толкнули личное самолюбие в сочетании с нетерпимостью и незрелостью тогдашней демократической журналистики» (с. 345).

Особняком стоит самая большая глава монографии, в которой Котов характеризует обстоятельства, предшествовавшие в 1863–1864 гг. основанию газеты «Киевлянин», полностью приводит программу данного издания и прослеживает его историю до конца XIX в. (с. 358–365). Обращаясь к польскому и еврейскому вопросам, рассуждая о «русском католицизме», создатель «Киевлянина» В.Я. Шульгин и его ведущий сотрудник М.В. Юзефович в конце 1860-х гг. практически солидаризировались с «Московскими ведомостями». Только в отличие от Каткова Шульгин (но не Юзефович) в 1870-е гг. отказывался воспринимать украинофильство как серьёзную угрозу (с. 377–387). Характерно, что на рубеже 1860–1870-х гг. «Киевлянину» пришлось немало пострадать за свои антипольские публикации от киевского генерал-губернатора кн. А.М. Дондукова-Корсакова. После смерти Шульгина в 1878 г. газета перешла к Д.И. Пихно, но особенности его редакторской практики в 1880-е гг. очерчены автором достаточно бегло.

Несомненно, что вышедшая тиражом 500 экземпляров монография А.Э. Котова, снабжённая прекрасной вклейкой с иллюстрациями, станет ценным подспорьем не только для историков, но и для всех интересующихся русской общественной мыслью XIX в. Конечно, эта книга является не завершающей, а промежуточной вехой на пути изучения консервативной журналистики пореформенного времени, и в ней вполне была бы уместна глава «О том, чего нет в этом разделе», как в монографии О.Л. Фетисенко¹⁶. Хотелось скорее прочесть расширенное и дополненное издание «Царского пути» с очерками о П.М. Леонтьеве, С.В. Флёрове (С. Васильеве), о ранней публицистике Циона и позднем этапе деятельности братьев Кулаковских, а также об А.Д. Пазухине, В.А. Грингмуте и др.

Анна Комзолова: Катков в окружении единомышленников

*Anna Komzolova (Moscow, Russia):
Surrounded by like-minded people*

DOI: 10.31857/S086956870001568-2

А.Э. Котов исследовал оригинальную и малоизученную тему – окружение М.Н. Каткова, «самого влиятельного русского публициста XIX столетия», в «постлиберальный» период его деятельности. Как известно, Михаил Никифорович пользовался поддержкой многих высокопоставленных чиновников, особенно в 1880-е гг. К их числу автор книги относит И.Д. Делянова, М.Н. Островского, К.П. Победоносцева, И.А. Вышнеградского, С.Ю. Витте, А.Д. Пазухина, Е.М. Феоктистова, А.И. Георгиевского и др. Кроме того, повседневная подготовка редактировавшихся Катковым изданий основывалась на скоординированных совместных усилиях широкого круга видных публицистов и журналистов средней руки.

¹⁶ Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 143–153.

К концу 1850-х гг. в редакциях газеты «Московские ведомости» и журнала «Русский вестник» образовался «тройственный союз» М.Н. Каткова, Н.А. Любимова и П.М. Леонтьева. На долю Любимова выпал «чёрный и нелёгкий труд»: в 1863–1882 гг. он редактировал «Русский вестник», занимаясь прежде всего урегулированием возникавших деловых и творческих вопросов. При этом решающее слово всегда оставалось за Катковым (с. 93). Вместе с тем, оставаясь полным его единомышленником в политических вопросах, Николай Алексеевич, по мнению современников, «смотрел на всё шире, свободнее, и больше придавал значения реальному качеству вещей, чем традиции» (с. 128). Леонтьев, согласно характеристике Котова, «выполнял скорее организационную роль» (с. 5). Учитывая известную редакторскую «неслиянность и нераздельность» Каткова и Леонтьева, у их современников невольно возникал далеко не тривиальный вопрос: «Где кончается Катков и начинается Леонтьев?» Как утверждал А.С. Суворин, мнение которого приводит Котов, «г. Леонтьев начинался именно там, где кончался талант и одушевление г. Каткова, и где начиналась житейская рассудительность, расчётливость и кропотливое упорство в достижении своих целей» (с. 44–45). Все же остальные сотрудники катковских изданий не имели своего голоса и всецело подчинялись воле редактора (с. 46). При этом вокруг них, по словам автора, «постоянно вспыхивали скандалы, связанные с подлогами, шантажом и финансовыми махинациями» (с. 4).

Характеризуя «Московские ведомости» как яркий пример «персонального журнализма», Котов связывает их феноменальное политическое влияние не только с «пресловутой литературоцентричностью старой России, архаичной верой тогдашнего русского общества в магию печатного слова» (с. 48), но и с харизмой самого Каткова. Неудивительно, что после его смерти в 1887 г. издание испытывало «бедность людьми» и пришло в упадок. Представители младшего поколения «катковцев», родившиеся после 1850 г. — В.А. Грингмут, Ю.Н. Говоруха-Отрок, Ю.С. Карцов, Л.А. Тихомиров (причисляемый автором к ним «с некоторой натяжкой») и др. — уже «во многом отошли от идей своего прежнего “вождя” и вдохновителя», а к началу XX в. и вовсе растворились в черносотенном движении (с. 464, 477).

Несмотря на то, что близкие к Каткову публицисты уступали ему и в творческом, и в нравственном отношении, они безусловно заслуживают внимания исследователей, поскольку именно в головах этих «деятелей второго плана», по словам Котова, «идеология “кристаллизуется” и вступает в соприкосновение с реальностью» (с. 409). Кто же, согласно автору, входил в катковское окружение в 1860–1880-х гг.? В «Предисловии» Котов причисляет к нему всех, кто разделял взгляды Каткова или его «идеологию бюрократического национализма» и выступал в роли её «пропагандиста» (с. 4–5). Личные и деловые отношения этих людей с Михаилом Никифоровичем, т.е. реально существовавшие между ними связи, а не некое отвлечённое единомыслие, особого значения для автора монографии не имеют. Вследствие подобной трактовки само понятие «окружение» становится весьма расплывчатым, по сути речь уже идёт о какой-то протопартии со своей идеологией, «партийной» печатью, а также «вождём и учителем». Читатель не найдёт в книге очерков о таких действительно близких Каткову личностях, как не являющийся «значимым публицистом» П.М. Леонтьев, а также Георгиевский и Флекистов, которые «проявили себя в большей мере как государственные деятели», но не участвовали в газетно-журнальной полемике. Зато автор рассказывает о С.С. Татищеве, поскольку он в своих трудах «развивал катковские представления о внешней политике» (с. 475). Между тем Сергей Спиридонович стал регулярно помещать свои статьи в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» (а также в суворинском «Новом времени» и других изданиях) только со второй половины 1880-х гг. (с. 276), т.е. пе-

риод его наибольшей творческой и публицистической активности фактически начался уже после кончины Каткова.

Но где же тогда кончается близкий круг единомышленников консервативного мыслителя и публициста и начинается широкое идейное течение консерватизма, по каким критериям следовало бы отделять тех, кто действительно являлся его непосредственным сотрудником, от «партизан» и эпигонов, и где проходит тонкая грань между индивидуальным и коллективным в системе их убеждений и верований? Ощущали ли сами «катковцы» мировоззренческую близость не только с «Московскими ведомостями», но и друг с другом? Что заставляло разделять схожие убеждения столь разных людей, как университетские профессора Н.А. Любимов и И.Ф. Цион, боевой офицер и чиновник П.К. Щебальский и родовитый дворянин и неудавшийся дипломат С.С. Татищев?

Один из наиболее интересных биографических очерков, включённых в книгу, посвящён Петру Карловичу Щебальскому. «Служилый человек с непростой судьбой», он в 1840-х гг. воевал на Кавказе, в середине 1850-х гг. был московским полицмейстером, в 1858 г., в 48 лет, перешёл на статскую службу и поступил в Министерство народного просвещения, с 1871 г. служил в Царстве Польском (с 1875 г. — в Варшаве), а в последние годы жизни редактировал «Варшавский дневник». Описывая карьеру Щебальского, Котов в основном опирается на сведения, попавшие в некролог. Но это не позволяет осветить, например, его службу чиновником по особым поручениям в учебном ведомстве на рубеже 1850–1860-х гг. Между тем не вызывает сомнений живое участие Щебальского в разработке проектов реформирования системы начального образования крестьян, прежде всего — на западных окраинах империи. В 1862 г. министр народного просвещения А.В. Головнин поручил ему подготовить проект сети школ для крестьянских детей Северо-Западного края. Тогда же Щебальский составил оставшийся нереализованным проект «народного» органа печати, который должен был издаваться для сельских жителей на белорусском и литовском языках. Помимо «Чтения из русской истории», он был автором исторической работы «Рассказы о Западной Руси»¹⁷. В 1860-х гг. этот труд был рекомендован Учёным комитетом Министерства народного просвещения для изучения в старших классах гимназий, а также «грамотным простолюдинам». Во время польского восстания 1863 г. Щебальский встречался с виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьёвым, который предлагал ему возглавить редакцию газеты «Виленский вестник», перешедшую тогда в ведение местной администрации. Щебальский отказался, но, как сообщал Каткову, с Муравьёвым «расстались самым дружелюбным образом. Он человек замечательный, но всё остальное вокруг него — увы!»¹⁸.

Анализируя публицистику Щебальского, Котов отказывает ему в оригинальности взглядов. По его мнению, Пётр Карлович преимущественно «озвучивал и иллюстрировал историческим материалом мысли М.Н. Каткова» (с. 188). Однако сам Котов неоднократно указывает, что в рассуждения Щебальского, который считал себя либералом, постоянно «вкрадываются» то западнический «европеизм», то либерализм, то отдельные идеи московского славянофильства. В целом же его взгляды в 1860–1880-х гг. оставались достаточно статичными, видимо, сформировавшись ещё в дореформенный период, и поэтому зачастую звучали «в духе раннего Каткова» (с. 202). Таким образом, для более полной характеристики мировоззрения Щебальского нужно обстоятельнее изучить его творчество, привлекая архивные документы.

¹⁷ Щебальский П.К. Рассказы о Западной Руси. М., 1864 (Изд. 2. М., 1866).

¹⁸ ОР РГБ, ф. 120, к. 22, л. 190.

Явной натяжкой выглядит и причисление к окружению Каткова М.Ф. Де-Пуле. Михаил Фёдорович прибыл в Вильну в январе 1866 г.¹⁹ и уже в ноябре возглавил редакцию «Виленского вестника», заменив А.И. Забелина, пользовавшегося к тому времени репутацией одиозного русификатора²⁰. Незадолго до этого главным начальником Северо-Западного края вместо К.П. фон Кауфмана стал гр. Э.Т. Баранов, сразу же заявивший о намерении, сохраняя в целом «систему Муравьёва», изменить некоторые методы управления. В новых условиях оказался востребованным подход Де-Пуле, апеллировавшего не к эмоциям, а к здравому смыслу, и призывавшего к осторожности в деле русификации. Под «обрусением» он понимал прежде всего распространение цивилизации, как пишет Котов, «отчасти в шпенглеровском значении этого слова» (с. 221). Признавая характерной чертой жизни Литвы и Белоруссии постоянные столкновения «двух волн» — «обрусения» и «ополячения», Де-Пуле не считал неминуемой победу первого над вторым и утверждал в письме к Бартеневу 1 августа 1866 г., что при любом исходе «край всё же останется со своеобразной физиономией, на манер Малороссии, но Москвой и Воронежем не будет»²¹. Котов справедливо указывает на серьёзные расхождения между Катковым и редактором «Виленского вестника», который отрицал существование «польской интриги», отказывался считать её угрозой русскому влиянию в западных губерниях и к тому же «не отделял русского чиновничества от интеллигенции» (с. 219, 252, 259). Тем не менее автор книги настаивает на том, что Де-Пуле «фактически озвучивал в своей публицистике чуть смягчённую версию катковского “бюрократического национализма”» (с. 259)²².

Вероятно, с большим основанием, чем Де-Пуле, к «катковцам» можно было бы отнести ныне совершенно забытого полковника Генерального штаба С.А. Райковского (впоследствии — одного из основателей газеты «Русский мир»), о котором не упомянуто и в монографии Котова. В 1860-х гг. он проживал в Вильне и помимо журналистики изучал документы, содержавшие сведения о восстании 1863 г.²³ В некрологе, помещённом в 1876 г. в «Московских

¹⁹ В книге приезд Де-Пуле в Вильну почему-то перенесён в 1865 г., а «Виленский вестник» один раз назван «Виленским дневником» (с. 213), хотя тут же приводится цитата из воспоминаний самого Михаила Фёдоровича с верными сведениями (с. 214).

²⁰ При этом ещё 10 августа 1864 г. Де-Пуле писал П.И. Бартеневу о том, что И.С. Аксаков предлагал ему взять на себя редакцию «Виленского вестника» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, д. 557, л. 72 об.). К кому же он был тогда ближе — к Аксакову или к Каткову?

²¹ РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, д. 560, л. 281 об.

²² Значительно более тонко и аргументированно лавирование «Виленского вестника» под редакцией Де-Пуле проанализировал М.Д. Долбилов. Согласно его трактовке, в 1867 г. Де-Пуле стремился установить «союзнические отношения» с Катковым, разделяя его подход к гражданской русификации Западного края. Неудивительно поэтому, что Де-Пуле публично объявлял себя «партизаном» «Московских ведомостей», но вряд ли в том следует видеть безоговорочное доказательство его «катковизма». Во всяком случае, не добившись «открытой коалиции» с «Московскими ведомостями» и пытаясь избежать маргинализации в политической журналистике, он был вынужден демонстративно сблизиться с идеологически чуждой ему «Вестью», враждебной в равной мере и Каткову, и Аксакову. Вместе с тем, разделяя критическое отношение «Вести» к административным методам русификации и насаждения православия, Де-Пуле не принимал её «космополитический» взгляд на местное крупное землевладение и неверие в перспективы русской колонизации (Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 505–506). Долбилов также установил, что автором напечатанных без подписи в «Виленском вестнике» в 1867 г. «Московских писем», которые Котов называет «анонимными» (с. 229), был друг и соратник Де-Пуле, член Московского Славянского комитета славист П.А. Бессонов, в середине 1860-х гг. служивший в Вильне председателем археографической комиссии и директором публичной библиотеки (Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера... С. 507, 911).

²³ Результатом этой работы стали статьи С.А. Райковского «Польская молодёжь Западного края в мятеже 1861–1863 гг.» и В.В. Комарова «Польская пропаганда в школах Западного края»:

ведомостях», отмечалась связь, на протяжении многих лет существовавшая между ним и редакцией на Страстном бульваре. В частности, признавалось, что «просвещённой наблюдательности» Райковского «были мы обязаны живыми и всегда верными сведениями о ходе дел в Северо-Западном крае, где он долгое время был нашим корреспондентом», а также «драгоценными материалами о прошлом этого края, которые дали возможность правильно судить о его настоящем»²⁴.

Андрей Мамонов: Бюрократия и Катков

*Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russia Academy of Sciences, Moscow):
Bureaucracy and Katkov*

DOI: 10.31857/S086956870001570-5

Любая попытка «объяснить» взгляды и позиции М.Н. Каткова в 1860–1880-е гг. с помощью привычных до избитости ярлыков и эпитетов вступает в прямое противоречие с настойчивым стремлением московского публициста держаться «вне всяких партий и личных соображений». Он действительно глубоко верил в себя и без тени иронии писал в 1884 г. императору: «Моё имя стало равносильно политической программе»²⁵. Однако выражение «катковизм», хотя и встречается иногда в литературе, как-то не прижилось и вряд ли приживётся, поскольку никакого сколько-нибудь стройного учения, пусть даже противоречивого, за катковской «программой» не просматривается. Это и естественно, если учесть, что сам он придавал значение не столько чёткости умозрительной системы или верности тому или иному принципу, сколько государственной пользе и целесообразности.

Вероятно, по той же причине к Каткову не подходят и расхожие идеологические характеристики. В начале 1860-х гг. его, конечно, нельзя не признать либералом, хотя и с сильным элементом «торизма», о чём писал ещё А.Е. Пресняков²⁶. Но уже в 1863 г. публицистика Каткова не определялась «либерализмом» и не сводилась к нему. Тогда Катков, по его выражению, «поднял знамя государственного единства России и русской национальной политики»²⁷. Но был ли он при этом «националистом»? Во всяком случае, себя он так, кажется, никогда не именовал. То или иное представление о «нации» едва ли было системообразующим для его мировоззрения. Сам он, кстати, предпочитал писать о «национальности», скорее всего, не желая пользоваться слишком часто тогда употреблявшимся и от того быстро выхолащенным понятием «народность». Причисление Каткова к «националистам» представляется всё же явным анахронизмом и модернизацией (или актуализацией?) прошлого, перенесением его публицистики в проблемное поле более позднего времени и иной эпохи в истории русской мысли.

Это становится совершенно очевидным, если вспомнить, как органично и плавно от «национальной политики» и защиты русских интересов на окраинах Катков перешёл к не менее ожесточённой и важной для него борьбе за насаждение классического образования и преобразование университетов по германскому образцу. Ни та, ни другая реформа — а обе они казались Каткову судьбоносными для России — не преследовала никаких специфически «наци-

Русский вестник. 1868. Т. 77; 1869. Т. 79, 80, 83.

²⁴ Московские ведомости. 1876. № 95. 5 мая.

²⁵ Вождь реакции 60–80-х годов (письма Каткова Александру II и Александру III) // Бьлое. 1917. № 4(26). С. 21.

²⁶ Пресняков А.Е. Воспоминания Феоктистова и их значение // Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 7–9.

²⁷ Вождь реакции... С. 21.

ональных» задач и не подразумевала какой-либо «националистической» риторики. Да и трудно, пожалуй, было придумать нечто менее «национальное», чем резкое смещение центра тяжести гимназического курса к изучению латинской грамматики, преподаваемой чехами по немецким методикам.

Впрочем, не менее ошибочным было бы считать эту затею «консервативной», «охранительной» или «реакционной». Сам Катков в 1879 г. констатировал, что «наша история не завещала нам в этом деле руководящих преданий; наше образованное общество не имело никаких понятий и не могло иметь суждения в вопросах этого рода, наша наука без самостоятельности и достоинства, слабая и колеблемая всяким ветром, не могла дать в этом деле правильных указаний, а напротив, сама-то и была тем недугом, который требовал врачевания»²⁸. Фактически России навязывался радикально-западнический социальный эксперимент в сфере образования. Рассуждая же о необходимости изменения университетского устава и упразднения автономии профессорской корпорации, Михаил Никифорович в том же письме к Александру II отмечал: «Это не есть мера реакционная, принимаемая в каких-либо интересах, чуждых делу просвещения, как кричат противники реформы, играя словами: “консервативный” и “либеральный”. Это есть мера столь же либеральная, сколько консервативная, какою бывает всякая истинно-полезная мера». Более того, он утверждал, что «это есть освободительная мера, как и все великие деяния нынешнего царствования», поскольку «этою мерою цвет нашего учащегося юношества освобождается от произвола профессорских коллегий, которым государство как бы отдало его на эксплуатацию»²⁹. Действительно, тот или иной «реакционный» или «освободительный» оттенок не имел для Каткова существенного смысла. Не видел он и особой разницы между своими оппонентами (непреречно превращавшимися для него во врагов) «из разнообразных лагерей — от высоко-консервативных до красно-радикальных»³⁰.

А.Э. Котов, совершенно справедливо указывая на «отсутствие в молодом (?! — А.М.) русском обществе консервативных традиций» (с. 21), исходит в своей книге из более чем спорного предположения, будто «тот идеологический комплекс, что обыкновенно называют “русским консерватизмом” правильнее было бы определять как национализм», причём «в предельно широком значении этого термина», размывающим всякую историческую конкретику (с. 9–10). Между тем о несводимости пореформенного «консерватизма» (явления и впрямь довольно условного и в значительной мере искусственно конструируемого) к национализму свидетельствует созданная самим Котовым панорама охранительных идейных течений второй половины XIX в., в которой, естественно, нашлось место и таким критикам «племенной политики» и «филетизма», как К.Н. Леонтьев и Т.И. Филиппов, и Р.А. Фадееву, пытавшемуся выступать в роли идеолога-популяризатора политики сначала гр. П.А. Шувалова, а позднее — гр. М.Т. Лорис-Меликова³¹.

Катков в этом ряду предстаёт (наряду с К.П. Победоносцевым) как выразитель некоего «бюрократического национализма». По мнению Котова, им была сформулирована «идеология государственно-политического национализма... лишь внешне декорированная “православием” и этничностью», которая «делала единственной основой национальной солидарности выдаваемый чиновником документ о подданстве», а самого идеолога обращала «из борца с бюрократией в апостола последней» (с. 90). Само выражение «бюрократический национализм» (особенно при такой его трактовке) едва ли можно считать удачным. Уж больно оно напоминает пресловутую пыпинскую «официальную

²⁸ Там же. С. 7.

²⁹ Там же. С. 10.

³⁰ Там же. С. 16.

³¹ О нём подробнее см.: Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.

народность», вьезшуюся как ржавчина в отечественную историографию и до сих пор сбивающую с толку тех, кто пытается понять идеи гр. С.С. Уварова и его сотрудников³². Да и позицию Каткова во всей её сложности данная «формула» вовсе не отражает.

О «бюрократическом национализме» Победоносцева и Каткова Котов пишет постольку, поскольку «при всей разнице подходов и Каткова, и Победоносцев понимали, что обладают лишь одним средством для проведения в жизнь своих взглядов — *государственным аппаратом*» (выделено в книге. — *А.М.*) (с. 12, 88). Однако это скорее постулируется автором монографии, чем вытекает из рассуждений Каткова. При всём своём колоссальном самомнении едва ли он всерьёз полагал, что «обладает» правительственными учреждениями и их служащими. Сам он, даже рисуясь, оценивал свои возможности более скромно. «Правительственные лица мне недоброжелательствовали, я был неудобен для всех партий, — вспоминал Михаил Никифорович про 1860-е гг. в письме к Александру III в 1884 г. — У меня была одна защита — Государь, одно оружие — слово правды и разумения, при личной ни в чём незаинтересованности и готовности ежеминутно оставить поприще»³³. Писалось это, конечно, не без лукавства и преувеличения, но акценты были расставлены вполне определённо. Во все не располагая каким-либо «аппаратом» за пределами своей редакции, Катков мог только влиять на императора и его ближайших советников, от воли и умения которых уже зависело приведение в действие громоздкой административной машины. Но ведь в самой инспирации, тем более — в присвоении себе права помещать на газетной полосе свои «доклады» императору «по делам государственной важности», не было ничего собственно «бюрократического». Скорее уж в этом можно усмотреть нечто прямо противоположное.

Характерно и то, что Катков, в 1869 г. формально вернувшись на службу, находясь в генеральских чинах и будучи с 1875 г. директором московского Лицея цесаревича Николая, фактически всегда оставался вне правительственных структур, служебных отношений и ведомственной деятельности. Более того, близкие и симпатизировавшие ему «бюрократы» (в том числе Н.А. Милотин в 1866 г., Е.М. Феоктистов и в 1860-е, и в 1880-е гг.) полагали, что, согласившись занять какой-либо официальный пост — например, попечителя учебного округа или члена Государственного совета, — Михаил Никифорович, потеряв возможность руководить газетой, непременно утратил бы влияние и оказался бы не на своём месте³⁴. Котов, правда, неоднократно характеризует редакцию на Страстном бульваре как «департамент Каткова» и даже утверждает, будто в 1880-е гг. она «превращалась в полуофициальную... часть» правительства (с. 56). Однако, судя по тут же цитируемому автором дневнику А.А. Половцова, в правящих кругах империи считали иначе. К примеру, вел. кн. Владимир Александрович незадолго до смерти Каткова прямо говорил Александру III по поводу «Московских ведомостей», что «не следует создавать вне правительства какую-то особую независимую силу», которая «ослабляет правительство» и позволяет себе «подрывать доверие к верховной власти». Императору приходилось «оправдываться»³⁵. Свидетельств же того, что кто-либо из высших сановников считал катковские издания «частью» правительства, пусть и «по-

³² Подробнее об этом термине и давно назревшей потребности отказаться от его употребления см.: Шевченко М.М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104. См. также: Шевченко М.М. Официальной народности теория // Общественная мысль России XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М., 2005. С. 374–376.

³³ Вождь реакции... С. 22.

³⁴ ОР РГБ, ф. 120, к. 12, л. 13, л. 16–18; Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 130–131.

³⁵ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова / Под ред. П.А. Зайончковского. В 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 26–27.

луофициальной» (?), в книге не приведено, тогда как «департамент Каткова» — всего лишь метафора, к тому же не совсем точная. Некоторым современникам его редакция напоминала скорее «контору в помещичьей экономии» (с. 46).

Упоминая о борьбе Каткова с «бюрократией», Котов относит её преимущественно к «его ранней публицистике» (с. 55) или к периоду со второй половины 1860-х до конца 1870-х гг. (с. 12, 56, 86). Это ещё укладывается в логику обращения из «борца» в «апостола». Но критиковать высокопоставленных должностных лиц Катков принялся уже в начале 1860-х гг., выступив против киевского генерал-губернатора Н.Н. Анненкова, министра народного просвещения А.В. Головнина и др., и продолжал в 1880-е гг., вплоть до своей смерти. Именно выпады против министров барона А.П. Николаи, гр. Н.П. Игнатьева, Д.Н. Набокова, Н.Х. Бунге и Н.К. Гирса стали вершиной его «антибюрократической» деятельности, вызвавшей в конце концов гнев Александра III.

Впрочем, это вовсе не противоречит тому, что Катков все эти годы был теснейшим образом связан с правящей бюрократией, хотя и никогда не принадлежал к ней. Вероятно, в книге об «идеологии бюрократического национализма» следовало уделить особое внимание именно отношениям Каткова с правительственными сферами. Однако автор, напротив, сознательно выводит за рамки своего исследования даже таких многолетних сотрудников и единомышленников Михаила Никифоровича, как А.И. Георгиевский и Е.М. Феоктистов (не питавших, кстати, особой симпатии друг к другу), не говоря уже о его контактах с П.А. Валуевым, Н.А. и Д.А. Милютинными, гр. П.А. Шуваловым, К.П. Победоносцевым, гр. Д.А. Толстым, И.Д. Деляновым и др.

Между тем отношения Каткова с бюрократией складывались весьма своеобразно. Собственно сам «феномен Каткова» во многом был порождён внутренней политикой самодержавия конца 1850-х — начала 1860-х гг., поощрявшей «гласность» и пытавшейся использовать прессу как средство мобилизации лояльного общественного мнения и руководства им. Одновременно печать обеих столиц, свобода и возможности которой были заметно расширены, становилась одним из инструментов в борьбе правительственных группировок, старавшихся влиять на те или иные издания или создавать собственные. Эта политика довольно быстро дала результат: бурно распространявшаяся во второй половине 1850-х гг. «рукописная» литература практически исчезла, интерес к эмигрантской печати заметно упал. На этой волне и поднимался Катков.

Вместе с тем его успех объяснялся, конечно же, не только благоприятной конъюнктурой и незаурядными личными качествами, но и тем, что Катков был не просто журналистом (каким, к примеру, будет позднее Суворин), а выходцем из кружков московской интеллигенции 1830–1850-х гг., с их широким кругозором, философскими исканиями и нереализованными амбициями. Кстати, именно эта среда изначально являлась основным «союзником» Герцена внутри России. И от её признания и сочувствия в решающей мере зависела победа Каткова над «Колоколом». Заручившись её симпатиями и содействием, Катков объединил вокруг себя и своих изданий поистине лучшие силы русского общества.

Но прочным это объединение могло быть лишь в том случае, если оно обеспечивало себе влияние на власть. А для этого мало было таланта и кругозора, требовались хорошо налаженные контакты с петербургской бюрократией. Так, славянофильские и почвеннические издания, появившиеся одновременно с катковскими и пользовавшиеся известной популярностью, но не имевшие достаточно сильных покровителей в правящих кругах, быстро прекращали своё существование. Напротив, М.Н. Катков, а в Петербурге — А.А. Краевский и М.М. Стасюлевич, тесно связанные с высокопоставленными сановниками, сравнительно легко преодолевали возникавшие трудности.

Кратковременное сближение с министром внутренних дел Валуевым в 1863 г. позволяло редакции газеты Московского университета безбоязненно критиковать Министерство народного просвещения, спорить с цензурой (перешедшей тогда в ведение МВД) и демонстрировать свою независимость, необходимую для приобретения авторитета в глазах читателей. Но вскоре, разойдясь с Валуевым во взглядах на решение «польского вопроса» и видя провал его попытки создать законосовещательное представительное учреждение, Катков резко поменял союзника и присоединился к противостоявшей Петру Александровичу «русской партии», включавшей тогда братьев Милютиных, министра государственных имуществ А.А. Зелёного, виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьёва (а затем и его преемника К.П. фон Кауфмана), киевского генерал-губернатора А.П. Безака и др.

В середине 1860-х гг. «Московские ведомости» активно пропагандировали милютинскую политику в Польше и муравьёвскую «систему» в Северо-Западном крае, обличая уже не только Головнина, но и Валуева. «Статьи эти, вполне согласовавшиеся с тогдашним общим настроением народа, — вспоминал Д.А. Милютин, — читались с энтузиазмом по всей России и в свою очередь имели сильное влияние на общественное мнение, возбуждая ещё более чувство народное»³⁶. Именно в 1863–1866 гг. Катков приобрёл тот ореол «трибуна», который стал неотъемлемой частью его репутации в последующие десятилетия. Причём его аудитория состояла отнюдь не только из «националистов» и «консерваторов». А.Ф. Кони, подвергавшийся систематическим нападкам со стороны Каткова после оправдания В. Засулич, в начале 1880-х гг. «хотел преследовать его за клевету в печати, и... вероятно, последовал бы обвинительный приговор, и, во всяком случае, московскому трибуну пришлось бы прогуляться по всем инстанциям». «Но я припомнил, — писал позднее Анатолий Фёдорович, — годы своего студенчества и впечатление статей Каткова в 1863 году, пробудивших русское национальное самосознание, оградивших единство России и впервые создавших у нас достойное серьёзного публициста положение... Ввиду этих несомненных заслуг у меня не поднялась рука или, вернее, перо, для частной жалобы на Каткова, и я очень доволен, что умел стать выше личного самолюбия, отдав в глубине души справедливость ожесточённому врагу в том, что было хорошего в его деятельности»³⁷.

Однако к концу 1860-х гг., после удаления Кауфмана, тяжёлой болезни Н.А. Милютина, смерти Безака и распространения слухов о неминуемой будто бы вскоре отставке военного министра Д.А. Милютина и Зелёного, борьба в печати за прежнюю «национальную политику» оказалась бесперспективной. «Сила отходила от моего органа, голос его становился бесполезным криком», — вспоминал об этом времени Михаил Никифорович³⁸. Но он быстро сориентировался в изменившейся ситуации. Ещё в ходе конфликта с Головниным, которого Катков откровенно демонизировал, «Московские ведомости» ратовали за углубление преподавания древних языков в гимназиях. Задуманная Катковым и П.М. Леонтьевым гимназическая реформа стала основой для альянса с новым министром народного просвещения гр. Д.А. Толстым и поддерживавшим его шефом жандармов гр. П.А. Шуваловым, имевшим репутацию полонифила. Одновременно Катков обрушился на своих прежних друзей. «В продолжении нескольких лет, — писал позднее Милютин, — мы с ним оставались в лучших отношениях, пока не возгорелась яростная борьба между классическим и реальным направлением в школьном деле. Тогда Катков сделался вдруг отъявленным моим врагом и начал с ожесточением нападать на все предпринятые в

³⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 252.

³⁷ Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. М., 1966. С. 223–224.

³⁸ Вождь реакции... С. 22.

военном ведомстве реформы, которым прежде выказывал полное сочувствие»³⁹. Не удивительно, что с тех пор военный министр испытывал к своему некогда короткому знакомому почти не скрываемое отвращение, отзываясь о нём «не иначе как с яростью»⁴⁰.

Граф Толстой в конце 1860-х – 1870-х гг. находился полностью под влиянием Каткова и Леонтьева, которых в Петербурге представляли Георгиевский и Феоктистов, ставшие ближайшими сотрудниками министра. Тем временем споры о гимназиях и древних языках изменили отношение к редакторам со Страстного бульвара в московской профессорской среде, а удаление из университета забаллотированного в 1872 г. Леонтьева ещё сильнее обострило наметившийся конфликт. Теперь гр. Толстого подталкивали уже к изменению университетского устава, на что он поддавался с большой неохотой, хотя и признавал имевшиеся в нём недостатки. Когда же весной 1880 г. Александр II отправил его в отставку, Катков обвинил своего многолетнего покровителя в том, что он не довёл до конца навязанное ему дело. Граф, которого бранили тогда те, чью ненависть он заслужил благодаря Каткову, никак не ожидал такого прощального слова от «Московских ведомостей»⁴¹. В 1884 г., уже возглавляя МВД, он говорил о Каткове: «Это свинья, которую я не пускаю к себе»⁴².

А в 1880 г. Михаил Никифорович спешил наладить контакт с главным виновником падения гр. Толстого – гр. М.Т. Лорис-Меликовым. Но тот, имея в своём распоряжении «Голос» и «Новое время», не проявил особого интереса к ставшему уже одиозным редактору. Более того, разрешив издание в первопрестольной «Руси» и «Земства», новый министр внутренних дел заметно усилил конкуренцию среди местных изданий. Тем не менее Катков всячески демонстрировал лояльность новому центру силы. «Когда я был диктатором, – рассказывал граф Михаил Тариелович, – не проходило моего проезда через Москву (раз шесть), чтобы он не являлся ко мне на станцию. А через 4 дня после моего падения он печатал, что я “диктатор сердца” и русский Мидхат-паша. Вот он какой *пистолет!*»⁴³.

Неровно складывались отношения Каткова с высшими сановниками империи и в 1880-е гг., когда, казалось бы, его влияние на императора и правительственную политику достигло апогея. Часть министров регулярно подвергалась его нападкам. Другие его едва терпели, даже когда прислушивались к тем мнениям, которые им высказывались. Но и испытанные временем приверженцы не вызывали у Михаила Никифоровича доверия. Однажды в середине 1880-х гг. после дружеского обеда с единомышленниками у министра народного просвещения «Катков, по обыкновению своему задумчиво ходивший по комнате, вдруг остановился пред Деляновым. “Нет, господа, – сказал он, – напрасно вы оболещаете себя надеждами; никто не относится к вам серьёзно, никто не думает, чтобы удалось вам сделать что-нибудь путное”»⁴⁴.

А.Э. Котов прав, когда пишет о «катковской трагедии». Но это была не просто трагедия заложника идеологии «бюрократического национализма». Катков нагляднее, чем кто бы то ни было, показал возможности, открывавшиеся перед общественными деятелями и публицистами в эпоху Великих реформ. В каком-то смысле появление Каткова стало ответом на выдвинутую либеральной бюрократией концепцию инициативной монархии, проводящей преобразование с учётом и с помощью общественного мнения и его руководителей,

³⁹ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 506–507.

⁴⁰ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 333.

⁴¹ Там же. С. 189–190.

⁴² Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 1. С. 263.

⁴³ Кони А.Ф. Граф М.Т. Лорис-Меликов // Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 5. М., 1968. С. 197–198.

⁴⁴ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 223.

но сохраняющей в своих руках всю полноту власти⁴⁵. Катков же по сути сформулировал её зеркальное отражение — идею инспирируемого самодержавия. По словам Кони, в 1880-е гг. «Катковым и его последователями проповедовался своеобразный и пагубный культ власти, как власти, совершенно независимый от её направления и границ, причём власть рассматривалась не как средство управления, а как самодовлеющая цель»⁴⁶. Но эта власть, воспеваемая Катковым, постоянно нуждалась бы во вдохновенном, независимом, бескорыстном и самоотверженном поводе и его советах, звучащих не в официальных докладах, а со столбцов газеты или в личных письмах. Тут действительно было много общего между Катковым, Победоносцевым и кн. В.П. Мещерским. Бюрократии в этой системе отводилась довольно скромная и неблагодарная роль несмышлёного исполнителя, отвечающего за все неудачи при не подлежащем никакой ответственности монархе и его столь же безответственном наставнике.

Пройдя этим путём, Катков, начинавший как выразитель настроений московской интеллектуальной элиты, пользующийся вниманием и поддержкой в правящих кругах, постепенно рассорился почти со всеми правительственными группировками, вступил в конфликт с профессорской корпорацией, к которой некогда принадлежал, и с большинством периодических изданий. От цензурных взысканий его спасали уже только неизлечимая болезнь и то, что Главное управление по делам печати с 1883 г. возглавлял преданный ему Феоктистов. Неудивительно, что у Каткова не оказалось политических наследников: подобный опыт взаимодействия и его результаты не могли устраивать ни общество, ни бюрократию. Появлению нового «трибуна» с такими же возможностями и амбициями высокопоставленные чиновники вскоре предпочтут организацию склочного, рыхлого, но, как им казалось, более управляемого народного представительства. Однако трагичнее всего, пожалуй, было то, что человек, в начале своей деятельности вместе с «русской партией» выведивший Россию из острейшего кризиса, в конце своего пути, не обладая необходимыми сведениями, из лучших побуждений и разраставшихся страхов самоуверенно и рьяно толкал империю к гибели, проповедуя союз с французскими реваншистами и враждебность к соседним державам. А ведь этим он невольно служил тому самому «польскому делу», с которым всю жизнь боролся.

Книга А.Э. Котова даёт новый импульс для осмысления всех этих коллизий. Весьма ценным представляется стремление автора указать на необходимость изучения не только идей и текстов Каткова, но и его отношений с теми, кто двигался с ним в одном направлении. Данное исследование — важный шаг в разработке обширной темы «М.Н. Катков и его современники». Хочется надеяться, что продолжение этого труда откроет новые перспективы, позволит лучше понять историю русской общественной мысли пореформенного времени и окончательно выведет её из «народнического пленения».

---

⁴⁵ Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // *Отечественная история*. 2005. № 4. С. 154–158; *Захарова Л.Г.* Самодержавие и реформы в России. 1861–1874. (К вопросу о выборе пути развития) // *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 623–646.

⁴⁶ *Кони А.Ф.* Граф М.Т. Лорис-Меликов. С. 214.

Степан Шамин

Рец. на: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 4: Указатели. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 896 с.

Stepan Shamin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 4: Ukazateli. Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870001577-5

В 2017 г. вышел новый том (вып. 4) «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Здесь помещены указатели к предыдущим томам издания. Книга завершает многолетнюю работу по систематизации знаний о допетровской книжной культуре, начатую ещё в 1970-х гг. Редактором выпуска стал Д.М. Буланин, благодаря творческой энергии и организаторским способностям которого этот многолетний труд был завершён. Он же выступил автором или соавтором всех разделов. В подготовке тома, продолжавшейся более полутора десятилетий, также участвовали Т.В. Буланина, Т.Б. Карбасова, А.А. Кононов, Д.Э. Левин и А.А. Романова. Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)».

Значение данного проекта для изучения допетровской культуры трудно переоценить. Ко времени начала работы над «Словарём книжников и книжности Древней Руси» исследователи имели в своём распоряжении появившийся в 1962 г. «Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII в.» И.У. Будовница¹. Поскольку 1960–1970-е гг. оказались крайне плодотворным временем для изучения древнерусской книжности, краткое издание Будовница, важное для своего времени, устарело.

Работа над словарём велась в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома. Научной общественности планируемое издание было представлено Д.М. Бу-

ланиным и Л.А. Дмитриевым в 1980 г. Тогда оно называлось «Словарь писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси». Уже к этому времени определились крайне широкие рамки будущего словаря – в него включались данные о старообрядческих писателях XVIII в., анонимные произведения, переводные памятники².

Полученные за первое десятилетие результаты начали публиковаться в «Трудах Отдела древнерусской литературы» в 1985 г. Перед создателями словаря встали проблемы, связанные с особенностями древнерусской книжности – анонимностью многих произведений, отсутствием чёткой грани между писателем и писцом, точных и достоверных данных о роли каждого из переписчиков в истории текста, сложности с идентификацией указанных в произведениях авторов, ошибочное приписывание авторства известным писателям. Не менее сложным был и вопрос о том, какие тексты можно относить к литературным жанрам, а какие следует оставить в разряде деловой и бытовой письменности. Отмечалось также: «в отличие от обычной энциклопедии, статьям “Словаря книжников и книжности Древней Руси” в большей или меньшей степени присущ исследовательский характер»³.

Материалы для словаря печатались в двух последующих томах «Трудов Отдела древнерусской литературы». Исследовательская направленность планировавшегося издания, его специальный характер, подчёркивались и во введении к следующему комплексу материалов словаря – «Писатель и книжник XI–

XVII вв.». Подготовивший этот материал Дмитриев писал: «Основную часть публикуемых материалов составляют статьи о лицах, игравших второстепенную роль в литературном процессе Древней Руси, подчас малоизвестных не только широкому кругу читателей, но и специалистам. Тем ценнее и важнее для науки материал о книжниках такого рода, собранные воедино и дающие исчерпывающие сведения об их книжной и литературной деятельности по состоянию данных науки на сегодняшний день»⁴. В этом же томе помещён первый из вспомогательных материалов для словаря — составленная Я.С. Лурье генеалогическая схема включённых в словарь летописей XI—XVI вв.⁵

В 1987 г. вышел первый том словаря. После этого новые тома или материалы к словарю в «Трудах Отдела древнерусской литературы» появлялись регулярно вплоть до 1993 г.⁶ Два последних тома основного корпуса словаря выходили уже с промежутками в несколько лет, в 1998 и 2004 гг., при поддержке Российского гуманитарного научного фонда⁷. Последний том более чем наполовину состоял из дополнений к предшествующим изданиям. Это является общей проблемой для всех словарей, включающих статьи исследовательского характера — постоянно растущий объём публикаций делает их частично устаревшими практически сразу после выхода. В издании 2004 г. был также помещён анонс готовящегося к выходу заключительного тома (Вып. 4: Указатели)⁸, однако в реальности следующей книгой словаря стала незапланированная изначально третья часть второго выпуска с библиографическими дополнениями и приложением⁹.

Том с указателями появился лишь в конце 2017 г. Он фактически является навигатором по предыдущим томам. Благодаря этому изданию читатели избавлены от необходимости в поисках нужного материала просматривать все дополнения предыдущих выпусков и разыскивать текст, имеющий несколько самоназваний, под тем заголовком, под которым его сочли нужным поместить авторы и редакторы словаря. Очень удобна для читателя принятая в словаре система перекрёстных отсылок. Исследователи могут воспользоваться указателями имён, названий и самоназваний произведений, шифров упоминаемых рукописей, инципитов, указателем авторов статей. Последний имеет не только справочное и историографическое значение (в нём представлены имена большинства ведущих специалистов по древнерусской книжности 1980—2000-х гг.). Он сохраняет память об ушедших от нас блестящих учёных, таких как О.А. Белоброва,

Л.А. Дмитриев, Н.Ф. Дробленкова, М.Д. Каган, Я.С. Лурье, А.М. Панченко, Г.М. Прохоров, Е.К. Ромодановская, М.А. Салмина, О.В. Творогов.

Том содержит также обширные комментарии к «Указателю имён» (с. 446—482), появление которых связано с необходимостью сделать поправки и уточнения к предыдущим выпускам, а также внести важнейшие библиографические дополнения. Таким образом, доработка словарных статей фактически продолжается и в настоящем издании. Складывается впечатление, что в изначально заявленном широком формате работу над словарём невозможно закончить. Можно лишь волевым решением перестать работать над изданием. Для развития науки это стало бы негативным фактором.

Остановлюсь подробнее на причинах «неисчерпаемости» словаря. Все они, так или иначе, восходят к главной — неудовлетворительной степени изученности русской книжности XVII в. на уровне материалов архивов и рукописных собраний. Обращение к неисследованным рукописям или архивным документам постоянно даёт материалы для словарных статей. Так, в словарь включены имена ряда переводчиков Посольского приказа. Однако значительная часть материалов российского дипломатического ведомства не изучена. Особенно велики пробелы в изучении документов рубежа XVII—XVIII вв. Для этого времени нет полных данных даже по персональному составу корпуса переводчиков¹⁰. Однако и для более ранних периодов работа по соотношению имён переводчиков с переводами находится лишь на начальной стадии. К примеру, переводчику польского и латинского языка Степану Щирецкому 18 октября 1664 г. «велоно быть у переводу книги Травника»¹¹ — теоретически эта краткая запись в составе весьма объёмного дела вводит Щирецкого в число персоналий, биографии которых должны быть включены в словарь. Риску предположить, что любой из переводчиков, проработавший в Посольском приказе сколько-нибудь длительное время, принимал участие если не в работе над книгами, то в переводе брошюр или посланий литературного характера, которые до настоящего времени остаются анонимными.

Наибольший прирост нового материала обеспечивают анонимные тексты, которые в соответствии с изначальными установками должны находить отражение в словаре. Особенно это касается поэтических произведений XVII в. Они выявляются и вводятся в научный оборот постоянно, не только в рамках монографических исследований, но и в статьях, а также диссертациях¹³.

По моему мнению, охватить в традиционном словарном издании все анонимные тексты XVI–XVII вв. невозможно.

При работе с рукописными сборниками смешанного состава зачастую даже сложно определить, встретил исследователь новое или уже известное произведение. Систематизация таких материалов должна отталкиваться от начальных и конечных строк произведений. Соответственно, имеющаяся структура словаря для памятников такого типа не подходит. Указатели инципитов — один из важнейших механизмов идентификации лишенных устойчивого заголовка и указаний на авторство текстов. К сожалению, имеющийся в томе «Указатель инципитов» (с. 837–855) невелик. Он охватывает представленные в словаре памятники выборочно. Другой вопрос, можно ли было вписать в рамки словаря инципиты всех упомянутых в нём произведений? Скорее всего, этого не позволил бы объём издания. Кроме того, сами статьи выглядели бы иначе — пришлось бы менять их структуру.

Другой важный способ идентификации памятника — его название. В издании имеется «Указатель названий и самоназваний произведений» (с. 485–748), где авторские произведения и переводы размещены по именам авторов (переводчиков), а анонимные — по их названиям. Приоритет отдаётся не самоназванию, а названию памятника, устоявшемуся в литературе. Данный принцип позволяет структурировать материал более удобно для пользователя, чем в случае, если бы все наименования располагались по алфавиту. К сожалению, в отдельных случаях этот принцип не даёт хороших результатов.

Разберём проблему на конкретных примерах поддельных посланий, которые в эпоху раннего Нового времени выполняли роль политических памфлетов. Во второй части третьего выпуска М.Д. Каган поместила целый ряд таких материалов, опирающихся на её более ранние публикации: «Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом»; «Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками»; «Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам»; «Легендарное послание турецкого султана польскому королю». В этот же комплекс вошла написанная А.А. Туриловым специально для словаря на архивном материале статья «Легендарное донесение из Белграда»¹⁴. Казалось бы, что в данном случае словарь предоставляет читателю стройную систему наименования литературных переводов однопечатных памятников.

Однако в реальности система не была строгой. Готовя для словаря статьи «турецкой» тематики, Каган опустила один памятник — подложный (в практике наименований словаря — «легендарный») указ турецкого султана. Сочинение было известно Кагану: оно рассматривалось американским исследователем Д.К. Уо в специальной монографии¹⁵, отсылки к которой есть во всех словарных статьях «турецкой» тематики. Разница между включёнными в словарь текстами и пропущенным «Указом» заключалась лишь в том, что на момент издания соответствующего выпуска словаря отсутствовала русскоязычная литература о данном произведении и, соответственно, принятое для русскоязычных научных исследований наименование. В результате последующие публикации о данном тексте оказались невозможно привязать к представленному в словаре комплексу через соответствующие ссылки¹⁶.

Ещё один памятник данного типа «потерялся» непосредственно внутри третьего выпуска словаря. В нём помещён перевод подложного известия, сообщающего о появлении в Европе двух пророков, в которых читатель мог легко опознать пророков Илию и Еноха, чьё появление предвещало конец света. Этот текст был известен в качестве переводного произведения ещё Е.В. Барсову, а потом вошёл в справочник А.И. Соболевского¹⁷. Путаница с данным сочинением возникла из-за того, что П.С. Смирнов нашёл один из списков данного памятника, который в самом тексте назван подмётным письмом Исидора Крючкова¹⁸. Крючков, бывший в реальности лишь переписчиком сочинения, вошёл в словарь Будовница в качестве его автора²⁰. Каган, хотя и знала публикацию Барсова, всё-таки вслед за Смирновым и Будовницей отнесла памятник к авторским текстам Крючкова. В результате сочинение, вместо того чтобы попасть в группу «легендарных» статей словаря, осталось изолированным. Публикации о нём продолжают выходить, но они не пересекаются со словарем²¹.

В «Указателе названий и самоназваний произведений» четвёртого выпуска текст идёт на «Крючков Исидор» с названием «Повесть о кончине мира» (с. 587). Учитывая, что в работах исследователей он уже имеет названия «Эсхатологическая газета», «Список с подметной повести писма руки Исидора Крючкова», лист «О двух пророках в Палермо», «Список прислан от кавалеров острова Политанского», «Газета», «Лист с острова Мальты» и множество других, вновь введённое наименование вряд ли

поможет его идентификации при дальнейших исследованиях. Поскольку в подавляющем большинстве списков этого распространённого текста нет ни имени Крючкова, ни использованного в «Указателе названий и самоназваний произведений» наименования, исследователь, столкнувшийся с произведением в рукописи, скорее всего, не сможет найти нужную статью. Но даже если бы и нашёл, то не смог бы выйти через статью на современную историографию этого эсхатологического текста.

Проблема не в том, что в словаре в конкретном случае допущена «ошибка», которую теоретически можно было бы «исправить». Сложность состоит в анонимности и «текучести» текстов рассматриваемого периода. К примеру, о тексте, помещённом в словаре с названием «Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам», мы знаем практически всё, что можно знать: в 1663 г. в Нидерландах вышла брошюра под названием «De oorsaeck des Turcksen oorloghs Korte verklaringe van de Vesting Serinswar» (в русском переводе начала 1664 г.: «Причины турецкой войны. Короткая выпись о крепости Серинвар»), в которой было помещено вымышленное письмо турецкого султана (название в переводе «Подлинной список з безчестного и богомерского листа, которой турецкой салтан Магаметь писал и присылал к немецким владетелем и ка всем христианским людем в нынешнем 1663-м году»)². Теоретически его следовало бы поместить в указателе среди переводов А.А. Виниуса — единственного в рассматриваемое время «голландского» переводчика Посольского приказа²³. Однако тогда он оторвался бы от других памятников с типовым наименованием «Легендарное...». Кроме того, данное сочинение с вариациями публиковалось на разных языках. Вероятность нахождения другого русского перевода, не связанного с Виниусом, весьма высока. По крайней мере, для аналогичных памятников этой группы наличие двух и более переводов — не редкость. К тому же всегда будет оставаться вопрос о том, где кончается редактирование одного памятника и начинается история нового произведения? Для «грамот турецкого султана» он очень актуален. Таким образом, на приведённом примере мы видим, что материал словаря можно было бы систематизировать несколькими «правильными» способами. При неизбежном же для печатного издания выборе единственного принципа систематизации возможности для поиска текстов сужаются.

И всё-таки главным вопросом остаётся пополнение словаря новыми научными

данными. На мой взгляд, решением перечисленных проблем могло бы стать создание на основе словаря открытой общедоступной электронной базы памятников древнерусской литературы. Это позволило бы учитывать все варианты названий и самоназваний, размещать любое количество инципитов, а то и полных текстов, вести автоматический поиск по самым разным параметрам, а главное — постоянно пополнять словарь новыми материалами. В настоящее время благодаря Интернету и библиографическим базам данных эту задачу решать проще, чем в 1980-х гг., когда начиналась работа над словарём. Для науки было бы очень полезно, если бы Пушкинский Дом вернулся к данной работе на новом техническом уровне.

Понятно, что подобная работа оказывается крайне невыгодной как для исследователей, так и для научных организаций в той системе оценки эффективности деятельности учёных, которая в настоящее время внедряется в российский научном пространстве на правительственном уровне. Ведь научная ценность теперь измеряется персональным цитированием в Web of Science, Scopus и РИНЦ. Востребованность в научном сообществе общедоступных информационных баз такими измерителями не учитывается. Тем более индексы цитирования не могут показать вклад в развитие науки тех людей, которые подобные базы создают. Хочется надеяться, что академический институт, каким является Пушкинский Дом, смог бы доказать важность подобных проектов для всей науки и необходимость их финансирования.

Примечания

¹Будовниц И.У. Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962.

²Буланин Д.М., Дмитриев Л.А. Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси» // Русская литература. 1980. № 1. С. 109–120.

³Буланин Д.М. Из опыта работы над «Словарём книжников и книжности Древней Руси» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) (далее — ТОДРЛ). Т. 39. Л., 1985. С. 4–17; Летописи и историки XI–XVII в. // Там же. С. 18–99; Древнерусские летописи и хроники // Там же. С. 100–184; Оригинальные и переводные жития Древней Руси // Там же. С. 185–235; Четыре сборники Древней Руси // Там же. С. 236–273.

⁴ *Дмитриев Л.А.* Писатели и книжники XI–XVII вв. // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 31.

⁵ *Лурье Я.С.* Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включённых в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40. С. 190–205.

⁶ Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее – СККДР). Вып. 1. XI – первая половина XIV в. Л., 1987; Вып. 2. Ч. 1: Вторая половина XIV–XVI в.: А–К. Л., 1988; Вып. 2. Ч. 2: Вторая половина XIV–XVI в.: Л–Я. Л., 1989; Вып. 3. Ч. 1: XVII в.: А–З. СПб., 1992; Вып. 3. Ч. 2: XVII в.: И–О. СПб., 1993; Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1988. С. 3–153; Библиографические дополнения к статьям в разделе: Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» // Там же. С. 477–478; Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Писатели и поэты XVII в. // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 3–157; Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Писатели и поэты XVII в. // ТОДРЛ. Т. 45. Л., 1992. С. 74–175. Сейчас на сайте Пушкинского Дома в открытом доступе размещены первые три выпуска Словаря и публикации в ТОДРЛ.

⁷ СККДР. Вып. 3. Ч. 3: XVII в.: П–С. СПб., 1998; Вып. 3. Ч. 4: XVII в.: Т–Я (Дополнения). СПб., 2004.

⁸ СККДР. Вып. 3. Ч. 4. С. 890.

⁹ СККДР. Вып. 2. Ч. 3: Вторая половина XIV – XVI в.: Библиографические дополнения. Приложение. СПб., 2012.

¹⁰ *Гуськов А.Г.* Материалы к справочнику о служащих Посольского приказа (начало XVIII в.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXI международной научной конференции. Москва, 12–14 апреля 2018 г. М., 2018. С. 129–131.

¹¹ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1664 г., л. 10, л. 43.

¹² См., к примеру: *Кузнецова О.А.* Русские поэтические школы XVII века (жанровые формы и топика). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

¹³ *Каган М.Д.* Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. С. 221–224; *Каган М.Д.* Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками // Там же. С. 224–226; *Каган М.Д.* Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам // Там же. С. 227–228; *Каган М.Д.* Леген-

дарное послание турецкого султана польскому королю // Там же. С. 228–231.

¹⁴ *Турилов А.А.* Легендарное донесение из Белграда // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. С. 226–227.

¹⁵ *Waugh D.C.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus (Ohio), 1978. P. 94, 217–218, 300.

¹⁶ *Šamin S., Watson Ch.* Вывышленный «Указ турецкого султана»: европейская традиция и русский перевод 1697 г. // Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures. 2014. № 55. P. 169–190; *Белянкин Ю.С.* «Указ салтана турецкого»: к истории европейского памфлета в России // Румянцевские чтения – 2016. Материалы международной научно-практической конференции Российской государственной библиотеки. Российская государственная библиотека, Библиотечная Ассамблея Евразии. М., 2016. С. 66–70.

¹⁷ *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 46, 240, 248–250.

¹⁸ *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. СХХ, 18–20, 25, 35, 37, 40, 41, 45, 46. Примеч. 22, 48, 28, 76–77.

¹⁹ *Будовниц И.У.* Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962. С. 147.

²⁰ *Каган М.Д.* Крючков Исидор // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. С. 201–203.

²¹ *Шамин С.М.* В ожидании конца света в России (конец XVII – начало XVIII в.) // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 134–138; *Шамин С.М.* «Сказание о двух старцах»: К вопросу о бытовании европейского эсхатологического пророчества в России // Вестник церковной истории. 2008. № 2(10). С. 221–248; *Белянкин Ю.С. Шамин С.М.* «Сказание о двух старцах» в редакциях 1694 и 1695 гг.: предсказания пророков с острова Мальты в старообрядческой книжной традиции // Каптеревские чтения. Вып. 13. М., 2015. С. 159–178; и др.

²² *Майер И., Шамин С.* «Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам» (1663–1664 гг.). К вопросу о распространении переводов европейских памфлетов из Посольского приказа в рукописных сборниках // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4(30). С. 80–89.

²³ В статье о Винниусе данный перевод не упомянут.

Рец. на: В.В. Пенской. Очерки истории Ливонской войны: От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 255 с.

Konstantin Erusalimskiy

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: V.V. Penskoj. Očerki istorii Livonskoj vojny: Ot Narvy do Fellina. 1558–1561 gg. Moscow, 2017

DOI: 10.31857/S086956870001578-6

Войны, в результате которых прекратил существование как политическое единство Ливонский орден, в последнее время в науке всё чаще называют отдельными «Ливонскими войнами», прерывая традицию, закреплённую в книге В.Д. Корольюка. В.В. Пенской развивает концепцию А.И. Филюшкина и предлагает расширить и само понятие «Ливонской войны» до «войн», и их продолжительность с общепринятых в российской науке 1558–1583 гг. до 1555–1595 гг. Исходной точкой в череде эпизодов предложено считать польско-ливонский конфликт 1555–1557 гг., войну коадьюторов и российско-шведские столкновения 1555–1557 гг., а конечной фазой – российско-шведскую войну 1590–1595 гг. и закончивший её Тявзинский мир. Речь идёт о войнах за секуляризованное Орденское государство, за «ливонское наследство».

Концепцию Пенского отличает взвешенный взгляд на реалии восточноевропейской политики, которые привели к полномасштабному вхождению России в «горячую фазу» войны за Ливонию и падению Ордена в 1561 г. Досадная, но уже привычная ошибка, – на обложке верхняя дата ограничена 1560 г., тогда как на титульном листе и обороте титула это – 1561 г. Впрочем, колебания в датировке заметны и в объёме изученных событий. Книга подробно охватывает только события 1558–1560 гг., но объём повествования заявлен с учётом всей войны от её начала до вступления в неё Великого княжества Литовского, Швеции и Дании. Вслед за критикой общепринятых датировок, звучащей в монографии неоднократно, следовало бы усомниться и в том, что «Тарвастский казус» (завоевание литовским войском 31 августа 1561 г. крепости Тарваст) стал последним событием Ливонской войны. В этом качестве столкновение московитов с литвинами 1561 г. ничем не отличается от

стычек под Вольмаром в 1560 г., а фактически осада отрядом М.Ю. Радзивилла Рыжего крепости Тарваст, занятой московской ратью в летне-осеннюю кампанию 1560 г., велась уже в условиях переговоров о разделе и переподчинении Ливонии и, таким образом, о вхождении Великого княжества Литовского в открытую войну против Московского государства¹.

В той краткой исторической перспективе, которая открывается в книге белгородского историка, убедительнее звучат призывы пересмотреть причины войны, объём требований сторон и баланс сил на всём её протяжении, а одновременно – и причины расширения круга её участников. Будучи специалистом и автором серии исследований и научно-популярных работ по истории российско-крымских отношений, Пенской намечает и немаловажный крымско-татарский «фон». Начало войны, вслед за многими исследователями, автор считает результатом дипломатической эскалации между Орденом и Москвой, а целью первых кампаний – давление на власти Ордена. Впрочем, в переговорах с Данией и Великим княжеством Литовским Иван IV настаивал на своих «извечных» правах на Юрьев с округой, а в восприятии князя Андрея Курбского и Ивана Грозного в переписке с Курбским первые войны против «немцев» были направлены не столько на захват крепостей, сколько на подрыв благосостояния Ордена. В идеологии для «внутреннего потребления», в книге почти не затронутой, война велась против иконоборцев-еретиков, т.е. явилась результатом противостояния православия с лютеранством.

Было бы преждевременно говорить о каком-то решительном преодолении мифов о событиях XVI в. или сломе научной традиции. Прежде всего потому, что источники для исследования о войне 1558–1561 гг.

рассмотрены автором под весьма специфическим углом зрения, далеко не всегда вызывающим согласие с источниковедческой позицией. Лишаются ли устойчивости выводы монографии?

В оценке дипломатических предпосылок войны Пенской обходит стороной значимые факты, без которых, на мой взгляд, невозможно понимание изучаемых событий. Отчасти причины тому — вальжный стиль изложения, призванный расширить аудиторию книги, и особое, становящееся своеобразной аналитической нормой, желание оперировать такими ненаучными понятиями, как «боевой дух» и «верность государю».

Предыстория войны содержит ряд спорных тезисов. Планы польско-литовской дипломатии в отношении степных юртов в канун Ливонской войны ещё недостаточно изучены, однако следовало бы обратить внимание на то, что вплоть до своей смерти Сигизмунд II Август поддерживал права Девлет-Гирея на Казань и Астрахань. Говоря о «литовских доброхотах» в Крыму (да ещё и «активно субсидируемых из Вильно») и «беглецах из Казани и Астрахани», автор как бы не замечает, что в канун решающего Казанского похода Ивана Грозного 1552 г. Казань неоднократно вела переговоры с Вильно, рассчитывая на помощь в войне против Москвы, а Девлет-Гирей совершил глубокий рейд в московские пределы в поддержку Казанского ханства (с. 24). В этом же ряду — ирония Вильно в отношении казанского, астраханского и сибирского царских титулов Ивана IV. Да и походы Девлет-Гирея и Стефана Батория на Москву сравнивать, как это делается в рецензируемой книге, некорректно, поскольку сравнение проводится между частями в единой системе: походы Крыма на Москву невозможно рассматривать вне договоренностей Крыма с Великим княжеством Литовским (даже в те годы, когда между Вильно и Москвой соблюдался мир).

Слова о Г. Шлитте как «шустром саксонце» поддерживают спорный историографический тезис о том, что Шлитте — авантюрист-проходимец, который притворялся представителем императора (с. 29, 254, примеч. 363). Вместе с тем этот «притворщик» был принят не только при имперском дворе и в Москве, но и выполнял поручения французского короля Генриха II в отношениях с Веной, Стамбулом и Москвой.

В целом убедительно звучит вывод о тяготящих московскую казну войнах 1550-х гг. против осколков Орды. Помогла бы Москве в решении финансовых трудно-

стей «Юрьевская дань» или открытие доступа стратегического сырья и «панцирей»? Если нет, если цель переговоров состояла в получении наиболее выгодных для Москвы условий сотрудничества, то почему на царя, И.М. Висковатого и А.Ф. Адашева не произвели впечатления обязательства ливонских послов накануне войны выплатить больше половины требуемой суммы «дани», платить ежегодную дань и даже остаться в заложниках в Москве, пока не будет получен новый наказ о возможном увеличении выплат?² Если да — то и войну следовало бы считать с первых же действий русских ратей рубежа 1557–1558 гг. неизбежной. Значимая проблема в связи с этим — отсутствие в монографии Пенского ссылок на переписку ливонских властей и герцога прусского. Уже в первые дни после нашествия московитов на Ливонию просьбы о военной поддержке понесли к бургомистру и ратманам Ревеля, Альбрехту Гогенцоллерну, Сигизмунду II Августу, Миколаю Радзивиллу Чёрному³. Круг потенциальных союзников был очерчен стремительно, и близкие к магистру по вере, взаимным обязательствам, родству и общему врагу получили оповещение о начале войны.

Терминологические тонкости в отличиях «демонстрации силы» от «полноценной войны» в январском походе 1558 г. происходят из московского дипломатического дискурса 1550-х гг. Эта точка зрения на конструирование предыстории войны объединила Н. Ангерманна, А.Л. Хорошкевич, Б.Н. Флорю, А.И. Филошкина, Д. Кёрби (интересно, какими научными причинами Пенской объяснил бы отсутствие первого и последнего из этих имён в списке рекомендуемой литературы, историографическом обзоре и ссылках)⁴.

Деликатность дипломатического момента в переговорах 1557 г. заслуживала бы отдельных, и немалых, рассуждений, которых в книге нет. А ведь речь идёт о нарушении принятого церемониала в самом факте приезда ливонских послов в Москву. К ним невозможно было, с точки зрения московских дипломатов, относиться как к равным, поскольку формирующаяся иерархия государств для Посольского приказа была определяющей. Ливонский орден должен был свои отношения с Москвой решать через новгородских наместников. И вот это, казалось бы, незначительное статусное несоответствие накладывает отпечаток на боевые действия российских ратей в январском походе 1558 г. Формально войну, причём полновесную, а не «демонстрационную», вела не Москва, а именно Новгородская земля и её союзники. А царь по своему усмотрению в любой момент мог сменить гнев на милость,

и может быть, даже прекратить боевые действия.

Ценны достижения автора на поприще подсчётов численности ратей в Ливонских войнах. В.В. Пенской — активный участник многолетней дискуссии, в которой неоднократно подвергались критике преувеличенные цифры, призванные подтвердить ужас «нашествия с Востока» бесчисленных «орд» московитов, татар и других диких и полудиких народов. Эти стереотипы старательно развеиваются исследователями, и прежде всего — на основании усреднённых данных именных списков боевых подразделений, разрядных записей, документации Государева двора. Так, исследователь пришёл к вероятному выводу, что подлинная численность войска в январском походе 1558 г. во главе с Шах-Али — всего «в сумме до 18 или около того тысяч людей во всём царском войске» (с. 46). Соответственно, из этой максимальной цифры получена и численность подразделений, решавших в походе частные задачи. Эти подсчёты не отменяют и справедливых наблюдений автора о жестокости и бесчеловечности боевых действий, которые велись обеими сторонами, даже если численность основных войск и диверсионных отрядов в источниках завышена.

Неубедительно как раз другое. Иной раз в монографии формулируются причинно-следственные связи, как если бы они вырывались на свободу из уз большой политики и предыстории, и оказывалось бы, что объяснение гораздо проще, чем пытаются доказывать историки. Например, решение Ивана Грозного перейти к полномасштабной войне вызвано тем, что терпение царя «иссякло» (с. 56), а капитуляция Нарвы в 1558 г. вызвана, по мнению исследователя, тем, что нарвские бюргеры мечтали сохранить себе жизнь и торговые прибыли и решили «перейти в подданство Ивану Грозному» (с. 57). Что такое «терпение» Ивана IV, и в какой мере оно участвовало в событиях Ливонской войны? Почему капитуляция разбомбленной и не получившей поддержки крепости означает, что её жители приняли решение о подданстве?

Было бы удивительно, учитывая упомянутую выше моральную шкалу автора, если бы творения князя Андрея Курбского, да ещё завершённые им уже после измены своему государю, вызвали у Пенского пропорциональное внимание. Князь, по словам автора, имел обыкновение «преувеличивать свою значимость» (с. 123). Это мнение вполне согласуется с тем, что автор монографии старательно обходит стороной новые издания его «Истории о князя великого московского де-

лех», не учитывая ни необходимых уточнений в прочтении самого текста (а в ряде случаев автор принимает за основу вторичные поздние чтения), ни уже существующих наблюдений за фактической точностью Курбского (выполненных в издании 2015 г. признанными самим же Пенским специалистами — О.А. Курбатовым и А.Н. Янушкевичем)⁵. Как именно «значимость» преувеличена, если Курбский говорит о ведении боевых действий совместно с другими воеводами, часто называя их поименно, почти всегда пишет о «своих» действиях во множественном числе, подразумевая совместную службу? И в чём был резон Курбскому преувеличивать, учитывая, что его «История» отвечала на упреки Первого послания Ивана Грозного и содержала свидетельства, которыми князь готов был отстаивать свою верную службу царю и православной республике в годы «начала царства»?

Два примера. Едкой иронией Пенской сопровождается слова Курбского о 12-тысячной рати на Вольмар под командованием Василия Барбашина в июле–августе 1560 г. Разряды говорят о трёх воеводах. Таким образом, вывод незамедлителен — «в ней вряд ли было больше 600 всадников» (с. 130). Курбский, по мнению исследователя, преувеличивает численность русского войска «не так бессовестно, как ливонцы» (с. 126). Но как именно? В повествовании князя Андрея Михайловича всё довольно логично — 40-тысячная рать выделяет из своих рядов 12-тысячный отряд для ведения мобильных боевых действий на подступах к крепости. Коллега по своим, остающимся загадочными, но внушительно формулируемым основаниям, предлагает считать это свидетельством бессовестным. Дальше в тексте появляется агентурная цифра «6 тыс.» новоприбывших свежих сил в Дерпте перед походом (с. 127). Её автор никак не критикует. Но если исходить из предлагаемой Пенским цифры «около 14–16 тыс., а то и больше» (с. 126) для всего состава русского войска перед походом на Феллин, то всё сказанное о «бессовестном преувеличении» оказывается результатом приблизительных подсчётов (что вполне применимо к столь частому в книге критерию «совести»). При этом «баснословная» численность мобильного отряда вполне уместается даже в приблизительную цифру нашего современника. Ещё пример. Автор оценивает сведения Курбского об одержанных им над магистром «семи или восьми победах» как малодостоверные, полагая, что названные события происходили ещё до осады Феллина, и сомневается в участии Г. Кеттлера в битвах.

Это не убеждает: «История» недвусмысленно говорит о том, что осада уже началась, и диверсионные действия русских отрядов в Ливонии, включая и полк Курбского, были направлены на подрыв коммуникаций и сдерживание подкреплений, спешащих на помощь крепости. Этот вывод следует и из слов о «возвращении» полка Курбского из маршей под Феллин, и из подробных сообщений «Истории» о пленении Ф. Шалля фон Белля, которое произошло 2 августа 1560 г.

Остановим эту дискуссию, ей ещё предстоит перенестись в специальные издания и дробные интерпретации. Книга В.В. Пенского выполняет свою ценную для науки миссию — содержит то будоражащее мысль начало, без которого невозможно представить прогресс в исследованиях. Поспешны или неубедительны те или иные утверждения, но в целом справедливо мнение исследователя, согласно которому война за «ливонское наследство» затягивала узел противоречий, который не дано было разрешить ни объединению Великого княжества Литовского с Коронай Польской, ни московской Смуте, ни Тридцатилетней войне. Новая книга открыла весьма важные и не вполне ясные аспекты войны, которой предстояло столкнуться между собой все круп-

нейшие государства Центральной, Северной и Восточной Европы и немало повлиять на степную политику.

Примечания

¹ Об этом см.: *Ferenc M. Mikolaj Radziwill «Rudy»* (ок. 1515–1584): *Działalność polityczna i wojskowa*. Kraków, 2008. S. 211–232 (здесь же обширная библиография вопроса).

² *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый: карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 217–218.

³ *Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558–1562* / hrsg. von F. Bienemann. Bd. II: 1557–1559. Riga, 1867. S. 47–48; *Elementa ad fontium editiones*. LXVIII: *Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam spectantia*. XXXV Pars / Eds. C. Lanckorońska, L. Olech. Romae, 1988. P. 104–105.

⁴ *Angermann N.* Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyi's. Marburg; Lahn, 1972. S. 1–24; *Kirby D.* Northern Europe in the Early Modern Period: The Baltic World 1492–1772. L.; N.Y., 1990. P. 107–112.

⁵ *Курбский А.М.* История о делах великого князя московского / Изд. подгот. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеев; отв. ред. Ю.Д. Рыков. М., 2015. С. 594–634.

Зинаида Оборнева

Рец. на: А.В. Беляков. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-история, 2017. 372 с.

Zinaida Osborneva

(V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: A.V. Belyakov. Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645–1682 gg. Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870001579-7

В последнее время Посольский приказ всё больше привлекает внимание исследователей. Рецензируемая монография Андрея Васильевича Белякова «Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг.» лежит в русле таких исследований, посвящённых главному внешнеполитическому ведомству России XVI–XVII в.¹ и продолжает традиции справочников по истории приказов и приказного персонала². Книга представляет собой публикацию кандидатской диссертации

автора «Служащие Посольского приказа второй трети XVII века», защищённой в 2002 г., и отличается от неё лишь некоторыми исправлениями и добавлениями: появился именной указатель, список литературы дополнен работами, вышедшими после 2002 г.

В центре внимания исследователя — все категории служащих внешнеполитического ведомства (судьи и подьячие (с. 33–92), переводчики (с. 93–141), толмачи (с. 141–166), золотописцы (с. 166–176), приставы (с. 176–

180), станичники (с. 180–183) и сторожа (с. 183–188)) за время царствования Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича. Для каждой группы служащих приведены сведения об их численности, составе, происхождении, квалификации, годовых окладах и других источниках дохода; описаны способы поступления и выбытия из приказа. Отдельно рассмотрено издательское дело Посольского приказа (с. 189–199) и руководство придворным театром, осуществлявшееся внешнеполитическим ведомством в 1672–1676 гг. (с. 199–204). Последний раздел позволяет судить о структуре и внутренней жизни Посольского приказа (с. 208–258). В нём приведены сведения о местах расселения служащих (с. 239–244) и о восприимчивости приказа современниками (с. 244–257).

Почти все сведения, приводимые Беляковым, уникальны и извлечены из неизданных архивных материалов. В книге представлена полная картина жизни Посольского приказа почти за четыре десятилетия его истории; охвачены все категории его служащих. Составленные автором таблицы позволяют исследователю сделать множество выводов. Описаны все виды дополнительного жалования, в частности денежная помощь, выдаваемая по случаю отправления того или иного служащего за рубеж (с. 68–69, 162–163), а также посмертные выплаты: помощь на похороны и назначение пенсий вдовам приказных служащих (с. 72, 140, 164–165). Ценны наблюдения о разграничении функционала толмачей и переводчиков, рассуждения о переводчиках-дворянах (с. 99), о происхождении переводчиков восточных языков (с. 100–101). При описании структуры и внутренней жизни Посольского приказа автору удалось выявить такие важные детали, как точное время начала и окончания работы служащих (с. 226–228), дополнительное жалование подьячим и переводчикам за сверхурочную работу (с. 227), количество толмачей, дежуривших в приказе. Несомненную ценность представляют подробные сведения о здании Посольского приказа и его устройстве (с. 208–218), об иерархии, карьерном росте и функциях служащих дипломатического ведомства (с. 219–226). Безусловно ценны графики, отображающие численность и средний годовой доход подьячих, переводчиков и толмачей, размеры их подённого корма (с. 264).

В приложении содержится список служащих Посольского приказа, где собраны краткие сведения о подьячих, переводчиках, толмачах, приставах, сторожах и золотописцах (с. 278–344). В предисловии к приложению автор подчёркивает, что привлекает

исключительно материалы внутрприказной документации и ограничивается периодом 1645–1682 гг. (с. 278), поэтому не стану обращать внимание на не совсем точные сведения о начале службы переводчиков Бориса Богомольцева (с. 286) и Ивана Боярчикова (с. 287) и об окончании службы Константина Христофорова (с. 339). Но информация, относящаяся к исследуемому периоду, также требует проверки, так как ввиду большого объёма данных в справочнике присутствуют неточности и ошибки. Например, переводчик Велисар Едреновский (с. 300) служил в Посольском приказе не с 1659/60, а с 1658 г.³ Обращают на себя внимание явные неточности: в статье о татарском толмаче Афанасии Кучумове указано, что он умер в 1651/52 г., но при этом не исключается, что он в 1666/67 г. был отправлен в Персию (с. 310).

Приведу пример статьи про греческого переводчика Деметрия Чернцова, который в монографии ошибочно назван Деметрием Чернецовым (с. 340, 366). В статье указано, что он был взят из Иноземного приказа и сначала, возможно, являлся толмачом. Действительно, период службы Чернцова переводчиком выходит за рамки рассматриваемого в монографии периода. Как дата смерти указан 1657/58 г., но источник, на который ссылается автор, говорит лишь о назначении Д. Чернцову подённого корма на 1657/58 г. В этом же деле Чернцов фигурирует в списке переводчиков, получавших в том году годовое жалованье⁴. Уточнить время его смерти позволяет челобитная Велисара Едреновского, поданная 7 октября 1658 г.⁵ В уточнении нуждается и другой эпизод биографии этого человека. Беляков указал, что Чернцов ездил в Турцию дважды – в 1648/49 и 1650/51 гг. Говоря об отправлении переводчика в Стамбул в 1648/49 г., автор ссылается на несуществующий в деле лист, а в 1650/51 г. – на документ, где лишь констатируется прибавка ему жалования за «царегородцкую службу»⁶. В действительности переводчик был послан в Константинополь в 1645 г. с посольством С. Телепнёва и А. Кузовлева и вернулся вместе с ним в декабре 1649 г.⁷

Нуждается в уточнениях и очерк о толмаче Афанасии Буколове (с. 288). Начало его службы со ссылкой на опись архива Посольского приказа 1673 г. отнесено к 1633/34 г. В описи, однако, говорится лишь о трёх листах, посланных А. Буколовым из Константинополя думному дьяку Фёдору Лихачёву. Речь идёт о документах, полученных от толмача во время его первой поездки в Константинополь в качестве гонца в 1636 г.⁸ Из этого следует, что толмача взяли на службу ранее 1636 г., но подтверждения его за-

числения в штат приказа 1633/34 г. автор не приводит. Беляков указал, что Буколов служил в дипломатическом ведомстве до 1671/72 г., но в документе, на который он ссылается, указано лишь, что 1 декабря 1670 г. тот числился в списке переводчиков и толмачей, претендовавших на получение подённого корма за прошедшие месяцы⁹. В основном тексте монографии со ссылкой на челобитную толмача сказано об уходе Буколова в Новинский монастырь в 1671 г. (с. 146); в деле, однако, эта челобитная отсутствует¹⁰. На челобитную Буколова о постриге в Новинском монастыре автор ссылается ещё дважды (с. 141, 145): толмачу разрешили постричься без вклада 9 декабря 1672 г.¹¹, чем и завершилась его служба в Посольском приказе. Беляков отметил (опираясь, опять же, на опись архива Посольского приказа 1673 г.), что Буколова посылали в Турцию в 1633/34 и 1635/36 гг., в Молдавию в 1641/42 г. На указанных автором страницах описи упомянуты две отписки Богдана Лыкова и Афанасия Буколова из Молдавии 1641/42 г., три листа, посланных Буколовым из Константинополя, а также сведения об отправлении толмача в Константинополь после приезда в Москву посланника от Фомы Кантакузина; отмечена также поездка Буколова в Стамбул в 1641/42 г.¹² В действительности Буколов ездил гонцом в Турцию в 1636 г., а второй раз — с польским переводчиком Богданом Лыковым в 1641 г.¹³; гонцы лишь ехали через Молдавию по пути в столицу Османской империи и отправляли донесения о своём передвижении¹⁴.

Приведённый пример показывает, что реконструировать биографии служащих Посольского приказа лишь по материалам описи архива Посольского приказа невозможно. Этот вывод подтверждается и материалами биографии переводчика Фёдора Черкасова (с. 340), о котором Беляков, опираясь на опись 1673 г., пишет, что того в 1646/47 г. послали в Турцию, а в 1647/48 г. — в Молдавию. Исследователь подкрепляет это ссылкой на «Обзор посольских книг», где сообщение об отправлении Черкасова в Молдавию приведено без указания года¹⁵. В действительности же речь идёт об одном «отправлении в Царьград через Молдавию» 25 сентября 1646 г.; 10 февраля 1647 г. переводчик вернулся в Москву с грамотой от султана Ибрагима I¹⁶.

В монографии имеются ошибки набора, но это ни в коей мере не умаляет значения книги, бесценной для исследователя внешнеполитического ведомства России. Работа может быть интересна и более широкому кругу читателей, интересующихся российской историей, благодаря ясному из-

ложению, графическим материалам и многочисленным иллюстрациям с изображениями посольств, участников дипломатических миссий и здания Посольского приказа.

Примечания

¹ *Рогожин Н.М.* У государевых дел быть указано... М., 2002; *Рогожин Н.М.* Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003; *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.

² *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII в. М., 1946; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011; *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.

³ РГАДА, ф. 138, оп. 1, д. 7 (1658 г.), л. 7, 28.

⁴ Там же, д. 5 (1657 г.), л. 1, 36.

⁵ Там же, д. 7 (1658 г.), л. 6.

⁶ Там же, д. 4 (1649 г.), л. 6; д. 1 (1649 г.), л. 245.

⁷ Там же, д. 1 (1649 г.), л. 68–69.

⁸ *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М., 1946. С. 41.

⁹ РГАДА, ф. 138, оп. 1, д. 20 (1670 г.), л. 52.

¹⁰ Там же, д. 30 (1671 г.), л. 9.

¹¹ Там же, д. 14 (1672 г.), л. 9, 12, 16.

¹² Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. М., 1990. С. 213, 362, 368.

¹³ *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 41, 65.

¹⁴ *Оборнева З.Е.* Толмач Посольского приказа Афанасий Буколов (1633/34–1672). Материалы к биографии // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXI международной конференции. М., 2018. С. 286–288.

¹⁵ Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.). М., 1990. С. 80.

¹⁶ РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 9 (1646 г.).

Рец. на: Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завешания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 911 с., ил.

Galina Ulianova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Dvoriane Moskvy: svadebnye акты i dukhovnye zaveshchania petrovskogo vremeni. Moscow, 2015

DOI: 10.31857/S086956870001580-9

Корпус опубликованных частнопровых источников XVIII в. — точнее, истории России имперского периода — обогатился объёмистым 900-страничным изданием, содержащим духовные (завешания), рядные и сговорные (свадебные) записи, а также семейные рядные записи (по урегулированию имущественных вопросов в других ситуациях), сделанные в петровскую эпоху представителями московского дворянства.

Составители сборника — профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, известный специалист по социально-экономической истории XVIII в. д.и.н. Н.В. Козлова и её ученица А.Ю. Прокофьева, аспирантка МГУ и научный сотрудник РГАДА, вели поиск текстов семейно-правовых актов дворян среди записных книг Московской крепостной канцелярии. В подготовке комментариев и указателей, переводе с немецкого языка также участвовали М.В. Николаева, Н.А. Четырина, М.А. Зинько, В.А. Ковригина, П.И. Прудовский, О.В. Фомина.

В результате тщательного сплошного постраничного просмотра десятков записных книг (где в конспективной форме регистрировались договорённости о переходах собственности внутри и за пределы семьи) было выявлено 888 документов, относящихся к первой четверти XVIII в. Такое число обработанных документов является настоящим научным свершением. Благодаря труду составителей стал доступен большой объём историко-юридических документов для широкого круга исследователей, которые, несомненно, заинтересуются передачей через тексты правовых, культурных, эстетических воззрений элиты московского дворянства эпохи Петра I.

Данное издание фактически продолжает кропотливую публикацию архивных

материалов, начатую выпущенным в 2002 г. сборником документов «Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы»¹, также подготовленным Козловой и содержащим более 380 выявленных в РГАДА семейно-правовых актов городских податных сословий.

Настоящее издание выполнено с особой тщательностью и отличается высокой археографической культурой, что уже заслуженно оценено рецензентами². Среди опубликованных документов — 326 духовных, 499 сговорных и 63 рядных записей. Они были составлены в дворянских семьях разного социального уровня, степени влияния внутри своего сословия и имущественного положения — как титулованной аристократии, так и мелкого беспоместного служилого дворянства. Как справедливо отмечают авторы-составители свода, ценность источников данного типа заключается в том, что «все эти материалы позволяют восстановить процедуру освидетельствования завещаний, выяснить некоторые подробности их составления, драматические коллизии практического исполнения имущественных распоряжений завещателя, дают возможность уточнить детали биографий конкретных лиц и фамилий» (с. 9).

Авторам посчастливилось найти в ряде случаев целые «гнезда» документов, исходивших от представителей одной и той же династии, что резко повышает информационную ценность источников, характеризующих разные стороны экономической и бытовой жизни родовитых семейств, например, Шаховских (выявлены и представлены 17 актов записей), Мещерских (13), Шереметевых (11), Голицыных и Долгоруковых (по 12 документов) и др. Анализ и «перекрёстное использование» таких комплексов источников, по словам составителей, позволяют «лучше

понять сведения, содержащиеся в отдельных документах относительно конкретных лиц, уточнить моменты биографии и генеалогию родов, узнать происхождение передаваемого по наследству имущества, увидеть развитие матримониальных связей» (с. 11).

Для примера кратко рассмотрим лишь несколько из множества документов. Так, представление о содержании сговорной даёт запись 1717 г. (документ № 562), в которой вдова майора Прасковья Карпова объявляет об условиях выдачи замуж дочери Анны за Николая Автамонова, сына Иванова, удостоверяющую в оригинале подписями шести свидетелей (седьмым от семьи за Прасковью подписался её родной брат – лейтенант Кирило Сытин): «Маеора Ивановская жена Гаврилова сына Давыдова вдова Прасковья Карпова дочь зговорила дочь свою девицу Анну Иванову дочь за Николая Автамонова сына Иванова. А благословляет Божиим милосердием, да приданого и всяки кузни на две тысячи рублей, да денег тысячу рублей, да за нею ж дает, дочьерю своею, вотчину в Кашинском уезде в Сарском стану половина села Воробьева, крестьян дватцать дворов, людей деловых дватцать семей, в Володимирском уезде шестьдесят дворов, в Алаторском уезде восемь дворов. А на те выше писанныя поместья и вотчины о справке принести челобитная в Поместной приказ за рукою» (с. 484). Благодаря информационной насыщенности этого источника можно установить схему семейных и общественных связей, уровень богатства (несмотря на отсутствие титула, его можно оценить как достаточно высокий, если сравнивать со сведениями, содержащимися в других сговорных), географию поместий и численность крепостных.

Тексты завещаний, записанных в книгах крепостной канцелярии, более подробны и чаще имеют эмоциональную окраску. Например, разные аспекты владения имуществом и слугами представлены в составленной в 1720 г. духовной капитана Петра Ильина Сверчкова (документ № 209). Она начинается с привычной формулы: «После живота своего в целом своем уме, очищая душу свою и долги». Не имея собственной семьи, капитан оставил имущество («поместье свое в Володимирском уезде») брату, «порутчику Дмитрею Михайлову сыну Ханеневу» (чтоб тот расплатился с его долгами), после своей кончины велел дать дворовым людям «отпускные, куда хотят». Сукно, которым следовало покрыть гроб, завещалось духовному отцу Сверчкова. В завещании мы находим подробные распоряжения, как расплатиться с долгами, в том числе и получив невыплаченное «заслуженное

мое жалованье от камисара». Вся жизнь мужчины была связана с армией, и в духовной упомянуты его сослуживцы, одному из которых – прапорщику Якову Рагозину – завещано восемь талеров (видимо, в знак дружбы) из 16 хранившихся у него (или взятых в долг), а другому – драгуну Алексею Волкову – три талера, «чтобы ему пожаловать очистить мою душу». Ещё пять талеров, отмечал завещатель, следовало отдать «по моей душе в церковь полковую». Документ интересен и тем, что в нём перечислено основное походное хозяйство Сверчкова, которое следовало продать и на вырученные деньги заказать поминальные молитвы: «Конь рыжей гнедой мерин, седло, две пары пистолетов, посуды белые, семь блюд, семь торелок, котел медной в два ведра, тазовой котел в полведра, малинкой котлик новой, шуба волчья, чапак и чушки с позументом да чапак кожаной, муштук и пахви, и паперсть с морхами, и постель». Капитан хотел оставить по пять рублей родным сёстрам, да в приходскую церковь Рождества Богородицы – «попу два рубли» (с. 281).

Большой интерес представляют полные тексты отдельных записей сестёр и братьев, договаривавшихся о владении имуществом после смерти родителей, бабушек и дедушек. Эти документы отражают достаточно высокий уровень правосознания дворянской элиты в начале XVIII в. и тщательную регламентацию имущественных отношений в законодательстве, содержащем подробную классификацию видов недвижимого и движимого имущества и понятия об их денежных эквивалентах.

В книге содержатся также тексты сделанных писем между состоящими в родстве либо в свойстве представителями разных поколений одной семьи, например, договорённости по имущественным делам, в том числе разделам собственности между сыном и матерью, пасынком и мачехой.

Например, в 1720 г. стольник князь Михайла Иванович Ухтомский договорился с матерью о размере ежегодных выплат ей по причине её старости (документ № 875). Ухтомский обязывался «мать свою книжную Авдотью Никифоровну, по смерть ее в доме своем поить, и кормить», а также выплачивать денежное и натуральное пособие: «На всякой год по десяти рублей денег, да по дватцати четвертей хлеба муки ржаной, да овсяной муки десять четвертей, масла коровья два пуда, две четверти муки пшенишной да яшной две четверти, масла конопляного ведро, пять пуд свиного мяса, солоду аржаного две четверти, соли три пуда, конопли осмина, холста сто аршин тонкова да толсто-

го сто аршин, два пуда лну, два сукна серых, а мерою по дватцати аршин, вина по пяти ведер, яиц по пяти сот».

Столь же подробной является отдельная роспись 1720 г. подьячего Алексея Аристова с мачехой Еленой Мелентьевой о любовном разделе между ними недвижимого имущества после смерти Венедикта Аристова (документ № 874). Подробно перечислено обширное наследственное имущество, включая «вотчины... в Костромском уезде в Чижевском стану сельцо Горки да деревня Жарки, да в том же уезде селцо Харино с пустошми, да в Вандовском стану сельцо Коцыно с людьми, и со крестьяны, и с пустошми ж, да московские два двора за Арбацкими воротами за Земляным городом в приходе у церкви Смоленские Богородицы, со всяким дворовым, хоронным строением, и с садами, и огороды, да... две полулавки с укусным погребом в свешном восковом ряду на Варварской улице». Договорённость между двумя наследниками заключалась в том, что сын получал три четверти имущества (в основном поместья), а вдова-мачеха — одну четверть (московские дворы и лавки).

Вводный научно-аналитический раздел (объёмом более 4 п.л.) содержит четыре исследовательские статьи. Эти описания освещают различные стороны представленных источников и содержат результаты начатой работы по их анализу и классификации.

Козлова в разделе «Археографическая характеристика документов» (с. 16–21) представила анализ структуры крепостных записей актов семейного и наследственного права. В том числе охарактеризованы разные типы записей и их формуляры, установлена систематизация исследованных документов и рассмотрен вопрос об их эволюции в течение изучаемого периода. Немаловажно, что здесь дано описание внешнего вида и физической сохранности источника: «книги сохранились в старых кожаных или новых холщовых переплётках», «имеют разный объём», что зависело от их назначения и полноты воспроизведения текстов, а также от соединения в одном переплётке книг, содержащих записи разного рода (с. 17). Отмечено, что в некоторых книгах имелись алфавитные указатели, содержавшие перечни имён участников сделок.

В разделе, посвящённом историко-дипломатической характеристике семейно-правовых актов дворян первой четверти XVIII в. (с. 22–29), Козлова предложила типологию семейно-правовых документов, отметив их значение как источника биографических сведений. На мой взгляд, в этом разделе важны два ключевых момента. Во-первых, отме-

чено значение петровского указа от 3 апреля 1702 г., по которому вместо рядных и сговорных требовалось писать росписи приданому, и «такие росписи совместили формуляр рядных-сговорных». Для исследователей росписи приданого бесценны как источник, ибо дают возможность получения информации о мире вещей и повседневной жизни изучаемого периода. Во-вторых, очень интересно рассуждение о сакральном смысле частнопроводного акта XVIII в., в котором переплелись «религиозный смысл с житейскими заботами». Духовные или завещательные письма сохранились в архиве в большом количестве, и каждый документ в той или иной степени отражает черты религиозного сознания завещателя, стремившегося справедливо распорядиться имуществом, распределив его между родственниками и на благотворительные цели перед неизбежностью перехода в жизнь вечную. Изучение этого аспекта является достаточно новым в историографии, и ранее, пожалуй, было затронуто только в работе Д. Кайзера³.

Ещё в двух статьях даны примеры введения в научный оборот опубликованных в книге документов. В тексте Прокофьевой «Внутрисемейные и межличностные отношения в дворянской среде» (с. 30–46) проанализированы источники, выявленные в русле изучения семейных взаимоотношений, включая сложившиеся эталонные поведенческие стереотипы. Таковыми в среде дворянства были отражены в сговорных подробнейшие договорённости о размерах приданого (включавшего недвижимость — земли и дворы с крестьянами, личные вещи — драгоценности и одежду, а также скарб — мебель, посуду, постель), о сроках свадьбы и передачи имущества по описи, о размере компенсации в случае отмены свадьбы, об условиях возврата приданого в случае смерти невесты или жены, или развода. Автор справедливо заметила, что сговорные, как никакой другой источник, фиксируют экономические и морально-этические параметры заключения брачного союза, а изучение лексики позволяет определить эмоциональный градус взаимоотношений договаривавшихся сторон. Прокофьева привела пример из документа № 686, когда будущая теща, овдовевшая княгиня Анна Ивановна Голицына, в сговорной даёт обязательство будущему зятю — полковнику и капитану от гвардии Василию Фёдоровичу Салтыкову — выплатить 6 тыс. руб. приданого долями: к 1 августа 1722 г. 2 тыс. руб., в декабре 1724 г. 4 тыс. руб. (помимо «серебра, вещей олмазных и платья»), а если же «на сроки не отдаст», то будущий зять получал право подать

на неё челобитную и взять с Голицыной или с её наследников «все сполна и с убытки». Прокофьева пришла к выводу: «Такая, на первый взгляд, противоречащая близким родственным отношениям ситуация на самом деле полностью отвечала общественной установке, направленной на предотвращение возможных семейных раздоров» (с. 39). По мнению авторов, немаловажно, что свидетелями этой сговорной выступили 18 человек, многие из которых являлись видными военными и сановниками. Таким образом, изучение механизма заключения брака по сговорным демонстрирует, что институт брака был узлом социальной сети, которая скрепляла не только брачующихся, но и целые группы дворянства, идентифицировавшего себя через родственные связи лиц высокого имущественного статуса.

Знаменательно, что автор акцентировала внимание на духовных как свидетельствах стремления к предотвращению конфликтов внутри семьи и обеспечению гарантий безбедной старости завещателя. Прописывался уход за престарелыми родителями, их «совместное проживание, материальное и продовольственное содержание». В случае невыполнения детьми обязательств, родители (например, вдовья мать) имели право обратиться в суд. Весьма интересны приводимые Прокофьевой примеры назидания отцов детям, которые после смерти родителя были обязаны «кормить и во всем не оставлять» своих матерей (с. 41). Для характеристики внутрисемейных отношений по документам этого типа весьма важен учёт демографического фактора, что подмечено исследовательницей при изучении духовных: «Военная служба первой четверти XVIII в. нередко заканчивалась для молодых дворян ранениями и ранней смертью. Множество рядных, сговорных, духовных обнаруживают немало семей, состоящих из одной или двух вдов: молодой невестки и пожилой свекрови» (с. 43). Ряд ситуаций порождает конфликты, в других случаях две женщины приходили к урегулированию вопроса о наследстве.

Программный характер носит статья Козловой «Значение семейно-правовых актов дворян для изучения социальной истории» (с. 47–64). В ней показано применение микроисторических подходов в работе с представленными текстами, выделены значимые проблемы, которые стало возможным изучать с введением этих документов в научный оборот. К таким проблемам относятся рассмотрение новой политической элиты (сложившейся в петровскую эпоху) и иерархии внутри неё, оценка материальных и моральных ценностей этой элиты и фиксация

их изменявшейся шкалы. Не меньший интерес представляет реконструкция Козловой самого механизма заключения юридических договорённостей, в том числе рассмотрение особой группы лиц (поверенных, обозначенных как «человек ево»), находившихся в услужении у представителей элиты и ходатайствовавших в присутственных местах и у частных лиц по поручению знати. Исследовательница показала, что на основе изучения духовных и сговорных расширяются возможности анализа имущественных отношений в среде дворянства. В частности, в перспективе можно определить долю мужчин и женщин среди собственников, категории собственников, их ранжир по брачному статусу и должности в официальной социальной иерархии, а также корреляцию этих двух параметров с объёмом и составом имущества.

Существенным исследовательским компонентом книги также стали подробные комментарии к документам, занимающие сотню страниц (с. 717–812) и содержащие сведения об упоминаемых исторических персонажах, иногда об обстоятельствах появления некоторых документов, а также расшифровку соответствующей лексики.

Богатая палитра документов создала широкое источниковедческое поле для анализа экономических и социальных реалий жизни московских дворян в первой четверти XVIII в. и позволила поставить вопрос о юридическом, бытовом и эмоциональном содержании отношений в дворянской среде. Новые источники важны не только для изучения бытовой стороны повседневной жизни дворян, но и для понимания их религиозности, представлений о стереотипах семейного уклада и внутрисемейной иерархии.

С выходом в свет книги в распоряжении читателя появился достаточно полный комплекс компактных источников. Наличие именного (более 10 300 персонажей) и географического указателей делает её ценным справочником, в котором содержатся ранее не известные биографические сведения о представителях московского дворянства. В целом следует отметить высокую культуру этого издания, отличающегося солидным полиграфическим оформлением.

Книга, безусловно, привлечёт внимание как академических специалистов, так и широких слоёв читающей публики, и особенно студенчества, специализирующегося по русской истории и истории права.

Примечания

¹ Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М., 2002.

² *Бабич М.В., Кулакова И.П.* Рец. на: Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени // Вестник Московского университета. Сер. 8. История.

2015. № 1. С. 133–135; *Кошелева О.Е.* Зыбкий образ минувшего бытия, или работа с частно-правовыми актами // Вивліютика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2016. Vol. 4. P. 191–198.

³ *Kaiser D.H.* Gender, Property, and Testamentary Behavior: Eighteenth-Century Moscow Wills // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 28. 2006. № 1/4. P. 511–520.

Олеся Плех

Олонецкая губерния под управлением генерал-губернаторов в 1820–1830 гг.*

Olesya Plekh

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Olonez province under the rule of the governors-general in 1820–1830

DOI: 10.31857/S086956870001581-0

Институт генерал-губернаторства не раз привлекал внимание и дореволюционных, и советских, и современных исследователей¹. Однако, несмотря на наличие фундаментальных трудов, посвящённых его особенностям в Российской империи, отдельные генерал-губернаторские округа изучались сравнительно редко. В.В. Ефимова впервые в историографии обратила внимание на необходимость «комплексного и системного изучения истории местного управления в Олонецкой губернии в момент её нахождения с 1820 по 1830 г. в составе Архангельского, Вологодского и Олонецкого генерал-губернаторства» (очерк 1, с. 15). Решая поставленную задачу, исследовательница проанализировала обширный круг разнообразных документов, включая материалы, хранящиеся в РГИА, ГА РФ, РГАДА, Архиве ВМФ РФ, Архиве СПБНИ РАН, ОР РНБ, Национальном архиве Республики Карелия и Государственном архиве Архангельской области (многие из них ранее не использовались историками). При этом монография необычна как по форме публикации (выпущена в электронном виде на двух дисках), так и по своей структуре: она состоит из

двух очерков, которые освещают «разные по тематике сюжеты», раскрывающие характер взаимодействия генерал-губернаторов А.Ф. Клокачёва и С.И. Миницкого с олонецким чиновничеством.

Архангельское, Вологодское и Олонецкое генерал-губернаторство просуществовало всего десять лет – Клокачёв управлял им с 1820 по 1823 г., а Миницкий – с 1823 по 1830 г. В 1830 г. действия Миницкого «по вверенному ему управлению» в Петербурге признали «званию его предосудительными и пользе службы не соответственными», сам он был отрешён от должности², а преемника ему назначать не стали, фактически упразднив наместничество. Тем не менее даже за столь непродолжительное время оно оказало заметное влияние на развитие местного управления в северных губерниях.

В своём исследовании Ефимова отмечает «многоплановость и взаимообусловленность связей, складывавшихся как между руководителем региона (в лице архангельского генерал-губернатора) и олонецким губернским аппаратом, так и внутри самого этого аппарата» (очерк 1, с. 27). В первом очерке она рассматривает роль генерал-

* *Ефимова В.В.* Генерал-губернаторы Европейского Севера и Олонецкая губерния (1820–1830). Очерк 1. Архангельские генерал-губернаторы и губернский аппарат Олонецкой губернии (кадровая политика). Очерк 2. Олонецкие гражданские губернаторы под надзором архангельского, вологодского и олонецкого генерал-губернатора А.Ф. Клокачёва и С.И. Миницкого (1820–1830 гг.). Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2016 [Электронный ресурс] (2 CD-R).

Материал подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских учёных, проект № МК-1194.2018.6.

губернаторов в решении кадровых вопросов, возникавших в Олонецкой губ., и показывает, что в этой сфере полномочия начальника края были невелики (особенно в отношении ключевых фигур местной администрации) и к тому же не были чётко очерчены в законах. Однако выявленные автором документы свидетельствуют, что неформально генерал-губернаторы могли при желании способствовать или препятствовать карьере своих подчинённых, поскольку имели право «представлять об их деятельности и поступках не только Сенату и министрам, но непосредственно самому императору» (очерк 1, с. 147). По мнению Ефимовой, на практике они обладали возможностью повлиять на исход практически любого дела, так как в прямой зависимости от них находились дворянские заседатели и секретари губернских учреждений, а также уездные власти.

Специфика формирования и функционирования олонецкого губернского аппарата была обусловлена тем, что здесь с начала XIX в. ощущался острый недостаток чиновников и, особенно, канцелярских служителей. И речь идёт не только о нехватке квалифицированных кадров, а о фактическом отсутствии желающих нести службу в суровом северном крае. Генерал-губернаторы вполне осознавали эту проблему, поддерживая поступавшие к ним из Олонецкой губернии ходатайства о предоставлении служащим преимуществ, льгот или дополнительного содержания. В то же время личные инициативы наместников зачастую не учитывали особенности управляемой ими территории. Так, Клокачёв желал возобновления дворянских выборов, которые не проводились в губернии с 1811 г., когда губернатор не утвердил в должности избранников дворянства, имевших судимость (один из них был девять раз судим и на момент выборов вновь состоял под судом) (очерк 1, с. 77). Между тем всё олонецкое благородное сословие в 1820 г. насчитывало 365 лиц мужского пола, из которых только половина постоянно проживала в пределах губернии. Преимущественно это были обедневшие и беспоместные дворяне, число же тех, кто обладал правом голоса, оказывалось ничтожно мало³. Но Клокачёв всё же настаивал на организации выборов. К сожалению, неизвестно, как именно он аргументировал эту идею (обнаружить текст представленной им на «высочайшее рассмотрение» соответствующей записки Ефимовой не удалось).

Не менее любопытны обстоятельства учреждения в Петрозаводске училища для детей канцелярских служителей. Наличие подобного учебного заведения, очевидно,

облегчало подготовку канцеляристов, которых явно не хватало. Однако Миницкий, руководствуясь, как показано в исследовании, «неприязненным отношением к олонецкому губернатору П.А. Лачинову» (очерк 1, с. 148), выступил против данного замысла, и лишь «высочайшее повеление» заставило его принять участие в обустройстве и открытии училища.

Весьма удачно показана Ефимовой ревизия Олонецкой губ., осуществлённая в 1827–1828 гг. сенатором Д.О. Барановым. В последние годы интерес к сенаторским ревизиям неуклонно растёт, но далеко не все историки достаточно критично относятся к документам, составлявшимся после проверки, многие склонны полагаться на оценки сенаторов, не ставя их под сомнение. Ефимова же не только изучила рапорты и докладные записки Баранова, в которых излагались его суждения о состоянии различных органов управления, но и сумела проследить, как личные контакты с первыми лицами губернии отражались на общих итогах и выводах ревизии.

В целом, как пишет Ефимова, «институт генерал-губернаторов на первых порах несколько оживил процесс функционирования местного государственного механизма, но... достичь качественного прорыва в этом отношении не удалось» (очерк 1, с. 149). Действительно, дефицит квалифицированных чиновников ощущался и после упразднения наместничества. Однако подписанный 31 октября 1828 г. указ, даровавший служащим в Олонецкой губ. ряд преимуществ, появился в том числе благодаря усилиям генерал-губернатора. Правда, Ефимова утверждает, что, желая воспользоваться указом, в Петрозаводск прибывали в основном «чиновники далеко не лучшие». Подтверждая свои слова, исследовательница приводит примеры «удаления некоторых из них от должности с лишением полученных вне очереди чинов за неспособность или плохое поведение» (очерк 1, с. 111). Но эти «случаи» нельзя признать доказательством массового притока в губернию недобросовестных карьеристов. Чтобы установить, как именно указ повлиял на состав чиновничества, вероятно, следовало бы проанализировать все изменения, происшедшие не только в конце 1820-х гг., но и, по меньшей мере, в ближайшее десятилетие.

Второй очерк Ефимова посвятила сюжетам, связанным с законодательным регулированием отношений генерал-губернаторов и олонецких гражданских губернаторов и реально существовавшей практикой их взаимодействия. Соглашаясь с неоднократ-

но уже высказывавшимся в историографии мнением о неопределённости статуса генерал-губернатора и «неразделённости его полномочий и компетенции с губернатором», исследовательница констатирует, что в ходе реализации «генерал-губернаторского проекта» в 1820-е гг. наместники «александровского призыва» так и не дождались «обещанной общей инструкции». Регулирование их правового положения происходило «в ручном режиме»: «Александр I, а затем и его брат Николай I, предпочитали принимать указы, адресованные конкретным региональным главам, разрешая возникавшие у них в ходе практической деятельности вопросы. При этом они либо сразу распространяли действие указа на других генерал-губернаторов, либо делали это позже» (очерк 2, с. 14).

Вполне естественно, что законодательная неурегулированность неизбежно приводила к напряжённости и конфликтам между наместниками и начальниками губерний. Так, из пяти олонецких губернаторов 1820-х гг. только Т.Е. Фан-дер-Флит сумел заручиться поддержкой своего давнего друга Миницкого, тогда как В.Ф. Мертенс и А.И. Рыхлевский лишились должности, а П.А. Лачинов был предан суду. Объяснялось это прежде всего тем, что Клокачёв и Миницкий воспринимали «свои функции не просто как надзор», но включали в них и «активное управление», ожидая от губернаторов беспрекословного исполнения своих распоряжений. Всё это естественным образом ухудшало «управленческий климат» в губернии и напрямую отражалось на эффективности администрации.

Монография В.В. Ефимовой, ставшая итогом многолетнего и кропотливого исследования деятельности генерал-губернаторов на Европейском Севере⁴, заслуживает самой

высокой оценки. Книга насыщена богатым фактическим материалом, позволяющим лучше понять, как отлаживалась субординация краевого и губернского начальства, как на практике исполнялись законы и в какой мере реализовывались предписания верховной власти.

Примечания

¹ В частности, уже в XXI в. появились работы: Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2 т. / Под ред. В.В. Черкесова. СПб., 2001; *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001; *Арутюнян В.Г.* Генерал-губернаторства при Александре I: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

² Государственный архив Вологодской области, ф. 32, оп. 1, д. 57, л. 139.

³ Подробнее см.: Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год. Петрозаводск, 1907. С. 247–248.

⁴ См., например: *Ефимова В.В.* Олонецкая губерния под управлением генерал-губернатора А.Ф. Клокачёва // Российская история. 2009. № 3. С. 143–156; *Ефимова В.В.* Причины введения и отмены генерал-губернаторств при Александре I // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 145–162; *Ефимова В.В.* Деятельность В.С. Филимонова на посту архангельского губернатора // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 70–81; *Ефимова В.В.* «Война с советниками»: о конфликте олонецкого губернатора П.А. Лачинова с губернским правлением (1820-е гг.) // Новый исторический вестник. 2015. № 44(2). С. 10–30; *Ефимова В.В.* «Совсем уж странный поступок»: губернатор и местные чиновники в начале XIX в. // Российская история. 2015. № 2. С. 30–38.

Жандармы и «нравственный контроль» за жизнью русского общества*

Grigory Bibikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Gendarmes and «moral control» over the life of Russian society

DOI: 10.31857/S086956870001582-1

Новая книга саратовского историка О.Ю. Абакумова объединила статьи разных лет¹, посвящённые участию III отделения Собственной е.и.в. канцелярии «в нравственном контроле частной и общественной жизни россиян, во внесудебном разрешении семейных и бытовых конфликтов, в формировании и сохранении норм общественной нравственности и порядка» (с. 9). Эти сюжеты впервые рассматриваются в специальной монографии, хотя в последнее время к ним обращались и другие авторы². Кроме документов III отделения (дела из «Секретного архива», всеподданнейшие доклады, ежегодные отчёты, юбилейные обзоры), в работе использованы материалы Министерства юстиции и МВД, а также обширный круг источников личного происхождения. Хронологические рамки исследования ограничены учреждением III отделения в 1826 г. и реформой политической полиции в середине 1860-х гг.

Понятие «нравственный контроль» трактуется Абакумовым широко. В силу специфики главного источника — агентурных сводок — речь идёт преимущественно об отклонениях от принятых норм и правил, поскольку, как отмечает автор, «заинтересованное в сохранении и поддержании традиционных устоев, полицейское ведомство изначально было ориентировано на фиксацию девиантного поведения, выявление факторов его предопределивших и способствовавших изменению канонов» (с. 213).

В первой главе говорится про облик столичного студенчества 1850–1860-х гг., городское хозяйство, пьянство и трезвенное движение, сексуальное насилие в крепостной деревне. Все эти явления так или иначе находились в поле зрения III отделения. Глава «Жандармы в борьбе со взяточниками» написана на основе комплекса дел из фон-

дов Министерства юстиции в РГИА (преимущественно 1820–1840-х гг.). В ней прослеживается логика взаимодействия высшей полиции и центральных ведомств: записки о злоупотреблениях губернских чиновников поступали в III отделение от жандармских штаб-офицеров, значимые сведения направлялись в соответствующие министерства без указания источника. Министр мог инициировать проверку, а шеф жандармов отслеживал её результаты. В книге рассмотрено более десяти таких эпизодов, но поскольку они не позволяют судить об общей интенсивности взаимодействия двух ведомств и её изменении с течением времени, вывод Абакумова о том, что «тайная жандармская “гласность” позволяла бороться со следствием, не замечая причин, консервируя правовую отсталость государственного механизма» (с. 98), представляется всё же преждевременным. Не учитывается при этом и то, что под надзором жандармских штаб-офицеров находились все высшие чиновники местной администрации вплоть до губернатора, а III отделение инициировало собственные расследования и проверки, результаты которых были кадровые решения, принимаемые в обход министерств³.

Третья глава освещает случаи вмешательства высшей полиции в семейные конфликты людей самого разного социального статуса — аристократов (среди них особое внимание автора привлёк польский магнат и авантюрист гр. М. Потоцкий), чиновников, городской прислуги. Характерно, что подданные нередко сами обращались в III отделение с жалобами на родственников. Такие сведения обычно передавались министру внутренних дел или докладывались непосредственно императору. Поскольку законодательные нормы затрудняли развод супругов, по указаниям Николая I высшая

* Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М.: Центрполиграф, 2017. 319 с.

Материал подготовлен при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских учёных, проект № МК-257.2017.6.

полиция, сохраняя в тайне обстоятельства частной жизни, добивалась разрешения споров во внесудебном порядке. Если это не удавалось, применялись административные меры, вплоть до помещения в монастырь на покаяние или передачи именина в опеку. Александр II, по-видимому, был менее склонен к подобным методам и неохотно вникал в детали семейных неурядиц, предпочитая отдавать такого рода дела на усмотрение суда или специальных комиссий. Так, в 1865 г. московский генерал-губернатор, городской голова и начальник II округа Корпуса жандармов рассматривали жалобу жены почётного гражданина В.П. Боткина, которая добивалась разрешения проживать отдельно от мужа (с. 129–130). В четвёртой главе обстоятельно изложена история неуравновешенного помещика Н.Н. Телепнева.

В пятой главе Абакумов обращается к повседневной жизни Петербурга. В 1850–1860-х гг. «промышленный рост, трудовая миграция, освобождение от опеки семьи, отсутствие социального (“соседского”) контроля в больших городах способствовали утверждению новой морали» (с. 230). В столице бурно развивалась массовая развлекательная культура с театрами, вокзалами, танцклассами, клубами и полулегальными игорными домами. Агенты III отделения вели в них политические разговоры и узнавали городские слухи, фиксируя нарушения общественного порядка и необычные происшествия. Героями полицейской хроники становились то женщина-обезьяна, приезд которой в Петербург в 1858 г. привлек большое внимание публики, то нетрезвый приказчик, грозивший в околотке, что «о том, как с ним поступила полиция, сообщит Герцену для напечатания в “Колоколе”» (с. 194). Шестая глава рассказывает о регулировании проституции. Обильно цитируемые выдержки из документов III отделения и полицейских отчётов помогают автору реконструировать обстановку городской повседневности — так же, как в других исследованиях они служат для описания губернского чиновничества, настроений крестьян и т.д.⁴ При этом собственно деятельность высшей полиции отходит на второй план, что, возможно, обусловлено выбором источника: в делах «Секретного архива», где хранятся прежде всего агентурные сводки и выписки из перлюстрации, она отражена достаточно скупно.

Седьмая, заключительная глава книги представляет собой краткий очерк драматической цензуры 1830-х — начала 1860-х гг., также находившейся в ведении высшей полиции. С помощью записок и отчётов чиновников пятой (цензурной) экспедиции

III отделения Е.И. Ольдекопа, М.А. Гедеонова (сына директора императорских театров), И.А. Нордстрема исследователь раскрывает мотивацию цензурных запретов, дополняя и уточняя известный труд Н.В. Дризен⁵.

Абакумов не счёт нужным утомлять читателей описанием организационной структуры политической полиции и специфики агентурной работы, ограничившись краткой справкой о принципах кадрового отбора и секретных инструкциях для чинов Корпуса жандармов; в историографическом очерке им даже не упомянуты основные обобщающие работы по истории III отделения⁶. С этим связаны, вероятно, и отдельные неточности, встречающиеся в тексте. Так, в заключении приводятся критические отзывы современников о губернских жандармах, тогда как предшествующие главы построены преимущественно на донесениях столичных агентов, имевших несколько иные служебные обязанности. Фактически книга распадается на серию очерков, не позволяющих судить о том, какое место изложенные в них сюжеты занимали в общем потоке дел тайной полиции. Поэтому трудно сказать, действительно ли «слухи и городские толки суммировались чиновниками Третьего отделения, и несколько раз в неделю, а иногда ежедневно представлялись шефу жандармов» только для того, чтобы он «имел возможность во время своих докладов императору, в беседах с сановниками проявлять хорошую осведомлённость в нуждах, чаяниях, настроениях россиян» (с. 68)?

В истории III отделения 1820–1860-х гг. Абакумов видит «воплощённый А.Х. Бенкендорфом по прямым указаниям императора Николая I проект надзорно-контролирующей структуры» (с. 269). Однако включённые в книгу очерки указывают скорее на изменение приоритетов деятельности высшей полиции от установления контроля над чиновниками к надзору за частной жизнью подданных. Или такая картина складывается лишь вследствие авторского подхода к отбору источников? В целом, оценивая результаты «нравственной опеки», исследователь констатирует, что «победить пороки и исправить нравы явно не удалось» (с. 266), а замысел Бенкендорфа «оказался неэффективным» (с. 269). Вместе с тем легко написанная книга О.Ю. Абакумова предлагает увлекательные зарисовки бытовой культуры середины XIX в. и даёт богатую пищу для размышлений о месте III отделения в системе государственного управления Российской империи.

Примечания

¹ См.: *Абакумов О.Ю.* Драматическая цензура и III отделение (конец 50-х – начало 60-х годов XIX века) // *Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. 1.* СПб., 2001. С. 66–76; *Абакумов О.Ю.* Развлечения горожан по донесениям российской тайной полиции (конец 1850-х – начало 1860-х гг.) // *Городская повседневность в России и на Западе. Сборник научных трудов.* Саратов, 2006. С. 127–147; *Абакумов О.Ю.* Интимная жизнь русских дворян: герой-любовник Н.Н. Телепнев и его жертвы // *Неофициальная жизнь горожан: Запад–Россия–Восток. Сборник научных трудов.* Саратов, 2007. С. 66–91; *Абакумов О.Ю.* Жандармы в борьбе со взяточниками // *Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество.* Сборник статей. Саратов, 2015. С. 174–179.

² См., например: *Экитут С.А.* Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. М., 2001; *Экитут С.А.*

Ох, Анна Львовна! // *Родина.* 2013. № 3. С. 81–89.

³ Подробнее см.: *Бикташева А.Н.* Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // *Quaestio Rossica.* 2015. № 2. С. 132–143.

⁴ См., например: *Зайончковский П.А.* Губернская администрация накануне Крымской войны // *Вопросы истории.* 1975. № 9. С. 33–51; *Гросул В.Я.* Общественное мнение в России XIX века. М., 2013.

⁵ *Дризен Н.В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Пг., 1917.

⁶ См.: *Деревинна Т.Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России. 1826–1880. М., 1982; *Романов В.В.* Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007.

Андрей Минаков

Новая книга о князе В.П. Мещерском*

Andrey Minakov

(Moscow State Pedagogical University, Russia)

A new book about Prince V.P. Meshchersky

DOI: 10.31857/S086956870001583-2

На протяжении длительного времени известный общественный деятель, литератор, издатель и публицист князь Владимир Петрович Мещерский изображался в историографии преимущественно как один из наиболее влиятельных царедворцев и изошёренных организаторов закулисных интриг в царствования Александра III и Николая II. Советские исследователи, как правило, придерживались ленинских оценок, согласно которым это был «самый консервативный, “делающий министров” писатель», «прошедший огонь и воду и медные трубы в различных высших чиновничьих “сферах” Петербурга»¹. Не противоречили данной характеристике и хлесткие отзывы одного из наиболее цитируемых в советское время мемуаристов – гр. С.Ю. Витте, хорошо знавшего князя и не стеснявшегося в критических высказывани-

ях о нём. Неудивительно, что представления о кн. Мещерском долго оставались клишированными. Однако несмотря на явно односторонние суждения, и современники, и историки признавали, что он был заметной и яркой фигурой в политической элите пореформенной России.

В книге Н.В. Черниковой, ставшей результатом многолетней работы, впервые в отечественной историографии на основе широкого круга источников последовательно раскрывается и анализируется политическая и творческая биография кн. Мещерского – с первых его шагов в свете и на службе до смерти летом 1914 г. Черникова отмечает, что формирование образа жизни, стиля общения и круга повседневных занятий князя происходило в петербургских салонах, где он с молодости устанавливал нужные ему знаком-

* *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 479 с., ил. (Люди России).

ства, сохранявшиеся затем десятилетиями (с. 39). Но ключевое значение имели его тесные контакты с Александром III и Николаем II. Для них беседы с кн. Мещерским, чтение его дневников и писем в известной степени компенсировали недостаток прямой связи с российской общественностью. Сам же князь придавал своей роли собеседника государственное значение (с. 309). Впрочем, по мнению Черниковой, многие «факты» влияния Владимира Петровича на деле объяснялись совпадением его советов с настроениями монархов (с. 429–430), а реальное воздействие князя на принятие царских решений часто преувеличивалось.

Кн. Мещерский во многом находилась под обаянием наследия своего великого деда — Н.М. Карамзина, к которому внук испытывал глубочайший пиетет. Вслед за ним князь идеализировал самодержавную монархию и абсолютизировал её значимость для России (с. 108–109), а в бюрократии, особенно столичной, усматривал чуждый элемент, препятствующий гармонии взаимоотношений царя и народа. Отсюда возникла его симпатия к неискущённым петербургскими страстями провинциалам, которым он с молодости пытался покровительствовать (с. 111–113).

Черникова аргументировано оспаривает историографические штампы. Так, признавая, что «для Мещерского... строгая дисциплина и отлаженный управленческий механизм, которые олицетворял собой Николай I, были безусловными ценностями» (с. 123), исследовательница указывает на неоднозначное отношение князя к николаевскому царствованию. Гораздо сильнее ему импонировали эпоха Екатерины II и её стремление возвысить общественно-политическую роль дворянства, фактически подорванную при Николае I (с. 124). Князю казалось, что истинное — поместное — дворянство, сохранившее патриархальную связь с землёй, должно стать «живой связью между престолом и народом, заменить собой на местах бездушный чиновничий аппарат и забытое о народе земство» (с. 191). Однако для этого оно само нуждалось в экономической поддержке, утратив в пореформенные годы и сословное единство, и былые привилегии (с. 274).

По словам Черниковой, на протяжении всей своей жизни кн. Мещерский, несмотря на кажущиеся метаморфозы во взглядах, оставался верен усвоенным в юности идеалам. Обращаясь с рекомендациями к императорам и выпуская собственную газету-журнал «Гражданин», он учитывал политическую конъюнктуру, но в сущности

преследовал одни и те же цели — укрепление государственной власти, порядка и самодержавной монархии (с. 197), в которой видел не только элемент исторической традиции, но и единственную форму национального самовыражения (с. 268). Общество князь считал ещё не подготовленным к самостоятельной политической деятельности (с. 120). Одновременно он нередко противопоставлял себя чиновному миру, представители которого ревниво относились к бесцеремонному публицисту, вторгавшемуся в правительственные дела и не считавшемуся с ведомственными порядками и иерархией (с. 311).

Между тем потребность в постоянном и зачастую неофициальном взаимодействии чиновников и журналистов была обоюдной. И, как правило, такие отношения зависели от личных контактов и связей (с. 250). Пользуясь вниманием царя, своей репутацией и общественным положением, Мещерский не без успеха пытался выступать равноправным партнёром сановников, определявших политику самодержавия. Особенно ярко это проявилось в ходе противоборства Витте с В.К. Плеве, возглавившим в апреле 1902 г. МВД. Князю пришлось лавировать между ними, но «подозрения в интригах привели к охлаждению со стороны обоих министров» (с. 436). В результате кн. Мещерский всё же пошёл на сближение с Витте и заведующим Особым отделом Департамента полиции МВД С.В. Зубатовым, который был недоволен своим начальством. По словам директора Департамента полиции А.А. Лопухина, «мало-помалу дом Мещерского обратился как бы в конспиративную квартиру заговора против министерства Плеве», хотя, «посещая её, Зубатов и Витте в ней, однако, первоначально не встречались». Как позднее рассказывал Лопухину Плеве, летом 1903 г. «заговор против него на квартире Мещерского созрел настолько, что тремя конспираторами, уже начавшими собираться вместе для общих совещаний, было окончательно решено свергнуть его и на его место водворить самого С.Ю. Витте». Для этого «Зубатов составил письмо, как бы написанное одним вернопопавшим к другому и как бы попавшее к Зубатову путём перлюстрации. В нём в горячих выражениях осуждалась политика Плеве, говорилось, что Плеве обманывает царя и подрывает в народе веру в него, говорилось также о том, что только Витте по своему таланту и преданности лично Николаю II способен повести политику, которая оградила бы его от бед и придала бы блеск его царствованию. Это письмо Мещерский должен был передать Николаю II, как голос народа, и убедить его последовать за пути, этим голосом указываемому». Однако Плеве узнал о замысле своих

противников и даже получил «копию сфабрикованного Зубатовым письма», которую сразу же представил императору². Участие Витте в этой интриге не могло не усилить и без того уже наметившееся разочарование в нём Николая II, что несомненно ускорило удаление Сергея Юльевича из Министерства финансов и назначение его на почётный, но не столь влиятельный пост председателя Комитета министров. Ещё ранее прервалась карьера Зубатова, который был уволен со службы и выслан под надзор полиции во Владимир. Но «старика Мещерского» Николай II по-прежнему продолжал изредка принимать вплоть до 1914 г.³ К сожалению, в монографии этот эпизод не получил освещения, хотя он выразительно характеризует и положение, и приёмы кн. Мещерского, и его весьма специфическую преданность своему монарху.

В целом, Н.В. Черниковой удалось дать обстоятельный и убедительный анализ по-

литической, общественной и литературной деятельности кн. В.П. Мещерского, оказавшегося на рубеже XIX–XX вв. активным участником и вместе с тем символом драматического заката империи.

Примечания

¹ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 24. С. 20–21; Т. 25. С. 64.

² Донухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 70–75. См. также: Примечания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 1026.

³ Дневник императора Николая II (1894–1918) / Под ред. С.В. Мироненко. Т. 1. М., 2011. С. 769, 807; Т. 2. М., 2013. Ч. 1. С. 451, 522, 637, 668, 705; Ч. 2. С. 8–9, 13, 16, 37.

* * *

Фёдор Мелентьев

Друг царских сыновей

Fedor Melentev

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Friend of the Tsar's sons

DOI: 10.31857/S086956870001584-3

Князь В.П. Мещерский известен как консервативный журналист и общественный деятель, внук Н.М. Карамзина, друг юности Александра III и политический наставник Николая II, «работодатель» Ф.М. Достоевского в еженедельнике «Гражданин», а также мемуарист, воспоминания которого остаются одними из наиболее востребованных в историографии. При этом трудно назвать другого деятеля российской истории XIX – начала XX в. (за исключением, пожалуй, Г.Е. Распутина), чья общественная репутация была бы столь однозначно неприглядной. Возможно, именно с этим связано то, что до сих пор не существовало его сколько-нибудь полной научной биографии. Н.В. Черникова объясняет это, в частности, тем, что «Мещерский является удобной мишенью для критики, но сложной фигурой для исследования» (с. 124).

Поэтому появление рецензируемого труда не могло не стать заметным событием для исследователей политической истории России и русской мысли. Черникова давно и плодотворно изучает деятельность князя и опубликовала внушительную часть его эпистолярного наследия¹. Специалисты уже оценили не только значение писем кн. Мещерского к вел. кн. Александру Александровичу, но и высокое качество их издания².

Нельзя сказать, что кн. Мещерский обделён вниманием современных историков. Ему посвящены монографии А.С. Карцова, М.М. Леонова, И.Е. Дронова, И.А. Прониной³, естественно, полемизирующих друг с другом и по-разному характеризующих личность и мировоззрение князя, а также степень его влияния на сановников и августейших особ. При этом Черникова, как и Дро-

нов, не соглашается с мнением Прониной о том, что кн. Мещерский был «представителем тупиковой ветви консервативной мысли пореформенной эпохи» (с. 17), сомневается в обоснованности суждений С.В. Петрова о воздействии на князя идей Н.Я. Данилевского⁴ (с. 18–19), усматривает зависимость статьи В. Моссе от работ П.А. Зайончковского и Ю.Б. Соловьёва (с. 23)⁵. Анализируя работы предшественников, Черникова указывает, что ни в одной из них деятельность кн. Мещерского не рассматривается «на всём её протяжении», поскольку авторы «хронологически ограничивают» свои исследования теми или иными рамками и это не позволяет им «провести всесторонний анализ» (с. 17). Впрочем, тот же Дронов в 2009 г. делал ей схожий упрёк: «Черникова в своей диссертационной работе отрицает какую-либо эволюцию взглядов князя. “В сути своей, — утверждает она, — политическая концепция князя оставалась неизменна на протяжении всей его жизни”. Этот вывод Дронов считал “чрезмерно категоричным хотя бы потому, что хронологические рамки работы ограничены рубежом 1860–1870-х гг. — 1894 г.»⁶.

В целом в историографическом обзоре охарактеризованы почти все наиболее существенные исследования. Не хватает, пожалуй, лишь упоминания хорошо известных монографий А.Ю. Полунова и О.Л. Фетисенко (где есть целый раздел «“Терпимый за неимением лучшего”: Леонтьев и “Гражданин” князя Мещерского»), статьи В.В. Ведерникова, уделившего значительное внимание взглядам издателя «Гражданина», диссертации В.А. Астанкова, проанализировавшего его влияние на вел. кн. Александра Александровича, а также книги А. Колодзейчик «“Мои воспоминания” князя Мещерского: поэтика, портрет российской элиты, видение польской культуры»⁷.

Черникова опирается на широкий круг документов, хранящихся в шести московских и петербургских архивах. Надо отдать должное трудолюбию исследовательницы, тщательно изучившей эпистолярное наследие кн. Мещерского, почерк которого, по его собственным словам, подчас представлял такую «тарабарскую грамоту»⁸, что Александр III даже просил князя писать «более чётко»⁹. Но при всём богатстве использованных в книге неопубликованных источников особенно любопытны наблюдения автора над изданными ещё в конце XIX — начале XX в. мемуарами князя. Как отмечает исследовательница, «воспоминания Мещерский писал на основе несохранившегося дневника, доказательством чего служат текстуаль-

ные совпадения в письмах к Александру III и в воспоминаниях, “Речах консерватора” и номерах “Гражданина”» (с. 26). При этом, по её мнению, «объективность не только приводимых Мещерским сведений, но и некоторых его оценок уже не подлежит сомнению» (с. 26). Но, вероятно, в данном случае речь всё же идёт не об объективности, а скорее о степени достоверности написанного князем в воспоминаниях. Ведь в монографии прекрасно показано, что сравнение мемуаров кн. Мещерского с другими источниками позволяет восстановить более полную и сложную картину прошлого. Так, например, «в конце XIX в. Владимир Петрович будет превозносить своего отца как помещика-христианина, своим отношением к крестьянам сделавшего для крестьянского дела и славы русского дворянства больше, чем признанные деятели крестьянской реформы. Но в начале 1870-х внезапное открытие истинного материального положения семьи стало для князя нелёгким ударом» (с. 129–130). В другом случае Черникова и вовсе называет версию событий, изложенную в «Моих воспоминаниях», полуправдой (с. 135). Так что и к этому источнику можно отнести её замечание, касающееся других мемуаристов: «В ряде случаев приводимые ими сведения носят фантастический характер и требуют проверки» (с. 29).

Один из важнейших периодов в жизни кн. Мещерского, подробно рассмотренных в книге, связан с его сближением с подраставшими великими князьями Николаем, Александром и Владимиром Александровичами, а также с молодым герцогом Николаем Максимилиановичем Лейхтенбергским. Во многом благодаря установленным ещё в 1860-х гг. дружеским отношениям со старшими сыновьями Александра II князь смог впоследствии в той или иной степени влиять на двух последних императоров или, по крайней мере, убедить общество в способности такое влияние оказывать. В 1861 г. 22-летний князь по рекомендации императрицы Марии Александровны представился 18-летнему наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. «Я надеюсь, что вы хорошенько познакомитесь», — писала 22 сентября 1861 г. императрица старшему сыну (письмо ему должен был передать Владимир Петрович)¹⁰. Однако к другим сыновьям с такими советами она не обращалась. Поэтому утверждение, будто «Мещерского хотели сблизить с великими князьями» (с. 52), не вполне точно — знакомство должно было состояться прежде всего с наследником, о чём, собственно, и писал Б.Н. Чичерин, на которого ссылается исследовательница¹¹.

Да и сам кн. Мещерский изначально стремился именно к этому. «Мне хотелось быть его Карамзиным», — признавался он впоследствии (с. 53).

Вскоре между князем и цесаревичем Николаем Александровичем завязалась переписка. Осуществлённая 15 лет назад наиболее полная публикация её части, хранящейся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке¹², до сих пор почти не используется исследователями. Однако Черникова, анализируя материалы РГАДА и более раннее издание писем августейших особ к кн. Мещерскому, обоснованно утверждает, что «корреспонденция немало способствовала сближению молодых людей» (с. 60). Действительно, в данном случае письма являлись не только выражением сложившихся отношений, но и способом их укрепления и развития, тем более что цесаревич быстро понял ценность Мещерского как выходца из другого мира, своего рода «информатора», но не всегда мог принять его как человека» (с. 61), очевидно, противодействуя попыткам князя влиять на него и не разделяя свойственной тому экзальтированной сентиментальности. И всё же это «не помешало князю в скором времени стать одним из по-настоящему близких людей для наследника престола Николая Александровича» (с. 62).

По мнению Черниковой, «так же относился к Мещерскому и Александр Александрович» (с. 62), подтрунивавший над князем, подражая старшему брату (с. 61). Тем не менее в 1865 г., после смерти цесаревича Николая Александровича в Ницце, кн. Мещерский на какое-то время оказался «незаменимым человеком для наследника престола, его ближайшим другом и советчиком» (с. 63). Не случайно именно ему 12 апреля вел. кн. Александр Александрович излил свои чувства, вызванные семейной трагедией¹³. Личные письма наследника престола, безусловно, представляли для кн. Мещерского особую ценность. Он бережно хранил их, а вскоре после смерти Александра III опубликовал факсимиле нескольких строк, полученных от него весной 1868 г.: «Вы можете себе представить, с каким чувством я снова приезжаю в Ниццу, которая вся с своим великолепным воздухом, морем, климатом напоминает мне самую тяжёлую минуту моей жизни. Приехать простым великим князем, а уехать наследником тяжело, и в особенности лишившись самой моей верной опоры, лучшего друга и любимейшего брата! Но что же делать, это воля Божия, и недаром мы ежедневно повторяем: *“Да будет воля Твоя”* (выделенный курсивом фрагмент подчёркнут

в подлиннике. — *Ф.М.*)¹⁴. В той или иной степени искажённые, эти слова до сих пор встречаются в биографиях Александра III без указания, кому они были адресованы.

Вел. кн. Александр Александрович довольно редко писал Владимиру Петровичу, буквально бомбардировавшему, по его собственному выражению¹⁵, своими письмами цесаревича. С одной стороны, это объяснялось напряжённым распорядком дня наследника престола, который часто был занят исполнением церемониальных и этикетных обязанностей. «Несносная жизнь, даже по утрам редко бываю свободен, — жаловался он кн. Мещерскому 15 ноября 1866 г., вскоре после своей свадьбы. — Вечно кто-нибудь представляется или откланивается. Днём бывают смотры для принцев, на которые я должен являться». «Теперь Вы можете себе представить моё молчание на Ваши письма и в каком настроении я их получал», — сетовал великий князь¹⁶. С другой стороны, он явно не был готов к полной откровенности и не без кокетства заявлял 30 июня 1865 г.: «Я признаюсь, что слишком скрытен; но что же делать, когда это мне доставляет удовольствие. Но я уверен, что если бы я был Вам известен, то Вам не доставляло бы никакого удовольствия писать мне письма и давать мне вопросы, на которые я, хотя и уклончиво, но всё-таки отвечаю»¹⁷. Противоречивость этих отношений рельефно показана в монографии.

Своего рода альтернативой переписке стало инициированное кн. Мещерским ведение и совместное с цесаревичем чтение дневников. При этом Владимиру Петровичу было важно, чтобы великий князь делился с ним не сухим перечислением событий, а «ежедневными записями чувств и впечатлений». Таким образом, по словам Черниковой, его текст должен был превратиться «из информативно-событийного в аналитический» (с. 80). Если бы это удалось, князь смог бы «читать мысли» наследника престола, но konuşязычный цесаревич так и не сумел в полной мере справиться с поставленной задачей. Однако нельзя не отметить эпистолярный характер некоторых дневниковых записей, сделанных им в периоды особой близости с кн. Мещерским. Без учёта этого обстоятельства трудно понять особенность данного дневника.

Так или иначе, как пишет Черникова, «долгие беседы, письма, записки, чтение дневников и вообще постоянное присутствие князя ставило под контроль всю жизнь молодого цесаревича» (с. 81), которого это, естественно, вскоре начало тяготить. В книге показано, что уже с 1868 г. его отчуждение проявлялось всё более заметно, год спустя

кн. Мещерский тщетно интриговал против ближайшего окружения вел. кн. Александра Александровича, а в 1871 г. вынужден был прекратить попытки «влиять на жизнь великокняжеской четы» (с. 82, 85).

Не удивительно, что Владимир Петрович стремился разными способами, тщательно реконструированными исследовательницей, удержать внимание августейшего друга, предлагая ему то возглавить сбор средств для помощи голодающим (с. 86–89), то издать сборник воспоминаний участников обороны Севастополя (с. 89–91), то организовать Ремесленное училище цесаревича Николая (с. 91–94), то устраивать во дворце ёлки для бедных детей (с. 94–95), то «создать вокруг наследника как можно более широкий круг людей, из которых впоследствии тот сможет избирать своих сотрудников и помощников» (с. 96). Как справедливо указывает Черникова, «именно тогда, во второй половине 1860-х, были заложены основы политического салона Мещерского, игравшего заметную роль в жизни Петербурга в 1880–1890-е гг.» (с. 98). Наконец, ещё одним средством «политического воспитания наследника» оставались письма (с. 99–100). Впрочем, у кн. Мещерского подчас возникали сомнения в том, насколько внимательно они читались (с. 100).

Но хотя, по словам историка, «с течением времени расположение Александра Александровича, на котором единственно и держалось положение Мещерского при дворе, всё более падает» (с. 127), сам князь требовал абсолютного доверия и даже шантажировал цесаревича прекращением дружбы, одновременно компрометируя его публичными заявлениями об оппозиционности своего кружка правительственному курсу. «Последней каплей, переполнившей чашу терпения наследника», оказалась «чрезмерная настойчивость Мещерского в просьбе субсидировать задуманное им создание собственного печатного органа», что и привело к решительному разрыву в марте 1873 г. (с. 128). Черникова убедительно показала, что, вопреки распространённому мнению, в 1870-е гг. наследник престола не оказывал материальной поддержки «Гражданину» (с. 130). Помогать изданию деньгами Александр III начал только в 1882 г. (с. 243).

Тем не менее практически всё это время князь продолжал писать ему письма (с. 132–133), которые цесаревич, по-видимому, читал (по крайней мере, в записной книжке, куда он записывал полюбившиеся стихи, сохранились произведения Владимира Петровича «Рушукский отряд» и «Дума на святках», присланные 26 декабря 1877 г.¹⁸). А в мае 1883 г. — «впервые после 10-лет-

него перерыва» — император вновь принял кн. Мещерского (с. 307). В целом же, по словам Черниковой, «роль его для становления Александра III как политического деятеля была весьма значима» (с. 134).

Разумеется, что в обширном исследовании неизбежно встречаются мелкие неточности, не снижающие значения проделанной работы. Так, говорится, что Училище правоведения, в котором в 1850–1857 гг. учился кн. Мещерский, «подобно лицеям», «давало своим выпускникам чин на класс выше, чем университет, для которого высшей планкой был X класс» (с. 40). Между тем право на получение чина IX класса давало лишь отличное окончание Александровского лицея, тогда как выпускники Ришельёвского, Нежинского и Демидовского лицеев в указанный период могли рассчитывать в лучшем случае на чин XII класса. Герцог Николай Максимилианович Лейхтенбергский не ездил «с императором и его детьми в путешествие по России» (с. 54). Не совсем убедительно звучит предположение, будто «почвой для сближения» кн. Мещерского с вел. кн. Владимиром Александровичем в 1860-е гг. «стала литература». Обосновывается же оно лишь тем, что «Мещерский отделял письма тщательнее, т[ак] к[ак] тот попросил князя писать ему “литературно”» (с. 59–60). Цитируя по очерку Н.А. Рабкиной письмо Победоносцева, в котором говорилось о разочаровании в реформах (с. 103), Черникова, в отличие от Рабкиной, датировала его 14 декабря 1866 г., в то время как оно было написано в 1864 г. и предназначалось не Е.Ф. Тютчевой, а её старшей сестре Анне. Датировка же тут особенно важна, поскольку письмо свидетельствует о том, что Победоносцев и его единомышленники «изверились» в преобразованиях ещё до выстрела Д.В. Каракозова¹⁹. Но всё это не портит «Портрет на фоне эпохи», который подводит итог изучению биографии кн. Мещерского в последние десятилетия и, несомненно, послужит надёжной опорой для дальнейших исследований.

Примечания

¹ *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М., 2011; *Мещерский В.П.* Письма к великому князю Александру Александровичу, 1869–1878. М., 2014; *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894. М., 2018.

² См., например: *Кочукова О.В.* «Россия под пером замечательного человека»: Письма В.П. Мещерского великому князю Александру Александровичу из служебных командировок по России // *Известия Саратовского универси-*

тега. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. Т. 13. 2013. Вып. 3. С. 20–27.

³ *Карцов А.С.* Русский консерватизм второй половины XIX – начала XX вв.: (князь В.П. Мещерский). СПб., 2004; *Леонов М.М.* Салон В.П. Мещерского: патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара, 2009; *Дронов И.Е.* Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В.П. Мещерского. М., 2009; *Пронина И.А.* Князь В.П. Мещерский: консервативная оппозиция великим реформам. Волгоград, 2013.

⁴ *Дронов И.Е.* Консервативный проект... С. 10.

⁵ Там же. С. 8. Расходясь в написании фамилии автора статьи, Дронов и Черникова указывают, что она была опубликована в 1981 г. в № 3 «Славистического и восточно-европейского журнала», хотя она появилась лишь в № 4.

⁶ *Дронов И.Е.* Консервативный проект... С. 12.

⁷ *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010 (обсуждение книги см.: Российская история. 2013. № 1); *Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 325–339 (обсуждение книги см.: Российская история. 2014. № 2); *Ведерников В.В.* К.П. Победоносцев – публицист «Гражданина» // *Победоносцев К.П.* «Будь твёрд и мужествен...». Статьи из еженедельника «Гражданин» 1873–1876. Письма. СПб., 2010. С. 5–53; *Астанков В.А.* Государственная деятельность цесаревича Алек-

сандра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014; *Kołodziejczak A.* «Moje wspomnienia» księcia Włodzimierza Mieszczerkiego: poetyka, portret elity rosyjskiej, wizja kultury polskiej. Białystok, 2016.

⁸ *Мещерский В.П.* Письма... 1863–1868. С. 231.

⁹ *Мещерский В.П.* Мои воспоминания. М., 2003. С. 669.

¹⁰ ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 3233, л. 41 об. В подлиннике по-французски.

¹¹ *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. М., 2010. С. 103.

¹² Correspondence: Grand Duke Nikolai Alexandrovich Romanov and Vladimir Petrovich Meshchersky // *New Zealand Slavonic Journal.* 2003. Vol. 37. P. 257–280.

¹³ «Ужасный день смерти брата... останется для меня лучшим днём моей жизни»: Письмо будущего императора князю Мещерскому // *Родина.* 2015. № 2. С. 11–12.

¹⁴ Император Александр III. М., 1894 (вклейка между стр. 264 и 265).

¹⁵ *Мещерский В.П.* Письма... 1863–1868. С. 578.

¹⁶ ОР РГБ, ф. 178, к. 7733, д. 1, л. 1 об., 2.

¹⁷ ОР РНБ, ф. 650, оп. 1, д. 1504, л. 1 об.

¹⁸ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 253, л. 4 об.–7; *Мещерский В.П.* Письма... 1869–1878. С. 550–553.

¹⁹ ОР РГБ, ф. 230, к. 5273, д. 2, л. 12 об.

* * *

Дмитрий Андреев

Атипичный консерватор

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Atypical conservative

DOI: 10.31857/S086956870001585-4

После выхода в постсоветское время нескольких монографических работ, посвящённых разным аспектам общественно-политической деятельности и публицистики одного из самых известных консерваторов конца XIX – начала XX в. – кн. В.П. Мещерского, фундаментальный труд Н.В. Черниковой подводит итоги изучения этой фигуры. Правда, по словам исследовательницы, «говорить о

всесторонней разработанности темы до сих пор нельзя», поскольку историки продолжают заинтересованно спорить о политических взглядах и уровне влияния князя (с. 5). При таких условиях, пожалуй, особенно важна вторая половина книги, в которой рассматривается роль Владимира Петровича в царствования Александра III и Николая II, так как именно тогда окончательно оформи-

лась его мировоззренческая позиция, а политическое влияние, пусть и не отличавшееся стабильностью, достигло апогея.

Как утверждает исследовательница, вопреки укоренившемуся в научной литературе мнению о лицемерии Мещерского, во взаимоотношениях с другими людьми его скорее отличала прямота, а интриганство, напротив, было ему чуждо (с. 444). Это проявлялось и в политических пристрастиях князя. Так, его монархические взгляды были тверды, последовательны и в основе своей глубоко религиозны, что, в частности, подтверждается теми доводами, с помощью которых он пытался убедить Александра III не затягивать с коронацией после восшествия на престол (с. 269). Вместе с тем монархизм кн. Мещерского имел явный славянофильский оттенок и, в частности, в «общественной самостоятельности» он видел «средство единения императора с народом» (с. 271). А.А. Тесля объясняет «специфические колебания князя» — неожиданное согласие с игнатовским проектом Земского собора в 1882 г., а затем и с Манифестом 17 октября 1905 г., ограничивавшим самодержавие, — «безоговорочной поддержкой» любых царских решений¹. Однако в этих «колебаниях» проявлялись и надежды Владимира Петровича на благие плоды «общественной самостоятельности», и присущий ему антибюрократический пафос. Всё же едва ли его постоянная иступлённая борьба с «министерским бюрократическим деспотизмом» (с. 354) объяснялась исключительно личными интересами и стремлением обеспечить своё влияние, основанное на умении устанавливать и поддерживать неформальные отношения с нужными людьми (с. 311). Черникова смогла убедительно показать, как принципы и индивидуальные особенности поведения формировали у кн. Мещерского те самые представления о норме и идеале, которыми затем и оправдывались.

Специфические взгляды князя отчётливо выразились в своеобразном «внепартийном» характере его «политической и литературной» «газеты-журнала» «Гражданин», сначала только выпускавшейся, а затем и редактировавшейся Владимиром Петровичем. В книге досконально разобрано, как обеспечивалось финансирование издания, что влияло на его позицию в той или иной ситуации, каким образом осуществлялась обратная связь с целевой аудиторией и т.д. Учитывается и то, в каком контексте всё это происходило. Вскоре после начала выхода «Гражданина» вел. кн. Александр Александрович разорвал отношения с кн. Мещерским, которому пришлось свер-

нуть участие в ряде дел и понести из-за этого убытки. В то же время выпуск «Гражданина» стал для него исключительно важен и как способ «самореализации», и как основной и осязаемый продукт публичной деятельности (с. 140). Конечно, сознательное вступление на стезю журналистики неизбежно влекло за собой новые репутационные издержки (с. 142–143), однако именно в первые годы существования «Гражданина» (пусть и при других редакторах) сформировался публицистический почерк князя — экзальтированный, резкий, балансировавший на грани допустимого и вместе с тем не чуждый сентиментальности. «Его публицистика, — пишет Черникова, — всегда была слишком эмоциональна, статьи недостаточно продуманы и небрежно исполнены, в них легко можно было найти множество несурзностей и передержек. Всё это стало основой репутации Мещерского-публициста, наиболее примечательной характеристикой сочинений которого называли их алогичность, непроверенность фактов, произвольность и категоричность выводов» (с. 469). По этим чертам в более позднее время легко угадывалось авторство его «дневниковых» заметок. Но, несмотря на всё это, как полагает Черникова, «стройная система взглядов, которую он пронёс через всю жизнь, позволяет с уверенностью назвать князя В.П. Мещерского одним из идеологов русского консерватизма» (с. 468). Только он отнюдь не напоминал дремучего реакционера, каким его считали в советской историографии, и, редактируя «Гражданин», регулярно выходил за «жёсткие рамки» журналистских партий (с. 230–231). Более того, приведённые в книге факты свидетельствуют о непростых взаимоотношениях данного издания с цензурой и убедительно опровергают представление о том, что оно имело официозный характер (с. 253–260).

Тем не менее нельзя согласиться с утверждением Черниковой, будто кн. Мещерский колебался между прыжками к реформам и приверженностью самодержавным идеалам от безысходности и необходимости в начале XX в. «искать новые подходы к решению назревших проблем», считаясь с «принципиальной склонностью правительства и лично Николая II к реформам» (с. 359). Говоря об этой «принципиальной склонности», исследовательница почему-то ссылается исключительно на более чем спорные суждения С.В. Куликова, не учитывая более взвешенные оценки других историков. Между тем неожиданные заявления князя, включая поддержку нового строя, провозглашённого 17 октября 1905 г., похожи не столь-

ко на неуверенные и лихорадочные поиски новой политической ниши, сколько на попытки, часто неуклюжие, усмотреть в происходивших переменах нечто, способствовавшее укреплению самодержавия и позволявшее побороть бюрократического «монстра» (с. 395–398). Черникова верно отмечает, что «активно употребляемая Мещерским “либеральная” лексика» на самом деле обладала «отличным от общепринятого внутренним наполнением», соответствовавшим устойчивым убеждениям Владимира Петровича (с. 363). Да и о необходимости серьёзных преобразований он заговорил за несколько лет до революционных событий 1905 г. В инициированном им Манифесте 26 февраля 1903 г., текст которого после доработки министром внутренних дел В.К. Плеве стал более умеренным, намечались крупные реформы (с. 363–367), пусть и несравнимо менее радикальные, чем осуществлённые в 1905–1906 гг.

Как известно, политическое влияние кн. Мещерского было обусловлено прежде всего его особыми личными отношениями с двумя последними самодержавцами. Их формирование и развитие внимательно рассмотрены Черниковой, сумевшей преодолеть многие стереотипы и дать, как правило, взвешенные и обоснованные оценки. Впрочем, отдельные её обобщения спорны. Например, действительно ли дружба Александра III и кн. Мещерского объяснялась тем, что монарх плохо представлял себе реальное положение дел в стране и нуждался в независимом источнике информации, не исходившей непосредственно от правительственной бюрократии? В монографии это подтверждается лишь словами гр. И.И. Воронцова-Дашкова и публицистическими сочинениями (с. 309–310), которых всё же явно недостаточно. Трудно согласиться и с тем, что «ходатайства редко достигали императора, спускаясь в соответствующие ведомства и ниже» (с. 310). Как раз при Александре III была в очередной раз преобразована Канцелярия прошений, на высочайшее имя приносимых, куда, минуя все бюрократические инстанции, поступали обращения подданных. Насколько эффективно действовало это учреждение, сказать сложно, но оно существовало, а в самом конце XIX в. даже стало причиной препирательств среди высших сановников².

В целом, Черникова не склонна преувеличивать степень влияния кн. Мещерского на Александра III, справедливо указывая, что император отнюдь не всегда сверялся с княжескими советами. Во всяком случае, точно установить, какова была роль кн. Мещерского

даже в тех назначениях, которым он мог сочувствовать, довольно трудно. Сомнительно также, что именно царствование Александра III оказалось для Владимира Петровича «периодом наибольших возможностей» из-за укоренившегося в обществе мнения о силе его рекомендаций (с. 321). Влиятельность, конечно, зависит от слухов и пересудов, но определяется вовсе не ими. А «наибольшие возможности» у кн. Мещерского появились скорее уже при Николае II, хотя их отношения не всегда были равными и одинаково близкими и доверительными. После смерти Александра III дистанция между царём и министрами заметно уменьшилась – во всяком случае, поначалу они стали держаться более свободно, чему способствовала и ощутимая разница в возрасте с молодым самодержцем. Соответственно возросла ценность связей князя с окружением монарха, открылись новые перспективы.

Однако первые годы нового царствования сложились для Владимира Петровича не самым благоприятным образом. Н.В. Черникова вслед за И.Е. Дроновым (почему-то не ссылаясь в данном случае на его публикацию³, но цитируя при этом те же самые источники) признаёт, что князь оказался скомпрометирован громкой отставкой министра путей сообщения А.К. Кривошеина, возвышению которого ранее способствовал и редактор «Гражданина». Вскоре обнаружилась и его причастность к махинациям Кривошеина (с. 323, 414–415). Причём скандал раздул близкий к салону кн. Мещерского государственный контролёр Т.И. Филиппов (с. 415–416)⁴. Всё это на несколько лет сделало императорские резиденции недоступными для Владимира Петровича. Ситуация стала меняться в лучшую для него сторону лишь после того, как МВД возглавил Д.С. Сипягин (с. 416–417).

При этом в основе близости кн. Мещерского с Сипягиным, как показано в книге, лежал не только прагматичный расчёт, но и свойственный им обоим антибюрократический настрой (с. 360). Сложнее было наладить взаимодействие с преемником Сипягина – Плеве: они с князем давно знали друг друга, причём Владимир Петрович в своих письмах едко критиковал Вячеслава Константиновича за «иезуитизм» и приверженность к административным методам и решениям. Тем не менее им приходилось сотрудничать, говоря Манифест 26 февраля 1903 г. и реформу местного управления. Ситуация ещё более осложнилась из-за конфликта главы МВД с министром финансов С.Ю. Витте, который идеологически был го-

раздо ближе кн. Мещерскому (с. 369–373, 435–436)⁵. Поэтому начавшиеся после гибели Плеве «метания» редактора «Гражданина» и критика им «официального консерватизма» убитого сановника объяснялись не спонтанным порывом или конъюнктурой общественных настроений, а выношенными и накопившимися претензиями, вполне соответствовавшими мировоззрению князя. Любопытно, кстати, что именно он в начале августа 1904 г. заговорил про «доверие», которое стало лозунгом политического курса кн. П.Д. Святополка-Мирского (с. 373).

По мнению Черниковой, «период наибольшей близости» кн. Мещерского к Николаю II пришёлся на 1902–1904 гг. Тогда царь, общавшийся с ним совершенно иначе, чем отец — без «оттенка снисходительности и жалости» (с. 417), на «ты» (с. 418), — «советовался с князем относительно некоторых назначений, выслушивал его замечания по отдельным проектам», хотя и «неизменно оставлял решение за собой» (с. 430). Неслучайно в это время кн. Мещерский почувствовал себя более раскованно, что сразу же красноречиво выразилось в стилистике его писем, в которых даже появились рассуждения о «тайном оборонительном союзе» с императором (тогда как Александру III он предлагал в ноябре 1888 г. заключить «новый завет»)⁶.

И всё же основную причину укрепления позиций кн. Мещерского, по-видимому, следует искать не в тех или иных его происках и не в помощи Сипягина, а в действиях самого царя: в первые годы XX в. он приблизил французского лекаря, мистика и гипнотизёра Ф.Н. Вашоля, более известного как «месье Филипп» (с. 418–421), чуть ранее познакомился с А.А. Клоповым, сделав его своим неформальным советником, а несколькими годами позже обратил внимание на Г.Е. Распутина. Потребность Николая II, особенно до реформ 1905–1906 гг., в подобных конфидентах, чуждых официальным правительственным структурам, очевидна. В этом контексте следует рассматривать и его контакты с кн. Мещерским, который к тому же не стал для монарха совершенно новым человеком.

В монографии оспаривается мнение В.С. Франка о том, что князь «приспособил свою концепцию самодержавной власти к “смутным, не до конца осознанным политическим эмоциям последних государей”». По словам Черниковой, «созвучие» позиции редактора «Гражданина» идейным предпочтениям Александра III и Николая II «с наименьшим основанием можно объяснить простым совпадением или даже влиянием

Мещерского на становление системы взглядов этих императоров» (с. 417). Разумеется, нетрудно допустить «простое совпадение», однако роль Владимира Петровича в «становлении» мировоззрения Александра III и Николая II не стоит преувеличивать. Они обладали не «смутными, не до конца осознанными политическими эмоциями», а своему цельными, хотя и достаточно простыми, представлениями о государственном устройстве Российской империи и делали всё для того, чтобы такими же убеждениями проникались их супруги. Так, записка о самодержавии, написанная на французском языке обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым, поданная им императору в январе 1895 г. и, вероятно, предназначавшаяся для императрицы Александры Фёдоровны⁷, убедительно подтверждает вывод исследовательницы о том, что «князь не только не был единственным, но и был далеко не первым, кто поддерживал Николая II в его понимании самодержавия» (с. 424). И уже поэтому сравнению политических идеалов кн. Мещерского и Победоносцева следовало бы уделить особое внимание. Не менее интересным стало бы также сопоставление позиций кн. В.П. Мещерского и М.Н. Каткова в 1870–1880-е гг. А обращение к работам А.Э. Котова и А.Ю. Полунова существенно облегчило бы решение данных задач⁸.

Н.В. Черникова изображает кн. В.П. Мещерского нетипичным и гибким, но вместе с тем стойким и последовательным консерватором, отстаивавшим свои ценности, понимаемые не всегда общепринятым образом (с. 468). Написанная ею биография, безусловно, удалась, а выводы исследовательницы представляют несомненный интерес для изучения истории внутренней политики самодержавия и общественной мысли России второй половины XIX — начала XX в.

Примечания

¹ *Тесля А.А.* Н.В. Черникова. Портрет на фоне эпохи: Владимир Петрович Мещерский. М., 2017 // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2018 год. М., 2018. С. 603–604.

² См.: *Ремнёв А.В.* Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. 1997. Омск, 1998. С. 17–35.

³ «Россия не созрела даже для совещательной Думы». Письма князя В.П. Мещерского к императору Николаю II. 1902–1907 гг. / Публ. И.Е. Дронова // Исторический архив. 2005. № 6. С. 34.

⁴ В воспоминаниях, написанных спустя много лет, кн. Мещерский продолжал настаи-

вать на невиновности Кривошеина и утверждал, что тот стал жертвой неблагоприятных интриг. Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Дело Кривошеина (1894 г.): взлёт и падение «ростовского Кречинского» // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2013. № 2. С. 15–32.

⁵ Остаётся сожалеть, что в книге не рассмотрено участие кн. Мещерского в распространении, как минимум, двух из известных четырёх версий того, как и почему в августе 1903 г. Витте покинул Министерство финансов. Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Правительственная «перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2. Ч. 1. С. 208–215; *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2016. С. 883–884.

⁶ *Мещерский В.П.* Письма к императору Александру III, 1881–1894 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2018. С. 638.

⁷ Подробнее см.: *Соловьёв Ю.Б.* Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 311–318; *Андреев Д.А.* Победоносцеву был органически присущ морально-этический максимализм // Российская история. 2013. № 1. С. 118.

⁸ *Котов А.Э.* Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: опыт ведения общественной дискуссии. СПб., 2010; *Котов А.Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016; *Полунов А.Ю.* Победоносцев. Русский Торквемада. М., 2017; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010 (обсужденные книги см.: Российская история. 2013. № 1. С. 91–119).

Алексей Васильев

Рец. на: Р. Дмовский. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Алетейя, 2017. 208 с.

Aleksey Vasiliev

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Institute of Central-East Europe, Lublin, Poland)

Rec. ad op.: R. Dmowski. Germania, Rossia i Pol'skiy vopros. Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870001586-5

Анализируя историю Польши межвоенного периода, известный английский исследователь Н. Дэвис пишет, что полное описание политического спектра страны потребовало бы создания небольшой энциклопедии. Однако при этом никого «невозможно сравнить по значению с двумя людьми, личности и идеологии которых доминировали от начала до конца. Этими двумя были Роман Дмовский и Юзеф Пилсудский»¹. Действительно, они составляли «бинарную оппозицию», системообразующую для Второй Речи Посполитой. Более того, их образы, идейное наследие и созданные ими организации не только влияли на общественную жизнь рубежа XIX–XX вв., но и по сей день остаются важнейшими элементами политической культуры и «местами па-

мяти», вокруг которых складывается и поддерживается идентичность самых широких кругов общества. Отношения Пилсудского и Дмовского были таковы что, когда в 1935 г. первый умер, второй – один из отцов государства, бывший министр иностранных дел, лидер влиятельного движения – не получил приглашения на похороны. В свою очередь, на похоронах Дмовского в 1939 г. не присутствовал ни один представитель правительства. И даже сегодня по улицам польских городов проходят демонстрации с лозунгами типа «Дмовский – не мой герой!», но можно встретить и немало людей в футболках с его портретами и цитатами.

Вместе с тем «освоение» этих двух фигур отечественной историографией крайне неравномерно. Пилсудский присутствует в ней 207

в гораздо большей степени, прежде всего благодаря наличию нескольких качественных научных биографий, изданных на рубеже XX–XXI вв.² Кроме того, в массовом историческом сознании продолжает жить образ «пилсудчиков» и их вождя, созданный советской пропагандой. Дмовскому повезло гораздо меньше. На него обращают внимание прежде всего в контексте истории Государственной думы, членом II и III созыва которой он был в 1907–1909 гг., возглавляя польскую фракцию («коло»). Примером этого может служить вступительная статья к рецензируемому изданию профессора К.А. Соловьёва. Без сомнения, изучение деятельности Дмовского важно для истории российского парламентаризма. Однако концентрация только на этом аспекте неизбежно деформирует представление о нём как о политической фигуре. Между тем в Польше (не говоря уже об эмигрантской и мировой историографиях) исследование жизни и деятельности Дмовского началось ещё в 1970-х гг., а в последние годы особенно активизировалось.

Поэтому публикацию одного из важнейших текстов этого политика и публициста – равно как любые усилия по введению его фигуры в контекст отечественной исторической науки – следует только приветствовать. Без серьёзного изучения его деятельности и наследия невозможно адекватное представление об истории польского национального движения, польского национализма, Второй Речи Посполитой, невозможно понять и современную общественно-политическую жизнь Польши.

Очевидно, что рецензирование текста, впервые изданного более ста лет назад и ныне переиздаваемого в обновлённом переводе, с современным предисловием и вступительной статьёй, требует иного подхода, чем рецензирование абсолютно новой книги. Анализировать и подвергать историографической критике, тем более реферировать текст с позиций современной науки было бы, пожалуй, странно. Это памятник исторической и политической мысли своего времени. Зато публикация даёт нам повод и материал для того, чтобы поразмышлять о сложной и противоречивой фигуре автора – о формировании его взглядов в широком контексте того времени, а также о том, как формировался и функционировал образ Дмовского в польской культурной памяти.

Когда-то Ю.М. Лотман сказал, что в памяти культуры тексты не хранятся, а «растут». В этом смысле мы не можем просто вернуться к тексту, каким он был опубликован в 1908 г. Мы должны реконструиро-

вать взгляды автора, а также постараться учесть все трансформации восприятия, которые имели и имеют место под влиянием исторических событий и новых культурных смыслов. Последние особенно важны для нового прочтения рассматриваемого текста – с учётом значительной временной дистанции. Впрочем, решить эту задачу в рамках рецензии невозможно, понадобилась бы историко-культурологическая биография Дмовского. Однако поставить задачу и наметить пути её решения можно попытаться.

Интересующая нас книга была написана Дмовским довольно быстро, в августе–сентябре 1907 г. в Швейцарии, в местечке Глион сюр Монтре на берегу Женевского озера, и вышла во Львове годом позже. Книга предназначалась прежде всего иностранному читателю и отражала поиски новой тактики борьбы после бурных событий 1904–1907 гг.

Основной темой работы стала «немецкая угроза». Дмовский считал её естественным следствием «стихийного» развития немецкой нации после появления объединённой Германии. Главным препятствием для экспансии германизма в Центральной и Восточной Европе автор считал «польский элемент». Ни Австро-Венгрия, ни Россия – давние объекты немецкого политического, экономического и культурного влияния – таковыми быть не могли. Из чего делался вывод – всякая антипольская политика, прежде всего российская, служит интересам Германии. Как полагает один из ведущих современных исследователей идей и политической деятельности Дмовского К. Кавалец, политик из тактических соображений старался представить курс российских властей как навязанный «настоящим россиянам» многочисленными немецкими чиновниками в имперской администрации³.

Спротивление «немецкой экспансии» могло эффективно осуществляться только при восстановлении независимого Польского государства в границах 1772 г. Однако шанс на это появлялся лишь при столкновении между Германией, Австро-Венгрией и Россией. В условиях начала XX в. это означало мировую войну. Поэтому обострение отношений европейских держав, складывание антагонистических блоков (Тройственного союза и Антанты), «военные тревоги» вселяли в польских политиков надежды. Но одновременно возникла необходимость сделать «рискованную ставку» – связать проекты объединения польских земель с победой одной из сторон. Собственно, политический антагонизм Дмовского и Пилсудского и проявился в том, что первый встал на сторону Антанты, а второй предпочёл союз с Австро-Венгрией и Германией.

Именно в этом контексте и следует понимать стремление Дмовского к диалогу и поискам взаимопонимания с российскими властями, участие в политике, попытки включиться в международное славянское движение. Именно эта концепция и нашла отражение в рассматриваемой книге.

Славянское движение (с активным включением в него «польского элемента») представлялось Дмовскому полезным: с одной стороны, оно носило отчётливо антинемецкий характер, с другой, вовлечение в него России сделало бы невозможным проведение активной русификаторской политики на территории бывшего Царства Польского. Поэтому Дмовский поддержал чешскую инициативу созыва в Праге Славянского съезда (июль 1908 г.). Однако форум показал бесперспективность его надежд на изменение политического курса «перед лицом общего немецкого врага». Российская делегация под руководством гр. В.А. Бобринского последовательно отстаивала идею русификации «восточных окраин» (кресов) и польских территорий в составе Империи.

Съезд прошёл в обстановке нарастающего напряжения, непосредственно перед «боснийским кризисом», вызванным аннексией Боснии Австро-Венгрией 5 октября 1908 г. Но этот кризис не привёл к мировому конфликту, в результате Дмовский утратил интерес к славянскому движению и в следующем Славянском съезде в Софии (1910) польская делегация уже участия не принимала. «Славянская идея» как таковая, вне инструментального политического использования, Дмовского не занимала. Более того, он считал неприемлемыми проекты польской идентичности, основанные на этнической традиции, фольклоре и т.п. Польская идентичность должна быть политической, основанной на памяти об исторической государственности и стремлении к восстановлению своей державной роли в европейской политике. Государство для развития нации необходимо, без него она деградирует до состояния «этнографического племени».

Встречающиеся довольно часто (в том числе и в Польше) — и питаемые, прежде всего, поверхностным знакомством с рецензируемой книгой — представления о пророссийской/русофильской позиции Дмовского необоснованны. Ориентация на Россию также носила у него конъюнктурно-политический характер (как, впрочем, и ориентация Пилсудского на «центральные державы»). Он действительно критиковал романтическую «повстанческую традицию» и выступал против новых восстаний на польских

территориях Российской империи. Однако связано это было прежде всего с опасениями, что таковые повернут Россию в сторону Германии и создадут основу для российско-немецкого союза, отдалив тем самым перспективу конфликта двух империй и мировой войны. Опора на Россию, по мысли Дмовского, была возможна лишь в расчёте на её конфликт с Германией (при поддержке западных союзников — Франции и Англии).

При этом на будущее российской государственности Дмовский смотрел с пессимизмом (который был скорее оптимизмом, если иметь в виду планы восстановления Польши). Он полагал, что империя расширилась настолько и поглотила такое количество территорий и народов, что ей не удастся удержать и «переварить» оные без решительной реформы государственного управления, в частности резкой децентрализации власти. Поскольку же российская политическая традиция такова, что ни отказаться от дальнейшей экспансии, ни пойти на реформы империя не сможет, её ждут постепенное ослабление, кризис, отпадение окраин и переход в статус второстепенной державы. Европеизацию России он считал довольно поверхностной, а суть её культуры — весьма далёкой от европейских ценностей (в чём-то этот постулат перекликается с идеей О. Шпенглера о «петровской псевдоморфозе» русской культуры). Сам Дмовский в культурно-цивилизационном отношении ориентировался на «романскую» Европу, полагая, что современная ему Европа находится в кризисе именно потому, что далеко отошла от римского идеала гармонии личной свободы и коллективизма.

Главным «достоинством» России, с точки зрения политических проектов Дмовского, является то, что по сравнению с Германией она слаба, плохо управляется, не имеет такого мощного потенциала экономической и культурной экспансии, а власть обладает особой способностью создавать «в каждой сфере безвыходную ситуацию». Это сочетается с жестокостью, неуважением прав оппозиции и проч. Во внешней политике Россия, по мнению Дмовского, будет сталкиваться с растущими проблемами на Дальнем Востоке (угроза со стороны Японии, а в перспективе и Китая). Именно поэтому польская национальная политика должна делать акцент на немецкой, а не на российской угрозе. Однако для реализации его проекта упадок России был также необходим, как и поражение Германии. И с течением времени Дмовский всё больше ориентировался на Англию и Францию, ожидая от них помощи в решении «польского вопроса». Вкупе

с тем, что многие из мрачных наблюдений и прогнозов оказались весьма точными, политика трудно заподозрить в романтической «руссофилии».

Вообще, взгляды Дмовского меньше всего диктовались «-филиями» и «-фобиями». Они определялись жёстким прагматизмом и концепцией «национального эгоизма». На последней стоит остановиться подробнее. Она была сформулирована Дмовским в начале его пути как общественно-политического деятеля в двух работах: «Мысли современного поляка» (1902) и «Основания польской политики» (1905). Кстати, одновременно схожие идеи развивал его соратник, один из основателей Национальной лиги, довольно известный в своё время социолог З. Балицкий в работе «Национальный эгоизм в отношении этики». Однако последняя не пользовалась большой известностью и популярностью в силу сложного языка и наукообразного стиля. Труды же Дмовского стали своеобразным «катехизисом польского национализма». Следует отметить, что в теоретическом отношении лагерь Дмовского вообще был сильнее «пилсудчиков». Его лидер обладал талантами лектора и популяризатора. Рецензируемая книга местами напоминает учебное пособие, сжато и ясно излагающее исторические сюжеты.

«Национальный эгоизм» стал одной из двух главных версий «польского пути». Второй явилась модель Пилсудского, приверженная общечеловеческим целям и идеалам. Однородной польско-католической Польше Дмовского противостояла Польша Пилсудского — поликультурная, полиэтничная и многоконфессиональная федерация народов. «Польскость» для Пилсудского означала прежде всего идентификацию с политической традицией и ценностями «ягеллонской» Речи Посполитой. По мнению Дмовского же народ должен быть однороден в культурном, языковом и конфессиональном отношении, а все элементы, не поддающиеся полонизации — остаться за границами государства (одним из первых при этом, конечно, сразу же возникал «еврейский вопрос»).

Многое во взглядах Дмовского по сей день остаётся привлекательным для приверженцев более или менее радикальных версий национализма, отталкивая сторонников левых или либеральных взглядов. Научной задачей, однако, является их понимание в интеллектуальном контексте эпохи.

Общей «рамкой» для становления национализма в версии Дмовского была ситуация кризиса основ классической европейской мысли, получивших наиболее законченное

воплощение в XIX в. Это представления о единстве человечества, его прогрессе, стремлении к свободе и рациональному устройству жизни как конечной цели цивилизации. В политике они воплощались в идеалах прогрессизма и либерализма, которые так или иначе разделялись не только либералами, но и левыми, и даже консерваторами. Однако на переломе XIX—XX вв. все эти идеи подверглись острой критике. Одним из продуктов нового, «кризисного мышления» явилась идея существования культур/цивилизаций как особых организмов, обладающих специфическим «духом», взаимно непроницаемых и даже враждебных. Достаточно вспомнить сочинения Шпенглера, Н.П. Данилевского, а в польском случае — Ф. Конечного. Под этим влиянием и родились идеи Дмовского о противоположности России и Европы, о Польше как «поле битвы» этих цивилизаций, необходимости борьбы за польскую принадлежность к европейской цивилизации.

Другим источником взглядов Дмовского был социологический реализм и антииндивидуализм, характерный для социальной мысли того времени и выраженный в работах, например, Л. Гумпловича или Э. Дюркгейма. Дмовский декларировал, что народ — не «мертвая цифра» и не совокупность единиц, а живое историческое целое, в отношении которого индивид имеет обязанности. Быть поляком — значит иметь «польские обязанности». Это довольно далеко от либерального национализма XIX в., который идею нации связывал с идеей свободы и писал на своих знамёнах знаменитый польский лозунг «За нашу и вашу свободу». Дмовский разделял представления «интегрального национализма», полагая, что интересы нации должны стоять выше личной свободы её членов, а интересы других наций вообще не должны приниматься во внимание. В международных (межнациональных) отношениях господствует социал-дарвинизм (Дмовский окончил естественный факультет Варшавского университета). Христианская этика касается только отношений человека с Богом и человека с человеком, но не отношений человека с народом и народов друг с другом. Эта концепция в принципе не могла не вести к нравственному релятивизму, и со временем Дмовский постарался смягчить свои взгляды, понимая, что истинная христианская религиозность плохо совместима с «национальным эгоизмом».

Анализ можно продолжить, но в принципе сказанного достаточно, чтобы определить национализм Дмовского как вполне закономерный продукт кризиса европейской

интеллектуальной культуры на переломе веков. Стоит остановиться на нескольких характеристиках, наиболее часто звучащих в отношении Дмовского и призванных стигматизировать его в глазах оппонентов. Это профашистские симпатии, антисемитизм и расизм. Следует рассмотреть их конкретно-исторически, не пытаясь вынести обвинительный или оправдательный приговор.

Первое обвинение представляется необоснованным. Отношение Дмовского к Германии как к главной угрозе для Польши и идея неразрывной связи католицизма и «польскости» исключали для него возможность симпатизировать А. Гитлеру. Позитивные же высказывания о Б. Муссолини относятся к 1920-м гг., когда итальянским фашизмом интересовались многие вполне уважаемые интеллектуалы и политики. Этот интерес следует рассматривать в контексте общего кризиса либерализма и парламентаризма в межвоенный период, особенно в Центральной и Восточной Европе. Кризиса, который заставлял многих видеть в фашизме единственную альтернативу большевизму. Кроме того, Муссолини не мог не импонировать политикам авторитарно-элитистского склада, каким был Дмовский, и стоит отметить, что в числе близких к его режиму теоретиков были классики элитизма – В. Парето и Г. Моска.

Это же объяснение применимо и к обвинениям в расизме. Понятие «раса» вообще было частью лексикона теоретиков и политиков того времени, однако употреблялось довольно расплывчато и широко. Например, далеко не всегда под расой понималась группа, объединённая биологическими признаками. Чаще этот термин использовался для характеристики историко-культурной общности (и именно так его употреблял Дмовский).

А вот антисемитизм действительно был одной из ярких черт взглядов политика. «Еврейский элемент» он считал мало поддающимся полонизации и тем самым угрожающим единству и целостности народа. Он, судя по всему, действительно верил в мировой еврейско-масонский заговор (в том числе и против Польши), говорил об этом

в своих интервью во время Версальской конференции и даже написал повесть (опубликованную, правда, под псевдонимом) «Наследство», в которой главный герой с этим заговором борется. Дмовский, конечно, мог бы занять достойное место на страницах «Пражского кладбища» У. Эко. В свете этого с некоторой иронией читаются в рецензируемой книге упреки политика в адрес властей Российской империи, которые «объявили войну своему шестимиллионному предпринимчивому, подвижному и сильному населению».

Идеи Дмовского живы. Он – один из отцов-основателей Польского государства, современные границы и этнический состав населения страны (почти однородно-польский) – практически точное воплощение проектов политика. Антинемецкий характер партийной пропаганды «народной Польши» и «борьба с сионизмом» конца 1960-х гг. также актуализировали многое из наследия Дмовского в самом, казалось бы, неожиданном для этого идеологическом контексте. В западных регионах (Великопольское воеводство, Познань) он до сих пор более популярный исторический персонаж, чем Пилсудский. Его работы стоят на полках книжных магазинов, его именем названы улицы городов. Дмовскому и Пилсудскому ставят памятники (хотя первому значительно реже, чем второму). Его взгляды являются важной частью самосознания польского общества. Остаётся только приветствовать обращение к фигуре Дмовского и российской историографии, способной внести свой вклад в изучение его личности и деятельности.

Примечания

¹ *Davies N. Heart of Europe: The Past in Poland's Present. N.Y.; Oxford, 2001. P. 116.*

² К числу наиболее важных публикаций относятся следующие: *Наленч Т., Наленч Д. Юзеф Пилсудский – легенды и факты. М., 1990; Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008; Сулея В. Юзеф Пилсудский. М., 2009.*

³ *Kawalec K. Roman Dmowski. Poznań, 2016. S. 190.*

Виталий Тихонов

Рец. на: Этнические элиты в национальной политике России / Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 477 с.

Vitaliy Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: Etnicheskie elity v natsional'noy politike Rossii. Moscow; Saint Petersburg, 2018

DOI: 10.31857/S086956870001587-6

Элитные группы и их роль в развитии государства и общества — тема традиционная для общественных наук, а элитология уже выделилась в отдельное направление исследований, в том числе и исторических. Авторы рецензируемой коллективной монографии поставили перед собой сложную задачу — показать место этнических элит в развитии российской государственности. Традиционный взгляд на элиту постулирует её гомогенность, позволяющую ей консолидироваться, занимать лидирующие позиции в обществе и, благодаря этому, противостоять врагам (контрэлитам)¹. Однако правящий слой российского государства сложно рассматривать в этом ключе, поскольку он сформировался в результате экспансии и всегда был неоднороден в этническом плане. Авторы прекрасно это понимают и сделали сознательный акцент на проблеме инкорпорации этнических элит в элиту общегосударственную.

В предисловии подчёркивается, что на первом этапе формирования многонационального государства (вторая половина XVI в.) в основном доминировала практика «истребления или насильственного отстранения от власти элитных слоёв» (с. 10). Но она показала свою неэффективность или оказалась просто нереализуемой. Поэтому уже в следующем веке был взят курс на сотрудничество с этническими элитами и опору на них в продвижении государственных интересов.

Наиболее отчётливо стратегия инкорпорации проявилась в имперский период, которому посвящена большая часть исследования. Россия тогда сочетала в себе черты современного и традиционного государства. Современное государство XVIII — начала XX в. (во всяком случае, в его идеально-абстрактной версии) стремилось организовать управление на унифицированных рациональных началах, построить гомогенную культуру-

ную среду, создать универсальные государственные и общественные институты и т.д. Российская империя действовала именно в этом направлении, однако столкнулась с сопротивлением традиционных социальных структур. Новый курс предполагал сохранение местных общественных институтов (часто весьма архаичных) и активное включение в имперский правящий класс элит национальных окраин. Формировалась система непрямого управления, характерная для колониальных держав², но имевшая свои особенности.

Проблема инкорпорации, вероятно, впервые остро встала в связи с изменением геополитической ситуации в Евразии из-за ослабления государств Чингизидов. Постепенно бывшие сюзерены и вассалы (московские князья) поменялись местами. Автор главы А.В. Беляков подробно описывает состав, статус и даже материальное содержание Чингизидов в Московском государстве. При этом он проследживает эволюцию их статуса от верховных вотчинников к служилым князьям, которых в начале XVIII в. уравнивали с российским дворянством.

Наиболее ярко практика сотрудничества с этническими элитами проявилась на Северном Кавказе и Закавказье. Глава, написанная Л.С. Гагаевой и Дж.Я. Рахаевым, показывает всю сложность взаимодействия с местными элитами, связанную не только с социокультурными различиями, но и особенностью геополитического положения региона между тремя государствами — Османской и Российской империями и Ираном. Это приводило к тому, что многочисленные кавказские правители играли на противоречиях великих держав, заключая соглашения и объявляя себя вассалами то одних, то других. Российское правительство делало ставку на стремящиеся перейти под её протекторат народы и опиралось на местную аристократию (весьма неоднородную). «Мирные»

горцы в свою очередь становились опорой в борьбе с воинственными. Большое значение играли различного рода материальные и статусно-символические поощрения. Особое внимание уделялось духовенству. В целом проводилась острожная политика, направленная на привлечение христианского и мусульманского духовенства на сторону империи.

Присоединение региона поставило проблему инкорпорации кавказской аристократии в имперскую — причём не только «техническую», требующую унификации и соотнесения сложных систем титулов с общеимперской системой. Выявились важные особенности элитарного сознания в Российской империи. Сразу после окончания Кавказской войны началась дискуссия о возможности утверждения горской знати в потомственном дворянском достоинстве. Если у одних представителей имперской элиты это не вызвало возражений, то другие выступали категорически против, заявляя, что «дарование титулов... было бы величайшей политической ошибкой и унижением наших коренных русских князей и дворян... Горцы должны знать, что... только заслуги личные дают право на приобретение особых преимуществ» (с. 85). Для значительной части имперской элиты пропуском в неё считалась честная служба императорскому дому, а не просто аристократическое происхождение. Исследование показывает, что правительство поступило прагматично и инкорпорация, целью которой было замирение региона, пусть и непросто, но всё же состоялась.

Можно сделать вывод, что присоединение Кавказа, несмотря на противоречивый характер последствий, в том числе связанных с длительной войной и мухаджирством (массовой эмиграцией местного населения), дало региону заметный модернизационный импульс. Оно стимулировало переход местных народов от замкнутости традиционных политий к качественно новой идентичности — национальной.

Глава, подготовленная А.В. Марчуковым, посвящена истории формирования и инкорпорации малороссийской элиты. Этот процесс показан на широком политическом фоне и ярко демонстрирует местную специфику. Российское государство и в данном случае опиралось на верхушку малороссийского общества — казацкую старшину, близкую конфессионально и культурно этническую и социальную группу, у которой можно обнаружить элитное самосознание. Однако процесс её формирования — элитогенез — не был завершён, потому главным устремлением старшины оставалась нобилитация: признание её благородным сословием со сторо-

ны польского короля или московского царя. Впрочем, другой группе малороссийской элиты — православному духовенству — в силу религиозных факторов делать непростой выбор между Польшей и Московским царством не приходилось. В главе подробно разбирается история упразднения гетманской автономии.

Молдавская элита оказалась в центре внимания В.Я. Гросула. Исследователь показал исторические связи России и Молдавии, ставшие основой инкорпорации местной элиты в имперскую. Интересна широкая трактовка автором понятия «элита», под которой подразумевается не только социальная и политическая верхушка, но и культурная среда, рассматривается её вклад в российскую культуру.

Общие для империи тенденции в управлении национальными окраинами проявились и в отношении остзейцев (глава подготовлена Э.П. Федосовой), преимущественно немецких баронов. Именно они стали опорой монархии в Прибалтике. В то же время они делали всё, чтобы сохранить имевшиеся привилегии и даже приумножить их, яростно боролись за сохранение особого статуса. Центральная власть была вынуждена учитывать эти настроения и соблюдать сложившийся баланс интересов. Важным сюжетом очерка является «остзейский вопрос» — спор в правительственных кругах о положении остзейцев и их особых правах. Фактически данная дискуссия была посвящена вопросу о дальнейшем направлении развития империи: унификации управления или сохранении дифференциации.

В целом процесс инкорпорации представлял собой сложный процесс, и Российская империя проявляла заметную эластичность, позволявшую ей сохранять баланс между целостностью империи и культурной и социальной автономией этнических сообществ. Можно ли в таком случае говорить о единой стратегии? С одной стороны, очевидно, что многое решалось ситуативно, приходилось учитывать сложившуюся обстановку, культурную специфику и прочие особенности. Как следствие, управление национальными окраинами империи не было единым. С другой, авторы отмечают, что именно опора на элиты стала основой непростого, но в целом успешного присоединения национальных окраин к империи. Немалую роль играла и достаточно успешная презентация имперской власти перед «инородцами». Российская империя оказалась своего рода инкубатором для формирования у ряда народов национального сознания современного типа. Это, естественно, не отменяет и негативных для национальных куль-

тур последствий от нередко проводившейся насильственно русификации.

Специальная глава, написанная К.С. Дроздовым, Д.А. Аманжоловой и В.В. Трепавловым, посвящена этническим элитам в республиках СССР. После революции произошла смена парадигмы рекрутирования в «верха», теперь она основывалась на классовом происхождении. Специально рассматривается процесс элитогенеза на Украине и в Белоруссии. Выделяются следующие этапы: 1920-е – начало 1930-х гг. – период политики «коренизации», когда, собственно, и происходило формирование новых элит, и 1933–1939 гг. – период репрессий, смены «личного состава» элит. Схожие процессы, пусть и в специфической форме, наблюдались в Закавказье и Средней Азии. Специально рассматривается случай инкорпорации Прибалтики. Советская власть в большей степени была нацелена на унификацию, чем имперская, но и ей приходилось исходить из ситуативных факторов и брать в расчёт интересы национальных элит.

По наблюдениям авторов, окончательное оформление местных национальных элит пришлось на послесталинский период и в значительной степени связано с расширением полномочий республиканских административных и хозяйственных органов. В дальнейшем их формальная и неформальная самостоятельность только усиливалась. Одновременно наблюдалось снижение доли/удельного веса/представленности этнических русских в партийных и советских органах управления республик. В 1960–1980-х гг. в некоторых республиках (прибалтийских, Украине и др.) оформились две стратегии взаимоотношений с союзным центром. Одну представляли национал-коммунисты, стремившиеся отстаивать культурную и экономическую самостоятельность. Другую – сторонники общесоюзного курса на центра-

лизацию и ассимиляцию. В национальной номенклатуре наблюдался процесс складывания кланов, усиливался запрос на выражение этноидентичности – всё это «сыграло» в ходе очередного реформаторского рывка на рубеже 1980–1990-х гг.

При подготовке монографии авторский коллектив применил широкий спектр методологических подходов: институциональный, семиотический, просопографический и др. Впрочем, распределены они неравномерно. Издание удачно дополняют приложения. Биографические очерки, посвящённые представителям этнических элит, позволяют через призму контекстных биографий увидеть роль этнических элит в российской истории. Отмечу и справочные таблицы партийно-государственного руководства союзных республик СССР, составленные Д.А. Аманжоловой.

К сожалению, многие проблемы, в том числе и в силу объективных причин, не были затронуты. Так, немного внимания уделено проблеме мышления элит. Не нашла отражения проблема их этнической мобилизации, участия в культурной жизни и национально-освободительной борьбе, роли последней в распаде Российской империи. Тем не менее данное издание несомненно станет важной вехой в изучении этнических элит, а богатый фактический материал послужит основой для постановки новых проблем.

Примечания

¹ *Сергеев Е.Ю.* Современное элитоведение: итоги и перспективы // *Элиты и лидеры: Традиционализм и новаторство.* М., 2007. С. 10.

² *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 50.

Евгений Гурьев

Военнопленные в лагерях советской Эстонии*

Evgeniy Guriev

(Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Russia)

Prisoners of war in the camps of Soviet Estonia

DOI: 10.31857/S086956870001588-7

В отечественной историографии долго не уделялось особого внимания положению иностранных военнопленных в лагерях НКВД–МВД в военное и послевоенное время. Когда же стали появляться публикации ранее недоступных документов из ведомственных архивов, а также исследования, освещавшие условия жизни и быта данной категории заключённых в Советском Союзе, в них фактически не учитывались региональные особенности. Совершенно иначе подошёл к изучению темы доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета М.В. Ходяков, известный своими трудами о различных аспектах Великой Отечественной войны¹.

Выпущенная Ходяковым в 2016 г. монография – результат многолетней работы учёного, а отдельные её сюжеты ещё с 1945 г. неразрывно связаны с историей семьи Михаила Викторовича. В Эстонии прошли школьные годы автора книги. Там тогда ещё хорошо помнили о заключённых немцах и их союзниках, которых местные жители «жалели, старались подкормить, если такая возможность вдруг представлялась» (с. 6). Вместе с тем, как вспоминает Михаил Викторович, «об участии во второй половине 1940-х гг. более 70 тысяч иностранных военнопленных в восстановлении экономики республики мы не знали ничего» (с. 6). В дальнейшем, уже на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, Ходякову довелось несколько лет читать увлекательный, но очень трудоёмкий курс «Россия в мировых войнах», в одной из лекций которого рассказывалось о военнопленных, содержавшихся на территории бывшего СССР. Так и родилась идея книги, в которой рассмотрены условия пребывания, повседневная жизнь и политические настроения военнопленных вермахта и союзников Третьего рейха на территории

Эстонской ССР. При этом исследователь собрал и использовал множество разноплановых документов, хранящихся как в московских и петербургских архивах (РГВА, ЦГА СПб, Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга), так и в Государственном архиве Эстонии (ERAF) и Эстонском архиве кинофотофонодокументов (EFA), не говоря уже об опубликованных материалах и сборниках. В своих суждениях автор учитывает оценки не только отечественных, но и эстонских специалистов, в частности П. Каасика и Я. Валге, с которыми поддерживает тесные профессиональные отношения.

В приложении к монографии помещены уникальные по своей информативной ценности аналитические записки, составленные представителями советских карательных служб и позволяющие судить о реальных настроениях в среде военнопленных, которые были далеки от декларируемого многими из них антифашизма. Михаил Викторович не боится сложных и острых тем и справедливо отмечает, что заключённые нередко и в лагерях оставались убеждёнными сторонниками национал-социализма, ярко демонстрируя это во взаимоотношениях с администрацией и с той небольшой частью своих товарищей, которая пошла на контакт с советскими властями. Убедительно доказывает автор и то, что план по формированию из пленных будущего актива коммунистических партий европейских государств был изначально обречён на провал, а проделанная немалая работа по политической «перековке» узников не привела к серьёзным результатам (с. 245–246). Большинство находившихся в эстонских лагерях солдат заявляли об антифашизме и сотрудничали с начальством, превращаясь по его воле в лагерную «аристократию», след-

*Ходяков М.В. Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны в лагерях НКВД–МВД Эстонии. 1944–1949 гг. СПб.: Бумажные книги, 2016. 320 с.

ствии конформизма и приспособленчества, а вовсе не идейного перерождения или смены убеждений. В первую очередь они надеялись ускорить своё освобождение и возвращение на родину, не задумываясь всерьёз об идеологической переоценке собственных действий, и уж тем более — о дальнейшей агитации за построение «коммунистического общества». И в тот момент, когда надежда на скорую отправку домой исчезала, их отношение к русским и политике победителей резко менялось в худшую сторону.

Во всех работах Ходякова большое внимание уделяется проблеме денежного обращения и «чёрного рынка». В новой своей монографии он особо отметил, что способы оплаты труда заключённых и «чёрный рынок» стали своеобразным мостиком во взаимоотношениях немецких военнопленных с местным населением, а денежные выплаты иностранным узникам на завершающем этапе войны рассматривались руководством СССР «как один из рычагов, используемых для более активного трудового использования военнопленных» (с. 175, 193).

Ходяковым просто и ясно выстроена картина формирования лагерной системы на территории Эстонской ССР, а также освещены разногласия, возникавшие в среде местного партийного руководства при обсуждении участия заключённых в послевоенном устройстве республики. Заслуживает внимания и перечень восстановленных ими объектов, часть из которых сохранилась до настоящего времени.

Опираясь на широкую документальную базу, автор опровергает один из наиболее устойчивых мифов зарубежного массового сознания — о якобы «нечеловеческих» условиях содержания в плену и «бесчеловечных» истязаниях, которым подвергались в советских лагерях иностранные военнопленные. Отмечая, что после окончания Второй мировой войны они являлись «серьёзным аргументом» при решении важных вопросов международной политики и одновременно рассматривались «как одна из форм репарации с побеждённого противника», так как восстановление разрушенного народного хозяйства требовало активной трудовой деятельности, Ходяков констатирует: «Анализ уровня жизни граждан СССР тех лет свидетельствует о том, что недостаток продовольствия, медикаментов, тёплой одежды для иностранных военнопленных был обусловлен не злонамеренной политикой советского руководства, которое якобы и не планировало улучшения положения узников войны, а суровой действительностью. В условиях истощения материальных ресурсов

государства военнопленные просто не могли рассчитывать на другое отношение к себе» (с. 246). Своё суждение автор подтверждает примерами, сообщая читателям не только о конкретных результатах труда заключённых, но и о цифрах их «среднедневного заработка» в лагерях Эстонской ССР (с. 99). Едва ли о «бесчеловечных» условиях труда свидетельствовало наличие в лагерях операционных, в которых — при царившей в стране в 1945 г. разрухе — тяжёлобыльным осуществлялось переливание крови и «производились даже сложные операции». А центральный лазарет лагеря № 289 «без преувеличения представлял собой современное лечебное учреждение с отделениями (хирургическим, терапевтическим и инфекционным), имелся там и «прекрасный бассейн для купания» военнопленных (с. 140–141). В 1946 г. «в лагерях Эстонии были образованы даже стоматологические кабинеты» (с. 141). «Культурно-массовая работа» в местах заключения предусматривала проведение концертов, литературных вечеров, шахматных турниров и футбольных матчей, а также трансляцию радиопередач и демонстрацию кинофильмов (с. 155–156). Сложно, конечно, даже и представить, чтобы в нацистской Германии советским пленным позволили создать джазовую группу и музыкально-художественный ансамбль, предоставив все необходимые музыкальные инструменты (рояль и пианино, 5 аккордеонов, 5 кларнетов, 3 саксофона, 43 скрипки, 12 виолончелей, 8 контрабасов и т.д.) (с. 156). Вряд ли, впрочем, и в системе ГУЛАГа *советские граждане* содержались лучше, чем иностранцы.

Однако, разумеется, лагерь оставался тюрьмой, а не курортом, и заключённые естественно стремились оставить его как можно быстрее. Ходяков обстоятельно и дотошно исследовал попытки побега, каждая из которых являлась делом крайне «рискованным и опасным»: только в Эстонии по меньшей мере 98 военнопленных погибли при бегстве или задержании, отнюдь не единичными были и случаи самосуда со стороны конвойных войск (с. 122–125). К побегам заключённых подталкивала масса причин, и прежде всего — слабая укомплектованность «лагерей (особенно в 1945–1946 гг.) личным составом, тяжёлые условия жизни и работы, отсутствие регулярной почтовой связи с родными и близкими, боязнь наказаний за те или иные поступки, отсрочка репатриации, влиявшая на их моральное состояние» (с. 126). Несмотря на все старания республиканских органов внутренних дел и начальников управлений лагерей, побег «не прекращались до момента завершения процесса

репатриации» (с. 127). К этому времени из 73 194 узников войны, прошедших через учреждения НКВД–МВД ЭССР, умерли «от болезней, недостаточного питания и тяжёлых условий труда 3 490 человек (4,8%)». При этом в целом смертность иностранных военнопленных в лагерях СССР составляла 15% (с. 173).

Новую монографию М.В. Ходякова, безусловно, можно назвать одним из самых основательных исследований по истории плена периода Второй мировой войны, вышедших за последние десятилетия в нашей стране. Несомненным украшением работы являются интереснейшие статистические данные, сведённые в таблицы, подтверждающие наблюдения автора. Исключительно интересны и фотографии, подавляющее большинство которых извлечено из архивохранилищ или частной коллекции известного историка В.А. Иванова.

Несмотря на солидную академическую манеру, характерную для петербургской исторической школы, книга написана прекрасным литературным языком и несомненно найдёт своего читателя.

Примечание

¹ См., в частности: *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета.* Сер. История. 2010. № 2. С. 14–23; *Иванов В.А., Ходяков М.В.* Медико-санитарное обслуживание военнопленных на территории Ленинграда и области в 1944–1949 гг. // *Военно-*

исторический журнал. 2011. № 11. С. 39–44; *Ходяков М.В., Чемакин А.А.* Денежное обращение в советской зоне оккупации Германии. 1945–1948 гг. // *Новейшая история России.* 2012. № 1(3). С. 153–165; *Ходяков М.В.* Деньги и «чёрный рынок» в лагерях иностранных военнопленных Эстонской ССР. 1945–1949 гг. // *Новейшая история России.* 2012. № 3(5). С. 180–196; *Hodjakov M.* Välismaalastest sõjavangid Kreenholmi puuvillaladudes. 1945. Aasta // *Tuna.* 2013. № 3. Lk. 101–108; *Ходяков М.В.* Побег иностранных военнопленных из лагерей НКВД–МВД Эстонии в 1945–1949 гг. // *Новейшая история России.* 2013. № 2(7). С. 228–249; *Ходяков М.В.* «Эти братья МВД много хуже, чем было наше гестапо»: Настроения военнопленных в лагерях Эстонской ССР в 1948 г. // *Новейшая история России.* 2013. № 3(8). С. 261–275; *Ходяков М.В.* Переписка иностранных военнопленных в лагерях НКВД–МВД Эстонии во второй половине 1940-х гг. // *Новейшая история России.* 2014. № 2(10). С. 39–55; *Иванов В.А., Зиборов В.К., Ходяков М.В.* «Кадры решают всё!» Блокадные записки сотрудника НКВД. 1942 год // *Новейшая история России.* 2015. № 2(13). С. 246–276; *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Продовольственная комиссия Военного совета Ленинградского фронта в 1942 г. // *Новейшая история России.* 2016. № 1(15). С. 8–21; *Гаврилова О.А., Ходяков М.В.* Изготовление продовольственных карточек в блокадном Ленинграде. 1941–1943 гг. // *Новейшая история России.* 2016. № 2(16). С. 44–67; *Ходяков М.В.* Агентурная работа НКВД–МВД в лагерях иностранных военнопленных Великой Отечественной войны // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета.* Сер. История. 2016. № 2. С. 139–149.

Александр Фокин

Рец. на: Последнее десятилетие социализма: Трансформационные процессы в ГДР и в Советском Союзе. Сборник статей. М.: Новый хронограф, 2016. 464 с.

Alexandr Fokin

(Chelyabinsk State University, South Ural State University, Russia)

Rec. ad op.: Poslednee desiatiletie sotcializma: Transformatcionnye protsessy v GDR i v Sovetskom Soiuze. Sbornik statey. Moscow, 2016

DOI: 10.31857/S086956870001947-2

У рецензируемого сборника, посвящённого изменениям, происходившим в СССР и ГДР в 1980-х гг., долгая история. Его основой явилась конференция, прошедшая летом 2013 г. в Тутцинге (Германия), однако он увидел свет лишь в конце 2016 г. Российская часть редакционной коллегии находилась в Челябинске, немецкая же была разделена между Берлином и Тутцингом, а печатался сборник в Москве. Даже в нашу эпоху развития коммуникаций это сказалось на скорости подготовки книги, а также на технических моментах. Так, вызывает вопросы название. В выходных данных по-русски оно приведено как «Последнее десятилетие социализма: Трансформационные процессы в ГДР и в Советском Союзе: сб. ст.», на обложке и в немецких выходных данных появляется дополнение «1985–1989/1991», а если заглянуть на последнюю страницу, то сборник статей превращается в коллективную монографию. Несколько озадачивают и хронологические рамки. Хотя следует оговориться, что само словосочетание «последнее десятилетие социализма» является метафорой, поэтому в одном случае отсчёт начинается с 1982 г., в другом – с 1985 г.

Яркая черта сборника – билингвизм. Первая часть (с. 11–227) – тексты на русском языке, вторая (с. 228–437) – на немецком. Это выигрышная особенность, поскольку увеличивает аудиторию потенциальных читателей. Книга разбита на пять проблемных блоков: «Поздний социализм: новейшие аналитические подходы и состояние исследований», «Системная трансформация в ГДР и СССР», «Экономика в трансформационную фазу», «Общество и идеология в последнее десятилетие социализма» и «Потребление и повседневность в 1980-е гг.». Такой подход

позволяет создать фрагментарную, но многоплановую картину исследуемого периода.

Сборник выявляет специфику изучения позднесоветского периода в современной историографии. Одной из главных проблем является его второстепенность по сравнению с другими эпохами советской истории. Если на конференции по 1917 г. или истории сталинизма подаются сотни заявок, то специалистов, занимающихся изучением позднего СССР, даже с учётом хрущёвского, брежневского и горбачёвского периодов, можно пересчитать по пальцам. По данной причине значимым явлением становится каждая попытка обозначить контекстуальную рамку эпохи. Вдвойне интересно, когда авторы стремятся дать сравнительный анализ на базе материалов ГДР и СССР, тем более что объединение Германии и распад Советского Союза невозможно изучать в отрыве друг от друга.

Однако небольшое количество специалистов обуславливает отсутствие широкой дискуссии и неотрефлексированность подходов, концепции и языка описания. Основные термины, использующиеся для обозначения послевоенных периодов, такие как «оттепель», «застой», «перестройка», пришли в учебники, статьи и монографии из идеологических текстов и публицистики и изначально задают определённую оптику. Возможно, для сохранения историографической традиции их можно и сохранить, но необходимо серьёзно проработать. Пока этого не произошло, наблюдаются контрастные подходы к описанию «последнего десятилетия», которые в том числе представлены и в рецензируемом сборнике.

Например, поскольку 1980-е гг. не так далеко отстоят от нашего времени, ещё

вполне активны многие участники событий, которым кажется заманчивой идея представить свой личный опыт как слепок эпохи. Преимуществом такого подхода является возможность зафиксировать неформальные практики, которые редко попадают в официальные документы, но играют важную роль в повседневной жизни. Другой подход — исследовать отдельные примеры (одной гостиницы или одного сектора экономики) и через анализ локальных процессов понять общие закономерности эпохи. Третий подход, на мой взгляд, самый непродуктивный на данном этапе, заключается в воспроизводстве традиционного политического нарратива — с перечислением указов, выступлений на партийных съездах и т.п. Это, конечно, обязательный элемент исследования эпохи, но ограничение формальными моментами даёт слишком простые ответы на вопросы, создавая малоинформативную, плоскую картину.

Сборник начинается статьями О.Ю. Никоновой и О.С. Нагорной, в которых даётся обзор исследований о позднесоветском обществе и ГДР. Сравнивая два историографических потока, можно отметить разницу как в количестве, так и в качестве работ. Если история позднего СССР только ждёт формирования «понимающей историографии» и расширения эмпирической базы, то применительно к ГДР этот этап уже пройден. Сейчас авторы ищут новые подходы — например, пытаются вписать её историю в глобальные нарративы, преодолев тем самым локальный статус изучаемого объекта. Как и большинство историографических работ, эти статьи обязательно найдут своего читателя, поскольку являются ориентиром при знакомстве с литературой. Наверное, единственным замечанием к первому разделу является отсутствие должного внимания к англоязычным работам.

Во втором разделе представлены три статьи: «Дорога, уводящая от насилия, дорога, ведущая в насилие» Я.К. Берендса, «Крах системы в ГДР и в Советском Союзе после 1985 г.» М. Моммзен и «Противодействовать трансформации? Горбачёв и крах ГДР» М. Майера. На мой взгляд, это самая слабая часть сборника. Авторы обобщают уже известные данные, но не создают принципиально нового. Возможно, это связано с тем, что главная фигура статей — М.С. Горбачёв, без которого, конечно, невозможно обойтись при изучении падения социалистических режимов. Основной акцент делается на его публичные выступления и знаковые события эпохи, что не является в полной мере классической политической историей.

Чувствуется, что статьи ориентированы на читателя, незнакомого с советской историей и событиями 1980-х гг., поэтому авторы считают своим долгом дать их общий обзор.

Одновременно с этим, впрочем, они ставят, как представляется, важные проблемы. Российскими авторами история СССР традиционно воспринимается как часть «большой национальной истории» и самодостаточное явление. Однако Берендс, например, отмечает, что неправомерно анализировать перестройку как изолированный период, его невозможно понять вне контекста процессов, шедших в странах восточного блока, и ранних событий, таких как вторжение в Прагу и политический кризис в Польше. Это лишний раз показывает разницу между отечественной и зарубежной историографией: если в первой мы находим богатый фактический материал, то концептуальные модели в основном появляются во второй.

Про экономику в третьем разделе пишут Х. Кнорц («Недостаток рабочей силы и интенсификация трудовых процессов в последнее десятилетие социализма») и Р.Г. Кирсанов («Финансовая система ГДР и СССР»). Вопрос об эффективности экономической модели восточного блока является острым в силу того, что связан и с повседневным опытом существования значительной части населения в условиях дефицита, и с идеологическим противостоянием социализма и капитализма. Советская модель базировалась на возможности экстенсивного роста, хотя, как обращает внимание Кнорц, к 1980-м гг. значительных резервов для такового уже не было и, например, в ГДР к работам привлекали студентов и солдат. Ещё один момент — в позднесоветский период оформился негласный социальный контракт между властью и населением, важной составляющей которого являлся определённый уровень жизни. Следовательно, с одной стороны, власти необходимо было поддерживать его, с другой, — для этого уже не было ресурсов.

Небольшая статья Кирсанова касается довольно узкой проблематики трансформации банковского сектора, однако это одна из самых цельных статей сборника, ибо в ней показаны процессы, шедшие параллельно в СССР и ГДР. Так, по мысли автора, реформа банковской системы оказалась необходимостью для всех стран соцлагеря. Но если в СССР были допущены серьёзные ошибки (в частности, союзные республики получили возможность создавать кредитно-денежные системы, что ускорило процесс распада), то в Германии, наоборот, происходил процесс централизации, и в результате банковская система Восточной Германии оказалась от-

носителем безболезненно интегрирована в экономику ФРГ.

Четвёртый раздел оказался самым обширным. В него вошли четыре статьи: «Тревожно, но социализм снова на пороге?» Дебаты западногерманских левых в СССР и ГДР в 1985–1991 гг.» К. Шидата, «Кризис и распад в СССР системы пропаганды и информирования о странах советского блока на примере ТАСС» П.Г. Черёмушкина, «Перформативная переменная или дифференциация? Последнее поколение СССР и ГДР и конец государственного социализма» Ф. Бенекерта и «Сила и слабость общественной критической рефлексии в годы перестройки» А. Шор-Чудновской. Авторы затрагивают проблематику не столько производства идеологии, сколько восприятия обществом официального дискурса. Представляется, что наиболее удачно это удалось осветить Шидату и Бенекерту. Первый затрагивает крайне интересную тему и включает в разговор о восточном блоке ещё одного игрока – ФРГ. Постфактум утверждается идея, что на Западе многие предчувствовали неизбежный крах социализма и готовились к нему, что такая точка зрения являлась универсальной. Второй через анализ выступлений и статей в журналах показывает, что левые в ФРГ предлагали и другие взгляды на реформы в СССР и восточном блоке. Это важное замечание, поскольку демонстрирует многовариантность восприятия перестройки как на Западе, так и на Востоке. Впрочем, западногерманские левые довольно быстро перешли от надежд на формирование в СССР нового, «настоящего» социализма к разочарованию в действиях Горбачёва, а крах советской системы для многих означал поражение всего левого движения. Кроме этого, в своём тексте Бенекерт, опираясь на концепцию «перформативного сдвига» А. Юрчака – одну из ведущих на данный момент – анализирует общество ГДР и стремится расширить антропологический подход за счёт поколенческого анализа.

В противовес статьям немецких исследователей материалы Черёмушкина и Шор-Чудновской в большей степени могут быть отнесены к жанру научной публицистики, ибо в них прослеживаются опора на личный опыт и выраженная идеологическая позиция. Подобные тексты интересны как свидетельство эпохи, демонстрирующее личную включённость в описываемый процесс, но аналитическая составляющая явно оставляет желать лучшего.

Последняя часть сборника посвящена теме, наиболее активно изучаемой сейчас

применительно к послевоенной истории, – повседневность и потребление. Её составляют статьи «Параллельный мир моды. Многогранные процессы эрозии в поздней ГДР на примере альтернативной культуры» А. Праузе, «Осень “Интуриста”: идеология, рекреационная стратификация и “теневая” экономика в последнее советское десятилетие» А.Д. Попова и «От политической бдительности к “разумной общительности”: советский выездной туризм в 1980-е годы» И.Б. Орлова. Первая публикация вызывает особый интерес не только сама по себе, но и обилием иллюстративного материала, демонстрирующего мир неформальной моды ГДР. Последнее десятилетие социализма породило обилие субкультурных и контркультурных движений как в ГДР, так и в СССР. Развитие потребительского ожидания при невозможности официальной индустрии удовлетворить спрос привело к активизации альтернативных моделей. Так, в ГДР в 1988 г. было зафиксировано 300–400 независимых модных групп, что демонстрирует как потерю контроля со стороны государства, так и уровень запросов, прежде всего, среди молодёжи. Так происходила замена идеологических установок на потребительские.

Попов и Орлов в 2016 г. выпустили совместную монографию, посвящённую выездному туризму в СССР. В 2013 г. же они проверяли свои концепции. Первый, используя документы крымского отделения «Интуриста», показал, как менялась данная организация. Эти изменения свидетельствуют о трансформации всей советской системы. В системе «Интуриста» создаются полузакрытые заведения, доступ в которые определялся принадлежностью или к привилегированным слоям общества, таким как политическая или творческая элита, или к иностранным гражданам. Но постепенно в число «допущенных» вошли люди сомнительной, с точки зрения советской идеологии, репутации, символическое воплощение которых – криминальный авторитет Крымов из фильма «АССА», демонстрирующий, что деньги – более значимый ресурс, чем телефонное право. Явно сознавая потерю части своих привилегий, С.В. Михалков опубликовал в «Правде» стихотворение, которое приведено в статье и, думаю, доставит удовольствие каждому читателю. Орлов, в свою очередь, описывает общую ситуацию с выездным туризмом, определяя, какие правила существовали касательно выезда за границу и в какие страны ездили чаще всего. Но если в статье Попова используется традиционный подход к изучению истории повседневности,

когда через малое даётся образ большого, то у Орлова туризм является самодостаточным объектом изучения.

В заключение отмечу, что к достоинствам сборника следует отнести прежде всего разнообразие тем. Фактически представлено каждое тематическое направление, которое разрабатывается применительно к позднесоветскому периоду. При этом сборник не претендует на то, чтобы «закрыть» какую-то тему, а наоборот, призывает к критике и диалогу. Если же говорить о минусах, то главный — фрагментарность. За исключением историографического сегмента почти

нигде не получилось сопоставить процессы в ГДР и СССР. Сюжеты из истории одной страны не дополняются анализом положения в другой. В результате читатель должен самостоятельно улавливать некий «дух времени» и выстраивать связи между различными текстами. Сборник выявляет парадоксальную ситуацию: в силу кажущейся понятности, небольшого исторического разрыва и наличия собственного опыта о позднесоветском обществе зачастую известно гораздо меньше и, главное, понять его сложнее, чем ранние периоды отечественной истории.

Милана Живанович

Рец. на: Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сборник статей / Научный редактор А.Ю. Полунов. М.: Модест Колеров, 2018. 304 с.

Milana Zivanovic

(Institute of contemporary history of Serbia, Belgrade)

Rec. ad op.: Rossiia i slavyanskiy mir v voynakh i konfliktakh XIX–XX vekov. Sbornik statey. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870001948-3

В 2014–2016 гг. российские и белорусские учёные, изучающие историю славянских стран Центральной и Восточной Европы и их взаимоотношения с Россией, провели серию научных мероприятий в Республике Беларусь. Одним из них стала организованная факультетом государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова при поддержке фонда «Русский мир» международная конференция, состоявшаяся в ноябре 2016 г. в Бресте.

В ней приняли участие историки из ведущих университетов, академических институтов и аналитических центров России, Белоруссии, Сербии и Словакии, обсудившие историю реформ второй половины XIX в. на территории Украины и Белоруссии, становление и развитие национального самосознания у славян в XIX–XXI вв. и роль современной историографии в его трансформации, влияние Первой мировой войны на судьбы славянства, основные тенденции политического развития славянских государств в межвоенный период и во второй половине XX в. Итоги конференции отразились в

сборнике статей «Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков». Как отметил в предисловии его научный редактор А.Ю. Полунов, «история славянского мира, расположенного на стыке различных культурно-цивилизационных зон, в сфере противоборства соперничающих друг с другом держав, издавна была насыщена противоречиями и столкновениями, здесь особенно бурно протекали процессы консолидации этноконфессиональных общностей и размежеваний между ними». Авторы статей, вошедших в сборник, размышляли прежде всего о том, «какими особенностями отличался (и отличается) процесс нациеобразования в славянском мире? Можно ли говорить о существовании славянского единства и, если да, в каких сферах оно проявляется наиболее отчётливо?». При этом они стремились «если не пересмотреть утвердившиеся в историографии и особенно в массовом сознании стереотипы, касающиеся этих вопросов, то существенно их скорректировать»¹.

Книгу открывает очерк А.А. Кривопалова, посвящённый роли фельдмаршала И.Ф. Паскевича, светлейшего князя Варшавского,

в событиях Русско-польской войны 1830–1831 гг., показавшей как сильные стороны, так и недостатки в организации императорской армии². В.Е. Воронин указал на «неудобные» аспекты польского восстания 1863 г., «о которых зачастую “не принято” вспоминать» в Польше. В частности, исследователь напомнил, что оно не получило поддержки крестьян, составлявших большинство народа, и уже поэтому не может считаться национальным, вопреки тому, как его пытаются интерпретировать в польской, а иногда и в российской историографии³. А.Ю. Бендин осветил участие римско-католического духовенства в восстании 1863 г., когда значительная часть клира призывала поляков к «священной войне» с Россией, объявляя её священным врагом Польши. Неудивительно, что после этого конфессиональная политика российских властей в регионе существенно изменилась⁴. Образ виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьёва в белорусском сегменте Интернета, где он нередко изображается как «враг Белоруссии», рассмотрен А.Д. Гронским⁵.

А.А. Загорнов раскрыл негативное влияние Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на проведение судебной реформы в Северо-Западном крае: расстроив финансы империи, она на пять лет отсрочила уже намеченное в 1877 г. введение Уставов 1964 г.⁶ О.Р. Айрапетов охарактеризовал действия русской дипломатии в период болгаро-сербской войны 1885 г. Данный конфликт, по мнению автора, отнюдь не сводился к военному противостоянию: «Это было столкновение великих национальных проектов, схватка народов, которые пользовались поддержкой и симпатией не только официальной России, но и всех сегментов русского общественного мнения». К.В. Шевченко убедительно показал, что восточная Галиция окончательно стала «бастионом украинского национализма» лишь после геноцида галицких русофилов во время Первой мировой войны, тогда как в XIX в. и «даже в первой четверти XX века» данная идеология ещё не доминировала в регионе⁸.

Пристальное внимание авторов сборника вызвали события Первой мировой войны. М. Даниш дал обстоятельный обзор словацкой историографии, свидетельствующий о существенном влиянии идей национализма и коммунизма на память общества о Великой войне и словацком сопротивлении в XX в. При этом, говоря о позиции общественных и политических деятелей Словакии в 1914–1918 гг., он отметил, что трения между чехами и словаками возникали ещё в ходе борьбы за независимость от Австро-Венгрии⁹. Д. Денда

привёл данные о потерях сербского народа в 1914–1918 гг., включая раненых и убитых солдат и офицеров Сербии, военнослужащих австро-венгерской армии сербского происхождения, интернированных гражданских лиц и др.¹⁰ Ф.А. Гаيدا изложил представления российских радикальных либералов о целях мировой войны и надежды кадетов на то, что в ходе боевых действий власть будет вынуждена пойти на значительные уступки оппозиции и это, в свою очередь, приведёт к изменению политического строя империи¹¹.

М.А. Колеров, рассматривая процесс национального строительства в западных регионах СССР и политику «коренизации», которую он именует «Анти-Аншлюсом», утверждает, что большевики стремились «заменить государственную независимость как форму национального самоопределения на государственность в составе советской конфедерации». По словам исследователя, на протяжении всей истории СССР в его руководстве доминировал «пафос строительства национальных государств вокруг русского союзного центра». В зависимости от обстоятельств, эти усилия могли носить как наступательный, так и оборонительный характер – использоваться как инструмент мировой революции или служить ответом на враждебные действия Польши, Финляндии и Румынии¹². А.И. Колпакиди собрал малоизвестные сведения о белорусах – сотрудниках органов военной разведки СССР, участвовавших в знаменитых боевых операциях¹³.

Г. Милорадович написал «войну на экране», выявив взаимосвязь политики с кинематографом в 1941–1991 гг. Так, анализ фильмов, снимавшихся в послевоенной Югославии, позволил автору сделать выводы о внутренней и внешней политике страны, которой приходилось лавировать между НАТО и Организацией Варшавского договора, и наглядно продемонстрировать, как развивался процесс политизации и идеологизации кинематографа¹⁴. А.Ю. Тимофеев на основании воспоминаний военных-интернационалистов, а также опубликованных и архивных документов проследил влияние СССР и советских спецслужб на партизанскую войну в Югославии: подготовку югославских коммунистов, проходивших обучение у советских инструкторов и воевавших затем в Испании (ветераны «испанцы» находились в 1940-е гг. во всех краевых партизанских штабах), организацию их переброски на Балканы в 1941 г., действия Коммунистической партии Югославии, получавшей указания от Исполкома Коминтерна. Как заключает исследователь, школа, пройденная в СССР, который в 1930-е гг. фактически являлся лидером по

овладению подрывными и диверсионными технологиями, во многом помогла руководителям партизанского движения добиться успеха. В то же время советско-югославские контакты во время войны отнюдь не ограничивались содействием боевым операциям. Тогда же были установлены и официальные отношения между Народно-освободительным движением Югославии и Советским Союзом, хотя это произошло сравнительно поздно — в 1944 г.¹⁵

Историческая память польского общества о Восточных Кресах (западных территориях нынешних Белоруссии и Украины, входивших в состав Польши в 1918–1939 гг.) анализируется А.А. Киселёвым. По его наблюдениям, в современной Польше её носителями являются в основном активисты «профильных» общественных организаций, объединений «кресовян» и их потомков, общественно-политические деятели, СМИ, работники системы образования¹⁶. Общественное мнение балканских народов и их отношение к Евразийскому союзу и перспективе сближения с ним отражены в статье З. Милошевича, изучившего представления жителей полуострова о роли на международной арене российского президента и значении в мире России как государства и русского народа¹⁷.

Охватывая широкий спектр проблем, связанных с историей России и славянских стран Центральной и Восточной Европы, сборник, безусловно, вносит значительный вклад в историографию и будет востребован специалистами.

Примечания

¹ Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сборник статей / Науч. ред. А.Ю. Полунов. М., 2018. С. 5–6.

² *Кривошолов А.А.* Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русско-польская война 1830–1831 гг. // Россия и славянский мир... С. 11–29.

³ *Воронин В.Е.* О «неудобных» аспектах польского восстания 1863 г. // Россия и славянский мир... С. 30–42.

⁴ *Бендин А.Ю.* Власть и католическое духовенство Северо-Западного края в период вос-

стания 1863 г. // Россия и славянский мир... С. 43–61.

⁵ *Гронский А.Д.* Образ генерал-губернатора М.Н. Муравьёва в белорусском интернет-дискурсе // Россия и славянский мир... С. 62–77.

⁶ *Загорнов А.А.* Проведение судебной реформы в белорусских землях и русско-турецкая война 1877–1878 гг. // Россия и славянский мир... С. 78–88.

⁷ *Айранетов О.Р.* Россия между Болгарией и Сербией в 1885 г. Первая межславянская война нового времени // Россия и славянский мир... С. 89.

⁸ *Шевченко К.В.* От Галицкой Руси к Западной Украине. Галицко-русские деятели об украинском движении в Галиции в XIX в. // Россия и славянский мир... С. 118.

⁹ *Даниш М.* I Мировая война в современной словацкой историографии и политическом дискурсе // Россия и славянский мир... С. 139–165.

¹⁰ *Денда Д.* Сербский народ в I Мировой войне // Россия и славянский мир... С. 166–178.

¹¹ *Гайда Ф.А.* Русские радикальные либералы о целях России в I Мировой войне // Россия и славянский мир... С. 132–138.

¹² *Колеров М.А.* Анти-Аншлюс: «национальные государства» СССР против Польши (1920–1940-е гг.) // Россия и славянский мир... С. 179–208.

¹³ *Колтакиди А.А.* Белорусы в советской военной разведке // Россия и славянский мир... С. 209–232.

¹⁴ *Милорадович Г.* (пер. с сербского Г.Н. Энгельгардта). Война на экране. Югославские фильмы между НАТО и Варшавским договором // Россия и славянский мир... С. 264–284.

¹⁵ *Тимофеев А.Ю.* Влияние СССР на партизанскую войну в Югославии: от организации до победы // Россия и славянский мир... С. 233–263.

¹⁶ *Киселёв А.А.* Память о Восточных Кресах в польском общественном мнении // Россия и славянский мир... С. 285–291.

¹⁷ *Милошевич З.* Евразийская интеграция и общественное мнение в Сербии и других странах Балканского полуострова // Россия и славянский мир... С. 292–298.

Столетие Льва Никитича Пушкарёва

12 мая 2018 г. исполнилось 100 лет нашему ныне здравствующему коллеге и учителю Льву Никитичу Пушкарёву. Этот славный юбилей даёт повод сказать тёплые слова о человеке, с которым нам довелось работать, проходя школу академической науки и восхищаясь его мастерством и профессионализмом.

Родился Лев Никитич в 1918 г. в небольшом селе Лобаново Тульской губернии, но вскоре его семья переехала в уездный город Ефремов. Ему повезло расти в дружной семье провинциальных интеллигентов, в небольшом, окружённом садом уютном доме, стоявшем на высоком берегу реки Красивая Меча (приток Дона). В Ефремове его отец – талантливый крестьянин-самоучка Никита Кириллович Пушкарёв – работал главным бухгалтером на недавно созданном заводе синтетического каучука. Уйдя в зрелые годы с этого предприятия, он увлёкся мичуринскими идеями и посвятил себя садоводству. Мать Льва Никитича – Наталья Мефодьевна (в девичестве Королёва) – была учительницей. Она рано скончалась, после чего Никита Кириллович женился на её ближайшей подруге, тоже учительнице, Анне Ивановне Митропольской, внучке священнослужителя, принадлежавшей к одной из тех семей просвещённого духовенства, которые издавна пополняли ряды русской интеллигенции (среди её ближайших родственников были и видный экономист, и ректор Ленинградского университета). Воспитывая Льва Никитича, его старшего брата Бориса и младшую сестру Наталью, Анна Ивановна фактически заменила им мать.

Как и его брат, ставший впоследствии известным изобретателем в сфере железнодорожного транспорта, Лев Никитич прекрасно учился в школе, много читал, увлекался литературой. Страсть к ней была воспитана родителями: домашнюю библиотеку Никита Кириллович начал собирать ещё до революции, подписываясь на произведения русских классиков, издававшиеся как приложение к журналу «Нива» (в годы войны, заняв Ефремов, нацисты топили этими книгами печь, а сад, выращенный Пушкарёвыми, вырубил для установки орудий).

В 1936 г., окончив школу с похвальным листом, Лев Никитич поступил в Московский институт философии, литературы и истории, но вскоре ему пришлось перевестись в Московский индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта, где студентам предоставляли общежитие. Во время учёбы особый интерес у него вызывала литература немецкого романтизма, он неплохо освоил немецкий язык и обратил на себя внимание преподавателей – известного фольклориста В.И. Чичерова и литературоведа-медиевиста В.Д. Кузьминой.

В 1941 г., прервав учёбу, студент последнего курса Пушкарёв ушёл добровольцем на фронт и в ноябре уже оборонял столицу в рядах 3-й Коммунистической дивизии города Москвы. Впереди были долгие бои, награды, три ранения (одно из них тяжёлое), госпиталь. Последние годы войны Лев Никитич сражался на 2-м Белорусском фронте, пройдя боевой путь от Подмосковья до Штеттина. Там, на Одере, в мае 1945 г. он встретил Победу. На память о ратных испытаниях остались ордена Отечественной войны I степени и Красной Звезды, а также 19 медалей, включая самую дорогую – «За отвагу». Этот «солдатский орден» он получил за бой при освобождении небольшой деревушки в Калининской области в 1941 г.

Раз в году, в День Победы, коллеги и ученики Льва Никитича привыкли видеть его со всеми знаками отличия и нашивками за ранения. За празднич-

ным столом он непременно произносит тост за погибших товарищей. Близкие хорошо помнят его слова — фронтовика, убелённого сединами и отмеченного наградами: «Лучшие пали и лежат в земле». Не раз и сам Лев Никитич оказывался на краю гибели. Однажды его спасло увлечение немецким языком и умение читать готическую вязь: вызвали с передовой, чтобы прочесть документы из захваченной немецкой штабной машины, а когда он, выполнив задание, вернулся в расположение своей части, её уже не было — «в жарких боях полегли буквально все». Как-то он вспомнил про солдатские сапоги, спасшие ему жизнь в 1942 г. «Шли после одного из боёв по полю сражения солдаты, — рассказывал Лев Никитич, — один из них увидел на бездыханном бойце, полузасыпанном землёю от взрывной волны, хорошие сапоги. Польстился солдат на них, жизнь есть жизнь, а уж тем более жизнь фронтовая, стал стягивать те сапоги и тут понял, что тянет с живого... Это я и был». Потерявшего сознание Льва Никитича тот солдат осторожно откопал и отправил в госпиталь; врачи поставили диагноз: ранение (уже третье), контузия с потерей памяти. Но молодой организм справился. Со своим спасителем, оказавшимся крестьянином из-под Осташкова И.А. Скобелевым, с его женой и домочадцами Пушкарёв в дальнейшем многие годы поддерживал дружеские отношения.

Поразительно, но и во время войны Лев Никитич не терял связи со своими бывшими преподавателями. По совету Чичерова, он уже тогда занялся сбором фронтового фольклора: записывал мелким почерком на клочках бумаги частушки, присловья, удачные рифмы, придуманные солдатами, и отправлял их в Москву Кузьминой. Вместе с Чичеровым она снабжала своего ученика книгами, и это позволило ему в краткие периоды между госпитальными и сражениями подготовиться и сдать экстерном экзамены за последний курс института. Сделанные же им на фронте записи были бережно сохранены и затем возвращены вернувшемуся с фронта бойцу-филологу. На основе этого бесценного архива, включавшего также рассказы, песни, шутки и прибаутки товарищей по оружию, попадавшие на глаза надписи, сделанные фронтовиками на транспарантах, указателях дорог, на танках, железнодорожных вагонах и т.п., Пушкарёв в последующие десятилетия создал десятки статей, мемуарных заметок «бойца-добровольца» и книгу «По дорогам войны» (1995). В ней собраны свидетельства «неплакатных», подлинных настроений солдат, их отношения к войне, к Родине, к повседневной фронтовой жизни. С момента выхода в свет и по сей день эта книга привлекает внимание читателей и публицистов. Драматизм Великой Отечественной войны отразили пронзительно искренние фронтовые стихи Льва Никитича, опубликованные много лет спустя в сборнике «Вторая муза историка» (2003). Военная тема не отпускала его и в научном творчестве: как историк-медиевист Пушкарёв не раз писал о войне и мире в русском фольклоре и общественной мысли XVII—XVIII вв.

В 1945 г., демобилизовавшись, Лев Никитич поступил в аспирантуру на филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Его учителем стал выдающийся специалист по древнерусской литературе академик Н.К. Гудзий. Николай Каллиникович знал, что его аспирант после контузии страдает амнезией. Тем не менее, оценив его глубокие познания, он поверил в способность своего ученика справиться с недугом. С этого времени книжность Древней Руси, с её сложными аллюзиями и связями с культурой средневековой Европы, становится основным предметом исследований Пушкарёва. Вернувшийся с фронта с ранениями, ещё долго дававшими о себе знать, 27-летний аспирант благодаря целеустремлённости и твёрдости характера в 1949 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Повесть о Еруслане Лазаревиче». Основательность проделанной им работы подтверждают статьи и книга, напечатанная в 1980 г. и сразу нашедшая отклик и в нашей стране, и за рубежом (в немецком и польском научных журналах).

После защиты молодому кандидату филологических наук предстояло выехать по распределению в Нижний Новгород, но предназначенное для него место оказалось занято. Тогда в Министерстве образования Льву Никитичу предложили поработать в Москве и направили его, по заявке члена-корреспондента А.И. Яковлева, в Институт истории Академии наук СССР. Там готовилось издание документов XVII в. и требовался специалист, свободно читающий скоропись. Так случайность определила весь дальнейший творческий путь учёного, на несколько десятилетий связав его с Институтом истории СССР АН СССР (с 1992 г. — Институт российской истории РАН). В нём Лев Никитич вскоре получил должность учёного секретаря, а со временем стал ведущим научным сотрудником и членом учёного и диссертационного советов.

Первыми публикациями, над подготовкой которых трудился Лев Никитич, стали «Таможенные книги Московского государства XVII в.», вышедшие в 1950–1951 гг. в трёх томах, и «Рукописные сборники литературного характера Центрального государственного литературного архива СССР» (1954). Как археограф, автор вводных статей и редактор он работал над такими изданиями, как «Трёхсотлетие воссоединения Украины с Россией» (1954), «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.» (Т. 1–3, 1965–1970), «Материалы по истории СССР» (вып. 1–6, 1955–1957), «Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв.» (1962) и др. В полной мере его многолетний опыт скрупулёзного публикатора проявился при подготовке к печати тщательно проанализированной им уже в кандидатской диссертации повести о Еруслане Лазаревиче (её текст приведён в книге 1980 г.) и сочинения нечаевца И.Г. Прыжова «Декабристы в Сибири на Петровском заводе» (1985). В этом произведении каторжника-бытописателя, созданном по устным рассказам и собственным наблюдениям, сохранились переписанные Прыжовым пометки, оставленные И.И. Горбачевским на полях потерянного позднее экземпляра книги А.И. Герцена «14 декабря 1825 г. и император Николай». Посвящённую этим маргиналиям статью Л.Н. Пушкарёва, появившуюся в 1952 г. в «Вопросах истории», высоко оценила М.В. Нечкина. Считавшийся утраченным фонд Прыжова Лев Никитич обнаружил и вернул в научный оборот ещё в 1949 г. Нелёгкую и неблагодарную публикаторскую работу он всегда считал очень нужной и говорил: «Чи-то книги и личные оценки событий прошлого забудутся, а подготовленные документальные собрания будут служить не один год».

Много сил Лев Никитич отдавал описанию архивных коллекций и фондов, в том числе Музейного собрания в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека (РГБ)), древнерусских рукописей Пушкинского Дома. Исключительное значение сохраняет тщательно выполненное им археографическое и источниковедческое описание хранящихся в РГБ 35 списков Хронографа редакции 1512 г., снабжённое подробными комментариями. Этот труд, который Лев Никитич поначалу собирался защищать как докторскую диссертацию, увидел свет в 1983 г.

Между тем, погружаясь в первоисточники, Пушкарёв всё сильнее интересовался теоретическими проблемами археографии и источниковедения. Вместе со старшими археографами С.Н. Валком и А.А. Новосельским он участвовал в составлении изданных в 1955 г. «Правил публикации исторических документов», по которым затем работали десятки архивистов в разных городах страны. С конца 1950-х гг. Лев Никитич часто выступал с докладами на источниковедческих конференциях в Москве, на Украине, в Эстонии и Грузии. О значениях и формах критики источников он размышлял в многочисленных статьях, намечая подходы к блестяще защищённой им в 1970 г. докторской диссертации, положенной затем в основу его монографии «Классификация русских письменных источников по отечественной истории» (М., 1975). Этот труд, и сегодня не утративший своего значения, даёт чёткое и многогранное определение понятия

«исторический источник», анализирует виды систематизации источников в отечественной и зарубежной науке, предлагает стройную и оригинальную теорию их циклической и линейной классификации. Уже не одно поколение аспирантов, готовя источниковедческие разделы диссертаций, пользуется этой книгой, изданной более 40 лет назад, но по-прежнему востребованной и в России, и за рубежом.

Исследования Льва Никитича, филолога по образованию и историка-источниковеда по роду занятий, часто находятся на стыке и пересечении истории, литературоведения, этнографии, исторической антропологии и фольклористики. Освещая развитие общественной мысли, он рассматривает фольклор как важную часть русской духовной культуры и народного быта. Начиная с первой статьи — о закарпатском сказочнике Калине (1947), заслужившей похвалу Гудзия, Пушкирëв постоянно обращается к анализу традиционных говоров, пословиц, песен, поговорок, примет, сказок, лубочных картинок. В этих памятниках он справедливо видит ценнейшие источники, необходимые для изучения базовых категорий самосознания и картины мира русских людей XVII—XIX вв., эволюция которой отчётливо прослеживается в менявшихся со временем представлениях о труде, природе, Церкви.

Глубокое знание народной жизни органично сочетается в творчестве Льва Никитича с неизменным интересом к индивидуальному и, в частности, к судьбам общественно-политических деятелей (и в том, и в другом, видимо, сказывается давняя тяга к романтизму). Как уже отмечалось, ещё в молодости он увлечённо изучал биографию историка, этнографа, публициста и члена «Народной расправы» Прыжова, писавшего о нищих, пьянстве и кабаках, о Сибири, литературе Малороссии и т.д. Привлекала учёного и фигура революционного демократа и фольклориста И.А. Худякова. В нескольких статьях и очерках Пушкирëв анализировал идейные устремления Н.А. Некрасова и Н.Г. Чернышевского.

В 1970-е гг. основное внимание Лев Никитич уделял истории общественной мысли России XVI—XVIII вв. По заказу издательства «Молодая гвардия» он готовит биографический очерк о Симеоне Полоцком, вышедший в 1972 г. в популярной серии «Жизнь замечательных людей». Этот писатель и переводчик XVII столетия, в котором «старина с новизной перемешались», всегда вызывал у учёного интерес, лишь усиливавшийся вследствие того, что в советской историографии политические взгляды Симеона Полоцкого оценивались неоднозначно. Итогом многолетнего исследования стала фундаментальная монография «Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII в.» (1982), очерчивавшая представления как простых людей, так и элиты русского общества. Среди тех её представителей, чьи мысли были по-своему близки общим идейным установкам самого исследователя, заметно выделяется Юрий Крижанич, в котором Лев Никитич увидел разносторонне образованного и незаслуженно забытого автора со сложной судьбой и противоречивой репутацией у современников и потомков. В монографии «Юрий Крижанич: Очерк жизни и смерти» (1984) Пушкирëв вывел на первый план яркие идеи единства славянских народов, увлекавшие хорватского мыслителя, и его попытки создать общеславянский язык. Впоследствии Львом Никитичем была составлена вступительная статья к переизданию «Политики» (1997). Возвращение фигуры Юрия Крижанича в историю взаимоотношений славянских стран было немедленно замечено в Югославии, Польше, США и Германии, где появились сочувственные рецензии.

С 1980 г. изучение мировосприятия и самосознания людей XVII—XVIII вв. Лев Никитич продолжил в созданном в институте Секторе русской культуры дооктябрьского периода (сейчас — Центр по изучению отечественной культуры). Насыщенное и доброжелательное общение с коллегами способствовало выходу

новых его монографий «Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII вв.» (1994) и «Человек о мире и самом себе (Источники об умонастроениях русского общества рубежа XVII–XVIII вв.)» (2000).

Как учёный, Лев Никитич обладает редким умением, не упрощая, рассказать просто о сложном. Неудивительно поэтому, что его перу принадлежит немало глав в коллективных академических трудах, включая многотомную «Историю СССР», в вузовских учебниках и пособиях, излагающих различные аспекты культуры, общественной мысли, просвещения, педагогики, науки и литературы. Оставаясь академичным, кабинетным учёным в лучшем смысле этого слова, Пушкарёв вместе с тем тонко чувствует связь прошлого и настоящего. Он всегда откликался на важнейшие юбилейные даты, делая доклады на конференциях, публикуя источники и статьи о воссоединении Украины с Россией, культурных связях русского народа с Украиной, Молдавией и Валахией, народной памяти о Куликовской битве, о вхождении Сибири в состав России. Поддерживая широкие связи с исследователями из самых разных регионов Советского Союза (а затем и возникших на его территории государств), Лев Никитич в десятках рецензий основательно и критично разбирал результаты их творчества. Он был желанным и незаменимым автором Большой советской и Советской исторической энциклопедий, состоял в редколлегиях фундаментальных изданий, в том числе «Словаря русского языка XI–XVII вв.».

Все, работавшие с Львом Никитичем в институте, и особенно его ученики хорошо знают замечательные человеческие качества учёного, его выдержанность, исключительно внимательное и корректное отношение к людям, заметные уже при первом знакомстве, умение выслушать и особый талант поддерживать в молодых историках творческое начало. Долгие годы Лев Никитич руководил аспирантами, приезжавшими к нему буквально со всех концов страны – с Русского Севера, из Мордовии, Якутии и т.д. Один из его аспирантов хорошо помнит, как в 1980-х гг. Лев Никитич предстал перед ним совершенно седым, но далеко не старым человеком, подтянутым, аккуратным во всём – одежде, манерах, речи. Поражали его глаза – ясные, спокойные и в то же время пытливые. Как мастер он стремился передать своим ученикам любовь к источнику, умение писать яркие, эмоционально насыщенные работы. Тем же, кто начинал воспринимать исторических деятелей слишком импульсивно и односторонне, восхищаясь или осуждая, своевременно предлагал подыскать более сбалансированные оценки и воздержаться от обвинений, руководствуясь старой юридической формулой: «виновен, но заслуживает снисхождения». Уже тогда он учил ставить источник и факты выше любой, самой совершенной теории, идти в своих рассуждениях от знания о событии и чувства материала, находить ясные и чёткие слова для описания и толкования. Увлечение молодых исследователей новомодной модернистской терминологией, которое он на немецкий лад называл «гелертерством», т.е. «учёностью», вызывало у Пушкарёва иронию. Гораздо важнее, по его мнению, не упускать из виду предмет исследования. «Перечитайте собственный текст, – советовал он ученикам, – и попробуйте выявить его логику, тогда увидите отклонения». Когда же работа готова, предлагал избегать многословия: «Ну, вот, Вы уже доказали, достаточно, завершайте статью». Сетовавших на трудность писательства он успокаивал: «У всех так, писать легче станете после шестидесяти. Да Вы не переживайте: глаза боятся, а руки делают». Трудно найти другого человека, который понимает мир, людей, историю и культуру столь взвешенно и реалистично. Мудрость и деликатность суждений видны и в воспоминаниях Льва Никитича о работе с учёными, с которыми ему доводилось общаться, в его кратких биографических зарисовках, посвящённых Н.А. Горской, Б.Д. Грекову, А.А. Зимину, Р.К. Кикнадзе, В.Д. Кузьминой, Л.В. Черепнину, И.Я. Яковлеву и многим другим.

Доброжелательный и ироничный, умеющий быстро и остроумно ответить, никого не обижая и не задевая, он играл заметную роль и в неформальной институтской жизни. Его блестящий юмор нашёл выражение в знаменитых на всю Москву институтских капустниках второй половины 1950-х – 1960-х гг. и в зарифмованной саге «История института истории, или Повесть институтских лет в самом сжатом очерке». В них чувствуется как поэтический дар Льва Никитича, так и хорошее знание академической среды и её «кухни». В молодости, в 1950-х – начале 1960-х гг., он редактировал стенгазету «Советский историк», которая выходила на 3–5 ватманских листах, заполненных заметками и стихами, имевшими критический, а иногда даже весьма ядовитый подтекст. Сатирический эффект текстов усиливали карикатуры художника-источниковеда В.Б. Тельпуховского. Как только новый выпуск вывешивался на стене, к нему сразу же стекались научные сотрудники институтов, квартировавших тогда в здании на Волхонке – историки, экономисты, философы.

Умение Льва Никитича жить полной жизнью воплотилось в создании удивительной семьи, гостеприимного дома, открытого для друзей и учеников. Можно только радоваться тому, как на протяжении многих десятилетий здоровье Льва Никитича и его творческое благополучие оберегает замечательная, величественно-красивая супруга и столь же известный учёный – доктор исторических наук Ирина Михайловна Пушкарёва. Талант и любовь к науке родители передали дочери – доктору исторических наук Наталье Львовне Пушкарёвой, известной своими феминистическими исследованиями. Причастен к научной деятельности и их внук Артемий.

Творческий итог работы Льва Никитича составляет около 500 опубликованных трудов. В том числе – 9 монографий, 5 брошюр и пособий, более 200 проблемных и справочных статей, публикаций источников, рецензий и воспоминаний (подробную библиографию см.: Археографический ежегодник за 2007–2008 годы. М., 2012. С. 467–494).

Коллеги и ученики благодарны судьбе за встречу с прекрасным человеком – Львом Никитичем Пушкарёвым, за возможность совместного научного творчества и общения с одарённым российским интеллигентом, которого не одолели ветры минувшего столетия. Желаем ему и его близким всех житейских благ и крепкого здоровья.

О.Г. Агеева, А.Е. Иванов, А.М. Кантор

Исаак Соломонович Розенталь (1929–2018)

9 августа 2018 г. на девяностом году ушёл из жизни выдающийся отечественный историк, источниковед и археограф И.С. Розенталь. Исаак Соломонович родился 1 февраля 1929 г. в Минске в семье военного врача. В июне 1941 г. незадолго до оккупации города немцами семья Розенталей эвакуировалась в Бузулук Чкаловской обл. В 1946 г., с золотой медалью завершив обучение в бузулукской средней школе, Исаак Соломонович поступил на исторический факультет Московского городского педагогического института им. В.П. Потёмкина, который «с отличием» окончил в 1950 г. Свою трудовую деятельность он начал с должности библиотекаря студенческого городка «Дом коммуны» Министерства цветной металлургии СССР, а с 1951 по 1973 г. работал учителем истории и обществоведения средней школы № 587 (затем – № 32) Фрунзенского района Москвы.

Со студенческих лет Розенталь мечтал, по его словам, заниматься «большой наукой», посещал заседания в Институте истории АН СССР, познакомившись с сотрудниками сектора истории СССР периода капитализма, которым руководил тогда Л.М. Иванов. По совету доктора исторических наук М.С. Волина, Исаак Соломонович стал изучать историю профсоюзов и в 1965 г. защитил в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина кандидатскую диссертацию «Профессиональная печать и рабочее движение в России в годы нового революционного подъёма (1910–1914 гг.)». С 1960-х гг. он печатался в ведущих исторических журналах – «Вопросы истории», «История СССР» (впоследствии – «Отечественная история», «Российская история»), «Вопросы истории КПСС». Однако его неоднократные попытки перейти на работу в то или иное научное учреждение долго не имели успеха. Лишь в сентябре 1973 г. ему удалось устроиться в Центральный музей революции СССР. В 1987 г. он успешно защитил в Московском государственном историко-архивном институте докторскую диссертацию «Профессиональные союзы рабочих России: численность, состав, политическая ориентация (1905 – февраль 1917 г.)».

Именно Розенталю принадлежала идея подготовить и издать документальный сборник «Голоса истории», получивший широкий отклик в научных кругах. Вкус к публикаторской деятельности Исаак Соломонович сохранял на протяжении всей жизни, систематически публикуя свои архивные находки в журнале «Исторический архив». В 2001–2014 гг. он работал в Российском государственном архиве социально-политической истории, занимая должность главного специалиста Центра по разработке и реализации документальных публикаций федеральных государственных архивов.

Благодаря широте своих научных интересов И.С. Розенталь внёс значимый вклад в разработку целого ряда проблем российской истории и источниковедения. Им подготовлено уникальное издание «Профессиональные союзы рабочих России. 1905 г. – февраль 1917 г.: перечень организаций» (Вып. 1, 2. М., 1985), получившее признание среди отечественных и зарубежных учёных. В трудах Розенталю отразились новые подходы к характеристике рабочего класса в дореволюционной России, в частности его социального состава, политической культуры и самоорганизации, включая профсоюзы, пролетарские клубы и т.д.

Новаторство Розенталя проявилось и в исследовании феномена интеллигенции, к которому он обращался на протяжении всей своей жизни, рассматривая его в широком общекультурном, политическом и историко-психологическом контексте. Глубиной и свежестью отличался его подход к таким проблемам, как взаимоотношения интеллигенции с властью и рабочими, организационные формы российской общественности, её представления о революции и народе. Значимый вклад внёс Розенталь и в изучение становления и развития многопартийности в начале XX в., типологии политических партий, особенностей российского парламентаризма, масонства, либерализма и социализма, правого и левого радикализма и т.д. Историки высоко оценили подготовленные им совместно с Ю.Н. Амиантовым в серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие» фундаментальные документальные издания «Бунд. Документы и материалы. 1894–1921» (М., 2010) и «Конференции РСДРП 1912 г. Документы и материалы» (М., 2008).

Авторитет учёного обеспечил ему особое место в авторских коллективах энциклопедических изданий «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1977), «Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года» (Т. 1. М., 1994; Т. 2. М., 1996; Т. 3. М., 2000), «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь» (М., 1997), «Общественная мысль России XVIII – начала XX века» (М., 2005), «Общественная мысль Русского зарубежья» (М., 2009), «Экономическая история России с древнейших времён до 1917 года» (Т. 1. М., 2008; Т. 2. М., 2009), «Российский либерализм середины XVIII – начала XX века» (М., 2010), «Пётр Аркадьевич Столыпин» (М., 2011), «Революционная мысль России XIX – начала XX века» (М., 2013), «Россия в Первой мировой войне» (М., 2014), «Россия в 1905–1907 гг.» (М., 2016), «Россия в 1917 году» (М., 2017).

Мастер биографического жанра, Розенталь создал более 40 портретов партийных (преимущественно социалистических) лидеров в энциклопедиях «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» (М., 1996) и «Государственная дума России» (Т. 1. М., 2006). Книги о Н.В. Валентинове («Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников». М., 2015) и Р.В. Малиновском («Провокатор. Карьера Романа Малиновского» (М., 1994), «Провокатор Роман Малиновский: судьба и время» (М., 1996)), статьи, посвящённые В.Ф. Джунковскому, кн. В.М. Голицыну, Г.А. Алексинскому, Н.В. Давыдову, и др., по сути, возвращали в историю имена полузабытых деятелей прошлого.

Исаак Соломонович был признанным знатоком истории русской мысли и общественного движения. Его неизменно занимала «проблема двух столиц в истории России». О ней он размышлял в книге «Москва на перепутье. Власть и общество в 1905–1914 гг.» (М., 2004). Свообразным вкладом в «московедение» стали воспоминания историка «За синей птицей» (М., 2012). Вполне естественным было участие Розенталя и в подготовке энциклопедии «Санкт-Петербург» (СПб.; М., 2004). Для «Библиотеки отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века» Розенталь подготовил том «Владимир Ильич Ленин. Избранное» (М., 2010). Высоким уровнем историко-философского и культурологического осмысления проблем российской истории отличаются главы, подготовленные им для фундаментальных трудов «Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис» (М., 2014), «Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века» (Т. 2: Власть. Общество. Культура. М., 2011) и др.

Розенталь принадлежал к числу немногих авторов, обладающих собственным почерком историописания. Он выражался не в отвлечённых теоретических построениях и методологических приёмах, а в особом внимании к че-

ловеку и человеческому измерению масштабных социальных и политических процессов начала XX в. Повседневность российского мегаполиса накануне революционных потрясений, кружковую и клубную культуру XIX в. он старался увидеть глазами умных и рефлексировавших наблюдателей — кн. Голицына, Джунковского, Валентинова и др. Розенталь пытался понять их логику, стиль мышления. Вероятно, поэтому при подготовке энциклопедий именно его просили написать статьи о сложных и в то же время ключевых фигурах российской истории начала XX в., будь то Николай II или Ленин. Вместе с тем Розенталь делал свои, авторские акценты, скрупулёзно анализируя многослойные тексты, выявляя нюансы и оттенки их смыслов — порой малозаметные, но очень важные для понимая позиции его героев. Всё это позволяло ему выходить на важные, но не слишком популярные в исторической науке сюжеты, которые не просто «ухватить» привычными исследовательскими приёмами: общественное мнение, меняющиеся настроения публики, клубная и салонная культура, ярко освещённая в монографии «И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XX в.» (М., 2007), и т.д. Как правило, он выбирал проблемы, находящиеся на стыке различных областей исторического знания, всегда бережно обращался с источниками, давал им «высказаться», стремясь максимально использовать широчайший круг текстов, опубликованных и архивных.

Публикации Розенталя не только свидетельствуют о природном даре исследователя и его литературном мастерстве, отточенном до совершенства многолетней кропотливой работой в архивах и библиотеках, но и несут на себе «отпечаток» его Личности. Человек беспристрастный и объективный, принципиальный, чуждый какой-либо конъюнктурности, он допускал компромиссы исключительно в жёстких рамках «золотых правил» нравственности, был чужд нетерпимости, неизменно оставался требовательным, прежде всего к самому себе. Человек не суеты, но Сути, он проявлял глубокий интерес к тем, кто встречался ему на жизненном пути. Многие помнят его слова поддержки и сочувствия и благодарны Исааку Соломоновичу за бескорыстную помощь. Его многочисленные рецензии — красноречивое свидетельство искреннего и доброжелательного внимания к коллегам, сочетающегося с высочайшим профессионализмом и поразительной эрудицией. Учёный мировой известности Розенталь занимал достойное место в первом ряду российских историков.

Труды Исаака Соломоновича Розенталя, в которые вложено так много любви и таланта, будут жить и дальше, как и память об их авторе — удивительно добром, умном и отзывчивым человеке.

Друзья и коллеги

Наши авторы

Авдеев Александр Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, научный сотрудник Университета Дмитрия Пожарского, учитель истории школы «Интеллектуал»

Агеева Ольга Гениевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Базаров Борис Ванданович, доктор исторических наук, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ)

Бибиков Григорий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Бибикова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, профессор Школы филологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», экстраординарный профессор Института Центральной и Восточной Европы (Люблин, Польша)

Ватлин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Волвенко Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и филологии Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета

Гомбожапов Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ)

Горбатов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета

Гурьев Евгений Петрович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета

Гуськов Андрей Геннадьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Ерусалимский Константин Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Ефременко Дмитрий Валерьевич, доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН

Живанович Милана, сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград)

Иванов Анатолий Евгеньевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Кантор Александр Матвеевич, кандидат исторических наук

Комзолова Анна Альфредисовна, кандидат исторических наук

Комиссаров Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, профессор Ивановской государственной сельскохозяйственной академии им. Д.К. Беляева

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Конявская Елена Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Крадин Николай Николаевич, член-корреспондент РАН, временно исполняющий обязанности директора Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН (Владивосток); научный руководитель лаборатории археологии, антропологии и этнографии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ)

Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Медоваров Максим Викторович, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Мелентьев Фёдор Ильич, кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива Российской Федерации

Миллер Алексей Ильич, доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, заместитель директора Дирекции изучения истории МПГУ Московского педагогического государственного университета

Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Нолев Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории археологии, этнологии и антропологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ)

Оборнева Зинаида Евгеньевна, научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Плех Олеся Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель декана по научной работе факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Ульянова Галина Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Фокин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент Челябинского государственного университета и Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

Хорошева Анна Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России XX–XXI веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Шамин Степан Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Историк и источник

- Е.Л. Коняевская*
Смоленские Ростиславичи и их владения по раннему летописанию 3
- А.Г. Авдеев*
«Государь» или «господарь»? Об одном элементе титулатуры правителей Московской Руси 9

История власти

- А.Г. Гуськов*
Судебная деятельность Посольского приказа (на материалах второй половины XVII в.) 17

Народы и пространства

- Н.И. Никитин*
Взаимоотношения вольного казачества и Российского государства в XVI – начале XVIII в.: историографические подходы и исторические реалии 25
- А.А. Волвенко*
Казачество и конскрипция в 1860–1870-е гг. 36
- А.Э. Котов*
«Нравственный Кавказ» И.П. Корнилова 46
- Б.В. Базаров, А.Д. Гомбожапов, Е.В. Нолев*
Форпосты Российского государства на монгольском приграничье: от сибирских острогов до границы с империей Цин 60
- Н.Н. Крадин*
Скотоводческое хозяйство агинских бурят во второй половине XIX – начале XX в. 67
- А.В. Горбатов*
Буддисты и Советское государство в 1946–1960-е гг. 77

Россия и мир

- А.Ю. Ватлин*
Последние дни Германской империи в донесениях советского полпреда Адольфа Иоффе (октябрь 1918 г.) 89

Институты и общности

- А.В. Хорошева*
Деятельность Красного спортивного Интернационала в 1933–1937 гг. 105
- В.В. Комиссаров*
Главлит и научно-популярная публицистика в СССР во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. 116
- 235

Профессия и сообщество

<i>А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко</i> Политика памяти и историческая наука	128
<i>Л.В. Бибикова</i> С.Г. Сватиков и происхождение «Протоколов сионских мудрецов»	141

Диалог о книге

<i>А.Э. Котов. «Царский путь» Михаила Каткова</i>	158
<i>А.Ю. Полунов: В кругу Каткова</i>	160
<i>М.В. Медоваров: Сущность «катковизма»</i>	161
<i>А.А. Комзолова: Катков в окружении единомышленников</i>	166
<i>А.В. Мамонов: Бюрократия и Катков</i>	170

Обзоры и рецензии

<i>С.М. Шамин</i> – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 4: Указатели	177
<i>К.Ю. Ерусалимский</i> – В.В. Пенской. Очерки истории Ливонской войны: От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг.	182
<i>З.Е. Оборнева</i> – А.В. Беляков. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг.	185
<i>Г.Н. Ульянова</i> – Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени	188
<i>О.А. Плех</i> – Олонецкая губерния под управлением генерал-губернаторов в 1820–1830 гг.	192
<i>Г.Н. Бибиков</i> – Жандармы и «нравственный контроль» за жизнью русского общества	195
<i>А.С. Минаков</i> – Новая книга о князе В.П. Мещерском	197
<i>Ф.И. Мелентьев</i> – Друг царских сыновей	199
<i>Д.А. Андреев</i> – Атипичный консерватор	203
<i>А.Г. Васильев</i> – Р. Дмовский. Германия, Россия и польский вопрос	207
<i>В.В. Тихонов</i> – Этнические элиты в национальной политике России	212
<i>Е.П. Гурьев</i> – Военнопленные в лагерях советской Эстонии	215
<i>А.А. Фокин</i> – Последнее десятилетие социализма: Трансформационные процессы в ГДР и в Советском Союз. Сборник статей	218
<i>М. Живанович</i> – Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сборник статей	221

Столетие Л.Н. Пушкарёва	224
-----------------------------------	-----

Pro memoria

И.С. Розенталь (1929–2018)	230
Наши авторы	233

CONTENTS

Source studies

- E.L. Konyavskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Rostislavichi of Smolensk and Their Possessions in the Early Chronicle 3
- A.G. Avdeev (Saint Tikhon's Orthodox University, University of Dmitry Pozharsky, school «Intellectual», Moscow, Russia)*
«Gosudar» or «gospodar» About one element of the titulature of the rulers of Moscow Rus 9

History of power

- A.G. Guskov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Judicial activity of the *Posolsky Prikaz* (on the materials of the second half of the 17th century) 17

Peoples and spaces

- N.I. Nikitin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Mutual relations of the free Cossacks and the Russian state in the 16th – early 18th centuries: historiographical approaches and historical realities 25
- A.A. Volvenko (Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (Branch of the Rostov State University of Economics), Russia)*
Cossacks and konskription, 1860s–1870s 36
- A.E. Kotov (Saint Petersburg State University, Russia)*
«The moral Caucasus» of I.P. Kornilov 46
- B.V. Bazarov, A.D. Gombozhapov, E.V. Nolev (all – Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Ulan-Ude)*
Outposts of the Russian State on the Mongolian Frontier: from Siberian Stockades to a State Border with the Qing Empire 60
- N.N. Kradin (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Ulan-Ude; Institute of History, Archaeology and Ethnology, Russian Academy of Sciences, Far-Eastern Branch, Vladivostok)*
Pastoral economy of Aginsky Buryats in the second half of 19th – beginning of 20th centuries 67
- A.V. Gorbatov (Kemerovo State University, Russia)*
Buddhists and Soviet State in 1946–1960s 77

Russia and the world

- A.Iu. Vatlin (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
The last days of German Empire in reports of the soviet ambassador Adolf Joffe (October 1918) 89

Institutes and communities

- A.V. Khorosheva (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
The activities of the Red Sport International in 1933–1937 105
- 237

<i>V.V. Komissarov (D.K. Belyayev Ivanovo State Agricultural Academy, Russia)</i> Glavlit and popular science journalism in the Soviet Union in the second half of the 1960s and beginning of 1970s	116
---	-----

Professional community

<i>A.I. Miller (European University in Saint Petersburg, Russia), O.Iu. Malinova (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia), D.V. Efremenko (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Politics of memory and historical science	128
<i>L.V. Bibikova (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> S.G. Svatikov and the origin of the «Protocols of the Elders of Zion»	141

Discussing recent books

<i>A.E. Kotov. «Royal way» by Mikhail Katkov . . . . .</i>	158
<i>A.Yu. Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia): In the circle of Katkov . . . . .</i>	160
<i>M.V. Medovarov (Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia): On the Essence of Katkovism . . . . .</i>	161
<i>A.A. Komzolova (Moscow, Russia): Surrounded by like-minded people . . . . .</i>	166
<i>A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Bureaucracy and Katkov . . . . .</i>	170

Reviews

<i>S.M. Shamin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 4: Ukazateli	177
<i>K.Iu. Erusalimskiy (Russian State University for the Humanities, Moscow)</i> Rec. ad op.: V.V. Penskoj. Ocherki istorii Livonskoj voyny: Ot Narvy do Fellina. 1558–1561 gg.	182
<i>Z.E. Osborneva (V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: A.V. Belyakov. Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645–1682 gg.	185
<i>G.N. Ulianova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Rec. ad op.: Dvoriane Moskvy: svadebnye akty i dukhovnye zaveshchania petrovskogo vremeni	188
<i>O.A. Plekh (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Olonets province under the rule of the governors-general in 1820–1830	192
<i>G.N. Bibikov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Gendarmes and «moral control» over the life of Russian society	195
<i>A.S. Minakov (Moscow State Pedagogical University, Russia)</i> A new book about Prince V.P. Meshchersky	197
<i>F.I. Melentev (State Archive of the Russian Federation, Moscow)</i> Friend of the Tsar's sons	199
<i>D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> Atypical conservative	203
<i>A.G. Vasiliev (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Institute of Central-East Europe, Lublin, Poland)</i> Rec. ad op.: R. Dmowski. Germania, Rossiia i Pol'skiy vopros	207

<i>V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Rec ad op.: Etnicheskiye elity v natsional'noy politike Rossii	212
<i>E.P. Guriev (Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Russia)</i>	
Prisoners of war in the camps of Soviet Estonia	215
<i>A.A. Fokin (Chelyabinsk State University, South Ural State University, Russia)</i>	
Rec. ad op.: Poslednee desiatiletie sotcializma: Transformatsionnye protsessy v GDR i v Sovetskom Soiuze. Sbornik statey	218
<i>M. Zivanovic (Institute of contemporary history of Serbia, Belgrade)</i>	
Rec. ad op.: Rossiia i slavyanskiy mir v voynakh i konfliktakh XIX–XX vekov. Sbornik statey... ..	221
<hr/>	
Centenary of L.N. Pushkarev	224
<hr/>	
Pro memoria	
<hr/>	
I.S. Rozental (1929–2018)	230
Contributors to this issue	233

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.

Круглов В.Н., к.и.н. – Отдел Новейшей истории

Мамонов А.В., к.и.н. – Отдел Новой истории

Лисейцев Д.В., д.и.н. – Отдел Древней и Средневековой истории

Мамонова Е.В. – Заведующая редакцией

Шамина И.Н., к.и.н. – Литературный редактор

Мац А.Г. – Младший редактор